РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ОЛЬГА ГРЕЙГЪ

«ДОЛОЙ СТЫД!»

СЕКСУАЛЬНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И СТРАНА СОВЕТОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Чтобы изменить любое общество, достаточно изменить сущность Женщины, ее духовное и моральное предназначение. Эта книга о трансформации женщины «старой эпохи» в представительницу системы социализма, – процесс плановой деградации всех относящихся к прекрасному полу. Минул XX век – век парадоксов и сокрытых тайн. Автор не только приоткроет занавес в спальные комнаты Страны Советов, но и расскажет о событиях, до сих пор стоящих в ряду самых закрытых тайн прошлых лет.

Неизвестные факты биографий и общественной работы знаменитых большевистских деятелей; интимная жизнь пламенных революционерок; истинная роль партии и комсомола в деле разврата населения; сведения от начальника закрытого советского Института генетики и антропологии; роль товарища Сталина… в деле спасения страны от тотального разврата; проститутки из КГБ – это и многое другое вы найдете в книге известной писательницы Ольги Грейгъ.

- Ольга Грейгъ
  -
  - Предисловие
  - История 1. От комсомольской «горизонталки» до «строительницы коммунизма»
  - История 2. Фальшивые истории из жизни Крупской
    - 1. Большевистская легенда о народоволке
    - 2. Еще одно действующее лицо из официальной биографии
    - 3. Получила стресс? Выходи из тюрьмы!
    - 4. «Пан Ульянов всегда весел», даже если создает лагеря…
  - История 3. «Слияние Вани с Соней громадно усилит местную работу…»
  - История 4. Все, что полезно «для самой серой работницы»
  - История 5. Инесса, «горящий костер революции»
  - История 6. Секретная женщина, или Демократия тотального блуда
    - 1. XX век – время сокрытых тайн
    - 2. Телегония – миф или наука?
    - 3. Одиссей, Цирцея, Телегон
  - История 7. Великая Октябрьская Сексуальная

революция
    - 1. «Стыд – буржуазное прошлое советского народа!»
    - 2. Комсомол и «Эрос революции»
    - 3. Половые заповеди революционного пролетариата
  - История 8. Землячка демона Смерти
    -
    - 1. Страшно вообразить, на что способна большевичка
    - 2. Путем дьявольской голгофы
  - История 9. Философия и мода как средство деградации
    - 1. С черной дырой вместо гениталий
    - 2. В стиле «а-ля-рюс»
    - 3. Женщина? – Настоящий большевик!
  - История 10. Сиятельная Любовь в дневниках для Вечности
  - История 11. Народ и партия – едины! Принудительный труд – неизбежен!
    - 1. «Солдатки труда» в период «чистки населения»
    - 2. Концентрационные публичные дома
  - История 12. «Коммунизм – могила проституции!»
    - 1. «Все проститутки – дезертирки труда!»
    - 2. Красный Змий грехопадения
  - История 13. «Никогда и нигде в истории…»
    - 1. Репрессированная сексуальность
    - 2. «Поставьте в ряды красных каменщиков!»
  - История 14. Просто Клава
  - История 15. «Станьте моей… вдовой!»
  - История 16. «Русские невесты», или Stalin said yes and 35 happy!
  - История 17. Ласточки особого назначения
  - История 18. Вот тебе и «человек родился»…
  - История 19. «Того лучшего, к чему мы стремились, нет…»
  - Послесловие. Клары Цеткин, 13
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Ольга Грейгъ
«Долой стыд!». Сексуальный Интернационал и Страна Советов

© Грейгъ О., 2014
© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Предисловие

Вторая половина XIX – начало XX века в Российской империи стало временем великих открытий и великих перемен во всех сферах общественной и хозяйственной жизни. Имевшие место политические перемены на этом фоне выглядели бы нелепыми, если бы **не**… либеральный и даже сверхдемократический характер политики государства, дозволявший и, значит, определявший возникновение и проникновение враждебных, подрывных начал в Русском обществе.

Наряду с открытиями во всех областях науки, с изменением подходов к задачам науки, менялось и общественное мышление. Практически во всех сферах жизни наблюдался прогресс; в том числе и во взаимоотношениях мужчин и женщин. Только-только набиравшее силу феминистское движение еще было полно разумных идеалов и нечаянной радости от благотворительности и общественного труда. Однако ширился порочный круг свободомыслия, как *противостояния* существующему положению дел и принятым нормам морали, – круг, в который вовлекались и представительницы прекрасного пола.

Некоторые из современных отечественных философов признают, что последняя треть XIX века была для России не только эпохой великих реформ, но и временем сексуальной революции, потому что в стране совершалась радикальная ломка традиционных норм, запретов и ограничений в сфере сексуальных отношений. Однако, на мой взгляд, это утверждение неверно; конец XIX – начало XX века было подготовкой, преддверием сексуальной революции, которая грянет наряду с антирусской революцией 1917 года. Всей данной книгой я попытаюсь доказать эту мысль.

Но прежде чем приоткрыть занавес *в спальные комнаты Страны Советов,* нам надлежало бы ознакомиться с некоторыми нюансами взаимоотношения полов на Руси до означенных событий и роли Женщины в русской Истории.

По древней легенде Русское государство было основано варяжскими князьями Рюриком, Вещим Олегом, Игорем Старым, однако некоторые историки убеждены, что его создательницей следует считать жену князя Игоря, княгиню Ольгу. Которая после смерти мужа перешла к централизации власти через упорядочение сбора дани. Именно княгиня Ольга провела первую в истории Руси финансово-административную реформу. И она же, как истинная Женщина, – достойная славы **не** меньшей, чем у Клеопатры – показала *что́* стоят другие мужчины после потери

Возлюбленного.

Древние летописи сохранили подробности и о жизни этой уникальной женщины, и о языческой мести княгини Ольги за убитого мужа. «…муж твой был аки волк… а наши князья добри суть… Иди за князь Мал!» – предложили оставшейся без защитника красавице древляне. То были времена, когда не зазорно вдове выйти замуж за победителя. В ответ княгиня Ольга дозволила принести к ее терему сватов; у восточных славян передвижение посуху в ладьях означало высокие почести дорогим гостям. Но вся хитрость лишь для примера, – для того, чтобы кинуть послов в яму и закопать живыми, следуя приказу достойнейшей из жен. Второе посольство «мужей нарочитых», осмелившихся добиваться взаимности, было сожжено, и только после этого вдова Игоря отправилась к древлянам «сотворить трызну по мужу своему». Но и этот коварный ход принес свою выгоду: после тризны люди княгини Ольги напали на пьяных и «иссекоша их 5000». Княгиня Ольга стала править сама, отправлять посольство в Византию, показав все возможности женского правления.

Женщины в Древней Руси в отличие от тогдашних представительниц Западной Европы имели возможность наследования от мужа ли, отца. Есть летописные свидетельства, когда женщины наследовали не только земельные наделы, но города и даже целые княжества. К примеру, знаменитая Марфа Борецкая, или Марфа-посадница, получившая по смерти двух мужей власть почти над всей Новгородской территорией. Что давало возможность таким властительницам действовать самостоятельно на политической арене. Неудивительно, что женщины становились участницами всевозможных великокняжеских заговоров, смещали и сажали на трон своих ставленников. Та же Марфа-посадница, обладая и огромными земельными наделами, и несметным богатством, и властью, сама предложила брак своему соседу, Великому князю Литовскому. Этот политический альянс означал, что Новгород сохранил бы республиканский строй, но отошел к Великому княжеству Литовскому. Подобному развитию событий воспрепятствовал Иван Третий, он пошел войной и победил Новгород.

В период от зарождения Киевского государства и до возникновения Русского централизованного государства на рубеже XV – начала XVI века древнерусские женщины чувствовали себя относительно безопасно в социальном плане, ведь они были защищены законами. А понятие женской чести было незыблемо. За бесчестие женщины в средневековой Руси приходилось нести суровое наказание и платить штраф, причем

значительно больший, чем за бесчестье мужчины. Как говорят историки, женская честь в юридическом смысле ценилась значительно выше, чем мужская. Женщины имели также право выступать в суде, особенно если речь шла о судебном разбирательстве между двумя представительницами «слабого» пола. Они даже могли по слову суда решить исход дела путем… поединка, вступая в кулачный бой, как и мужчины. Древнее равноправие доказывает, что вклад женщины в российскую историю по значимости вполне сопоставим с мужским.

Примерно в XVI веке появилась идеальная модель праведного взаимоотношения полов, прописанная в «Домострое». Документ предписывал правила жизни для всех сословий и содержал три основных раздела: «О духовном строении» (нравственно-религиозные правила), «Наказ о мирском строении» (о взаимоотношениях членов семьи) и «О домовном строении» (как вести домашнее хозяйство).

Говорить, что «Домострой» заключал в себе лишь повелительные наказы для женщин по типу «да убоится жена мужа своего», – неверно. Главная книга человечества Библия содержит множество наказов устрашающего характера, однако мы считаем ее Книгой милосердия и любви. Вразумление не значит слепое повиновение, а лишь руководство к действию.

Русская семья, живущая по *домострою*, достойна самой глубокой темы исследования. Сущая ложь, когда говорят, что молодые люди вступали в брак насильно, по непреклонной воле родителей. Чаще всего жених и невеста знали друг друга с детства, у них проявлялся обоюдный интерес в той среде, в которой они обитали. С годами интерес перерастал в иной, включалось мужское и женское начало. Молодые люди подрастали, засылались сваты; их совместная жизнь начиналась с момента, когда на второй свадебный день показывалась простыня с кровью. Этот освященный традицией ритуал свидетельствовал, что девушка и юноша целомудренны. С того момента зачиналась интимная жизнь, и среда, в которой проходил быт супругов, способствовала совершенствованию настоящей интимной близости между ними. То есть, самой природой **не** было предусмотрено никаких иных, нечестивых поползновений; оба принадлежали друг другу «и в горе и в радости, и в счастии и в болезнях». В течение жизни супруги не приедались, не пресыщались друг другом, как это случится в XX веке, – иначе и быть не могло, потому как весь настрой, дух и само Православие нацеливали на единение двух начал: начала Мужчины и Женщины.

Таковые устои были характерны для всего населения

Российской империи. Эти люди, создававшие единое целое Русской Семьи, были уничтожены, а их мировоззрение и привычный уклад жизни разрушены.

Что же случилось в XX веке?

С захватом власти большевиками психика и генетика человека, проживавшего на 1/6 части суши, были подвержены жестокой богоборческой атаке и разрушены. Над населением России ставили чудовищные эксперименты, о которых нам пока еще мало известно, потому как все сведения об этом хранятся в спецхранах, в секретных архивах или вывезены за рубеж. Садисты и психопаты, получившие власть, проводили масштабные опыты над населением, над мужчинами и женщинами детородного возраста, над беременными, воздействовали на психику будущей роженицы и развитие плода, на генетику будущих поколений, которым предназначалась лишь одна роль: быть идеальными рабами, «строителями коммунизма». Для разрушения в массовых масштабах психики, физиологии и здоровья людей создавались спецотряды с тайной миссией, спецотделы, спецлаборатории и наркоматы.

Существующий в каждом из нас негатив, как это ни странно звучит, заложен на интимно-сексуальном уровне. Нас захлестывает чувство неудовлетворенности жизнью, личных неудач, провалов, – еще и потому что, как правило, мы **не** знаем первого мужчину и первую женщину, как мужа и жену, мы не живем с ними, пребывая в поисках все новых и новых партнеров… И накапливаем негатив, который перейдет нашим детям… детям их детей… *до бесконечности?*

Для того чтобы осознать это, надо хотя бы пройти теоретическую базу, накопить знания. И иметь природный интерес к этой основополагающей теме. Если интереса нет, – человек **не** может пробудиться, он замирает, **не** получая никакого развития.

История 1. От комсомольской «горизонталки» до «строительницы коммунизма»

Раньше женская-то жизнь —
Это слезы горькие.
А теперь у нас из женщин
Бригадиры бойкие.

Наша радость неоглядна,
Широко раздолье, —
Отыскали мы, девчата,
Наше счастье-долю.

Советские частушки

Русская Семья, незыблемо творимая на основах «Домостроя», могла быть основной ячейкой общества еще многие тысячелетия, если бы не негативные процессы, проникающие в Российскую империю снаружи и разлагающие ее изнутри.

Особое любопытство для нашего повествования представляет эпоха последнего самодержца ***Николая II*** (*1894–1917*) – самый уникальный период развития романовской России. В это время численность русского народа увеличилась на 62 миллиона человек и стала составлять более 190 миллионов. В канун Первой мировой войны 1914 года эта цифра перевалила за 200 миллионов. Такой **рост населения** был достигнут за счет высочайшего уровня жизни и существенно опережал рост населения Европы и США, – почти в четыре раза!

В 1895 году на каждую 1000 человек только православного населения рождалось 53 ребенка. Рождаемость среди иных вероисповеданий, в том числе католиков и мусульман, была в 1,5 раза ниже. Уровень смертности населения при последнем императоре резко снизился. Правда, начало XX века ознаменовалось повышением смертности новорожденных, однако в том не было ничего удивительного, – оно происходило в результате резкого увеличения рождаемости. Быстрому увеличению численности русского народа способствовали прочный быт, крепкая любящая семья и сохранение чистоты родословной каждой семьи. ***Главной основой, формировавшей***

высокий уровень рождаемости и чистоту русского народа, был род и его продолжение. По количеству венчаний и создания семей русские занимали **первое** место среди всех народов мира! Особенно высок был уровень создания семей у крестьянского сословия, – подавляющего большинства жителей империи, коих было аж 85 %.

Семейные отношения в России до 1917 года носили ярко выраженный патриархальный характер. Измена мужа или жены считалась грехом и осуждалась. Отношения двоих строились так, что *развод* практически исключался (был очень редким явлением), – и обществом, и Церковью (Святейшим Синодом) он признавался величайшим грехом. Так же, как и прерывание беременности. Закономерно, что русские семьи в XIX – начале XX века были многодетными. Количество рождений детей на одну женщину было близким к ее физиологическому пределу: прожившая в браке до 45–47 лет, женщина обычно без проблем рожала 10–12 раз.

В связи с резким ростом деторождения у правительства Николая II возникла необходимость решать вопросы перенаселения центральных губерний. Одновременно назрела пора приступить к разработке и использованию природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Все, казалось бы, благоприятствовало разрешению этих двух насущных проблем. Но прежде чем переселять миллионы людей, следовало решить вопросы продовольственного и иного обеспечения восточных регионов страны. В правительстве принимались новые грандиозные проекты, которые могли бы благоразумно организовать подобное грандиозное «перераспределение», необходимое уже в связи с тем, что избыток рабочей силы в европейской части империи составлял более 75 % от общего количества населения, жившего на западе страны. Специально для этой цели были созданы несколько банков, в том числе и Крестьянский банк, согласована уникальная программа электрификации, которая с захватом власти большевиками, станет известна как ГОЭЛРО (обычная практика политических преступников – захват не только чужой материальной, но и интеллектуальной собственности); предусматривалось свершить и другие, не менее масштабные проекты, которые наверняка получили бы определение *проектов века.*

Первое десятилетие XX в. ознаменовалось массовым переселением и обеспечением государственной поддержки. Были созданы *Переселенческие управления*, в компетенцию которых входило помимо прочего и снаряжение экспедиций для исследования почв, природных и других ресурсов тех мест, куда

предполагалось поселить людей. Всех желающих (но **не** насильно ссылаемых и переселяемых!) переехать на восток империя освобождала от налогов, выделяла безвозмездные ссуды, бесплатный проезд, по прибытии на место выделяли 45 га земли на семью, плюс на месте выдавалось еще и пособие в 200 рублей за счет казны. По всему Великому Сибирскому пути формировались имперские склады земледельческих машин (в начале XX века уже появились первые комбайны и трактора), продаваемых переселенцам по крайне низким ценам. За короткое время начала XX века на восток переселилось около 6 миллионов человек, а еще 5 миллионов, пользующихся такими же льготами, переселились на степной юг России.

В период царствования Николая II, до Первой мировой войны, было 30 городов с населением более 100 000, в семи городах проживало более 250 000 в каждом. Численность городского населения очень и очень незначительно прирастала за счет сельских жителей (при большевиках произойдет резкий крен, когда уничтожаемое властями крестьянство будет вынуждено искать лучшей доли и возможности выжить в городах). В Российской империи отсутствовала эмиграция русского населения в иные государства; в простом народе в чести был патриотизм, рьяно и нагло высмеиваемый разного рода *прогрессистами* и *интеллигентами*. Хорошо известна затасканная чеховская цитата об этих самых прогрессистах: вялых, ленивых, непатриотичных, посещающих пятидесятикопеечные бордели.

Высоко было благосостояние народа на рубеже веков. Многие сыны и дочери Отечества по желанию получали дополнительное образование в вузах Европы, в том числе (как их называли большевики) из низших сословий. При этом мысль, что можно расстаться с Родиной, до 1917 года была кощунственной, богохульной. Основной поток эмигрантов из империи составляли евреи (не являвшиеся коренным населением и имевшие некоторые ограничения), несколько меньше – поляки, а также государственные преступники всех мастей, из тюрем и ссылок бежавшие за границу. Вот они-то в первую очередь и несли русскому народу «просвещение», как надо *обустроить Россию без царя-батюшки.* Эти известные и в современной отечественной и в зарубежной истории как *«русские эмигранты»* организовывали всевозможные «Союзы спасения…», «Союзы освобождения…», «Союзы борьбы…», черные и другие «переделы», террористические кружки и подпольные группы, вовлекая в свои ряды все новых и новых членов, оболванивая людей, подвергая обструкции и осмеянию существующий «непрогрессивный» строй и «дикий» образ жизни. Их поддержали и отечественные

представители «прогрессивного» толка.

Русские женщины, до этого воспринимаемые в обществе как образцы удивительного нравственного совершенства, были попраны своим веком, когда вознамерились познать феминизм. Нам пытаются внушить, что в России не существовало культа девы, как, например, во Франции или «просвещенной Европе», а, значит, русский дворянин (и мужик) был груб и неотесан в поведении с прекрасной дамой. И при этом никто не делает скидок на национальные особенности, на поведенческую составляющую национального характера. Зачем стране культ недосягаемой идеальной прелести, *вожделенного несуществующего*, если каждая русская женщина – от царицы до крестьянки – в глазах мужчины есть образ и суть высочайшего нравственного совершенства, есть «гений чистой красоты». Вспомните: ни одна литература мира не создала таких психологически тонко выписанных образов женщин, как русская – это и Татьяна Ларина, и Наташа Ростова, и другие. Образы вполне реальных героинь, которые зарубежным литературоведам, к примеру, известной Барбаре Хелт представляются «образами ужасного совершенства». Отчего ужасного? Да оттого что они якобы уводили женщин от осознания собственных идеалов и собственной значимости, заставляя воплощать воспитанный Православием идеал «доброй жены», преданной, верной и надежной подруги и единомышленницы своему мужу. *Подобная роль представляется «ужасной» только той женщине, которая не испытала личного счастья и не усвоила, что нет большего идеала для женщины, чем реализоваться в семье!*

Царской России волею недоброжелателей приписали то, чего в ней никогда **не** было в той патологичной массовости, о которой твердят. *Вседозволенность* в отношениях мужчины и женщины, разложение и разврат были более характерны Франции, когда даже русские князья поражались свободе нравов, называя доступных дворянок ***«французскими горизонталками»***. К примеру, граф Сергей Дмитриевич Шереметев, вспоминая годы своей юности, пришедшиеся на 1860-е, с неизбывным удивлением говорил об одной из таких «горизонталок» из высшего общества, все еще, через годы, поражаясь этому явлению. Это в большевистской России отъявленные шлюхи смогут стать руководительницами, наставницами молодежи и даже послами, – немыслимое перерождение нравов! *Пьянство*, приписанное натуре русского человека, никогда **не** было хронической болезнью до установления власти большевиков. В эпоху Николая II невоздержанностью в питии отличались не русские, а англичане, что красноречиво подтверждает статистика.

Бывшая Российская империя, превращенная стараниями большевиков в *публичный дом революции*, и ее многомиллионное население, планомерно подвергавшееся ***чистке красным террором***, изменяли отношение к нравственности, дружбе, любви и семье. «Новый быт» там, где всегда главенствовала Любовь, определил место лишь товариществу и удовлетворению страсти, признавая, что основной целью телесного влечения отныне должно стать *воспроизводство будущих строителей коммунизма*.

В 20-е годы XX века советская власть наряду с уничтожением Церкви озаботилась отменой старых обрядов и введением новых. Крещение детей заменили «октябрением», «октябринами» (родители получали Красную люльку, а к пеленкам младенца прикалывали комсомольский значок, т. е. символически «принимали в комсомол»). На собраниях в рабочих клубах утверждали новые «святцы», куда включали новые, соответствующие грандиозной эпохе грандиозно нелепые «революционные имена». Поколения строителей социализма-коммунизма получали немыслимые клички, которые сложно назвать именами. Да простит меня читатель, но невозможно избежать искушения привести многие из них (весь список поистине огромен и смешон). Итак, мальчики обзывались: *Арвиль* (Армия В. И. Ленина), *Вектор* (Великий коммунизм торжествует), *Веор* и *Велиор* (Великая Октябрьская революция), *Видлен* (Великие идеи Ленина), *Вилан* (В. И. Ленин и Академия наук), *Вилен* (В. И. Ленин), *Виленор* (Владимир Ильич Ленин – отец революции), *Вилор*(-а) (В. И. Ленин – организатор революции), *Вилорд* (В. И. Ленин – организатор рабочего движения), *Вилорик* (В. И. Ленин – освободитель рабочих и крестьян), *Вилюр* (Владимир Ильич любит Родину), *Виль* (В. И. Ленин), *Винун* (Владимир Ильич не умрет никогда), *Вист* (Великая историческая сила труда), *Владилен* и *Владлен* (Владимир Ильич Ленин), *Дазвсемир* (Да здравствует всемирная революция), *Даздрасен* (Да здравствует седьмое ноября), *Дележ* (Дело Ленина живет), *Динэр*(-а) (Дитя новой эры), *Идлен* (Идеи Ленина), *Изиль* (Исполняй заветы Ильича), *Кид* (Коммунистический идеал), *Ким* (Коммунистический Интернационал молодежи), *Ледат* (Лев Давидович Троцкий), *Ледруд* (Ленин друг детей), *Лелюд* (Ленин любит детей), *Ленгенмир* (Ленин гений мира), *Лориэрик* (Ленин, Октябрьская революция, индустриализация, электрификация, радиофикация и коммунизм), *Маэлс* (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), *Пофистал* (Победитель фашизма Иосиф Сталин), *Ревмарк* (Революционный марксизм), *Статор* (Сталин торжествует), *Томил* (Торжество Маркса и Ленина), *Одвар* (Особая Дальневосточная армия), *Рем* (Революция мировая), *Рим*

(Революция и мир), *Роблен* (Родился быть ленинцем), *Росик* (Российский исполнительный комитет), *Рэм* (Революция, Энгельс, Маркс), *Силен* (Сила Ленина), *Стален* (Сталин, Ленин), *Таклис* (Тактика Ленина и Сталина), *Томик* (Торжествуют марксизм и коммунизм), *Трик(-ом)* (Три «К»: комсомол, Коминтерн, коммунизм), *Тролен* (Троцкий, Ленин), *Фэд* (Феликс Эдмундович Дзержинский), *Ясленик* (Я с Лениным и Крупской) и др. и др. и др.

Что творилось в мозгах мужчины и женщины, дающих такие нелепые, нечеловеческие, но обязательно с революционным подтекстом имена своим отпрыскам?! Неужели убожество и примитивизм в мышлении – истинная прерогатива тех, кто, забывая о здравом смысле, слепо следует властям?

Советские девочки получали не менее экзотические прозвания. *Артака* (Артиллерийская академия), *Бестрева* (Берия страж революции), *Бухарина* (от: Бухарин), *Велира* (Великий рабочий), *Гертруда* (от: Героиня труда), *Даздрасмыгда* (Да здравствует смычка города и деревни), *Даздраперма* (Да здравствует Первое мая), *Далис* (Да здравствуют Ленин и Сталин), *Донэра* (Дочь новой эры), *Дотнара* (Дочь трудового народа), *Изаида* (Иди за Ильичем, детка), *Изили* (Исполнитель заветов Ильича), *Крармия* (Красная армия), *Лагшмивара* (Лагерь Шмидта в Арктике), *Лапанальда* и *Ланапальдина* (Лагерь папанинцев на льдине), *Ленара* (Ленинская армия), *Ленора* (Ленин наше оружие), *Лента* (от: Ленинская трудовая армия), *Луиджиа* (Ленин умер, но идеи живы), *Марлен* (от: Маркс, Ленин), *Меженда* (Международный женский день), *Нинель* (от: Ленин, но наоборот и с мягким знаком), *Нисерха* (Никита Сергеевич Хрущев), *Оюшминальда* (О. Ю. Шмидт на льдине), *Пол(ь)за* (Помни ленинские заветы), *Пэрли* (Первая Электрическая Лампочка Ильича), *Райтия* (Районная типография), *Ревмира* (Революции мировой армии), *Тролебузина* (Троцкий, Ленин, Бухарин, Зиновьев), *Челнальдина* (Челюскин на льдине), а также *Диктатура, Террора, Октябрина, Федерация* и др.

Ну как вам нравятся Даздрасен Лазаревич, Ясленик Петрович, Вектор Зиновьевич, Пофистал Адольфович, или в женском варианте – Даздрасмыгда Ивановна, Оюшминальда Ашотовна, Диктатура Моисеевна?

Здравый смысл попран; главная сфера революции – человеческое сознание. Образцы нравственного совершенства, «гении чистой красоты», «крахмальные барышни», курсистки и даже современные феминистки были признаны большевичками «гнилой враждебной отсталостью» и «буржуазной дрянью». Время попрания всех человеческих ценностей, время нищеты,

невежества и красного террора требовало женщины *по себе*. Благодаря советским средствам массовой информации был создан нужный образ женщины революционного настоящего и будущего. На плакатах 20-х годов XX века женщина-кремень, женщина – каменная баба, воплощение крепкой многостаночницы, машины для рождения новых строителей светлого социалистического *завтра*. И даже единственный признак ее сексуальности – волосы (остальное выполнено слишком схематично, чтобы вообще выражать сексуальность), – и тот умышленно прикрыт, убран под кумачовую косынку. *«Женщина не должна отвлекать мужчин от строительства коммунизма»* – вот лозунг, под которым пришлось существовать миллионам женщин, как в СССР, так и в странах «социалистического лагеря». И она **не** отвлекала, она лишь всегда выполняла актуальный на данный момент социальный заказ государства, партии и очередного любимого вождя. Причем не иначе как под громогласный треск фанфар и жизнеутверждающие лозунги, порождающие в каждой женщине слепую веру, оптимизм и неоправданные надежды. Психологическая обработка масс идет на самом высоком научном уровне, ни одному государству в мире **не** снился такой прорыв в области массового воздействия на человеческую психику!

«Свободная» от семьи, детей, женских обязанностей, от познания простого женского счастья советская женщина «добровольно» отправляется туда, куда прикажет партия: на стройку, в забой, на вредное производство, в колхоз, на АЭС – «поднимать» производство и сельское хозяйство. «Если требуется побольше пушечного мяса и рабочей силы – на пьедестал немедленно возводится мать-героиня. Ей не положено (да и некогда будет, уж поверьте!) задумываться о том, что произведенные ею на свет дети стоят дешевле щенков породистой суки. Да ничего они не стоят, если честно: ситуация в акушерстве и гинекологии – тому подтверждение», – жестко отметила журналистка Анна Варенберг в статье «Право быть женщиной» (см. «Секретные материалы 20 века», № 1, 2007). А теперь вспомните о Русской Семье, незыблемо (до 1917 года!) творимой на основах «Домостроя»…

Асексуальная, измотанная непосильной работой и тяжелыми условиями быта – вот истинный, а не лубочно-плакатный образ советской женщины.

И ведь неудивительно, что мало кто из представительниц «новой советской формации» спустя почти семь десятилетий, уже при явно наметившемся развале Советского Союза понял зловещий смысл фразы *«В СССР секса нет!»*, произнесенной во

время прямого телемоста Познера – Донахью одной из советских участниц, Людмилой Ивановой, администратором гостиницы «Ленинград». И это при том что в советской гостинице работали ударные бригады сексуальных тружениц – проституток и по совместительству агентов КГБ, о чем администратор (особо доверенное лицо партии и органов) не могла не знать…

Советская Женщина, прошедшая сложный путь уничижения самое себя, познавшая разные степени деформации: от комсомольской «горизонталки» до «строительницы коммунизма» и «верной дочери коммунистической партии», все годы своего существования живущая за «железным занавесом», – должна была наконец очнуться от анабиоза. Но когда это произошло, оказалось, что рядом с ней находятся такие же зомбированные партией и советской системой мужчины. И единственное, что ей остается на пути выживания: совершенствоваться в двух взаимоисключающих программах, когда нужно быть «равной с мужчиной» и когда так хочется быть беззащитной, нежной и любимой…

История 2. Фальшивые истории из жизни Крупской

1. Большевистская легенда о народоволке

От тисков и лобызаний,
От глупейших женихов
Стало тяжко бедной Мане,
И она отцовский кров
На каморку променяла,
Стала жить своим трудом
И урока два достала
По полтине серебром.
Да плохое это дело —
Надо знать, чтобы учить!
Крепко Маня захотела
Тут на лекции ходить.

Поэт и карикатурист «Искры» Владимир Щиглев, «Современный чародей», 1868

В официальной биографии Надежды Константиновны Крупской, жены первого большевистского правителя Владимира Ленина, растиражированной для широких советских масс, обязательно рассказывается о встрече юной Наденьки с некоей народоволкой Тимофейкой.

Известно, что в 1880 году Константин Игнатьевич Крупский получил приглашение проверить договора и отчеты о сделках на писчебумажной фабрике помещиц Косяковских, проживавших в Псковской губернии. И оттого летние каникулы Надя провела в чудесном имении доброжелательных и заботливых помещиц, пригласивших приехать погостить всю семью Крупских. Позже, вспоминая о тех сказочных днях, когда 11-летней девочкой она взахлеб слушала соловьиные трели, любовалась луговым раздольем, вдыхала аромат садовых цветов, «спала в шикарной комнате на шикарной постели» с открытым настежь в звездный мир окном, Надя припомнит и выделит свою встречу с 18-летней местной учительницей Александрой Тимофеевной Яворской, «Тимофейкой», обучавшей крестьянских детишек. И вновь же странно: в «темной и забитой России», – как объявят впоследствии большевики, – где «потребовалась большевистская программа ликвидации неграмотности», практически в каждом имении имелись школы для крестьянских детей! Тогда же сама

Крупская решила раз и навсегда стать народной учительницей…

Но обратимся к воспоминаниям Крупской, которая говорит, что у девушки-народоволки А. Яворской, повлиявшей на ее выбор будущей профессии, «во время обыска полиция нашла запрещенную литературу и портрет царя, на котором было записано решение какой-то задачи», вследствие чего та «два года провела в Псковской тюрьме, в камере без окна». Конечно, мы, воспитанные в советской стране, привыкли безоговорочно верить всем советским идеологическим источникам. Однако в них-то изначально и заложена ложь, уничтожающая мышление Человека мыслящего, ищущего, праведного. И прежде чем найти строчки, хоть немного приоткрывающие истинное положение дел, пророниенные словно случайно, нужно перелистать множество книг.

Откроем, к примеру, трехтомный труд заслуженного деятеля науки, лауреата Сталинской премии второй степени *(1947)*, профессора М. Гернета «История царской тюрьмы», где на страницах 3-го тома говорится о состоянии провинциальных мест лишения свободы и, в частности, тюрем губернского города Пскова в период с 1870 по 1900 гг. В городе имелись: арестный дом, городской тюремный замок и временная каторжная тюрьма. ***Арестный дом*** представлял собой пять камер в подвальном этаже, одна из них отводилась для женщин; во всех были небольшие окна (можно рассматривать ноги и подол платьев прохожих). Кухня была домашняя, за обеды отвечала жена смотрителя этого дома. ***Тюремный замок*** г. Пскова располагался в центре города и был рассчитан на 161 человека, имел общие и одиночные камеры, все с окнами. Здесь же, в четырех башнях замка находились кухня, баня, прачечная, пекарня, мастерская. В случае надобности «заболевавших арестантов переправляли в земскую больницу. Занятия трудом в замке не были организованы, и заключенные отпускались на работы к частным лицам вне тюрьмы». Третьей тюрьмой в Пскове была ***временная каторжная тюрьма***, расположенная за городом и где также имелись мастерские, столовая, пекарня. Впрочем, находиться в этом последнем заведении «Тимофейка» не могла, так как к каторге ее не приговаривали, да и не проводят во временных тюрьмах два года, впрочем, как и в арестантских домах. За такую провинность как нахождение запрещенной литературы и исписанного портрета императора дать наказание в два года в Российской Империи НЕ МОГЛИ! – для такого наказания нужны были более веские причины. ***Так что никакой Тимофейки-народоволки в жизни Наденьки Крупской не было, а была лишь юная девушка, народная учительница, которой впоследствии***

сотворили большевистскую легенду. И таких народных учителей в России было множество, потому что так называли тех, кто работает в сельских школах, имеющихся в большинстве крупных сел необъятной страны, не говоря о городах – больших и малых; правда, некоторые все же попадали в сети провокаторов-социалистов и, шантажируемые, начинали исполнять чужие приказы.

2. Еще одно действующее лицо из официальной биографии

Агитпропщики! /не лезьте вон из кожи.
Весь земной /обревизуйте шар.

Разнообразны /души наши.
Для боя – гром, /для кровати – /шепот.
А у нас для /любви и для боя – /марши.
Извольте /под марши /к любимой топать!

Старью /революцией / поставлена точка.
Живите под охраной / музейных оград.
Но мы /не предадим / кустарям-одиночкам
Ни лозунг, /ни сирену, /ни киноаппарат.

В. Маяковский. Из разных стихов

Но фальшивая история, раз начавшись, не могла прекратиться. «Исследователи» жизни будущей «жены вождя всех униженных и оскорбленных» придумали, что вернувшись из Псковской губернии, где в имении Косяковских Надя провела чудесное лето, она возвращается **не** в привилегированную гимназию, где училась до этого, а… в Литейную, расположенную на углу Бассейной улицы и Литейного проспекта, где занималась и некая Маша Юрковская, в будущем советская артистка Художественного театра Андреева; «через много лет Надежда Константиновна и Мария Федоровна удивлялись, что не познакомились еще в гимназии» (встречаем в пересказах биографов Н. Крупской).

Впрочем, чему удивляться, – Наденька ***никогда не училась*** в Литейной гимназии. Хотя бы потому, что учились здесь в

основном дети рабочих с Обуховского металлургического завода. ***Но этот несуществующий переход Н. Крупской в иные учебные заведение, как и оставление оных – будет не раз сфальсифицирован в официальных источниках!***

И только в наши дни благодаря немногим авторам, воспроизводящим редкие документы, уцелевшие в большевистских архивах и не вывезенные по некой удивительной случайности за рубеж, можно констатировать: в царской России существовала уникальная система просвещения. Известно, к примеру, что каждая отрасль российского хозяйства позволяла иметь гимназии. Например, гимназии кожевенников, скорняков, железнодорожников, коннозаводчиков, скобяной торговли и проч. В царской России имелись сословные учебные заведения; подведомственные учебные заведения, т. е. находящиеся в ведении всех и каждого министерства; учебные заведения в ведении Святейшего Синода, к примеру, архиерейские школы; учебные учреждения императрицы Марии и т. д. и т. п. – что свидетельствует об индивидуальном подходе к просвещению каждого члена общества. Где, в каком государстве мира на сей день можно найти подобную просветительскую систему индивидуального обучения?! А нам почти весь XX век говорили: *безграмотная Россия, забитая Россия*… забитая кем?! Тема просвещения уникальна и объемна, она требует иного подхода, чем тот, который заложен в этом материале. Лишь укажу, что **всеобщее** начальное образование появилось **не** благодаря приходу к власти большевиков, а – еще во времена Российской империи, в самом начале XX века. ***С 1908 года в империи вводится обязательное бесплатное начальное обучение для всех слоев населения.*** Одновременно было открыто более 10 000 имперских школ, к 1913 году их стало 130 000. Следует заметь, что уровень и качество знаний начального образования были куда как выше, чем те, которые спустя 20 лет предоставит образование советского образца.

Но вернемся к еще одному действующему лицу из официальной биографии Надежды Константиновны Крупской, с которой жена будущего «вождя мирового пролетариата» якобы училась в Литейной гимназии.

Относительно Маши Юрковской (по мужу Желябужская, сценический псевдоним Андреева) можно сказать, что определенный интерес представляет и та краткая информация, которая имеется в академических изданиях, таких, как «Энциклопедический словарь», изданный в 1953–1955 гг., и БСЭ, изданная в 70-е гг. XX ст. *В первом источнике*, к примеру, говорится, что родилась ***Андреева Мария Федоровна*** в 1872 году;

член КПСС с 1904 г.; играла на сцене Общества искусства и литературы с 1894 г.; в Московском художественном театре и в др. Была одним из организаторов Большого драмтеатра в Петрограде (1919). В 1931–1948 – директор Московского дома ученых. Награждена орденом Ленина.

Второй источник дает более полную информацию и указывает, что Мария Федоровна Андреева 1868 года рождения (не то, что в прижизненном издании, где она моложе на 4 года!), из Петербурга, умерла 8.12.1953 г.; член КПСС с 1904 г.; подруга и соратница Максима Горького. Начала сценическую деятельность в 1894 г.; в 1898–1905 актриса МХТ. В 1905 г. – издатель большевистской газеты «Новая жизнь». В 1918–1921 гг. – комиссар театров и зрелищ Петрограда. В 1931–1944 гг. – директор Московского дома ученых. Награждена орденом Ленина.

Ну и для достоверности заглянем еще и в «Театральную энциклопедию» (М., 1961, том 1); там уточняем, что родилась Андреева (наст. Мария Федоровна Юрковская; фамилия Желябужская в этом источнике «утеряна») все-таки в 1868 году. «Будучи другом А. М. Горького, находясь в эмиграции, свыше 6 лет была его секретарем, переводчиком и ближайшим помощником», – любопытно, очень даже любопытно… В 1913 году вернулась в Россию. Но поразительно то, что составители энциклопедии постарались уменьшить ее «послереволюционную» роль, указав, что в 1919–1921 гг. она была только заместителем комиссара просвещения по художественным делам в Петрограде.

Правда, ни в первом, ни во втором, ни в третьем источниках **не** указывается, что комиссарша (все-таки – была комиссаром!) в силу своей должности способствовала убийству русских актеров и уничтожению русского сценического искусства в пользу новых, советских, «людей завтрашнего дня», таких, как «режиссер-новатор» Всеволод Эмильевич Мейерхольд и другие. Кстати, Юрковская-Желябужская-Андреева играла с ним в спектаклях еще во МХАТе, где тот служил актером с 1898 по 1902 г. Разрекламированный советской властью Мейерхольд (в дарование которого Советы нас принудили поверить, как поверить в исключительный талант Малевича, автора примитивного «Черного квадрата») осуществлял постановку пьес М. Горького; «лирической драмы революционного романтика» А. Блока об исканиях психопатов «Балаганчик» и постановку в 1920 году пьесы Э. Верхарна «Зори». Последнюю как «псевдореволюционную» разоблачала в газете «Правда» Н. Крупская. Кроме горьковских пьес «Мещане» и «На дне», соратник Андреевой Мейерхольд выступил постановщиком таких

«сверхзначимых» для развития театрального искусства постановок, как «Действо о III Интернационале» (1 мая 1919 г.), «Гибель Коммуны» (18 марта 1920 г.), «Мистерия освобожденного труда» (1 мая 1920 г.), «Блокада России» (20 июня 1920 г.), «К мировой Коммуне» – «массовая постановка в честь второго конгресса III Интернационала» (19 июля 1920 г.) и других. Все эти массовые празднества и инсценировки к ним проходили в Петрограде в бытность М. Ф. Андреевой комиссаром театров и зрелищ. Для участия в этих театральных шабашах, примитивных и дегенеративных зрелищах, убогих театрализованных розмыслах, поданных как мировые искания угнетенного буржуями Пролетария, принимали участие только те актеры, которые за кусок хлеба, чтоб выжить, пошли служить новой власти… и те, кто только-только вступал в жизнь, еще не имея никаких моральных ориентиров.

В 20-х годах XX века началось театрализованное убожество и *театроубиение* истинно Русского театра… а нам до сих пор говорят: тогда «началась новая эра становления и расцвета сценического искусства»…

3. Получила стресс? Выходи из тюрьмы!

Проявили девки моду
Шерстяные юбки шить.
Проявили девки моду
Политических любить.

Русская частушка

Как известно, Надежда Константиновна получила от своего мужа Ульянова-Ленина ряд насмешливых прозвищ. Просиживая короткие отрезки времени в тюрьме, Ильич в письмах к товарищам почти каждый раз спрашивал, как дела у «Миноги», не случилось ли чего с «Рыбой». Впоследствии нам скажут, что это были партийные клички Надежды Константиновны. Однако при зрелом размышлении можно понять, что в эти определения закладывалась и ее личностная характеристика, и презрение к ее женственности из уст внука Израиля Мойшевича Бланка Володеньки Ульянова… Однако сами большевики величали себя ласково, многозначительно подписываясь: Правдист, Петербуржец, Наблюдатель, Фрей *(Ульянов-Ленин)*; Гамма, Нарцис (с одним «с», – *Ю. Мартов, наст. Цедербаум)*; Ушаков, Волгин, Один из приверженцев *(Г. Плеханов)*; Русалка *(М. Лядов, наст. Мандельштам)*; Важный, Фавн, Кентавр, Тарантул, Черномор *(В. Воровский)*; Астроном *(Ф. Дзержинский)*; Романов (!!!), Чужестранец *(М. Калинин)*; Анютин, Александр Барсов *(А. Луначарский)*; Верин, Клавдин, Марианна *(Е. Ярославский, наст. Губельман)*; Матрена *(П. Смидович)*; Жозефина *(Орловский)*; Ъ *(Я. Свердлов)* и т. д. и т. п.

Настанет час, когда все эти *фреи, нарцисы, фавны, русалки, жозефины и матрены* будут услужливо пресмыкаться перед коварной Миногой, восседающей в Кремле.

Во второй половине 1895 года Владимир Ульянов и Юлий Мартов напрямую от Плеханова получили задание создать в Санкт-Петербурге подразделение «Союза борьбы за освобождение рабочего класса России». Плехановский «Союз» раскидывал сети по всей огромной стране; в основных промышленных центрах России создавались преступные подразделения и структуры, выявлялись возможные лидеры «рабочего движения», совращались (и в прямом смысле слова тоже) и «просвещались» юные приверженцы социалистических идей.

«Большая Советская энциклопедия» утверждает, что «…

Петербургский «Союз борьбы…» явился зачатком большевистской партии»; впоследствии были созданы: Киевский, Екатеринославский, Уральский, Пермский, Харьковский союзы (отделения, группы). «В союзах воспитывались политически и получали первый опыт нелегальной пролетарской борьбы будущие видные деятели партии», среди них: Николай Эрнестович Бауман, Вацлав Вацлавович Воровский, Михаил Иванович Калинин, Глеб Максимилианович Кржижановский, Фридрих Вильгельмович Ленгник, Мартын Николаевич Лядов, Николай Александрович Семашко, Дмитрий Ильич Ульянов, Анна Ильинична Ульянова-Елизарова, И. В. Бабушкин, И. Х. Лалаянц, Б. Л. Эйдельман и прочие. Эти люди перемещались из города в город, из кружка в кружок, создавая свои преступные шайки. В уставе союза указывалось, что члены союза могут быть (КЕМ и ЗА ЧЕЙ СЧЕТ?!) командированы в другие местности для руководства стачками, развертывания революционной пропаганды и создания так наз. рабочих кружков. ***Дело развала русской государственности и Российской империи было поставлено на широкую ногу и обеспечивалось безграничным денежным потоком!***

Заглянем, к примеру, в книгу авторов, которым в свое время партия доверила жизнеописание Надежды Константиновны, предоставив лишь выгодные новой власти документы и свидетельства, Л. Кунецкой и К. Маштаковой «Воспоминания о Крупской»; «…Владимир Ильич собрался в Женеву к Плеханову. Он настаивал, что связи на время его отъезда должны быть переданы совершенно «чистому человеку». Долго обсуждали все кандидатуры и выяснили, что только за Надеждой Константиновной никогда не было никакой слежки… /Это заседание активных членов будущего «Союза борьбы» состоялось в Царском Селе в скромной комнатке Сильвина, который давал уроки в семье известного писателя Гарина-Михайловского. Собралось шесть человек… Поездка Владимира Ильича имела большое значение. Социал-демократы России хотели установить более тесный контакт с группой «Освобождение труда»… В начале сентября вернулся из-за границы Владимир Ильич… Работа продвигалась семимильными шагами… Одной из первых организованных «Союзом» забастовок была забастовка 500 ткачей фабрики Торнтона, вспыхнувшая в ноябре 1895 года. «Союз» распространил две листовки, обращенные к забастовщикам: «Чего требуют ткачи» и написанную Ульяновым «К рабочим и работницам фабрики Торнтона»…».

Вот, оказывается, как запросто: поехали за границу к Плеханову, получили инструкции, получили деньги на забастовки

и листовки, заодно развеялись в любимых пивнушках и ресторанах…

Но вскоре последовали аресты. Наряду с В. И. Ульяновым были взяты Г. Кржижановский, Лепешинский, Шата и другие; у арестованных была найдена обширная литература преступного содержания: воззвания к рабочим фабрики Кенига и Путиловского завода, статьи, относящиеся к стачкам в механической мастерской обуви в Иваново-Вознесенске, Ярославле, на фабриках Торнтона, изъято собрание рукописей, предназначенных для первого номера предполагавшейся к изданию подпольной газеты «Рабочее дело». Вся эта подрывная макулатура появилась после поездки Ульянова к подельнику Плеханову, а там ТЕ, КОМУ НАДО уже давно разработали планы: *какие* и *где* фабрики и заводы всколыхнуть, где расстроить созидательный процесс; все – для подрыва передовой российской экономики.

У тех, кто оставался на свободе, были деньги и было задание от заграничных хозяев. Для успешного осуществления преступных планов нужны были типографии, которые бы согласились печатать подрывную литературу. Такие, естественно, нашлись. С помощью народоволок Л. М. Книпович и П. Ф. Куделли была задействована нелегальная типография на Лахте, в которой были отпечатаны некоторые брошюры антиправительственного содержания. К посредничеству в этом деле, – как пишут официальные биографы Крупской, – подключили и некую юную ***Марию Ветрову***. Однако подробнее рассказать об этой «мученице большевизма» почему-то забыли.

Девушка родилась в 1870-м и была внебрачной дочерью нотариуса и крестьянки, воспитывалась в сиротском доме, затем получила образование в гимназии (и это внебрачная крестьянская дочь!), по окончании которой работала народной учительницей. Часто хочется задать простой вопрос: а как же крепко вбитый в головы штамп из советских учебников о *неграмотной царской России*? В 1894 она поступила на… Высшие женские курсы в Петербурге, но попала в преступные лапы, как результат – арестована в декабре 1896 г. по делу тайной типографии в Петербурге, с 23 января 1897 находилась в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Там, в Петропавловской крепости, в это время находилась и Надежда Константиновна Крупская.

Это случилось в августе 1896 года, когда «учительницу Варгинской воскресной школы Надежду Константиновну Крупскую» арестовали, а вместе с ней взяли библиотекаршу при читальне «Невского общества народных развлечений» Анну Чечурину, неких Лирочку Якубову и Михаила Сильвина. Крупская

все отрицала, и, так как у полиции не было веских доказательств ее революционной деятельности, то спустя месяц ее освободили.

Но тут произошло неожиданное. Один из филеров вечерней школы написал донос, где называл Надежду организатором революционного кружка. И Крупскую вновь арестовали. Тогда же Елизавета Васильевна, мать арестантки написала прошение, чтобы ее дочь освободили из заключения по причине ухудшившегося состояния здоровья. Это был веский аргумент!!! Обычно, когда родные сетовали на резкое ухудшение здоровья находящегося под арестом, человека чаще всего… освобождали (если он не отбывал наказание за убийство)! Вот вам и карательная система «государства угнетенных масс»… Честно говоря, система наказаний и тюрем царской России требует не просто нескольких строк в главе, а целой книги, – настолько она интересна своей неизвестностью широкому читателю.

Вскоре Надежду действительно освободили. Но **не** по причине необходимости обследования состояния здоровья (приказ еще не поступил). Причастной к этому оказалась одна несчастная, которая, облившись керосином в камере, подожгла себя. Поэтому МВД империи было принято решение *(оберегая хрупкую женскую нервную систему остальных преступниц!)* выпустить до вынесения приговора под надзор полиции находящихся в Петропавловской крепости женщин; и в апреле 1897 года Надя Крупская оказывается на свободе.

Но отчего произошла та чудовищная дикость, кто довел бедняжку-заключенную до подобного состояния? Читаем упоминаемого М. Гернета, том 3: «Самым крупным событием в истории Трубецкого бастиона за 90-е годы было самоубийство Марии Ветровой. В 6 часов вечера 8 февраля 1897 г. в камере № 7 второго этажа запылал живой факел: заключенная Ветрова, облив себя керосином из лампы, принесенной в ее камеру, подожгла себя. Она умерла в страшных мучениях лишь на четвертые сутки – 12 февраля… В архивном деле департамента полиции отмечено посещение Ветровой заведующим арестантским отделением штабс-ротмистром Подревским в первый же день перевода сюда заключенной. Он предложил ей выбрать книги для чтения… По официальным документам, Ветрова не проявляла душевного расстройства до 4 февраля. В указанный день дежурный унтер-офицер доложил Подревскому, что заключенная № 3 кажется ему сильно расстроенной и ненормальной. Тюремный врач Зибольд, посетивший вместе с двумя жандармами заключенную 4 февраля, показал, что Ветрова гнала жандармов и кричала… Акушерка Шахова подтверждала предположение врача о психической ненормальности заключенной». Так кто помог проявиться

дегенеративным задаткам сироты, заботливо опекаемой, охраняемой и просвещаемой родным государством?! – эх, если бы не так называемые революционеры и революционерки, втянувшие заблудшую душу в политические игрища!

А Надежда Константиновна, отпущенная «под надзор полиции», вместе с матерью на все лето уезжает в Новгородскую губернию, отдыхать и поправлять здоровье… «Рыба» антирусской революции еще пребывает в поиске, полная замыслов по превращению всех будущих советских мальков в инкубатор социалистических рабов…. э-э, рыбок…

4. «Пан Ульянов всегда весел», даже если создает лагеря…

Куплю Ленина портрет,
Золотую рамочку.
Вывел он меня на свет,
Темную крестьяночку.

Советская частушка

Как свидетельствует история, в 1897 году Владимира Ульянова сослали в село Шушенское Енисейской губернии. В Санкт-Петербург возвратилась и «находящаяся под надзором полиции» изрядно отдохнувшая Надежда Константиновна. Минуло лето, проведенное в Новгородской губернии, а решения по ее делу все нет и нет. И тогда Наденька подает в департамент полиции прошение с просьбой разрешить ей отбывать наказание в селе Шушенском, что в Минусинском уезде. Указывая при этом, что там находится ее жених – Владимир Ильич Ульянов.

В апреле 1898 года состоялся суд, вынесший Крупской приговор: три года ссылки в Уфимской губернии с правом отбывать наказание там, где находится ее жених. Каковы порядки?!

Итак, просьба удовлетворена. И она едет в далекие сибирские края в сопровождении матери с заездом в Москву, где обе посетили могилу Константина Игнатьевича Крупского, покоившегося на Новодевичьем кладбище. Побывали они и у родственников Володеньки, проживавших на Собачьей площадке в доме Романовского № 18, кв. 4. «Вечером в маленькой квартирке на Собачьей площадке собралась вся семья Ульяновых – вся, кроме Дмитрия Ильича, сидевшего в тюрьме» (обычная цитата из советских источников; даже авторов можно не указывать: все доверенные биографы советских вождей тщательно переписывали сведения с первоисточника и друг у друга). Но никаких «маленьких квартирок», где разместилась бы большая семья Ульяновых, в названном доме никогда не было; это при большевиках люди были «уплотнены» в маленькие комнатки.

Уже подъезжая к месту назначения, Надежда Константиновна стала узнавать о знакомых, которым на время также были определены сибирские места для «исправления»: Сильвине, Ленгнике, Старкове, Мартове (последний – отправлен в Туруханский край), др.

Порыв Наденьки жить подле жениха, конечно же, истолковывался как величайшая и беспримерная любовь Крупской к «гению всего человечества» товарищу Ульянову-Ленину.

Следует принять во внимание, что тогда же находился в ссылке ставший впоследствии видным деятелем партии большевиков Глеб Максимилианович Кржижановский, – активный резидент центра международной революции, взявшейся сокрушить самую могущественную страну мира, Российскую империю (эту организацию отдельные исследователи именуют Орденом, мировым масонским центром, Золотым миллиардом, Мировым правительством, Бнай-Бритом и проч.). Деятелям международного центра крайне важно было знать, чем занимались их резиденты, находясь не только на передовой революционной борьбы, но и на периферии, вдали от их пристальных глаз и цепких масонских рук… У Нади был свой повод: она ехала к месту ссылки своего так называемого жениха.

И вот Наденька в Шушенском у Владимира Ильича – так свидетельствуют все источники. Но в чем же здесь подвох?

До этого Володя уже находился в подобной ссылке в Кокушкине, теперь вот в Шушенском. И, что самое любопытное – и Кокушкино, и Шушенское были родовыми имениями, полученными его отцом Ильей Николаевичем при обстоятельствах, которые мы не станем рассматривать в данной книге. О чем умалчивают советские авторы? К примеру, что суммарный годовой доход двух имений в год составлял в урожайный год – до 17 000 руб., в неурожайный (крайне редко) – до 8000 руб. По ценам конца XIX – начала XX века это было огромное состояние, на которое не только Владимир Ильич, но и все остальные домочадцы жили совсем безбедно! Но сумасбродному ненавистнику Ульянову надо было всю великую Россию превратить в голодную и медленно вымирающую, кладбищенскую страну… Да, вот любопытный факт: в одной из деревень, принадлежавших Ульяновым, в советское время была обнаружена нефть, и если бы не революция, В. И. Ленин, как и его родственники, стали бы богатыми нефтепромышленниками.

Ну а что касается русской Сибири, то именно большевики с их патологически лживой интерпретацией событий сделали ее *страшным местом*, местом «страданий, ссылок и изуверств царского режима». До революции 1917 года никто из благонадежных подданных России не считал Сибирь диким местом, а наоборот – самым богатым и благодатным краем Империи!

А теперь что касаемо распорядка дня ссыльного Ульянова.

Очень показательно для понимания «ужасов» царских ссылок.

Из 7 дней 5 дней в неделю Владимир Ильич проводил на охоте. Зверюшек ему выгоняли местные егеря, и барин с удовольствием «валил» их, беспрерывно стреляя, пока не попадал. Из воспоминаний Надежды Константиновны: «Мы приехали в сумерки; Владимир Ильич был на охоте. Мы выгрузились, нас провели в избу…».

Вставал Владимир Ильич, как обычно, между 10 и 11 часами утра. На стол сразу же подавался завтрак – дичь с охоты, двухлитровая крынка парного молока, а также всякие разносолы и варенья.

На обед, который проходил в 16–17 часов дня, он съедал свежего молочного поросенка, или индюшку, или курицу (очень любил Володя это дело – сытно поесть). Вечером на столе обязательно стояло вино, пиво и медовуха, а также в изобилии разные мясные блюда.

Расход продуктов таков: раз в неделю для барина забивали одного барана (овцу), одного взрослого кабана, птицу (индюшек и кур) – 3–5 штук. Из воспоминаний Надежды Константиновны: «Правда, обед и ужин был простоват – одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день пока всего не съест, как съест – покупали на неделю мяса, работница во дворе в корыте… рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на неделю… В общем, ссылка прошла неплохо… По-моему, он ужасно поздоровел, и вид у него блестящий… Одна здешняя обитательница полька говорит: «Пан Ульянов всегда весел». Увлекается он страшно охотой, да и все тут вообще завзятые охотники…». Вот такие вот ужасы царского режима и царской ссылки. Володенька в письме признавался матери: «Все нашли, что я растолстел за лето, загорел и высмотрю совсем сибиряком. Вот что значит охота и деревенская жизнь!»

Ссыльному платили по одним сведениям 9 руб. 24 коп., по другим – 8 руб. 17 коп. в месяц. Это небольшая сумма, но если считать, что в Сибири баран стоил (в зависимости от возраста) от… 20 до 30 копеек, то приходит осознание, что это просто огромная сумма за безделье и охотничий азарт. Да и нужны ли были там Ульянову, по сути, хозяину имения, казенные деньги? К слову: большевистские историки суммы, причитавшиеся ссыльным, указывают до копейки, только вот **не** сравнивают выплаты с существовавшими тогда ценами на продовольственном рынке. А если эти суммы нам взять да и сравнить с расценками в советском «раю»? Например, к названным 8–9 рублям (но не по номинальной стоимости!) при царизме созвучна сумма в 12

рублей при социализме (такова самая низкая советская пенсия в 70—80-е гг. XX в.); колоссальная разница состояла в том, что в СССР продовольственные прилавки были пустые, а если продукты и появлялись, то далеко не по смехотворным ценам и только для «своих», – с *черного хода* или *из-под прилавка*…

Так что невзрачный коротышка из семьи Ульяновых-Бланк в благословенной Сибири роскошествовал от пуза. И говорить, что он находился в невыносимо-страшной ссылке, все равно что сказать, будто советский курорт (к примеру, чудесные сибирские санатории «Дарасун» в Забайкалье, «Уссурийский» и «Седанка» в Приморье, «Столбы» в Хакасии, – последний совсем рядом с имением Владимира Ильича) для советского человека – это тяжкое телесное и нравственное испытание…

Через два месяца после прибытия, в июне 1898 года Владимир Ульянов и Надежда Крупская объявили себя мужем и женой. Некоторые современные историки категоричны: это Крупская насильно женила несчастного Ульянова на себе! Мол, сам «вождь мировой революции» ни сном, ни духом, – не помышлял о женитьбе на квелой Рыбе! Кто утверждает, что никакого венчания в церквушке **не** было. Однако документы на сей счет существуют; правда, качественная подделка документов задним числом – это любимый конек советских спецотделов и институтов на начальном этапе становления революционной власти. Была или нет Крупская официальной женой Владимира Ильича? – это загадка на сегодня. Если вспомнить, что однажды, уже после смерти Ленина, зловещий шутник товарищ Сталин пообещал назначить вдовой вождя вместо Надежды Константиновны других «верных партиек»: либо Стасову, либо Коллонтай. *«Партия все может!»* – доступно пояснил он престарелой больной женщине. И ведь был прав!!! 26 февраля 1939 года ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР, поздравляя Крупскую с 70-летним юбилеем, называли ее только «другом Ленина». Впоследствии в ходу были такие определения: соратница, подруга, помощница Ильича, и **никогда** – законная жена, супруга, вдова! Впрочем, важно указать, что большая часть документов об этой «семейной» паре, как и о подготовке революции 1905 и 1917 гг., находится в библиотеке конгресса США, часть – в Йельском университете, часть – в засекреченных архивах Коминтерна; часть – в сверхзакрытых архивах, некогда принадлежавших наследнику Коминтерна, штабу Международного и Коммунистического движения, которые после горбачевской перестройки и «мирной революции 1991 года» вряд ли когда вообще станут доступны обывателю.

Но вернемся к пресловутому венчанию этой пары. Советские

авторы предусмотрительно отмечали, что начальство якобы не разрешило приехать на свадьбу никому из ссыльных, даже живших поблизости; также предусмотрительно свидетелем церемонии представляют некоего чахоточного С. Н. Журавлева, которого скоро болезнь свела в могилу. Так что **нет** никаких свидетелей исторического события. И все же…

Надежда поехала к Ульянову как невеста, а вскоре назвалась женой.

Нравственные устои русского общества до 1917 года были таковы, что ни одна здравомыслящая девушка НИКОГДА не назовет себя невестой, если таковой не является и НИКОГДА не назовет себя женой, если не венчана.

А невестой русская девушка называлась только после того, как была помолвлена! О помолвке Надежды Константиновны и Владимира Ильича нет сведений ни в одном источнике (впрочем, ее действительно не было).

Большевики успешно играли на чистоте нравов и правдивости характеров русских, извращая все донельзя! На свидания в тюрьмы к своим преступным сотоварищам революционерки-безбожницы ходили под видом невест, и никто никогда никаких документов подтверждающих НЕ требовал… Почему? Да потому, что *слово произнесенное для русского человека было свято, ибо общество верило в христианского Бога и греховность лжи…*

Первым, кто поздравил «новобрачных», был Глеб Максимилианович Кржижановский. Вместо золотых колец супруги получили кольца из медных пятаков, сделанные ссыльным мастером евреем Оскаром Александровичем Энгбергом, которого одни авторы безосновательно представляют финном, другие эстонцем. В биографических источниках есть эпизод, касающийся поездки супругов Иордановых (Крупской и Ульянова, в целях конспирации запросто меняющих паспорта и фамилии), которые в конце марта 1902 года направляются через Кельн и Льеж в Лондон, где под именем супругов Рихтер снимают квартиру по адресу Пентоннвилл, Холфордсквер, 30. Только вот незадача, – хозяйка жилья миссис Йо «была совершенно шокирована тем, что «миссис Рихтер» не носит обручального кольца». Вот так, в случайных фразах и выплывает ложь о кольце из пятака, с которым Крупская якобы «никогда не расставалась»… зато подтверждается, пусть также косвенно, то, что она НИКОГДА не была официальной – по Божьему провидению – женой этого человека.

Сказка о грошовых кольцах трогательна только сердцам простаков; Надежда Константиновна ни разу в жизни **не** надела

на палец подобного кольца!

…Молодые люди провели прекрасное время в Шуше; окрестности здесь завораживающе красивы: Енисей не очень широк, сиди часами, любуйся с живописнейшей Журавлиной горки на леса, луга, озера, лесные старицы, наблюдай за полетом диких лебедей и уток, которых здесь видимо-невидимо… Опять же – рыбалка, бесконечная охота. Страсть «вождя мировой революции» к охоте с нескрываемым удовольствием описывают разные авторы; к примеру, возьмем увесистый том «Воспоминания о В. И. Ленине» (М., 1957, т. 2).

Автор Н. В. Крылов утверждает, что даже «в последние годы своей деятельности Владимир Ильич часто искал отдыха от непрерывной работы на охоте»; вспоминает, как они ходили недалеко от Москвы, в окрестностях Люберецкого завода, охотясь на лису с флажками; как с Лениным и Е. Преображенским выслеживают они фазанов, но прежде километров сорок едут на телегах, и при этом автор умиляется, как это – «вождь мировой революции, сам Ленин, председатель Совета Народных Комиссаров, гроза мировой буржуазии, «диктатор», как его изображала буржуазная пресса, трясется в простой крестьянской телеге рядом с возницей»; то у деревни Заболотье сбились они с пути, охотясь на уток; то вот «великий и простой» Ильич «чрезвычайно полно отдается процессу самой охоты» на тетеревов под Москвой около Горок и за 90 км от Москвы у станции Решетниково; но «на крупного зверя пришлось ходить с Владимиром Ильичем только на волков. К сожалению… заветная мечта Владимира Ильича – убить волка – не осуществилась».

Я. Э. Рудзутак вспоминает, что также с любимым вождем походил по лесам, по заснеженным полям в поисках дичи; «иногда, в субботу вечером, сговаривались с ним поехать в праздник на охоту».

И С. К. Гиль исповедался перед читателями будущих поколений: «Поехали мы однажды на утиную охоту по направлению к Кашире, не доезжая Михнева. Это было… осенью 1920 года. С нами были Дмитрий Ильич Ульянов, егерь и еще трое товарищей»; а то был случай: «Как-то мы поехали с Владимиром Ильичем на охоту в Завидово. Там нас по обыкновению ожидал егерь Порошин. Это было… весной 1920 года. Охота на глухарей приходила к концу…»

Так что «непосильный» умственный труд всегда сочетался с трудом физическим, в данном случае… охотой, ничего более тяжелого в жизни Ильич **не** испытал: кирку и лопату не держал, не пахал, не сеял, не строил…

Зато в самые трагические, самые голодные годы, годы

разрухи и ненависти в еще недавно великой стране этот фартовый хват, этот жестокосердный вздорщик Ульянов-Ленин находил массу времени для развлечений и осуществления всяческих распутных искушений…

Впрочем, не перенапрягалась в ссылке в Шуше и Надежда Константиновна, с ними была ее мать и помощница Елизавета Васильевна, по хозяйству стряпала да убирала платная прислуга Паша (а как же «святая» большевистская борьба против эксплуатации?!). Новый 1899 год, последний год ссылки Ленина ссыльные сотоварищи встретили у четы Кржижановских в Минусинске. Среди гостей Ульянов, Крупская, Лепешинские, Ленгники и т. д., человек 16. «Варили глинтвейн, пели, плясали под гитару… Организовали даже катание на тройках. Лихо мчались по степи, в морозном воздухе звенели студенческие революционные песни, смех, сыпались шутки. Катались на коньках… Долго потом вспоминали эту встречу Нового года» (те же биографы Л. Кунецкая и К. Маштакова). Подобный необременительный отдых продолжался вплоть до 1900 года, пока не закончился срок «ужасной ссылки» В. И. Ульянова.

Придя к власти, жестокосердный ненавистник Владимир Ильич Ленин учтет, какие ссылки и тюрьмы были в царской России и, исправив «недостатки» «зловещей» царской системы, создаст идеальные советские лагеря и тюрьмы. Эксклюзивным новогодним подарком от Ильича станет специальное распоряжение большевистского правительства ***«О концентрационных лагерях»***, опубликованное в «Известиях» 31 декабря 1918 года, в котором, в частности, говорилось: «Президиум Московского совета утвердил Положение о концентрационных лагерях для выполнения необходимых общественных работ». Получившие праздничный ленинский подарок «строители коммунизма», осчастливленные «самым передовым в мире учением» – марксизмом-ленинизмом, будут отныне беспрепятственно уничтожаться огромными массами; где каторжным трудом на лесоповалах и рудниках, где химическими газами и отстрелом будут умерщвлены миллионы русских людей и людей других национальностей, подданных бывшей Российской империи, в том числе – миллионы женщин… Женщин, которым в произволении Божьем испокон веков было дано зарождать и лелеять Жизнь.

История 3. «Слияние Вани с Соней громадно усилит местную работу…»

Я иду, она колышется,
Зеленая трава.
Посмотри, в газете пишется
Про новые права.

Советская частушка

Как-то Юлий Осипович Мартов предложил, руководствуясь поручением Георгия Валентиновича Плеханова, укрепить пути доставки новой большевистской газеты «Искра» в Россию. Указав при этом, что газету следует печатать у проверенных друзей в Швейцарии. Однако подобному предложению воспротивилась Вера Ивановна Засулич, заявив, что газета и так уже полностью находится в руках Плеханова и его единомышленников, и что участие только сторонников Плеханова в пропаганде идей революции в России рано или поздно нанесет вред революционному движению. К слову, революционный имидж прилип к Г. В. Плеханову после его женитьбы на еврейке и отъезда из Российской империи. Эти шаги сблизили его с тайными недругами России, желающими полного уничтожения и захвата неисчислимых богатств процветающего и сильного государства.

Считается, что предложение о создании газеты «Искра» и теоретического журнала «Заря» высказал В. И. Ленин на совещании в Корсье (близ Женевы) в августе 1900 года. Первый номер «Искры» увидел свет 11 (24) декабря того же года. В редакцию «Искры» тогда входили В. И. Ульянов-Ленин, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов *(наст. Цедербаум)*, П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов, В. И. Засулич. Но борьба за руководство печатным органом **не** закончилась… На определенном этапе взаимоотношений между Плехановым и Лениным возникли разногласия; каждый хотел «порулить» и каждый определенно знал, как правильно это сделать… Этот конфликт обнаружил принципиальные расхождения между Лениным и Плехановым, которые впоследствии разгорелись в жестокую борьбу между большевиками и меньшевиками.

Но тогда, на совещании в Корсье перед революционерами

была поставлена задача: создать разветвленную сеть, состоявшую из проверенных людей, которые бы занимались пропагандой на местах, распространяли газеты, прокламации и другую подрывную литературу, провоцировали забастовки и погромы. Эту работу: *построение и координация огромной сети агентов* – взяла на себя Н. К. Крупская. «Дайте нам организацию революционеров – и мы перевернем Россию!» – заложив пухленькие пальчики за лацканы пиджака, похихикивая, картавил Ульянов, буквально «доставая» этой фразой своих товарищей по революционной борьбе.

В воспоминаниях партийцев из близкого окружения Ленина о том времени можно найти такие строки: «Мы очень подробно знали, кто из агентов «Искры» что делает, мы обсуждали с ними всю их работу; а когда между ними рвались связи, то связывали их между собою, сообщали о провалах, находили новых людей». Слово-то какое невинное в контексте: **агенты**, – а ведь, пожалуй, стоит вдуматься, чтобы понять как из порочных любопытствующих, психопатов, полусумасшедших, дегенератов и просто запуганных или даже наивных простачков, используемых «втемную», складывалась чудовищная сеть. Огромную роль в которой играли женщины.

Среди агентов «Искры» – как их называют во всех источниках, – **профессиональные революционеры** (читай: *прошедшие специальную подготовку в международных школах терроризма за границей или специальную обработку на местах*), это избранные, красная элита: И. Бабушкин, Н. Бауман, П. Лепешинский, М. Калинин, Л. Кецховели, А. Стопани, А. Цулукидзе, А. Ульянова-Елизарова, М. Ульянова, Р. Землячка *(наст. Залкинд)* и многие другие… И если, к примеру, Николая Эрнестовича Баумана окрестили «одним из главных практических руководителей дела»», то о Вере Ивановне Засулич не всегда отзывались так же лестно. «Третьим членом редакции от группы «Освобождение труда» была Засулич. Но и она не играла руководящей роли в газете. За все время существования ленинской «Искры» она написала в нее несколько статей на второстепенные темы и никогда не вела редакторской работы. Следует иметь в виду и то, что В. Засулич была активной участницей народнических кружков. Хотя она и отошла от народничества, но до конца не изжила своих симпатий к индивидуальному террору» (из книги «Ленинская «Искра»»).

Краткие биографические данные этой революционной фурии выглядят следующим образом. ***Засулич Вера Ивановна*** (псевдонимы: Булыгина, Велика, Велика Дмитриевна, Старшая Сестра, Тетка, а также В. Иванов, Н. Карелин и др.), *27.7.*

(8.8.)1849, д. Михайловка Смоленской губернии, – 8.5.1919, Петроград; по другим сведениям: 1851 г. – 18.5.1919 г. В 1867 в Москве закончила пансион и выдержала экзамен на учительницу. С 1868 – в Санкт-Петербурге, попала в «революционные кружки». Проходила по делу «нечаевцев» (1869–1871), оказалась в ссылке.

24 января 1878 года стреляла в петербургского градоначальника, генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова; ранила из револьвера, находясь у него на приеме. Была **оправдана** присяжными заседателями и тут же сбежала в Швейцарию. «… процесс Веры Засулич стоит на грани двух периодов революционного движения: пропагандистского и террористического», – указывают некоторые историки. А вот любопытные сведения из доклада III Отделения о пропагандистах-революционерах: с 1872 по 1877 г. по политическим делам были привлечены к дознанию 1611 человек; среди них 612 оказались моложе 25 лет, из них несовершеннолетних – 20 %. «Доклад… отметил большое участие в пропаганде учащихся, вернувшихся из Швейцарии. Таким образом, молодежь выполнила свое обещание (!? – *Авт.*) служить делу революции, которое дала (КОМУ?! – *Авт.*) перед своим возвращением из Цюриха в Россию», – это цитата из «Истории царской тюрьмы» М. Гернета, т.3.

В 1879 г. Вера Засулич вернулась в Россию, примкнула к «Черному переделу». В 1880 вновь удрала за границу, была представителем «Красного креста» «Народной воли». С 1883 – в группе «Освобождение труда»; по заданию своих тайных работодателей переводила подрывные труды Маркса и Энгельса. Много раз нелегально приезжала в Россию для установления связей с социал-демократами. С 1900 года работала в газетах «Искра» и «Заря». Активный агент *центра* международной подготовки революции: участница конгресса 2-го Интернационала.

Характеристика Веры Ивановны Засулич у многих авторов одинакова: одевалась небрежно, без конца курила папиросы в мундштуке, вела аскетический образ жизни, бытовой уют ее раздражал. Большую часть времени проводила за границей, наряду со многими социалистами и большевиками из разных стран обучаясь в заграничных террористических центрах. Однако она презрительно относилась к сотоварищам и рвалась в Россию с одной целью – террористическими методами бороться за захват власти. Ее серые мышиные глазки, змеистые, растрепанные косы, ее безудержный гнев и язвительность импонировали другой революционерке – Крупской, ведь та женщина-убийца не скрывала своих антипатий к соратникам, могла ткнуть

дымящейся трубкой мундштука в очередного заезжего революционера, и, смакуя, произнести мерзкое ругательство, от которого тот съеживался и более при ней не выпячивал свою значимость и избранность в деле мировой революции. Эта личность притягивала Крупскую как ее полный антипод. Возможно, именно знакомство с циничной революционеркой впоследствии натолкнуло Надежду Константиновну на мысль использовать женщин в качестве… своих личных агентов.

Конечно, Засулич не переработалась на ниве писания статей для «Искры» и «Зари», но она и так была загружена: переводила классиков марксизма-ленинизма и тем самым честно отрабатывала свой революционный хлеб – хлеб за предательство Отечества, чьей подданной была. А еще Вера Ивановна незадолго до этого вела активную переписку с К. Марксом *(1818–1883)* и Ф. Энгельсом *(1820–1895)*. Ну а те при случае любопытствовали, как дела у назначенной *единым центром* им в переводчицы молодой женщины. В воспоминаниях некоего социалиста А. М. Водена *(1870–1939)*, также числившегося переводчиком «великих» трудов подрывателей человечных основ общественного мироздания, – Карла Маркса *(как указывают некоторые источники, он – внук нескольких поколений раввинов, наст. Моисей Мордехай Леви)* и его друга Фридриха Энгельса, есть простенькая фраза: «…когда я явился к нему (Марксу) в первый раз…, он стал расспрашивать о Плеханове, о Вере Ивановне (Засулич), о Лаврове, о котором отзывался с добродушной иронией. Он выразил высокое мнение о таланте Плеханова (говорил: «Не ниже Лафарга или даже Лассаля», – *авт.*)…» (Из книги К. Маркс и Ф. Энгельс о литературе. М., 1958).

Еще при знакомстве с приехавшей в Мюнхен после ссылки революционерки Крупской Вера Засулич требовательно попросила:

– Ну, говорите же, говорите, наконец! От наших бестолковых мужчин ничего не добьетесь. У них одни разговоры о бабах и пивнушках. А вы мне расскажите о Сибири, о русских мужиках.

Приехавшая посетовала, что обнаружила грубые нарушения конспирации, которые осуществлял ее муж и изредка посещавшие их приехавшие на революционную учебу соотечественники. На что опытная конспиратор и агент *центра* ответила со свойственной ей жесткой прямолинейностью:

– Да вы посмотрите: от наших мужчин вообще толку мало…

Гениальная Крупская учтет это замечание, когда придется подключить к революционным преобразованиям главную и основную силу – женщин; шантажируя женщин смертью их мужей, детей, отцов можно легко добиться решения любой

задачи…

Выслушав подробный рассказ недавней ссыльной, Вера Ивановна услышала от собеседницы:

– А расскажите-ка, как вы некогда стреляли в градоначальника Трепова.

– О, и вы об этом хотите знать… ну что ж, извольте. Довольно милый был человек… порядочный… семья, детишки… Но! Этим выстрелом надо было пробудить общественное мнение, показать, что в России творится беспредел в отношении политзаключенных. Такая установка Плеханова, Аксельрода и тех, кто руководит ими. Все мы зависимы. И я, и вы – не исключение.

Вера Ивановна обучала новую подругу Крупскую как можно нести в массы «правду о революции», чтобы это выглядело твоими личными убеждениями, чтобы неосторожным словом **не** выдать своих настоящих учителей. А это слабо усваивали мужчины, находившиеся в их окружении, – так что права была Засулич, что тех в первую очередь интересовали кофейни, пивные бары и интимные общества друг друга. Здесь, подметила вновь прибывшая, **не** принято называть вещи своими именами; впрочем, *вся идеология коммунизма – это бредовая фальшивка, построенная на привлекательной лжи.*

Видя потрясение Крупской, Вера Засулич посоветовала не обращать на все это внимание. И чтобы как-то отвлечь приятельницу, познакомила ее с еще не ставшей знаменитой Кларой Цеткин *(наст. Эйснер; 1857–1933)*. Надежда Константиновна, впервые увидев эту госпожу, поразилась тому, что с первых же минут их встречи та вдруг резко и неприязненно заявила:

– Что это вы на меня так смотрите? Вам, наверное, сказали, что я еврейка? Это неправда. Я чистейших кровей немка.

Крупская лишь улыбнулась, глядя в круглые черные глаза Клары; она была заранее предупреждена Засулич о болезненном восприятии Цеткин своей еврейской внешности и происхождении. Потому, не придав особого значения ее реплике, Надежда Константиновна спросила:

– Каково ваше отношение к марксизму?

Та скороговоркой, допуская в разговоре на немецком языке многочисленные ошибки, что тут же подмечала блестяще знавшая язык Крупская, рассказала о ситуации в Германии. Дав при этом ясные – хлесткие и нелицеприятные – характеристики руководителям 2-го Интернационала. Их беседа продолжалась около полутора часов, после чего Цеткин заторопилась и, не допив остывший чай, быстро попрощавшись и не сказав ничего о будущей встрече, покинула их.

Среди мюнхенских знакомок Засулич была и Броня Мархлевская, супруга известного деятеля 2-го Интернационала Юлиана Юзефовича Мархлевского *(псевд. Куявский; 1866–1925)*, родом из Польши. В 1902–1905 гг. совместно с Парвусом (*наст. Гельфанд*) создаст «Издательство славянской и северной литературы д-ра Мархлевского и Кº. Мюнхен». Ни к славянам, ни к северным народам оба (как и все остальные сотрудники издательства) не имели никакого отношения, что, впрочем, не мешало им дискредитировать эти святые для русских понятия. Впоследствии работал в ЦК МОПР Коминтерна. Живя в Мюнхене, принимал активное участие в разработке схем по доставке антирусских газет в Российскую империю. Вместе с ним в организации доставки газеты «Искры» в Россию активное участие принимали австрийский коммунист Франц Меринг и немка Роза Люксембург (на самом деле оба евреи). Благодаря их стараниям, с помощью сотен агентов «Искры» газета переправлялась то самыми краткими и опасными, то безопасными окольными путями. Надо отдать должное изощренной изобретательности этих лиц, существующих в рамках жесточайшей партийной дисциплины, где даже подозрение на предательство заканчивается смертельным приговором, приводимым в действие сотоварищами: мужского ли, женского полу. Одним из помощников в переправке «Искры» и другой подрывной литературы был некий И. М. Юзефович, содержатель питейного заведения «Севастополь» в египетской Александрии. Бывший подданный Российской империи прибыл в Грецию, чтобы создать базу для *своих*. В его заведении был склад нелегальной литературы, которую Ленин, Засулич, Мархлевский и иже с ними высылали из Германии, а уже оттуда тонны гнусной макулатуры доставляли на пароходе «Боржом» в Батум и Одессу, откуда революционные рабы растаскивали ее по всей необъятной стране.

Как-то Броня Мархлевская, по-дружески посетившая Крупскую, с которой ее познакомила Вера Ивановна Засулич, посетовала, что ее мужа-искровца «затирают». Пришедший в этот момент Владимир Ильич, услышав разговор двух женщин, задорно уведомил:

– Мы тут приняли решение, что Инна Смидович более не в силах исполнять обязанности секретаря газеты. И я думаю, Наденька, ты справишься блестяще. …Мы так решили.

Женщины не знали, что этому предшествовала схватка Ульянова с Плехановым. Современные историки причиной той исторической размолвки называют, что будто бы Плеханов приревновал колченогого Мартова-Цедербаума к Ульянову, которого Владимир Ильич тогда еще называл не иначе как

ласково: *Мартуша*. В пылу горячих упреков речь зашла и об «Искре». А когда встал вопрос замены ставленницы Плеханова Смидович-Леман на другую доверенную женскую особь, разговор и вовсе пошел на повышенных тонах. Плеханов стал убеждать, что у него нет других достойных кандидатур. К тому же он вовсе не собирается смещать Смидович-Леман. Которая, между тем, была самой изощренной из интриганок, крутившихся вокруг большевистской газеты «Искра». Она всегда принимала сторону Плеханова (если тот был лидером среди соратников-соперников), но она так же легко могла переметнуться в лагерь более успешного «политика». Однако кого она точно не терпела, так это Ульянова. Она была непреклонно убеждена, что Ульянов «со своей селедкой» проводит максимум времени в развлечениях вместо того, чтобы заниматься революционной борьбой.

Но все же должность секретаря была возложена на Крупскую, сразу же приступившую к работе со всей ответственностью, на какую только была способна. Надежда Константиновна в буквальном смысле работала на износ. М. Эссен писала о работе Крупской в тот период: «Надежда Константиновна была незаменимым секретарем редакции старой «Искры» и «Вперед», и вся огромная работа по организации связи с партийными комитетами в России, по распределению сил, подготовке ко II и III съездам партии лежала целиком на ее плечах. В ее руках сосредоточились все нити, все связи с большевистским подпольем, которые беспрерывно рвались из-за арестов товарищей, провалов явок и адресов и которые она с изумительным терпением и большевистской настойчивостью вновь и вновь восстанавливала…»

Упомянутая ***Мария Моисеевна Эссен*** *(1872, Брест-Литовск – 1956, Москва)* также была профессиональной революционеркой, в движении социал-демократов с 1892 года, член киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; в 1899 арестована, выслана в Якутскую губернию. В 1902 бежала за границу, в Женеву, но уже в 1903 – член Петербургского комитета РСДРП, в 1905 была организатором боевых дружин (!). Впоследствии, с 1925 по 1927 г. работала в Москве, в Госиздате, с 1927 г. – в Истпарте ЦК ВКП(б), Институте Ленина, с 1931 г. – в Коммунистическом институте журналистики и т. д., была членом Союза советских писателей, – учила бывших русских, ставших *советскими гражданами:* что и о ком можно, а что и о ком нельзя писать и читать. Очень гордилась партийной кличкой «Зверь». (Любопытно, но знаменитый оккультист и масон Алистер Кроули считал себя истинным Зверем, во что верили и его современники, часто подписывался как «Зверь 666»; Зверем каббалисты называют

Нерона, Гитлера и других преступников международного масштаба.) В рядах пламенных революционеров также были Сатана (В. П. Арцибушев) и другие представители бесовщины и дьяволиады.

Тогда, в 1901 году члены редакции «Искры» жили в разных местах: Ульянов, Крупская, Мартов, Потресов и Засулич – *в Мюнхене*, Плеханов – в *Женеве,* Аксельрод – в *Цюрихе*. Но действовали они все в одном направлении. И газетенке своей придавали определенный вес склоками и лживыми статейками. Обилие псевдонимов производило эффект присутствия читательской аудитории. Какие только дискуссии не подписывались непонятными именами; А – р, Н. Д., Steinberg *(П. Б. Аксельрод)*; А. Булыгина, В., В. З., З., Иванов, Карелин *(В. И. Засулич)*; А. Б., Берг, Гамма, Егоров, Кедров, Л. М., Мартов Ю. О., Сергеев, Тупорылов, Нарцис, Эльмар, Ignotus, Martin, Z. *(Ю. О. Цедербаум)*; Алексеев, Андреевич, Бельтов, Бочаров, Волгин, Валентинов, Каменский, Кузнецов, Ушаков, Idem и др. *(Г. В. Плеханов)*; А. П., К – р – ий, П – в, П – р – ъ, Потресов-Старовер, Путман, Семин, Орест, Старовер *(А. Н. Потресов)* и т. д. Были у «Искры» и свои поэты: Петр Вейнберг, Николай Ломан, Алексей Сниткин, Лиодор Пальмин, Петр Шумахер и другие, писавшие пасквили и «шедевры», не только такие, как «Песнь каторжного», но еще и «Песнь о Педефиле и Педемахе», «Угнетенная невинность, или новая Одиссея».

Что же касается тематики публицистических статей, то здесь можно было изгаляться как угодно: провоцировать и обливать грязью друг друга, а еще лучше – чернить российскую действительность; все сходило с рук!

«Приветствуемый «Освобождением», тов. Старовер продолжает в новой «Искре» каяться в грехах, содеянных им (по неразумению) участием в старой «Искре». Тов. Старовер очень похож на героиню чеховского рассказа «Душечка». Душечка жила сначала с антрепренером и говорила: мы с Ваничкой ставим серьезные пьесы. Потом жила она с торговцем лесом и говорила: мы с Васичкой возмущены высоким тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: мы с Количкой лечим лошадей. Так и тов. Старовер. «Мы с Лениным» ругали Мартынова. «Мы с Мартыновым» ругаем Ленина. Милая социал-демократическая душечка! В чьих-то объятиях очутишься ты завтра?» (См. В. И. Ленин, Соч., т. 9, изд. 4).

На страницах «Искры» велись и более «высокоинтеллектуальные» дискуссии; тут и словесная борьба с эсерами, которые «вместе с Бернштейном, Давидом, Герцем и другими ревизионистами, ополчившись против революционной

теории марксизма, сосредоточили свои усилия на «критике» учения Маркса по аграрному вопросу»; по мнению большевиков, именно эсеры клеветали на марксизм без зазрения совести, «путем клеветы и извращений стремились внушить крестьянству недоверие к рабочему классу и его партии, сорвать в ходе революционной борьбы союз рабочего класса и крестьянства» (из книги «Ленинская «Искра»).

Не зазорно им было русскому народу – доверчивому как дитя! – лгать что заблагорассудится их изощренным умам. К примеру, писали, что в имении князя Трубецкого (Херсонской губернии) продолжительность рабочего дня составляет… 21 час с получасовым перерывом на завтрак и обед, и что издевательства над рабочими доходили до того, что им… надевали намордники при сборе винограда! Писали, цинично посмеиваясь над глупостью народа, позволявшему с такой легкостью обвести себя вокруг пальца… Были и другие «страшные» подробности о положении наемных рабочих в Российской империи.

В 1902 году почти вся редакция «Искры» собралась в Лондоне, причем «Мартов и Засулич поселились коммуной в одной квартире с Алексеевым. Самую большую комнату сделали общей, где проходили деловые встречи и обсуждения. Плеханов дал этой комнате меткое название «вертеп» за царивший там чудовищный беспорядок». К слову: НИ в одной стране Европы мужчины и женщины, НЕ состоявшие в церковном браке, НЕ жили в одном помещении. Но в подобных «коммунах» часто собирались представители вырождения и упадка, почитатели революционных идей свободной плоти.

В связи с появлением многочисленных подобных «вертепов» в Российской империи, с середины XIX века русских ученых стала интересовать тема гомосексуальности. В «Архиве судебной медицины и общественной гигиены» имеются любопытные материалы. Там можно найти свидетельства, какие научные споры ведут немецкие ученые Каспер и Тардье, петербургский гинеколог Мержеевский, психиатры В. М. Бехтерев и В. Ф. Чиж. Последний «отметил, что описываемые… явления вовсе не являются такими редкими и исключительными, как это кажется немецким авторам, с проявлениями содомии криминальная полиция сталкивается чуть ли не ежедневно». Самым влиятельным русским специалистом был профессор Петербургской Военно-медицинской академии Вениамин Михайлович Тарновский. Его книга «Извращение полового чувства: Судебно-психиатрический очерк для врачей и юристов» (1885) была почти одновременно с русским изданием выпущена на немецком, а позже также на английском и французском

языках… Неприязнь к гомосексуальности дополнялась у Тарновского антисемитизмом» (печатается по И. Кон «Лунный свет на заре», М., 1988). Впрочем, большинство воистину влиятельных русских специалистов в этой области (и других) после кровавого октябрьского переворота 1917 года были вымараны из печатных трудов и памяти народной…

В том же 1902 году Владимир Ильич, сдавший «Искру» своей близкой соратнице Крупской, много путешествует; он читает «рефераты против эсеров» в Париже, в октябре и ноябре – в Лозанне, Женеве, Берне, Цюрихе… Осенью того же года в Лондоне появляются после побега из «страшной» царской тюрьмы 9 «искровцев»: Бауман, Крохмаль, Литвинов, Пятницкий *(наст. Таршис)* и другие. «В 1901 г. В. И. Ленин направил в Москву прекрасного организатора, стойкого профессионала-революционера Н. Э. Баумана», который распространял литературу, организовывал кружки, вел подрывную деятельность на заводах и фабриках… В начале 1902 г. был арестован; отчего «довелось летом из-за границы отправлять новую группу искровцев» (из книги «Ленинская «Искра»). Среди прибывших и революционер Бабушкин; «еще больше вырос Иван Васильевич в глазах Плеханова, когда, придя в коммуну, Георгий Валентинович увидел в «вертепе» идеальный порядок». На вопрос кто причастен к порядку, Бабушкин отметил с обидой: «Это у вашего элемента всегда грязь, – ему русская прислуга нужна, а сам он за собой прибрать не умеет». И в дальнейшем Бабушкин, пока находился в Мюнхене и посещал тайные занятия по искусству революционной борьбы и террора, следил за тем, чтоб сотоварищи мужчины и женщины не гадили в общем «вертепе».

Также по осени редакции «Искры» вновь пришлось сменить место: на сей раз поехали в Женеву. Там Крупская и Ульянов до 17 июня 1904 года прожили в двухэтажном доме, «напоминающем дом русского заштатного города» (по определению М. Эссен); очень прекрасная характеристика, если на нее обратить внимание, – станет понятным, что в царской России **не** могло быть пресловутого «жилищного вопроса», а народ жил в добротных условиях. Тогда же Надежда Константиновна готовила доклад ко II съезду партии, одновременно работала с корреспонденцией и шифровкой писем. При этом революционеры «шифровали» и самих себя, давая друг другу клички вместо имен. Если обратиться к трудам психиатров, то можно увидеть, отчего возникает пристрастие смены имен и псевдонимов. И конспирация тут вовсе не стоит на первом месте! Люди, вступающие в религиозные общества, принимают новые имена, чтобы показать, что они стали другими и начали новую жизнь;

точно так же поступают и вступающие в оккультные общества. В народе же веровали, что новые имена берут себе только ведьмы, идя в услужение к дьяволу. Но когда мужчины берут женские имена, а женщины подписываются мужскими – это однозначно свидетельствует о проблемах с психикой. И кому, как не современным психиатрам, знать это.

Ради любопытства взглянем на отдельные персонажи.

Революционеры: Лиза *(М. Н. Ломан)*, Леночка *(Ц. С. Зеликсон-Бобровский)*, Теофилия *(М. М. Литвинов, наст. Валлах)*, Магдалина *(М. М. Кливанский)*, Маргарита *(В. С. Бобровский)*, Нора *(Л. Д. Махлин)*, Альфа *(Л. Е. Гальперин)*, Адель *(Б. И. Гольдман)*, Вера, Фрося *(И. Л. Давидсон)*, Ася *(Б. М. Кнунянц)*, Эмма *(М. М. Кореневский)*, Катерина, Матрена *(П. Г. Смидович)*, Зоя *(И. А. Трахтенберг)* и даже Рыжая жаба *(Л. С. Цейтлин)* и проч.

Революционерки: Димка *(И. Г. Смидович-Леман)*, Эдуард *(Д. И. Двойрес)*, Осипов, Демин *(Р. С. Землячка)*, Петя *(Е. В. Зверева)*, Константин, Фаддей, Кручинин *(С. И. Залкинд)*, Леон *(О. И. Виноградова)*, Костя, Фишер *(Р. С. Гальберштадт)*, Фауст *(М. П. Голубева)*, Джем *(А. И. Ульянова-Елизарова)*, Жак, Штейн *(Е. М. Александрова)*, а также Наследник Рузова *(Е. И. Попова)*, Дяденька, Дяд *(Л. М. Книпович)*, Минай, Зверев, Соколов, Зверь *(М. М. Эссен)*, В. Иванов, Н. Карелин *(В. И. Засулич)*, даже – Велосипед, Велосипедист *(О. Ф. Попова)* и проч.

Этот список можно было бы продолжать еще долго. По-иному именовались различные организации в системе партии, секретились подпольные типографии, и, конечно же, большевистская набирающая силу и вес газетенка «Искра», которую в письмах называли «Фекла».

16 июля 1902 года Ульянов писал: «Старайтесь убедить Ваню, что от *местной* работы мы и не думаем отвлекать, что Питер – такая «местность», которая имеет и *непосредственно* общерусское значение, что слияние Вани с Соней громадно усилит местную работу и в то же время сразу выведет всю партию из состояния полупризрачного на степень не только реальности, но и первостепенной силы». При этом важно знать, что русский *Ваня* – Петербургский комитет, а нерусская *Соня* – так называемая Русская организация «Искры». Даже в именах здесь заложен свой чудовищный подтекст; осталось только взорвать *«местность», которая имела непосредственно общерусское значение*, – петровскую колыбель великой Руси.

И еще как пример, в одном из писем петербургскому агенту «Искры» Ульянов-Ленин писал: «Образовать русский О. К. (т. е.

Организационный Комитет. – *Авт.*) непременно должны Вы и взять его в свои руки: Вы от Вани, Клер от Сони, да плюс еще один из наших с юга – вот идеал». Итак, «Ваню» и «Соню» вы знаете, а кокетливое *Клер* – Кржижановский, возглавлявший самарскую группу искровцев; который до этого, в 1901 году, побывал за границей у В. И. Ленина и получил от него необходимые инструкции.

Крупской, приняв должность секретаря «Искры», довелось решать множество проблем, но она была полна сил и желания показать, что она лучше всех, – но показать не хвастаясь, не говоря о том ни единого слова! И этого принципа: *быть первой, но словно бы непричастной!* – она придерживалась до конца своих дней.

…Как-то уже на склоне лет Надежда Константиновна посетила библиотеку в Москве, которая к тому времени стала носить имя В. И. Ленина. И просматривая старые издания, с удовлетворением обнаружила, что в «Искре» со дня соединения четы Ульяновых в Мюнхене, вплоть до 5 мая 1912 года, когда вместо «Искры» стала выходить газета «Правда», а также в журнале «Заря» и других «ленинских» изданиях большинство статей, подписанные фамилией или псевдонимами Владимира Ильича, ***были написаны ей лично***, большую часть жизни числившейся супругой этого уникального представителя *хомо сапиенс*. Крупская, обладавшая недюжинным умом, невзирая на возраст, прекрасно помнила все свои материалы, которая она подготовила для Владимира Ильича Ленина.

* * *

Многие из пламенных революционерок, а не только некоторые из упомянутых «искровцев», оставались «служебными женами», служившими прикрытием тем, кому женщины, как таковые, были мало интересны. И даже те, кто по природе своей были мягкими, отзывчивыми и добродетельными натурами, претерпевали чудовищные изменения, сказывающиеся на душевных качествах и образе мышления. Окажись они в иных условиях, несомненно, их женская психофизиология получила бы иное развитие. Ибо это та категория священного женского начала, когда многое зависит от того, в каком социуме женщина оказалась, каково влияние на нее мужчин. Но будущие идейные революционерки, задававшие тон в революционном движении, попадали в социум мужчин, по большей части всецело поглощенных утопическими идеями, фанатиков, экстремистов,

психопатов, часто нагло развратничающих на глазах у женщин и дегенератов, считавших себя избранными, мессиями будущих мировых преобразований.

История 4. Все, что полезно «для самой серой работницы»

Балалайка, балалайка,
Выговаривай слова!
За хорошую работу
Ты мне в премию дана.

– Ты не очень расходися! —
Жена мужу говорит. —
Трудодни в конце покажут,
Кто кого будет кормить!

Советские частушки

Для того чтобы изменить любое общество, достаточно изменить сущность Женщины. Имею в виду ее роль, духовное и моральное предназначение.

Чтобы переворот в Российской империи был успешным, а плоды революции могли закрепиться, надо было в первую очередь сломать внутреннюю сущность Женщины, сделать ее самкой, животным, безгласным, безвольным, ограниченным, униженным и уничтоженным деградирующим существом. Так что не зря по заданию тайных интернациональных сил Чернышевский писал свою, ставшую в СССР хрестоматийной, книгу «Что делать?». Не зря на этом поприще подвизались другие литераторы (некоторые даже неосознанно, главное ведь что: задать тему, запустить в массы, раскрутить, сделать ее модной, – как сказали бы сейчас). После «раскрутки» романа «Что делать?» отдельные члены русского общества стали решать личные и семейные неурядицы в духе героев и героинь этого произведения, попирая принятые нормы морали; к тому же этим и иными трудами литераторов той эпохи словно был дан старт на создание женских трудовых ассоциаций и «коммун».

Литераторы, конечно, сыграли свою негативную роль в перерождении Женщины; однако более активно, более ***целенаправленно и жестко долбили нравственные устои общества революционерки.***

Как сложно было поначалу заставить русскую женщину уразуметь, поверить, что она… *несвободна.* Что она должна изменить СВОЕ место в обществе, стать наравне с мужчиной во

всех делах и начинаниях. Что она должна работать наравне с ним, в том числе и физически.

Для того чтобы корректировать планы, скажем так, наступления на психику женщин, разрушения нравственных устоев, большевики не единожды (то за границей, а то даже в России) собирали провокационные съезды, конференции, писали брошюры, переводили книги определенного направления. К примеру, не успела в Германии в 1911 году выйти книга немецкой еврейки Греты Мейзель-Хесс «Die Sexuelle Krise», как Александра Коллонтай тут же, спешно пишет статью **«Любовь и новая мораль»** по мотивам этой книжки. Она информирует русского читателя, что Мейзель оказала великую заслугу (!) современному им обществу, посмев «со спокойным бесстрашием крикнуть обществу, что… современная половая мораль – пустая фикция»; *пустая фикция*, как ее хотели видеть порочные революционерки.

Мейзель, как и Коллонтай, заботило, что *«открытую смену любовных союзов современное общество… готово видеть как величайшее для себя оскорбление»*; что *«пробные ночи»* обязательно должны стать нормой в обществе будущего, *«иметь право гражданства»*; что *«современная форма легального брака беднит душу»*!!! Выход же, по словам А. Коллонтай, ***«возможен лишь при условии коренного перевоспитания психики»***, при условии изменения всех социальных основ, на которых держатся моральные представления человечества. Идеал, – *«последовательная моногамия»*, то есть неизбежная смена партнеров!

Вот какие антиморальные, античеловеческие идеалы закладывали в психику русских женщин новые «подруги» и «передовые учителя».

«Пусть не скоро станут эти женщины явлением обычным, … дорога найдена, вдали заманчиво светлеет широко раскрытая заповедная дверь…» (См. А. Коллонтай. Любовь и новая мораль. Сб. Философия любви. М., 1990, ч. 2).

Все большевички обязаны были внести свою лепту в дело уничижения Женщины. Получая при этом задания напрямую: местечковые – от руководителей партячеек, при должностях и доверенные – от главных партийных боссов, ну а те – в свою очередь – от их «работодателей», **истинных** заказчиков так называемой русской революции. ***В партии большевиков все роли были распределены и каждый отчитывался перед товарищами за проделанную работу: будь то перевод капитальных трудов «великих мыслителей» Маркса, Энгельса, или похабная брошюрка о содомии «прогрессивного» направле ния.***

Неудивительно, что наконец и пламенная Инесса Арманд собралась «просветить» русских женщин в сфере свободной любви. В 1915 году она присылает В. И. Ленину план брошюры, которую собралась написать по этому поводу (правда, незадолго до того обещала своему интимному другу написать кое-что по педагогике, но с педагогикой у нее ничего не получилось). Любовники переписываются и доказывают друг другу, что следует понимать под любовью, страстью, поцелуями без любви, проституцией, под грязным и пошлым браком и так далее. Видимо, не зря Инесса после Октябрьского переворота была назначена заведующей женским отделом при ЦК РКП(б) (но уже после того как не справилась с работой председателя совнархоза Московской губернии).

Отрабатывая свой сытный кусок (это вовсе не метафора), она пописывала лживые статейки и брошюрки, призывая работниц поддержать советскую власть. Представляясь, конечно же, не Инессой Арманд, – о которой могли узнать, что она вела порочный образ жизни, сходилась-расходилась с мужчинами, рожала от разных мужчин, бросала детей на попечение то бывшего мужа, то товарищей по партии, путалась с Лениным и другими видными большевиками, и тому подобное. Нет, она подписывалась как безвестная Елена Блонина, или Е. Блонина (как циничная насмешка!).

Опус Блониной **«Почему я стала защитницей Советской власти?»** та же Надежда Константиновна Крупская представила как брошюру ***«для самой серой работницы»***, – для редчайшего экземпляра: деградировавшего и тупого элемента в юбке. Но таковых были единицы. Кто в 1919 году еще мог поверить даже якобы работнице текстильной фабрики некоей «Еблониной», что… цитирую:

«Мы, работницы, работали по 11 часов в сутки, а то еще и сверхурочные (рабочий день в Российской империи был нормированным! Впрочем, что такое соврать для инородки, попавшей в семью русского дворянина, и ни дня нигде и никогда **не** работавшей! Она же лгала тем, кто ей был полностью чужд, кого она и за людей не считала… – *Авт.*).

Жила я в подвальном этаже. Углы сдавала. Тесно, темно, сыро. (Подобным образом эти лжецы вбивали в сознание то, чего в русском обществе в рабочей среде НИКОГДА не было; но зато будет в достатке у рабочего класса советских изгоев, заселяемых в коммуналки, бараки и общежития, – чтобы подобное «жилье» после рассказанных ужасов про царизм казалось раем земным. – *Авт.*).

Жалованье совсем было маленькое, прожить нечем (ложь,

но… вот если про советский и даже сегодняшний постсоветский день, то сущая правда. – *Авт.*). …Бывало, и молока ребенку не на что купить. Так мой первенький умер…»

Но вот, прикидываясь тупой и полуграмотной, пишет Блонина-Арманд, нашелся на фабрике какой-то рабочий, у которого «оказался красный флаг, и пошли на улицу с демонстрацией. В других фабриках тоже снимали рабочих. Собралось нас очень много. Идем мы прямо к губернаторской площади. Только мы туда дошли, а там полно солдатами. Офицер нам кричит: «Расходись!» Мы идем дальше. Как он крикнет еще раз, солдаты и выстрелили. Убито было тогда несколько работниц. Так, сердечные, и лежали, раскинувшись, в крови. А уж сколько было избитых!»

И вот на такую наглую ложь «покупались» наивные русские люди, неискушенные в коварстве; жалели неких мифических убитых; только пожалеть-то надо было и защищать самих себя… Припомнить бы им, знать бы им, что в результате Французской революции 1789–1794 годов и развязанного революционерами террора погибло более миллиона человек. Но что такое Франция по сравнению с Российской империей, где может погибнуть значительно больше (а ведь и погибло после 1917 года 60 миллионов только русских, а сколько других бывших подданных империи!). Или припомнить хотя бы недавние факты, после революции 1905 года, – после ГЕНЕРАЛЬНОЙ РЕПЕТИЦИИ СМЕРТЕЙ террористы из рядов революционеров-психопатов загубили 12 тысяч человек (это по приблизительным, самым скромным подсчетам!). Известно, что на одно из думских заседаний депутаты-монархисты принесли склеенные листы, испещренные именами жертв террора; *полоса бумаги, развернутая по всей ширине зала*, укоряла присутствующих молчаливым белым укором: что ж вы, люди русские, куда смотрите, **кого** жалеете; **кого** прощаете; **кого** ссылаете в ссылки, словно на курорт с полным содержанием и денежным пособием; **кого** не можете досмотреть, что они массово бегут за границу из ссылок и тюрем; **кому** дозволяете чуть ли не в открытую привозить из-за границы книги, брошюры, газеты, деньги, оружие?!

А чтобы народ НИКОГДА не узнал цену подготовки большевистской революции, после 1917 года среди многих других документов было изъято многотомное издание ***«Книга русской скорби»***, где перечислялись высшие сановные особы, могущие **не** допустить так называемой большевистской революции, останься они в живых, не погибни от рук прошедших подготовку в заграничных лагерях революционеров (как местного, отечественного пошиба, так и наемников из других

стран); перечислялись и совершенно случайные люди, попавшие под осколки брошенных бомб, взорванные вместе с частными зданиями и учреждениями, скончавшиеся от случайных ранений…

Это было первое свидетельство холокоста русского народа.

Повторюсь: вот по ком нам, потомкам массово деградированного народа, детям и внукам «советизированных» предков, надо создать Мемориал, вписав имена всех убитых, назвав при всех убийц и их национальную принадлежность. А затем и другие мемориалы: в каждом городе, в каждом местечке, где после 1917 года произошли массовые расстрелы наших соотечественников… Чтобы неповадно было покупаться на чужую ложь…

…даже на ложь, высказанную давным-давно; к примеру ту, что измышляла в своем «искусном шедевре» «Почему я стала защитницей Советской власти?» агент международного центра подготовки революции И. Арманд: «Да, тяжелая была наша доля… Ну а при Советской власти всего этого не может быть. Потому теперь наша, рабочая власть. Теперь мы вольные птицы. Сами порядки устанавливаем…»

Не забыла-таки Инесса в своей работе указать и причины, отчего народ при «самой лучшей и справедливой в мире власти» голодает: «Советская власть делает все, что возможно, чтобы в нынешнее трудное время доставить хлеб рабочим. Если хлеба мало, то виновато в этом царское правительство, помещики и капиталисты».

Только не писала Блонина, что хлеба в стране прежде всегда хватало с избытком, и что в Российской империи на знаменитых Нижегородских ярмарках, куда со всего мира съезжались банкиры, купцы и коммерсанты, устанавливались мировые цены на хлеб! Впрочем, какой *хлеб*?! – если голод был спровоцирован. Ведь сытый не пойдет служить новой власти за рабский паек, сытого тяжелей облапошить, одурачить… Только тот, у кого в руках весь хлеб, получит полноту власти, а весь хлеб можно заполучить только развязав самый масштабный, невиданный доселе красный террор – открыто признавал «вождь мирового пролетариата» Владимир Ильич Ленин.

В том же 1919 году Арманд стряпает статейку **«Маркс и Энгельс по вопросу семьи и брака»**, где восклицает: *«Одним ударом, сразу мы не в силах были смести все тяжелые пережитки буржуазных семейных отношений… Мы должны, и мы уже начали вводить общественное воспитание детей и уничтожать власть родителей над детьми».*

Эта тема давно была близка неудавшейся мамаше, к тому же кой-какой опыт в деле изменения мышления Женщины имелся у нее еще с начала века. Как известно, в декабре 1908 года в Санкт-Петербурге проходил первый так называемый Всероссийский женский съезд; а отчеты о нем *партии* дает Инесса Арманд. Докладывает, что, по заданию партии, в некоторых выступлениях озвучены мысли о необходимости разрушения старого семейного уклада и изменения роли женщины в обществе (!).

Активно ***на поприще разрушения женской сущности*** работали Клара Цеткин, Роза Люксембург, Вера Засулич, Конкордия Самойлова, Александра Коллонтай, Инесса Арманд, а также Е. Розмирович, Л. Менжинская, Л. Сталь, А. Ульянова-Елизарова, Е. Лилина (*наст. Книгисен*) и другие партийки, печатавшиеся в большевистской прессе, в том числе в журнале «Работница» (орган ЦК большевистской партии), начавшем выходить в 1914 году. «Журнал сыграл значительную роль в политическом просвещении женщин-работниц, в сплочении их под знаменем партии, в пропаганде ленинских идей социалистической революции», – констатирует БСЭ, т. 21, с. 303; подобное можно сказать обо всех печатных большевистских и советских изданиях.

Пути решения *советизации* женщин отрабатывались на женских конференциях (в апреле и июне) 1918 года, на Всероссийском съезде работниц и крестьянок осенью того же года (иногда называют совещанием; длился 6 дней). Подготовкой к которому активно занималось бюро по созыву съезда при Секретариате ЦК РКП(б), куда входили все те же знакомые бессменные активистки: И. Арманд и А. Коллонтай, а также В. Мойрова, Е. Подчуфарова, а руководил ими Яков (Янкель) Михайлович Свердлов. Куда большевичкам без мужского партийного начала? К слову: в советские времена зачастую на «женские» международные конференции и съезды отправлялись делегации женщин из СССР, возглавляемые… мужчинами; абсурд, вызывавший насмешки западных социалисток и демократок.

В 1918 году лживая газета с претенциозным названием «Правда» вышла с заголовком: «Работницы, прислуга, конторщицы, приказчицы, ремесленницы, прачки, жены рабочих – все вы нужны Советской власти»; все – на укрепление и обслуживание новой власти! Но не только… Большевики отводят «советской» женщине еще одну роль: **стать солдатом в деле установления *нового Мирового порядка.***

Открыто об этом на съезде сказал В. И. Ленин, когда выступил с речью о роли женщины в Мировой революции.

Ну а руководить «советскими» будут женщины «избранные»;

к примеру, те, что сидели за столом президиума Всероссийского съезда работниц и крестьянок: Арманд, Коллонтай, Сталь, Самойлова, Елизарова-Ульянова, Мойрова, Янсон-Грау и другие. Правда, «известные большевички» понимали, что православные женщины воевать за дело богоборцев **не** пойдут, оттого *«много места съезд уделил антирелигиозной пропаганде»*, объясняя *«значение пролетарского интернационального братства»*.

«Товарищи, из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины», – размахивая ручонкой, картаво бросал в ряды Владимир Ильич и умилялся своей пламенности. Крупская внимательно следила за реакцией зала. В ответ женщины приняли резолюцию, напечатанную в «Правде» за 21 ноября 1918 года: на зов вождей *«сомкнемся мощными рядами и уничтожим буржуазию всех стран. Да здравствует мировая социалистическая революция»*.

Вдохновленная речами «вождя мирового пролетариата», одна из делегаток, ***Елизавета Исааковна Коган-Писманик*** (представлена на съезде белоруской, 1899 года рождения), писала позже: «Съезд… показал, что поднялась великая женская рать». В 1920 году Коган-Писманик ушла комиссаром (уж очень хороший паек был у комиссаров!) в Красную армию. С 1921 года работала заместителем заведующего женотделом Витебского губкома партии; в 1923–1925 гг. возглавляла женотдел ЦК КП(б) Белоруссии. Верная пропагандистка и агитпроповка своей партии. Однако никаких сведений об этой «великой деятельнице компартии» ни в Большой, ни в Белорусской энциклопедиях нет.

Думается, женщины из больших городов и из глубинки, приехавшие на Всероссийский съезд работниц и крестьянок, вели себя культурно. В отличие от мужчин, собравшихся в 1919 году на съезд «деревенской бедноты», проходивший в Санкт-Петербурге (тогдашний Петроград). Сотни приехавших «крестьян» (большинство их, судя по спискам, местечковые евреи из бывших «мест оседлости») разместили в Зимнем дворце Романовых; когда же люди разъехались, «оказалось, что они не только все ванны дворца, но и огромное количество ценнейших севрских, саксонских и восточных ваз загадили, употребляя их в качестве ночных горшков. Это было сделано не по силе нужды, – уборные дворца оказались в порядке, водопровод действовал», – вспоминал главный идеолог от советской литературы Максим Горький (см. М. Горький. Собрание сочинений. М., 1952, т. 17). Такова была сила ненависти к царской России, к ее культуре, традициям, ценностям, ко всему, что казалось непонятным и недоступным…

Для того чтобы женщина стала борцом (бойцом агитпроповского фронта или планируемым в случае надобности пушечным мясом), ее надо оторвать от привычных обязанностей, или, как говорили большевики, **«раскрепостить»**. А для этого обещались поскорей устроить общественные столовые, прачечные, мастерские для починки и штопки платья, артели для химчистки, и, конечно же, ясли и детские сады.

Всезнающий демагог Горький поучал: «От каторжной жизни спасет женщину только социализм, коллективный труд. Рабоче-крестьянская власть успешно начала перестраивать жизнь на коллективных началах… Дело это трудное: люди веками научены жить по-звериному (а сам Горький, занимаясь непонятно чем с усыновленным им братом Янкеля Свердлова Залманом *(наст. Ешуа Золомон Мовшев;1885–1966)*, ставшим по документам Зиновием Алексеевичем Пешковым и другими товарищами-большевиками еще на Капри, жил праведно, никак не *по-звериному*?! – *Авт.*)… Женщинам Союза Советов, особенно крестьянкам, следует весьма серьезно подумать о своем отношении к религии и церкви… И ей особенно хорошо надобно понять, что церковь – древний, неутомимый и жесточайший враг ее» (там же, т. 25).

О, этот мессианский *обвинитель всех и вся*, товарищ Максим Горький когда-то, еще в 1907 году высказал упрек таким, как сам, **новаторам от русской литературы**: «Все это – старые рабы, люди, которые не могут не смешивать свободу с педерастией, например, для них «освобождение человека» странным образом смешивается с перемещением из одной помойной ямы в другую, а порою даже низводится к свободе члена и – только» (см. письма Горького к Леониду Андрееву). А вскоре и сам стал в авангарде пролетарских писателей, выросших из плеяды этих самых «рабов свободного члена» и уже больше не возмущался, когда товарищ Владимир Ильич заходил к нему в номер очередной гостиницы перед сном, чтоб приподнять одеяло и собственноручно проверить, теплые ли простынки у пролетарского буревестника. Подобные факты имели место, и писатель не стесняется это описывать в своих воспоминаниях. Что уж тут ему остается, когда *товарищи* победили: разве что по укоренившейся привычке поносить то *дурака-Николашку* с царизмом, то всю старую власть, то церковь, то женщину…

«Отрицательное и враждебное отношение к женщине деятельно и непрерывно внушалось церковью мужчине на протяжении двух десятков веков; оно весьма глубоко проникло в сознание мужчины и приобрело у него силу почти инстинкта», – продолжал стращать он (там же, т. 25). Только за своей

бесконечной пропагандистской ложью пролетарский писатель прикрыл свое личностное неприятие женщины. Нападая на христианскую церковь, отобрав у православных женщин их праздник – День жен-мироносиц, большевичка Клара Цеткин ввела обязательный праздник 8 Марта (считается, что он совпадает с иудейским праздником Пурим).

Все это стало возможным после 1917 года, когда исполнялось предуказанное большевичкой А. Коллонтай, что революция укрепится и восторжествует «лишь при условии коренного перевоспитания психики». Только после переворота и силового захвата власти в Российской Империи **впервые** были созданы условия изменения всех социальных основ, на которых держатся моральные представления всего разумного Человечества.

История 5. Инесса, «горящий костер революции»

Последние пушки грохочут в кровавых спорах,
последний штык заводы гранят.
Мы всех заставим рассыпать порох.
Мы детям раздадим мячи гранат.

Это над взбитой битвами пылью,
Над всеми, кто грызся, в любви изверясь, днесь
небывалой сбывается былью социалистическая ересь!

В. Маяковский, «Революция» (отрывок), 1917

Писать книгу о влиянии революции (как действия) и социализма (как идеологии) на сущность Женщины, и обойти вниманием большевичку Инессу Арманд, которую уже в наше время представляют секс-символом революции, невозможно.

Инесса Федоровна Арманд (в одних источниках: *1875–1920*; в других – иная дата рождения: *8 мая 1874 г.*), отец – француз Теодор Стефан, оперный певец (встречается написание Стеффен; сценичный псевдоним Пеше Эрбанвиль), мать – еврейка Натэлла Вильд, которую советские агитпроповцы представляли полуфранцуженкой-полуангличанкой, актриса и учительница пения. Вы не найдете сведений, были ли на самом деле эти люди супругами, или оставались любовниками. Скорее всего, последнее, а иначе для чего матери было избавляться от своего ребенка, переправляя в другую страну?! Впрочем, в ее поступке просматривается дальновидный план; воспитываясь подле актрисы и певички, на какое будущее может рассчитывать Инесса? Комментарии, как говорят, излишни.

После смерти отца мать передала девочку на воспитание тетке, работавшей гувернанткой и учительницей французского в

домах русской аристократии. Впоследствии сестра матери ввела юную Инессу в хлебосольный и гостеприимный дом Армандов. Выдавая себя за француженку, рыжеволосая бесприданница Инесса соблазнила сына наследника главы дома, человека обаятельного, но мягкосердечного, увлеченного благотворительностью. И в 1893 году Инесса Стефан (или все-таки Вильд?) вышла замуж за русского дворянина Александра Евгеньевича Арманда, отец которого занимался коммерцией, имел предприятия по покраске тканей и доходный дом, а также несколько чудесных имений. В 1894 году у супругов родился сын Александр; в 1896 году – Федор, затем Инна и Варвара, а в 1903 году – Андрей (некоторые дети сводные).

Знакомство Инессы Арманд с будущими соратниками по партии состоялось впервые в 1896-м через участника подпольного студенческого кружка некоего Е. Е. Каммера, репетитора Бориса, одного из младших братьев ее мужа. После ареста Евгения Каммера (в доме «работодателей» он умудрился держать подрывную литературу и *мимеографы*, множительные аппараты, – своего рода подпольную типографию, пользуясь открытостью и наивностью семьи почтенного и уважаемого в обществе мануфактур-советника!) Инесса, сожалея о разлуке с арестованным, признается мужу: «Я его как-то очень, очень люблю, и мне его страшно жаль…»

В 1899 году молодая женщина, запросто бросив мужа и детей (!), поехала в Швейцарию, где и получила свои первые «революционные» задания. Тогда же в письме мужу она требует от него… достать ей сочинения М. К. Горбуновой «Женские промыслы в Московской губернии» и узнать в ремесленной управе насчет труда учениц и мастериц. Получается: пока мужчины – социалисты большевики – сидя по заграницам и получив конкретные задания от вышестоящих товарищей по партии, изучают сельское хозяйство и статистику России, их помощницы-революционерки изучают условия труда и быта русских женщин, – *все для того, чтобы впоследствии извратить этот божественный уклад.* Обратимся за некоторыми сведениями к одной из книг, рассказывающей о жизни «величайшей феминистки XX столетия» Инессы Арманд. «Мне бы нужно знать, – пишет она, – только среднее количество часов, которые они работают, и среднюю заработную плату». Надо заметить, что автор этой книги… Минна Карловна Горбунова-Каблукова была знакома Инессе… Горбунова-Каблукова состояла в переписке с Фридрихом Энгельсом. И вовсе не исключено, что Минна Карловна показывала юной приятельнице письма своего великого корреспондента. В ту пору Инесса и сама установила кой-какие

интернациональные связи. Я беру из архивной папки письмо… в котором ставится вопрос о создании в Москве «секции международного женского прогрессивного союза». Корреспондентка Инессы… Адриэнна Вейжеле обещает ей всяческую поддержку и приглашает в Лондон за опытом» (П. Подляшук. Товарищ Инесса. М., 1985). Если не вняли, вчитайтесь еще раз и обратите внимание на словах о «кой-каких интернациональных связях», и о «международной секции» в Москве, для создания которой надо получить опыт в Лондоне.

В другой раз И. Арманд посещает Швейцарию осенью 1903 года, при ней присутствуют дети. Она уже давно объяснила мужу, что любит другого, на сей раз ее избранник… Владимир, младший брат Александра Арманда. Вот отрывок из письма, взятого из названной книги автора Павла Исааковича Подляшука: «Разлад между интересами личными или семейными и интересами общественными является для современного интеллигента самой тяжелой проблемой, так как сплошь да рядом приходится жертвовать либо тем, либо другим, да и кто из нас не стоит перед этой тяжелой дилеммой? У рабочих другое – там гармония, совпадение личных и общественных интересов, потому-то они такие цельные, крепкие, а мы все интеллигенты более или менее в противоречии с самими собой». Письмо написано осенью 1908 года и предназначено друзьям все из той же породы социалистов Анне Яковлевне и Владимиру Моисеевичу Аскнази. Даже из этого письма ясно видно: Инесса прекрасно понимает, что Природа не дала ее душе познать гармонию, оттого она всю жизнь будет поступать как типичная вырожденка (по классификации психиатров), проходя характерные этапы: разлад в семье, беспорядочные любовные связи, рождение детей от разных мужчин, революционная деятельность с младенцами на руках, переезды, ссылки, разочарование, ранняя смерть.

Любопытно, что в 1905 году, в феврале (в первые дни после вероломного убийства московского губернатора Великого князя Сергея Александровича) в числе арестованных значились Владимир и Инесса Арманды. В одном списке с ними: Зоммерфельд, Вноровский-Мищенко, Лютиков, Фортунатов, Бенни, Гоц, Элькин, Берков и другие. Аресты, по словам товарища прокурора Московской судебной палаты Золотарева, производились «в целях проверки предположения о возможности связи между означенным событием и преступными замыслами местных революционеров». В списке из 29 человек за номером 9 написано: «Николаев, Иван Ильин (т. е. сын Ильи Николаева. – *Авт.*), студент Московского университета. Имел сношения с Борисом Вноровским-Мищенко. …Проживал совместно с женой …

гражданина Инессой (Елизаветой) Арманд». Типично «большевистская коммуна» состояла из трех проживающих в одном помещении: студента Ивана Николаева, брата бывшего мужа и полюбовника Инессы Владимира Арманда, и, конечно же, самой Инессы, сбежавшей от мужа и пятерых детей, младшему из которых не было еще и полутора лет!

После ареста и приговора она попадает в ссылку; за ней в Архангельск, в Мезень, приезжает и Владимир. Царская ссылка была так *тяжела*, так *невыносима*, что в письмах к родным Инесса просит выслать ей… летнюю кофточку, причем обязательно модного английского фасона и чулки! Наверное, чтобы пофасониться перед своими великовозрастными учениками из политических ссыльных-евреев, которые, по ее словам, «совсем плохо справляются с русским языком, и приходится слышать самое разнообразное ломание русского языка, но, в общем получается очень быстро: некоторые приезжают сюда не зная ни слова и через несколько месяцев уже болтают». ***Проблему разнообразного ломания русского языка большевики решат после прихода к власти, – они сделают «родным языком» и «языком межнационального общения» исковерканный ими Русский, проведя реформирование, упрощение и засорение некогда великого и могучего…***

На фотографиях тех лет Инесса Арманд выглядит вполне респектабельной дамой, находящейся на отдыхе в окружении многочисленных мужчин из ссыльных, впрочем, также одетых по моде: в элегантных костюмах и при галстуках. Следов угнетения или притеснения на ее лице и во всем облике нет; в связи с чем возникает естественное желание увидеть ее в качестве заключенной в одном из советских лагерей, устроенных в огромных количествах ее «великим» возлюбленным В. И. Лениным для усмирения и порабощения народов бывшей империи. Но подобная метаморфоза, увы, невозможна, как и «смелый побег за границу» из советского концлагеря.

В 1908 году Инесса бежит из ссылки, и уже в начале 1909-го оказывается в Швейцарии, где узнает о смерти своего недавнего любовника Владимира Арманда. Но времени горевать нет, нужно спешно овладевать революционным ремеслом. Засим следуют Париж, Брюссель, Берн и другие чудесные места. Из центра мировой революции поступают все новые и новые приказы, в том числе и в отношении ее: Инессу Арманд обязывают читать труды педагогов и психологов, но эти темы даются с трудом, в чем она признается в своих письмах, к примеру, уже названным друзьям Аскнази. В том же 1909 г., как утверждают советские историки, Инесса познакомилась с Лениным и *«с тех пор, навсегда*

покоренная Лениным-вождем и Лениным-человеком, пронесла Инесса через все свои годы беспредельное уважение, любовь к нему, преклонение перед ним. С тех дней и до последнего, смертного часа жизнь Инессы озарена лучами ленинской дружбы» (там же). Так что неудивительно, что связь их стала постоянной с 1910 года, когда Инесса перебралась жить поближе к Владимиру Ильичу в Париж.

Из истории известно, что в годы пребывания во Франции, в 1911 году Инесса Федоровна Арманд на средства партии сняла в Лонжюмо (в дословном переводе означает «длинная ослица»), пригороде Парижа, большой дом, который приспособили под классы, общежитие и столовую. Здесь создали «партийную школу для рабочих-большевиков из России, делегированных социал-демократическими организациями».

В одном доме с Инессой и ее младшим сыном в Лонжюмо проживали Серго (Орджоникидзе), Семен (Шварц) и Захар (Бреслав); всех же слушателей набралось аж 18 человек, которых местным жителям выдали за… русских педагогов, – как всегда, запросто дискредитировав и *русских людей*, и *педагогов из России*. «Серго незадолго перед тем приехал в Париж. До этого он одно время жил в Персии, и я помню обстоятельную переписку, которая с ним велась…» (см. Н. Крупская. «Воспоминания о Ленине»). Среди прибывших – Сема (Семков) из Баку, Чугурин из Киева, Савва (Зевин) из Екатеринослава (впоследствии был убит в числе 26 бакинских комиссаров), С. Искрянистов из Иваново-Вознесенска (после возвращения в Россию после очередного психического приступа покончил с собой), Белостоцкий, Прухняк и Манцев от поляков, другие *товарищи*. Среди учащихся – и *товарищи* из местных, из так называемых русских эмигрантов. Известно, к примеру, что в парижскую большевистскую группу в 1911 году входило около 40 человек, среди них: Бритман (пользовался поддельными документами то на имя Казакова, то на имя Антонова), Владимирский (такой же, как и предыдущий «Казаков»), Марк (имел документы на имя Любимова), Лева (документы на имя Владимирова), А. Лозовский (*наст. Соломон Абрамович Дридзо*), Абрам и Гриша Беленькие, И. Арманд, Л. Сталь, Е. Лилина, Таратута, Гопнер, и, конечно же, великолепная троица: Ульянов, Каменев, Зиновьев.

Среди тех, кто преподавал в Лонжюмо, – «ученик и соратник В. И. Ленина» Н. А. Семашко, вступивший в партию в 1898 году, 19-летним юношей. В своей книге «Прожитое и пережитое» (М., Госполитиздат, 1960), Николай Александрович с теплотой вспоминает время, проведенное во Франции, однако упоминает и о своем преподавании в другом учебном заведении под Парижем, – в так называемой «Новой Русской школе», которую

основал бежавший после 1905 года из Российской империи некий И. И. Фриндлер. Школа располагалась в прекрасном особняке с огромным садом. Семашко признается, что преподавал там гигиену и был воспитателем, при этом дети звали его на еврейский манер «докторчик», – ничего удивительного, ведь там учились дети из «эмигрантских» семей; и, к слову, среди учеников был и сын Горького Максим Пешков.

Кроме Семашко лекции по «революционному искусству» в Лонжюмо читали Зиновьев, Луначарский, Стеклов (наст. *Нахамкес*), Каменев (наст. *Розенфельд*), Финн-Енотаевский, Арманд, С. Вольский, а также «иностранные» евреи, к примеру, Шарль Раппопорт и другие. По мнению американо-еврейского писателя Вилена Люлечника руководителем партийной школы в Лонжюмо был будущий глава Коминтерна ***Григорий Евсеевич Зиновьев*** *(наст. Овсей-Герш Аронович Радомысльский, также правильно Апфельбаум – по матери; 1883–1936)*. Тот, который после июльских событий 1917 года вместе с Лениным скрывался в знаменитом шалаше в Разливе. И тот, кого впоследствии обыграл товарищ Сталин, спустив с политического Олимпа *на тот свет*… Однако первым и ведущим специалистом *в школе для ослов* была… Надежда Константиновна Крупская: она обучала правилам конспирации, шифровке, эзопову языку, а также вела семинары по газетной корреспондентской работе.

Надежда Константиновна, прекрасно осведомленная о характере отношений любившей шокировать парижских коллег большой красной шляпой с огромными и тоже красными перьями Инессы Арманд с ее товарищем-супругом Ульяновым, постепенно прибрала к рукам эту вызывающе-беспардонную дамочку. Крупская, прекрасный психолог, направляя деятельность этой особы, учитывала все нюансы… и то, что молодая мамаша то бросала своих детей, то таскала их за собой по свету, когда всех, когда по одному; и то, что она – мятущаяся и загнанная; и то, что она – алчная и зависимая… Надежда Константиновна постаралась сделать так, чтобы эта зависимость стала обреченностью и проклятием для Арманд до конца ее дней… Взаимоотношения этих двух неординарных женщин, оставивших яркий след в антирусской революции, до конца не известны отечественным историкам и исследователям. Рассказывая о взаимоотношениях в любовном треугольнике: Ленин – Крупская – Арманд, писатели и историки часто задаются вопросом: понимала ли Крупская опасность, исходившую от соблазнительной Арманд, ревновала ли она «вождя мирового пролетариата» к ней?

На мой взгляд, Арманд как рыжая безмозглая рыбешка попалась в сети, искусно расставленные для нее скрытницей

Крупской, или Миногой, как презрительно называл ее Ильич, патологически боявшийся своей супруги в последние горячечные годы и месяцы своей жизни, когда уже прогрессировал сифилис мозга и неумолимо приближался конец…

Надежда Константиновна Крупская **не** видела в соратницах женщин; одержимые революцией сродни блудницам; за дьявольской страстью всемирных разрушений и конспиративной деятельностью, за жесточайшей партийной дисциплиной они растеряли свою женскую сущность. Не могла Надежда Константиновна относиться к ним и как к соперницам, потому что никогда **не** любила человека, с которым жила; а еще по той причине, что после смерти своего единственного и тайного возлюбленного она сама перестала чувствовать себя женщиной, превращаясь в монстра, в чудовище в простой полотняной юбке и слюнявым ртом. Она знала, что истинный супружний долг – это никак не для нее; для нее – особая сверхмиссия в овладении юных душ *будущих строителей коммунизма*… потому и стала величайшим педагогом XX столетия, идеологом преступной по своей сути *советской педагогики*…

Впрочем, кого ревновать? – рыжеволосую Инессу, эту крайне ограниченную по сравнению с Крупской личность? В окружении Ленина были и более достойные женщины: умные, богатые, благородных кровей (к слову сказать, он **не** спал с работницами и крестьянками, – этих женщин он терпеть **не** мог, попросту гнушался ими). Надежду Константиновну устраивало то, что Инесса оказалась авантюристкой, и что ей доставало ума не претендовать на исключительную роль в любом деянии, будь то революция или драма иного масштаба, хоть бы даже семейная. Некоторое время она металась между Мартовым *(Цедербаум)*, Потресовым и Ульяновым-Лениным; наконец, после окончательного раскола революционной организации на большевиков и меньшевиков, она остановила выбор на В. Ульянове. В Париже Инесса Арманд стала одним из активных членов группы большевиков; «вместе с Семашко и Бритманом (тем, что имел поддельные паспорта на русские фамилии Казакова и Антонова. – *Авт.*) она вошла в президиум группы и повела обширную переписку с другими заграничными группами», – сообщает Н. Крупская об Инессе в работе «Воспоминания о Ленине», но, конечно же, не говорит, что означенная особа действовала под ее постоянным контролем.

Сама дамочка Арманд также не раз пользовалась подложными паспортами. К примеру, в 1912 году она «была направлена партией на подпольную работу в Россию» с поддельными документами на имя крестьянки Франциски

Янкевич, но попалась в Санкт-Петербурге и оказалась в доме предварительного заключения. После нескольких месяцев заключения ее выпустили под залог, до суда; пренебрегая залоговой суммой, преступница с помощью товарищей нелегально переходит границу.

Зимой 1913–1914 гг. Инесса снова в Париже; затем заезжает в Краков, куда перебираются Ленин и Крупская. И вновь возвращается в Париж. В какой-то момент эта женщина получает от Ленина задание: *«Беритесь архиэнергично за женский журнал!»*; этого Владимир Ильич требует в одном из писем. Вскоре идея создания большевистского журнала, предложенная Крупской в ходе ее бесед с Арманд во время прогулок по берегам Вислы (это когда Инесса приезжала к ним в Краков), осуществилась.

Уехав в Париж, Инесса встречается с Людмилой Сталь; сидя в уютном французском кафе, две большевички делают наброски первого номера журнала «Работница»; чтобы «донести правдивое, горячее большевистское слово до самых глубинных слоев». ***Людмила Николаевна Сталь*** *(1872–1936)* из семьи фабрикантов; в революционное движение вовлечена с 1890 года; неоднократно арестовывалась и ссылалась; с 1907 г. в эмиграции. Сотрудничала с газетой «Правда» (1912–1914), член редколлегии журнала «Работница». После февральской революции 1917 года агитатор Петербургского комитета РСДРП(б); в 1918–1920 на политпросветработе в Красной армии, в 1921–1923 гг. – член международного женского секретариата Коминтерна; с 1924 – редактор журнала «Коммунистка». Награждена орденом Ленина.

«Масса женщин-работниц – могучий резерв грядущей революции. Надо этот резерв мобилизовать, зажечь, вовлечь в борьбу!» (см. П. Подляшук. Прекрасная жизнь. Сб. Женщины русской революции. М., 1968). Эта чудовищная задача большевичками была успешно выполнена. Яростные феминистки выплескивали свою сексуальную энергию на дело революции; все эти латентные секс-бомбы и секс-символы Красного Октября работали, *не покладая рук.*

Годы Первой мировой Инесса Арманд провела в спокойной Швейцарии. По-прежнему участвовала в различных заграничных мероприятиях партии; по заданию партии переводила научные труды классиков марксизма-ленинизма; участвовала в подготовке международных конференций. Ну а после… после была поездка в знаменитом «запломбированном вагоне» в Россию, куда спешили большевики, чтобы вскоре насладиться неслыханным барышом: безграничной властью над жителями 1/6 суши Планеты и их несметными, прямо-таки сказочными богатствами.

После победы революции Инесса Арманд среди прочего

«углубленно и вдумчиво вела агитационно-пропагандистскую работу в гуще пролетарской женской массы». На первом Всероссийском съезде работниц и крестьянок в ноябре 1918 года Инесса Арманд прочитала два доклада. Съезд проходил в Москве, в Колонном зале Благородного собрания, ставшем по большевистской воле Домом союзов. После съезда при ЦК РКП(б) была организована Комиссия по пропаганде и агитации среди женщин. В состав комиссии входит и Инесса Арманд. Когда позднее в ЦК партии создали отдел по работе среди женщин, Арманд становится заведующей отделом (с августа 1919 г.). Она как могла преуспевала на поприще «политического воспитания трудящихся женщин». *«Делегатка в красном платочке – хозяйка своей судьбы, своего Советского государства – стала одной из близких сердцу примет нашей героической революционной истории. Будем же помнить, что эта боевая работница в кумачовой косынке – младшая сестра, дочь, подруга Инессы Арманд. Ее воспитанница, ее гордость и слава»* (там же).

Только после революции эта воспламененная революцией мамаша воссоединилась с выросшими детьми, которых досматривал и воспитывал ее добропорядочный и мягкотелый муж Александр Евгеньевич Арманд.

Но что же Ленин, что Крупская; чем завершилась игра в любовный треугольник с вождем?

Агитпроповцы уверяли, что Арманд и Крупскую связывали «сердечная дружба» и «полное взаимопонимание». *На самом деле, руководя многими поступками этой женщины, Надежда Константиновна на протяжении многих лет не придавала ей особого внимания, до тех пор, пока эта иждивенка, ставшая почти что членом их семьи, своими поступками и действиями не стала создавать оснований для дискредитации самой Крупской, ее непререкаемого имиджа в стране и в партии.*

В 20-е годы XX века, живя в Москве, в Кремле, Надежда Константиновна нашла выход, как раз и навсегда пресечь действия и влияние Инессы. В то время обстановка вокруг Ленина начала складываться неблагоприятно, в результате могла наступить некоторая утеря авторитета в партии и правительстве. И тогда решительно, но все же словно невзначай Крупская предложила В. И. Ленину отправить часть работников аппарата на отдых на Кавказ, и в первую очередь, женщин. Тот ухватился за эту свежую мысль и тут же позвонил Н. А. Семашко, поспешив сообщить, что товарищ Инесса устала и нуждается в длительном лечении, желательно на Кавказских минеральных водах. Поездка оказалась роковой… впрочем, как и предполагала (нет, в чем была уверена!) Надежда Константиновна, что **не** помешало ей

изображать лживую скорбь по случаю безвременной кончины товарища по партии; но такова устоявшаяся традиция: ***большевики больше любили своих товарищей мертвыми.***

Когда в 1920 году в Москве хоронили умершую в Нальчике от холеры Арманд, Ленин шел за гробом с закрытыми глазами, едва сдерживая слезы. А Надежда Константиновна все порывалась уйти с траурной церемонии, чтобы не рассмеяться прилюдно. Ей претили слухи, что младшая дочь Инессы была зачата Инессой Арманд в объятиях Владимира Ильича. И она прекрасно осознавала, что – даже не будучи из-за болезни такой привлекательной, как Инесса, и, к тому же не имея возможности рожать – она наконец **победила**: окончательно и бесповоротно…

К гробу с телом Арманд все шли и шли массово организованные по разнарядке делегации; несли венки и красные транспаранты; «Шагайте бесстрашно по мертвым телам, несите их знамя вперед! – Товарищу Инессе Бауманский райком», «Неутомимой работнице по раскрепощению работниц за победу рабочего класса – Инессе Арманд – Сокольнический райком»; среди почетных гостей – деятели Коминтерна, французские коммунисты, слушатели партийных школ, работницы в красных платочках и женотделки. 12 октября 1920 года профессиональную большевичку Арманд по новой большевистской традиции похоронили на Красной площади у Кремлевской *стены плача.*

В памяти многих революционеров Инесса Арманд осталась такой, какой ее некогда описал большевик Григорий Котов, увидев, как Инесса выходит от четы Ленина и Крупской: «Ее темперамент мне тогда бросился в глаза. Казалось, жизни в этом человеке неисчерпаемый источник. Это был горящий костер революции, и красные перья на ее шляпе являлись как бы языками этого пламени».

К счастью, *костры революции* все же когда-нибудь гаснут…

История 6. Секретная женщина, или Демократия тотального блуда

1. XX век – время сокрытых тайн

Не шуми, зеленый бор,
Не качай вершиною.
Нынче новый разговор
Женщины с мужчиною.

Советская частушка

«Подавляющее большинство мужчин – агрессоры и потребители», – спокойно произнес мой умудренный опытом собеседник. И оттого, что в нашем женском сознании давно укоренились простецкие фразы типа: «Все мужики сволочи и козлы», я ему поверила. Безапелляционно. Да и как еще происходит в обществе, где годами мужающий (омужичивающийся) сильный пол с той же искренностью парирует: «Все бабы – дуры»? Влечение полов, в которое с детства заложена игриво-презрительная ненависть, не может быть позитивным и гармоничным. Но в чем причины таких отношений? Которые – как свидетельствует лучшая мировая литература и даже самая главная книга православных – Библия – ***должны быть*** чистыми, искренними и целомудренно-романтичными?

А собеседник, не щадя ни моих ушей, ни моего женского самолюбия, *резал правду-матку*:

– Запомни: мужчины всегда примитивны. Цель мужчины – секс. Отдавая сперму, они не думают о благе для женщины. Чаще всего они не преследуют цели жить с женщиной добродетельно, заботиться о ней, оберегать, отвечать за нее, посвятить ей свою жизнь. Забывая самую главную истину, нет, даже **не** зная истину, что любая Женщина – это божественный сосуд, а мужчина во всех случаях – ее потребитель. Разве станет современный самец задумываться, что его партнерша может забеременеть, и ей придется принимать нравственно непростое, мучительное решение: сделать аборт или оставить ребенка от почти случайного человека? Кого этот чудовищный по последствиям вопрос интересует, кроме самой женщины!?

Разве советское общество учило женщину заботиться о себе? Нет! За всеми прекрасными лозунгами скрывалось аморальное начало преступной системы. Общество постсоветское пожинает плоды прошлого. И, захваченное идеей «демократии», деградирует еще больше. После уничтожения института

Православия в 1917 году русская женщина перестала быть истинно женщиной, она утратила свою божественную суть, став «равноправным членом коммунистического общества». Новая история стала развивать ложные идеи и тезисы; наука пошла тем же путем. Лучшие достижения скрывались, засекречивались, создавались тайные лаборатории и институты. То, что сейчас лежит на поверхности, что изучается в обществе как открытая наука – вершина айсберга. Впрочем, в других государствах во многом та же тенденция, возникшая в силу противоборства и конкуренции систем. Противостояние всегда создает массу тайн.

XX век вообще не столько век парадоксов, сколько век сокрытых тайн. Это я понял, когда после окончания Военно-дипломатической академии попал на работу в самую закрытую систему – в партийную разведку, прикрытую вывеской одной из международных служб ЦК КПСС. А с годами на короткий срок возглавил закрытый Институт генетики и антропологии.

И вот тут-то я, как говорят, вся обратилась *в слух*.

– У нас было самое лучшее в мире оборудование, самое новое, многое – разработки других закрытых институтов нашей системы, многое – из Японии, сделанное на заказ. Был обезьяний питомник, для опытов, была своя клиника, куда предпочитали ложиться на роды или аборт жены и дочери высокопоставленных чиновников. Но попасть к нам было сложно, мы не занимались родовспоможением, разве что иногда. Но и эта своего рода медицинская помощь приносила свои научные наблюдения. Иногда наши сотрудники отслеживали развитие девочек с младенческого возраста, дочерей наших партийных боссов и их любовниц. Но эта любопытная тема отдельного разговора, – для *чего* или для *кого* это делалось…

Пока лишь поговорим о первом мужчине. Или просто о мужчинах в жизни каждой женщины. О том, что всегда скрывалось в нашем обществе. Пусть мои слова покажутся тебе невероятными, даже нелепыми, но запомни, что вся отрицательная энергетика внебрачных, случайных половых отношений сказывается, оставляя следы в вагине женщины навсегда. ***И на ребенке проявляются следы всех до его зачатия имевших женщину мужчин.*** Это выражается в поступках, в агрессии, в том, что дети не жалуют своих матерей. Дети – и в советском, и в так называемом капиталистическом обществе – по своей природе агрессивные. Мы говорим о подавляющей массе общества.

Да, есть такая пословица*: в семье не без урода*. Но добропорядочный сын (дочь) бывает только тот, который родился в любящей его семье, у взаимно любящих родителей, не знавших

других партнеров. Но эту простую истину многие уже **не** понимают, да и **не** хотят принимать на веру в силу активно навязываемых антиморальных антиценностей. Чтобы так массово и масштабно навязать эти «ценности», нужно было пережить развитие печатных СМИ и телевидения. Впрочем, разврат, как телесный, так моральный и духовный, – самое большое «достояние» любой революции, а Россия пережила самую чудовищную драму за все века своего существования после 1917 года, когда с убийством 60 миллионов только русских людей была полностью уничтожена уникальная Русская Цивилизация.

Столь доступной, как в XX веке, женщина, пожалуй, **не** была никогда. В момент оплодотворения женщины, познавшей до этого нескольких мужчин, рядом с лидирующим сперматозоидом и женской яйцеклеткой присутствуют частицы чужой спермы. И если сперма имеет иные наименования: семя, семенная жидкость, эякулят, эйякулят, то условно назовем минимизировавшиеся до предела ее частицы *экулянтами*. Теория, что сперматозоиды, попадающие в матку, погибают, **не** совсем верна. Этих микроскопических агрессоров, в момент оргазма (эйякуляции) стремящихся по фаллопиевым трубам в матку, насчитываются миллионы, и погибают они **не** все, среди них есть наиболее стойкие экземпляры. Пусть они не оплодотворили женскую яйцеклетку, но, как бы растворяясь, становясь в миллиарды раз меньше, они внедряются в ткань – плаценту матки – и затихают до поры до времени. Условно говоря, сколько мужчин вливают сперму, столько разных экулянтов поселяется в благоприятной среде – в матке женщины. И каждый раз, когда там появляется сперма нового мужчины, идет война между новыми и старыми микроорганизмами. Из десятков поступивших самая сильная сперма та, которая оплодотворяет женщину. И когда яйцеклетка оплодотворяется, микроскопические соперники-экулянты создают агрессию против яйцеклетки; отторгая, они ведут себя как настоящие убийцы. Нанося тем самым непоправимый вред плоду. Убрать из женского организма экулянты невозможно. Их даже не увидишь в мощнейший микроскоп, поэтому официальные ученые могут считать это блефом. Их можно обнаружить разве что увеличив в миллиард раз, а для этого понадобится установка огромного размера. Что касается меня, то да, я видел все, о чем говорю, в мощный электронный микроскоп в лабораториях нашего закрытого института. Между прочим, и моя жена, прежде чем зачать, пробыла в институтской клинике несколько недель…

Возможно, это звучит натянуто и наивно, – подумала я. Какая-то «огромная установка», когда ныне созданы такие мощные микроскопы, цифровое оборудование прочно входит в

нашу жизнь. А потом припомнила, что были времена, когда ученые, рассматривавшие в микроскоп строение клетки, обнаружившие бактерии, не могли увидеть вирусы, – для их обнаружения понадобились десятилетия и более совершенная аппаратура. Предположение о наличии вирусов (от лат. *«яд»*) в конце XIX века было сначала высказано русскими учеными, одними из основоположников новой науки – *микробиологии* – ***Николаем Федоровичем Гамалея*** *(1859–1949),* ***Дмитрием Иосифовичем Ивановским*** *(1864–1920)*, проводившими опыты с животным и растительным материалом. Но им пришлось ждать подтверждения своим изысканиям, пока не появился электронный микроскоп, пришедший на смену оптическому прибору.

Однако я внимательно слушала собеседника.

– Да, и моя жена, прежде чем зачать, пробыла в институтской клинике несколько недель… Проводились сеансы очистки ее организма, хотя она не знала об этом наверняка. До замужества у нее был друг, с которым они встречались более года. Это был ее единственный парень. Но, точно зная о влиянии первого самца и осознавая последствия, я не желал соперников, *делающих* моих детей наравне со мной. Нет, мою жену не сделали девственно чистой, не сделали девственницей. Между прочим, такие операции у нас проводились, иногда для дочерей тех же высокопоставленных партчиновников, но чаще – для сотрудниц партийной разведки, будущих жен и любовниц политических лидеров разных стран, прошедших спецподготовку и по части секса… Наши медики очистили матку моей женщины, насколько это было возможно, от воздействия ее первого мужчины, не ставшего ей мужем и отцом ее будущих детей.

Состояние детей, родившихся от партнеров, имевших случайные и бессистемные связи, всегда сказывается на родителях. На свет появляется человек со всеми недостатками; и если отец вкладывал самые светлые помыслы и здоровую энергетику в будущее дитя, то все равно в нем проявится агрессия всех имевших его мать и не ставших отцами случайных мужчин. Еще до рождения в дитя заложен негатив противления. Такие дети – **не** зная отчего, – часто бывают не удовлетворены собой и окружающими, разочарованные и мятущиеся, они, повзрослев, все время пребывают в поиске партнеров. И с годами у них возникает мысль, что в том, что не складывается их жизнь, виновны только родители. Подспудная агрессия может сидеть внутри, а может вылиться в преступление против матери или отца. Как только в ребенке проявляется явление, не свойственное роду матери и отца, – все, это подарок экулянтов. Грань здесь тонка и невидима, призрачна и размыта, как легкое весеннее облако.

Помимо научных изысканий, в стенах наших секретных лабораторий проводились уникальные опыты, которые сочли бы мистификацией или фантастической выдумкой, поведай я об этом более подробно. Лишь скажу, что в результате сложных сеансов ***было точно установлено***, что некоторые дети не только зачинаются в обоюдном оргазме, но и рождаются в оргазме. Это удивительно редкий дар избранных женщин, рождающих самых уникальных потомков, становившихся знаменитыми. Но! Не думайте, что только светлые гении выходят из Женщины в момент ее родового оргазма. Есть среди них и дети дьявола, оставившие свои бессмертные имена в новейшей истории… или оставшиеся в тени, но игравшие свою тайную роль на игровой доске планетарного масштаба. Это я знаю наверняка; я сам работал под началом одного из таких *игроков*…

Если заглянуть в день сегодняшний, то мы увидим неразрешимую проблему. Проблема современного мирового сообщества состоит в том, что в большинстве стран идет процесс деградации (вымирания). Когда 95 % девушек и парней стремятся к интимным сношениям *с кем попало*, процесс деградации остановить практически невозможно.

2. Телегония – миф или наука?

Основанье государства
Есть семья – ковчег всех благ;
Что же зрят в семье российской
Педефил и Педемах?

Благочестие утратив,
Миллионы россиян
Убеждаются, что люди
Родились от обезьян;
Что из всех законов вечных
Человечеством один
Руководит – тот, который
В наши дни открыл Дарвин.

Поэт «Искры» Виктор Буренин, «Песнь о Педефиле и Педемахе», 1871

В XIX веке появились открытия, давшие толчок для развития такой необычной науки, как «наука о девственности», получившей название ***«телегония»*** (от греческих слов: *tele* – вдаль, далеко и *goneia* – зарождение или *gennao* – порождаю). И хотя споры вокруг этого явления идут и до сего дня, телегония получила точное определение. Ученые, утверждающие, что она существует, признают, что «телегония – это явление влияния предыдущего самца на наследственные признаки потомства последующих самцов. Отличается низкой частотой события и заключается в трансформации клеток зародышевого эпителия генами сперматозоидов предыдущего самца. Явление свойственно всем организмам, которые размножаются половым путем». Тогда как в XIX веке это явление определяли как «инфекцию наследственным оплодотворяющим веществом».

Впрочем, основы сокровенной науки заложены в… Библии и других священных текстах. При желании можно найти множество подходящих цитат о целомудрии, добродетели, душевной и телесной чистоте и таинстве зарождения жизни.

Телегония подтверждает, что на потомство женской особи влияют все ее предыдущие половые партнеры, но особенно –

первый мужчина. Именно он, нарушивший девственность, закладывает генофонд потомства женщины, он становится соотцом всех будущих детей женщины, вне зависимости от того, когда и от кого она будет рожать.

Считается, что как явление, телегонию открыли, описав в отчетах, коннозаводчики. Но это **не** значит, что до того сокровенные знания были утеряны или не использовались. Человечество пользует лекарственные травы с древнейших времен, не дожидаясь, пока представители науки опишут их лечебные свойства. Следуя древнейшим заповедям Библии (Корана, других священных книг), человечество блюло чистоту рода, не ожидая научных подтверждений в области дегенерации. Все познавалось через опыт многочисленных поколений, в силу чего сокровенные знания закреплялись как нерушимая традиция.

В начале XIX века заводчики, выводившие новые породы лошадей, решили скрестить лошадь с зеброй, чтоб получить выносливое потомство. Опыты не удались, потому как не произошло ни единого зачатия (ни у лошадей от мужских особей-зебр, ни у зебр-кобыл). По этим причинам опыты прекратили, но… через несколько лет у кобыл, некогда покрывавшихся самцами зебр, стали рождаться полосатые жеребята. И это при том, что приплод уже ждали от породистых жеребцов! Открытие было ошеломительным, ведь различие было налицо; научный мир официально признал явление, назвав его *телегонией*.

Но для закрепления уверенности и чтобы исключить всякую случайность, скрещивание стали проводить исследователи в разных странах, а их опыты описали Чарльз Дарвин, молодой французский ученый Феликс Ледантек (встречается написание Ле-Дантек, Ладантек), некий профессор Флинт и другие. В конце XIX века, в 1889 году появилась книга Феликса Ледантека «Индивид, эволюция, наследственность и неодарвинисты» (перевод и издание на русском в 1899 г.), где в главе «Телегония, или Влияние первого самца» описал проводимые другими опыты. О явлении «первого самца» в животном мире и «первого мужчины» в мире людей прекрасно знал великий русский ученый ***Иван Михайлович Сеченов*** *(1829–1905)*, часть научных трудов которого была после 1917 года закрыта в спецхраны, а то и уничтожена. Среди прочего нам досталось определение, данное ему *советскими* учеными: «К 1963–1968 годам относится окончательное формирование физиологической школы Сеченова. Он является предшественником развития эволюционной физиологии…» Наверняка знал об этом удивительном явлении и талантливый русский врач, которого мы почитаем более как писателя, классика русской литературы – ***Антон Павлович Чехов***

(1860–1904). О его научных трудах нам большей частью вообще ничего **не** известно, – и все по той же причине. А, значит, их научные опыты, их знания в области физиологии и психологии могли принести вред тем, кто пришел к власти. Как? Слишком хорошо они (и некоторые другие светила Русской Науки) разбирались в явлениях, дававших познания о деградации человека. Тогда как деградация, оболванивание, усреднение, безропотное послушание и было главной целью новой жестокой власти, власти экспериментаторов, садистов и патологических убийц; целью людей, обуянных *комплексом власти*, хорошо описанном видными психиатрами, в том числе ученым и криминалистом итальянским евреем ***Чезаре Ломброзо*** *(1835–1909)*, ставшим знаменитым благодаря главным своим работам «Политическая преступность» и «Гениальность и помешательство».

То, что в 1889 году было популярно описано Феликсом Ледантеком и стало сенсацией, давно знали практики-собаководы и практики, разводящие породистых голубей. Все собаководы придерживались правила: если хотя бы раз породистая сука повяжется кобелем-дворнягой, даже если в результате этого щенков у нее от него не будет, то все равно породистого потомства в будущем от нее ждать нельзя! «Испорченная» сука никогда больше не могла стать матерью породистых щенков.

То же касалось и голубей. Если непородный голубь «потоптал» породистую голубку, ее сразу убивали, потому что впоследствии, даже при самом «благородном» напарнике у нее будут только нечистопородные птенцы. «Брак» проявится на потомстве то в виде неправильных перышек в хвосте, то не того цвета клюва, то еще в каких кажущихся незначительными особенностях.

Зная влияние первого самца, имеющего самое прямое отношение к рождению полноценного потомства, этим пользовались животноводы. И *до* описанного наукой явления и *позже* – неприятных и ненужных последствий тщательно избегали те, кто работал над улучшением пород: лошадьми, коими Российская империя славилась на весь мир; коровами молочных и мясомолочных пород; овцами и др., представляемыми на разных сельскохозяйственных отечественных и международных выставках. Далеко за пределами Российского Отечества гремела слава орловских рысаков, донских скакунов, тяжеловозов. Молочные коровы холмогорской, тагильской, бестужевской, красностепной пород во многом превосходили голландских. А романовская овца из Ярославской губернии! – полушубки из такой овчины весили в три раза меньше, чем из овчин других

пород. Крестьяне, помещики, самоучки, энтузиасты и ученые, занимавшиеся разведением новых улучшенных пород, наверняка сталкивались с таким явлением, как телегония.

Во времена Советского Союза эти знания применялись при разведении пушных зверьков: песцов, соболей. Но при этом никоим образом ***не*** афишировались тщательно скрываемые от безликого «общества советских людей» тайные знания.

Почему? Да потому, что эта истина в полной мере относится и к людям!

Как известно, развитие плода – сложнейший процесс, который в убыстренном темпе как бы наглядно повторяется бесконечно долгий путь развития жизни на Земле: от простейших организмов к человеку. Исследователи, изучавшие развитие и формирование зародышей, сразу же обратили внимание на сходство зародыша человека и животных на ранних стадиях развития. Создателями этого эволюционного учения – *эмбриогенеза* – стали талантливые русские ученые ***Илья Ильич Мечников*** *(1845–1916),* ***Александр Онуфриевич Ковалевский*** *(1840–1901),* а также их продолжатель ***Алексей Николаевич Северцов*** *(1866–1936)*. С помощью эмбриологии, науки о развитии зародыша, они неопровержимо доказали **единство** происхождения жизни на Земле; доказали то, о чем писали в своих трудах русские ученые XVIII века.

Сейчас каждый из нас знает, что развитие человека начинается с одной оплодотворенной яйцеклетки. За счет ее деления образуются новые клетки, формируются ткани и органы зародыша. В течение первого месяца у него появляются зачатки рук и ног, а также две пары жабер и хвост. Жабры вскоре частично превращаются в ткани лица и уши, а частично в зобную и щитовидную железы. Хвостовой отросток быстро редуцируется – подвергается обратному развитию, и от него остается несколько копчиковых позвонков. Мозг месячного зародыша напоминает мозг рыбы, а семимесячного – мозг обезьяны. На пятом месяце внутриутробного развития зародыш имеет волосяной покров, который впоследствии исчезает. Как видим, по многим признакам зародыш человека имеет сходство с зародышами других позвоночных. В современной научной и научно-популярной литературе можно с легкостью найти рисунки и фотографии, наглядно доказывающие сходство ранних стадий развития человека, рыб, земноводных, пресмыкающихся, птиц, млекопитающих, обезьян; к примеру, саламандры, черепахи, овцы, орангутанга, человека.

«Человек развивается из яйца диаметром около 1/25 части дюйма. Оно ничем не отличается от яиц других животных. Самый

зародыш (эмбрион) в очень раннем периоде едва отличим от зародышей других позвоночных», – констатировал через 10 лет после Мечникова и Ковалевского английский естествоиспытатель ***Чарлз Дарвин*** *(1809–1882)*.

Происходя из одного и того же вещества, развиваясь практически по сходному сценарию, будущая особь в какой-то момент развития идентифицируется, становясь самой собой, приобретая явственные различия. В отличие от животных, по воле Создателя живущих инстинктами и спаривающихся, как правило, только в период течки, человеку дано утешение познавать радость секса в разное время от половой зрелости вплоть до последних дней жизни. *Однако, даруя это, Господь дал людям подсказку, наградив женщину девственной плевой.* Самки на роль отца выбирают самых здоровых и сильных самцов. Но женщина, делающая ставку на иные категории, и в первую очередь, на Любовь и чувственность, должна помнить об ответственности, которую она несет перед Всевышним и даже всем человечеством в целом. Для этого нам, кроме прочего, дан Разум.

Открытие таинств телегонии в XIX веке, практически став сенсацией, вызвав всплеск, сразу же было спрятано от людей. Стоит только вспомнить, какие процессы тогда происходили; мир был взбудоражен вольно перемещающимися из страны в страну революционными крикунами, провокаторами и боевиками; вовсю шла подготовка к кровавому перевороту в Российской империи; но… нельзя забывать, что именно с середины XIX века и до начала XX века бурными темпами развивалась наука, делались многочисленные открытия в разных отраслях знаний, осваивались новые земли, популяризировалась археология, принесшая сенсационные артефакты времен Древнего Египта, Древнего Рима, др. И на фоне этого бурного процесса возникали различные псевдоучения.

В 1871 году вышел труд Чарлза Дарвина по теории эволюции «Происхождение человека и половой отбор», в 1872-м – «Выражение эмоций у человека и животных», в которых доказывалось происхождение человека от обезьяны. В своих трудах натуралист и естествоиспытатель подробно описывал стадии развития эмбриона, цитируя выводы известных ученых своего времени; к примеру, приводил слова фон Бэра, что «крылья и ноги птиц, точно так же, как и руки и ноги человека, – все происходят из одной и той же основной формы», слова профессора Гексли, что «лишь на самых поздних стадиях развития молодое человеческое существо представляет резкие отличия от молодой обезьяны, тогда как последняя в своем развитии уклоняется от собаки так же значительно, как и

человек». И даже приводит рисунок утробного плода человека и собаки, почти в одной и той же стадии развития, заимствованный из двух разных источников. И хотя данные сравнительной анатомии, эмбриологии, палеонтологии свидетельствуют, что зарождение Жизни проистекает из Первоисточника, Чарлз Дарвин предпочел *неизвестную первичность* обезьяне, по его воле ставшей прямым «предком человека».

Учение было высмеяно и отвергнуто обществом, но оно оказалось как нельзя кстати для тех, кто спешил совершить переворот в мире. Материалистическая теория эволюции пришлась по нраву социалистам, большевикам, всякого рода вольнодумцам и недочеловекам, желающим навязать *свой* путь мирового развития; потому как являлась подпоркой для их «учения», отрицающего всякие духовные и моральные ценности. Когда стоит цель *«весь мир разрушить до основания, а затем…»*, вековые традиции, мораль и другие кодексы Человека Разумного должны быть дискредитированы.

Одновременно в научном обществе стали возникать антидарвинистические концепции эволюции; теория Дарвина подвергалась ожесточенной критике в разных странах. Но вот нюанс: оставив имя Сеченова в советской науке (а о скольких русских ученых мы уже никогда ***не*** узнаем?), «великие советские ученые» позаботились приписать тому всемерную поддержку Дарвина. «Заслугой Сеченова является не только распространение дарвинизма, но и приложение его идей к проблемам физиологии и психологии» (БСЭ, т.23, с. 326). Обыватель никогда не заметит, что этой простенькой фразой дискредитировано имя гениального естествоиспытателя, профессора физиологии, почетного академика Петербургской АН (1869), неутомимого распространителя знаний в русском обществе (он был одним из основателей Бестужевских курсов, где читал лекции). Не стоит объяснять, что телегония **не** подкрепляет теорию Дарвина о происхождении *хомо сапиенса* от обезьян и его теорию естественного отбора.

Но! Оказывается, сам ученый и не отрицал, что такой научный факт, как явление первого самца, существует. И даже описал удивительные явления раньше, чем их популяризировал Ледантек. Чарлз Дарвин в своих публикациях приводил сведения, полученные от заслуживающих доверия респондентов из Южной Африки и Бразилии. Которые утверждали, что кобылы, использовавшиеся для получения мулов, при последующем чистопородном покрытии приносили жеребят с ясно выраженными признаками самца-осла. Это благодаря научным трудам Дарвина стала известна история с арабской кобылой

лорда Мортона (которого несведущие авторы называют близким другом и последователем Дарвина). В начале XIX века, в 1818 или 1819 году (для сравнения: труд Дарвина вышел через более чем 50 лет после описанного ученым случая!), лошадь была покрыта зеброй квагги и родила гибрида. Зебры квагги больше не существуют; последний их потомок умер в Амстердамском зоопарке в 1883 году. Окрас квагги был землисто-песочный сверху и белый снизу, а на голове, холке и шее имелись узкие светлые полосы. После того как кобыла была продана Гору Оуслей, ее покрыли вороным арабским скакуном, и она родила кобылицу и жеребца. Когда жеребятам было одному год, другому – два, их обследовал лорд Мортон, после чего сделал доклад в Академии наук. Конституция жеребят соответствовала типичным арабским лошадям, только окраской, известными полосами и гривой они напоминали жеребца квагги. Мортон объяснял это инфекцией наследственным оплодотворяющим веществом. Однако этот факт был раскритикован другими учеными.

Заметим: уже вышли труды Чарлза Дарвина, Феликса Ледантека и некоторых других ученых, – как в 1895 году Косар Эварт из сельскохозяйственной школы в США решил провести свои опыты спаривания, но в значительно большем масштабе. Для чего он взял 20 кобыл различных мастей и пород от чистокровных английских, арабских до гайлендских пони и всех их спаривал с жеребцом бурчеллевой зебры. После покрытия кобыл вторично жеребцами разных пород лошадей были рождены как обычные жеребята, так и гибриды. К примеру, вороная кобыла гайлендского пони в 1897 году родила жеребенка от серого арабского жеребца, который имел нечеткие полосы, характерные зебрам. Эварту пришлось признать наличие *наследственной инфекции*, получившей более устоявшееся название – телегония.

Однако, справедливости ради, надо признать, что наличие телегонии, как биологического явления, отрицали другие экспериментаторы. К примеру, барон Парама из Бразилии, который в то же время, что и Эварт, проводил аналогичные опыты. Он не отрицал, что среди муловодов его страны распространено мнение, что кобылы после нескольких скрещиваний с ослом даже становятся бесплодными. Однако последнее было им опровергнуто. Барон сообщил о результатах научных спариваний, указав, что ни в одном из множества случаев у полученных жеребят лошадей не наблюдалось сходства с мулом или ослом. Любопытно, но о том, что «лошадь и осел безусловно принадлежат к различным видам, так как они производят друг с другом только вырождающихся и бесплодных животных» писал талантливейший русский ученый ***Афанасий***

Аввакумович Каверзнев, издавший свой научный труд «Философские рассуждения о перерождении животных» в… 1775 году в Лейпциге на немецком языке. Впоследствии эта книга выдержала несколько изданий в России (в 1778 и 1787 годах) и пользовалась большим успехом. В его труде не только затрагивалась идея происхождения видов, но выказывалась научно-обоснованная идея развития живых организмов от самых простейших форм до человека; русский гений доказывал общность происхождения не только животных и человека, но и всего органического мира. «…надо будет признать, что все животные происходят от одного общего ствола, – писал он. – … это пробуждает в нас представление о первоначальном общем плане. С этой точки зрения можно бы, пожалуй, не только кошку, льва, тигра, но и человека, обезьяну и всех других животных рассматривать как членов одной семьи». Многие выводы, сделанные А. А. Каверзневым почти за 100 лет (!) до возникновения дарвиновской теории, впоследствии встречаются в трудах Ч. Дарвина.

Как утверждают, к выводу, что телегонии не существует, пришел русский ученый, основоположник метода искусственного осеменения животных ***Илья Иванович Иванов*** *(1870–1932)*. Правда, до него искусственное оплодотворение уже производил в 1856 году русский биолог ***Владимир Павлович Врасский***, – о чем официальная наука «забывает» сказать. Да и искусственное осеменение – это никоим образом не заслуга науки времен СССР. Первые научные опыты по осеменению животных (овец) были проделаны Ивановым в Московском зоологическом саду в конце XIX века.

К тому же, нельзя забывать крепкую «советскую» составляющую биографии выдающегося русского биолога, которому приходилось работать над межвидовой гибридизацией для выведения новых пород. Советская официальная наука никаких разговоров о телегонии не потерпела бы, ведь она *шла иным путем*! «Никогда еще в истории человечества не было такого целеустремленного вмешательства в природу живых организмов, какое открывает советским людям мичуринская наука», – воодушевленно рапортовал Агитпроп. Нет сомнений, что И. И. Иванов был осведомлен об исследованиях в области телегонии его зарубежных коллег на стыке эпох. Однако в *молодой советской республике* имелись засекреченные институты, где трудились «недобитые» новой властью русские ученые, чьи имена мы уже никогда не узнаем. Именно там, в закрытых лабораториях, генетика развивалась семимильными шагами; там взрывалась божественная физиология и рождались мутанты;

причем зачастую опыты проводились не только с животным материалом, но и с людьми. А, значит, шли исследования и такого явления, как телегония.

Впрочем, как мы знаем, советским ученым из разных республик пришлось работать над улучшением различных пород: от нутрии и соболя до кроликов, баранов, коров и верблюдов. Наверняка их опыты и научные разработки могли бы подтвердить или опровергнуть влияние спермы самца на чужое потомство от самки, которую этот самец «обиходил». В Интернете можно найти любопытный материал А. Г. Близнюченко из Полтавской Государственной Аграрной Академии, который подробно описывает опыты над кроликами, которые он проводил в 1965–1966 годах (вместе с академиком А. В. Квасницким) и после, в 1973–1975 годах. Ученого интересовала возможность проникновения чужеродной ДНК в половые клетки разной степени развития. В результате опытов он приходит к выводу, что существует вероятность трансформации (изменения) клеток зародышевого эпителия за счет генов, приходящих из сперматозоидов.

Чем больше сперматозоидов попадает в организм самки, – рассуждает ученый, – тем больше вероятность трансформации зародышевых клеток. Причем не имеет значения, чьи это сперматозоиды: самцов своей породы или другой. Вероятность трансформации зависит не от породы, а от числа сперматозоидов, достигающих зародышевого эпителия. «Подобное явление может увеличивать количество тех или иных генов, которые уже имеются в гаметах, а значит, и увеличивать выраженность признаков (*гамета*, от греч. *gamete* – жена, *gametes* – муж; зрелые половые клетки, обеспечивающие при слиянии развитие новой особи и передачу наследственных признаков от родителей потомкам. – *Авт.*). Но может приводить к появлению различных аномалий за счет попадания в зародышевые клетки больших блоков генов или целых хромосом, избыток которых определяет то или иное наследственное заболевание. Определенной избирательности это явление не имеет, т. е. все гены независимо от того, кому они принадлежат, имеют практически одинаковую вероятность проникновения в клетки зародышевого эпителия. Хотя вполне возможно, что чем короче ген, тем больше шансов проникнуть в половую клетку, поскольку длинному гену необходимо для этого больше времени, что повышает вероятность его денатурации, т. е. ферментативного разрушения. Все, что присуще животным, касается в полной мере и человека. Правда, в связи с опасностью заболевания СПИДом в человеческой популяции применяется безопасный секс, что в значительной

степени снижает концентрацию мужских гамет в организме женщин, а, следовательно, и телегонию».

Таким образом, автор и ученый дал генетическое объяснение такому явлению, как телегония.

Исходя из его слов, можем представить процесс так. Попадая в половые пути самок, гаметы самца там распространяются и достигают яичника, который покрыт зародышевым эпителием, из которого образуются яйцеклетки. Сперматозоиды, несущие заряд генов (матрицу?), распадаются, и отдельные гены проникают в первичную половую клетку самки, что после ее оплодотворения в будущем приведет к появлению признаков прежних самцов (первого самца).

Однако А. Г. Близнюченко подчеркивает, что здесь есть свои *«но»*. Потому как, утверждает он: 1) яичника достигает небольшое количество гамет самца; 2) далеко не все гаметы распадаются до генов, ибо часть из них поглощается фагоцитами; 3) не все гены проникают в первичные половые клетки; 4) не все клетки зародышевого эпителия превращаются в яйцеклетки; 5) не все гены можно заметить в потомстве, поскольку большая часть из них одинакова у всех самцов, которая тоже может проникать, но не может быть опознана.

Последний, 5-й пункт весьма и весьма примечателен.

Телегония свидетельствует о передаче наследственных черт именно при половом контакте, а никак не иначе. И главная проблема здесь в том, что генетическая часть – не единственная составляющая в этом процессе! Мы уже привыкли думать, что организм содержит информацию биологического материала отца (помимо прочего, определяющего и пол будущего ребенка) и биологического материала матери. Подобное даже изучают на уроках общей биологии. Однако в случае с телегонией невозможно понять, как отсутствующая биологическая матрица одного мужчины может повлиять на рожденного младенца от другого мужчины. И в этом случае механизм эволюции, который предложил человечеству г-н Дарвин, дает сбой. И вопрос о происхождении видов повисает в воздушном эфире, исполненном… божьей благодати.

Безусловно, знания о телегонии – ***знания о блуде —*** мешали планам *врага рода человеческого*, коего привычно называют дьяволом. Но дьявол сидит в каждом из нас; в каждом есть часть светлого и темного, добра и зла, добродетели и греха. Все зависит: в *какую* сторону мы развиваемся; используем ли при этом свой разум или полагаемся на разум коллективный, то есть, на тех, кто находится у власти. Сокровенные знания закрывали дорогу для всякого рода сексуальных революций; а, как известно,

самыми-самыми первыми достижениями революций было принятие законов (декретов) о… педерастии. Так было после Великой Французской революции. Так же было и после Октябрьского переворота в 1917 году в Российской империи. Разврат – главное «достояние» плебеев, рвущихся к власти.

В стране, где царит монаршья власть, общество остается максимально чистым; а устои Православной Церкви укрепляют моральную, духовную чистоту и единство такого общества. Соблюдается не только чистота нравов, но и чистота рода. Крестьянские роды многочисленны, крепки и здоровы. То же – в других сословиях. Переход из сословия в сословие не так нереален, как нас убеждали советские писатели и историки; знания, труд и смекалка делали великими героями разных людей. А стремительно развивающаяся наука конца XIX – начала XX века предоставила практически неограниченные возможности по созданию собственного промышленного капитала для разных слоев населения. Но *из грязи в князи* проскочить было невозможно; только созидательный труд на благо державы поднимал человека по социальной лестнице. А женщина, владеющая знаниями о том, что генетическая информация, попадающая в ее тело от первого и последующих мужчин, сохраняется и неблагоприятно сказывается на всех рожденных ею детях от другого мужчины, навсегда закроет вход человеку духовно низшему, человеку недостойному в устоявшееся общество. И даже если разрушить устои Церкви, привить человеку антимораль в поведении, – знания о телегонии могут надолго статься серьезным препятствием для новых властителей, желающих благородных девиц превращать в распутных дев, мечтающих сделать из женщин «строительниц коммунизма». Стоит только напомнить, что после принятия большевиками декрета «О свободе мужской любви», всерьез решалась дилемма об обобществлении женщин. *Женщина – общее достояние всех мужчин*; только психически больные люди могли всерьез предлагать подобное. И хотя лозунг этот и последующие дебаты, охватившие все губернии бывшей Российской империи, до смерти напугавшие представительниц женского пола, был *сведен на нет*, – однако, превращаясь «в члена социалистического общества, строителя коммунизма, верного последователя идей партии, беззаветно преданного идеям великого Ленина», женщина постепенно деградировала, превращаясь и в секс-рабыню советского мужчины. Готовую морально принадлежать не только всем и каждому. Готовую безропотно разделить «тяжкое» бремя партчиновников, руководителей всех рангов, генералов… да любого самца, мало-мальски наделенного властью. Это – хотим

мы признать или нет – закладывалось от рождения вместе с яслями для грудных детей, вместе с детскими садами, со школами, с общеобязательным движением октябрят-пионеров-комсомольцев. Вместе со всей разрушительной идеологией *воспитания советского человека*, во лжи зачинаемого и рождаемого, проходящего становление как личность в окружающей его и бесконечно наслаиваемой на его сознание искусной лжи.

Исследователи этой темы обязательно упоминают, что в СССР после всех крупных международных мероприятий: молодежных фестивалей, спортивных олимпиад часто наблюдались случаи рождения детей негроидного типа (особенно в двух столицах – первопрестольной и северной: Москве и Ленинграде). Некоторые женщины признавали факт полового контакта с представителями других рас, но утверждали, что со времени кратковременной связи прошло уже несколько лет. Тогда как они беременели и рожали детей от своих соотечественников. Никто из советских врачей не брался объяснить факт рождения «черненького» от белых отца и матери. Однако в период так называемой *перестройки* одним из тогда новых и популярных изданий «СПИД-инфо» была поднята тема рождения ребенка негроидного вида у дочери, которая таким вот образом расплачивалась за грех матери, имевшей и тщательно скрывавшей сексуальные контакты с африканцем.

Как и в конце XIX века, сенсационная тема вызвала огромный интерес. Пресса вновь запестрела сведениями о зебро-жеребенке, отмечая, что у странного жеребца от чистокровной английской кобылы по сути два отца: жеребец-лошадь по сперме и жеребец-зебра по… и вот тут-то наука **не** имеет термина для обозначения процесса, происходящего при соитии и передаче информации без оплодотворения. Некоторые исследователи называют это матрицей, иные – биополем (см., к примеру, статью Виталия Браткова «Телегония и генетика: кто из них «главнее»?» в газете «Правда»). Отец по биополю – это сродни отцу по духу; то есть, мы вторгаемся в область непознанного или запретного (но на сей раз запрещенного не людьми, а Создателем).

«Если зачатию ребенка предшествовали половые отношения его матери с одним или более партнером помимо отца по плоти этого ребенка, даже если при этом употреблялись презервативы (утверждение спорно и даже нелепо. – *Авт.*) или иные противозачаточные средства либо делались микро– и макро-аборты после «неудачных» совокуплений, то в процессе совокупления происходило слияние биополей партнеров, в результате которого у рожденного такой женщиной ребенка,

кроме отца по плоти, от которого он унаследовал половину хромосомного набора, есть еще и множество отцов по телегонии, от которых он может унаследовать многое на биополевом уровне организации материальных структур, – пишет «правдинец». – Причем оказалось, что наследуются **не** только внешние признаки первого полового партнера, но и его болезни, в частности венерические, психические заболевания, заболевание крови. При этом следует иметь в виду, что хромосомный набор во всех клетках организма – один и тот же, однако клетки печени отличаются от клеток нервной системы и мышечных тканей, как и все клетки функционально специализированных тканей отличаются друг от друга. И все сообразно своей принадлежности тканям и системам организма воспроизводят себе подобные соответственно плану общего расположения органов и систем в организме. Вопрос о локализации на материальных носителях информации, определяющей это общее расположение органов и систем, в генетике – по крайней мере, в общедоступной литературе – не освещается. Но неоднократно высказывались мнения о том, что общее расположение – размещения органов и систем организма – записан **не** в структурах молекул хромосомного аппарата, хранящих преимущественно информацию о синтезе веществ биомассы организма, а в структурах биополей. В частности, поэтому кобыла-лошадь способна родить полосатенького, как зебра, жеребеночка с полосатостью, унаследованной по телегонии, т. е. на основе биополевой передачи наследственной информации, поскольку хромосомные наборы половых клеток зебры и лошади несовместимы друг с другом, и генетический материал хромосом зебры никак не мог попасть к жеребенку лошади. Поскольку каждый из сексуальных партнеров, ставших одним из множества отцов по телегонии ребенка, обладал своеобразием в строении организма, отличающим его от всех прочих, то в телесной организации может выразиться взаимное несоответствие друг другу различных информационных модулей, унаследованных им от разных отцов. То есть в общем расположении органов и систем его тела, асимметрии (в том числе избыточность или недостача органов). Одна из наиболее распространенных асимметрий, по наследству, как показывает статистический анализ, сколиоз – искривление линии позвоночного столба, при котором одно плечо ниже другого, а гибкость позвоночника при наклоне направо отличается от гибкости позвоночника при наклоне налево. Как только это было установлено, все исследования и публикации по проблеме телегонии были засекречены. Вопрос для размышления: почему?»… и т. д.

Итак, становится очевидным, что при дефлорации мужчина передает женщине свою генетическую информацию. Также очевидно, что его информация никогда **не** будет сочетаться с генетической информацией, которую в последующем передаст этой женщине отец ее детей. В прежние времена девушка, утратившая невинность, «ставшая нечистою», подвергалась всеобщему презрению. Даже попавшей под подозрение парни мазали дегтем ворота. Девушки вели себя благопристойно не только из-за боязни получить дурную славу, однако это являлось сильным сдерживающим фактором в отношениях молодых людей противоположного пола.

Нежеланными для брака в прежние времена становились не только утратившие девственность, но и с явными признаками уродства, а также засидевшиеся в девках «перестарки», – этот своеобразный процесс отбора являлся гарантией получения почти стопроцентного здорового потомства. Общепринятые нормы поведения помогали избегать проблем с физическим и психическим здоровьем потомства, обусловленных несовместимостью и конфликтностью генетической информации, передаваемой ребенку от мужчин, имевших половые сношения с его матерью. Важно указать, что на рубеже XIX и XX веков в русских семьях зачастую было по 10 и более детей! – что свидетельствует о здоровом (морально и генетически) и материально благополучном обществе.

Подводя итоги, можно представить, что в момент дефлорации в организм женщины поступает биологический материал мужчины, включающий механизм запуска органа рождения. И даже если партнер не стал причастным к зачатию, механизм успевает усвоить генетическую информацию «первопроходца». То же – и со всеми остальными «посетителями» вагины. И, значит, условно *зачатие* происходит с каждым новым половым партнером?

Сам факт скрытой науки, напрямую относящейся к человеку и якобы не имеющей научного объяснения механизмов воспроизводства по телегонии, свидетельствует о том, что Человек – создание неких высших сил, и что классическая фраза *«Познай себя»* – дает верное направление, в котором должны быть направляемы помыслы человеческого Разума. Ведь мельчайшая часть в каждом из нас – это копия Вселенной…

Если не считать того, что закрытые институты давно занимались подобными исследованиями (еще с 20-х годов XX века), в разваливающейся на части советской стране в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. начались интенсивные статистические, социологические, физиологические и антропологические

исследования. Уже из открытой печати можно было узнать, что многочисленные исследования проводились и на Западе, где еще до конца 1960-х годов сделали вывод: эффект телегонии действительно существует не только в животном мире, но и распространяется на людей, причем имеет гораздо более выраженные особенности! Осмелевшая отечественная наука подтвердила: да, все это – правда! Правда, что беспорядочная сексуальная связь женщины с каждым ее партнером приводит к изменению ее родовой генетики, – в результате чего постепенно изменяется родословная и национальность ее потомков. И что чем больше у женщины сексуальных дородовых связей с разными мужчинами, тем сильнее засорена ее хромосомная цепочка. В простонародье появились фразы, которые сейчас можно встретить даже в серьезной литературе: от троих в одной постели никого, кроме ублюдков, не рождается; если непорядок в штанах, то непорядок и в голове…

И вновь – в который уж раз – на странную научную тему опустился занавес секретности…

Ведь государство еще **не** поставило истинной целью гармоничное развитие образованной и созидательной Личности; а управлять дегенерированными гражданами куда как легче… Зачем власти наука, которая утверждает, что на потомство Женщины влияют все предыдущие мужчины, вне зависимости от того, были ли от них дети или нет? «Вооружившись» такой наукой, граждане страны, заботясь о нравственности, потребуют убрать с экранов телевизоров сцены физического и сексуального насилия, порнографию, «голубых» и «розовых», бездумную оболванивающую попсу, в конце концов, *татушек*, на которых некоторые ушлые депутаты Госдумы даже зарабатывают немалые деньги. По понятным причинам большинство отрицающих телегонию – люди заинтересованные (мы не говорим о дегенерированной массовой публике), ибо ***индустрия по деградации населения*** приносит сверхприбыль. Понятно, что и наркомании и проституции также не будет места в образованном обществе. Кстати, вот ведь и популярная газета «АиФ» всполошилась, приведя для массового читателя откровенные цифры: «В начале XX века содержание сперматозоидов у среднестатистического мужчины было 280–250 млн./мл. У нынешнего – может быть всего лишь 25 млн./мл, – говорит Геннадий Сухих, директор Научного центра акушерства, гинекологии и перинатологии. – Проблема очень серьезная. Ощущение, что мужчины имеют очень косвенное отношение к репродукции!» (№ 8, 2008). Но в чем лежит суть такой деградации мужчин? – на этот вопрос, понятное дело, газета

ответа не дает…

Принятие обществом науки телегонии – это прогресс через возврат в прошлое: когда брак между мужчиной и женщиной имел не только социальный статус, был не только символом, но и воистину заключался *на небесах*.

Теперь несколько слов о тех, кто вообще **не** воспринимает эту тему и не верит, что эффект телегонии существует. «В конце XX века в России искусственно реанимируется умерший термин телегония», – пишут такие авторы. Ссылаясь на то, что в преддверии зарождения генетики как науки, собирались различные сведения о законах наследования признаков, даже самые, казалось бы, нелепые. А профессора Ледантека при этом обвиняют в ереси за то, что тот был атеистом, мол, еще в 1923 году в СССР была издана его книга под названием «Существует ли бог?» (где слово «бог» написано с маленькой буквы). Однако и Чарлз Дарвин, на чьей теории воспитано не одно поколение *«людей советской формации»*, не слыл прилежным верующим, да и те из старшего поколения, кто критикует труды французского биолога конца XIX века, наверняка в недавнем прошлом были если не коммунистами, то атеистами точно.

«Никто всерьез телегонию не воспринимал во всем мире, кроме расистов в Америке и совсем диких людей в Европе», – утверждает один из серьезных авторов, ученый ботаник и сотрудник Православной миссии одной из епархий. Забывая, что «совсем дикие люди в Европе», то есть наши с вами предки тысячелетия жили по этим законам нравственной, духовной, интимной чистоты, добронравия, праведности и целомудрия, – согласно христианскому мировоззрению, по Законам Божьим. И что измазывание ворот дегтем, побивание камнями гулящих, порка блудниц у позорного столба, и даже обряд вывешивания простыни после первой брачной ночи – это не такая уж дикость по прежним временам. Не большая дикость, чем сцена сексуального насилия, пропаганда «гейкультуры» на экране телевизоров или однополый брак, освещенный церковью – в наши дни… Мы живем, привычно не замечая, что становимся заложниками безнравственности, на которой основаны так называемые «демократические» нравы, в которых нет места ни национальным ценностям, ни национальным традициям.

«Популяризация телегонии, эта *забота о породе* попахивает расизмом, сразу вспоминаются идеи Гитлера о чистоте расы», – восклицают другие исследователи. Не стану приводить никаких доводов, лишь скажу, что телегония не виновна в том, что существовал ку-клус-клан и расисты в Америке, как не виновны генетика и антропология, что существовал фашизм. Все науки

всегда служат тем, кто находится у власти. Это непреложный закон. Однако именно эти науки стали засекреченными, а то, что нам известно о телегонии и антропологии – всего лишь верхушка айсберга, подводную часть которого мы даже не можем себе представить. Осталось подождать, когда наука во всем мире станет более открытой и когда специалисты по генетике, молекулярной биологии и другим медицинским наукам смогут открыто говорить о своих наработках и открытиях в области высоких современных исследовательских технологий.

3. Одиссей, Цирцея, Телегон

Верю: век настанет
И у нас веселый…
Начинайте, девки,
Задирать подолы!

Из анонимной поэзии XIX –
нач. XX в.

В «Мифах Древней Греции» мы можем обнаружить героя с именем Телегон. Безусловно, ни его имя, ни его история не имеют отношения к теме телегонии, однако сам миф весьма примечателен.

Телегон – сын великого героя Итаки Одиссея и Цирцеи (Кирки), волшебницы мифического острова Эя, находящегося в Западном Средиземноморье. Как принято было говорить, незаконнорожденный сын, потому как у Одиссея был сын Телемах от любимой жены Пенелопы. Впрочем, жизнь и подвиги Одиссея (Улисса) нашли свое отражение в книгах, фильмах, сценических постановках, картинах великих мастеров и вряд ли нуждаются в скупом пересказе. Разве что заострим внимание на одной подробности.

Отправившись в длительное и полное опасностей путешествие, Одиссей с горечью оставляет новорожденного Телемаха и супругу.

Пройдя через множество испытаний, Одиссей вместе с аргонавтами, плывущими на корабле с названием «Арго» («Блистающий»), получил от бога ветров завязанный мешок со всеми ветрами, кроме попутного, который и домчал корабли почти до Итаки. Но любопытные спутники развязали мешок, и вырвавшиеся на свободу ветры угнали суда назад, в открытое море, к земле людоедов лестригонов, которые огромными камнями потопили все корабли, кроме того, на котором был Одиссей. Вскоре наш герой достиг острова Эя, где волшебница Цирцея превратила часть его спутников в свиней, и лишь спустя долгое время Одиссею хитростью и смекалкой удалось добиться возвращения им человеческого облика. На этом острове Одиссей проводит год в объятиях прекрасной волшебницы. Миф не указывает, родила ли она ему сына до его отплытия с острова или после. Однако впоследствии юный Телегон, как назвала мальчика мать, отправляется на поиски своего легендарного отца.

Чужеземцы во главе с сыном Цирцеи высадились на Итаке, но Одиссей с оружием в руках выступил против них, и в горячей схватке Телегон смертельно ранил отца копьем с наконечником из плавника ската. Так исполнилось предсказание о том, что Одиссея постигнет смерть от моря, но не на море.

По одному из вариантов мифа, Телегон после запоздалого опознания забирает тело Одиссея для погребения на остров к Цирцее, а сам впоследствии женится на Пенелопе.

Конечно же, это сродни сказке. В этой мифической сказке символично то, что мужчина, не сохранивший верность, поправший супружескую клятву, обречен на смерть от своего отпрыска от другой женщины. Однако не будем *притягивать осла за уши*, а только разбавим наш рассказ о взаимоотношении полов кратким экскурсом в древние мифы…

И если вы все еще остаетесь в неведении насчет позиции автора в отношении телегонии, отвечу искренне:

– Я не знаю наверняка, существует ли подобное явление, но допускаю, что это – возможно… очень даже возможно…

История 7. Великая Октябрьская Сексуальная революция

1. «Стыд – буржуазное прошлое советского народа!»

Ты, товарищ, меня глубоко пойми,
Уважая пролитую кровь:
Утомленное тело окопами
Хочет знать красоту и любовь.
Мои чувства, мечты и фантазии
Снова в сердце, как пламя, зажглись, —
Я в боях с мировой буржуазией
Заслужил себе личную жизнь.
…Жить невозможно без ласки,
Ласку легко погубить.
Позвольте мне карие глазки
Красной душою любить.

Юлий Ким. Из «Присыпкина»

(из пьесы «Клоп» по мотивам В. Маяковского)

Пролетарскую революцию в России можно смело назвать сексуальной революцией. Однако первопроходцы теории голых тел не были в этом первооткрывателями. В пору революционной учебы в Германии и Австрии подданные Российской империи, ставшие на путь террора, с интересом знакомились с оригинальным движением «натуристов», которое местными бюргерами воспринималось как чудовищная и отвратительная пошлость, как предпосылка к скорому Судному дню через революцию плоти. Однако власти с чудаками не боролись, предпочитая выделять специальные места для отдыха, избегая тем самым широких дискуссий в прессе и, не подогревая излишнего интереса, сводили открытое любопытство общественности к «натуристам» к нулю. Разве что служители церкви критиковали «голых бесов». Правда, как всегда, нашлись

те, кто испытывал нездоровую тягу ко всему порочному. Владимир Ильич Ленин, попав на «натуристский пляж» в Австрии, восхитился обилием голых тел и решил, что русские рабочие и крестьяне должны точно так же научиться… наслаждаться природой. Сие восхвалял в своих воспоминаниях соратник Ильича Бонч-Бруевич. Впрочем, тогдашние заграничные «натуристы» объявляли себя сторонниками здорового образа жизни, отдававшими приоритеты занятиям гимнастикой, вегетарианству, трезвости и борьбе с курением. Но, как говорится, *благими намерениями устлана дорога в ад*… К тому же, одно дело, когда вы оголяетесь наедине с природой, а другое – среди множества других *человеков* разного пола, возраста и физического состояния.

Со времени кровавого большевистского переворота в России «натуризм», так и не пройдя начальный этап познания, осознания и привыкания, сразу сформировался в безнравственное движение «Долой стыд!» Впрочем, чего ждать? – революция идет в массы семимильными шагами регресса! Человек божественной формации, оттачивавшийся разумной природой длительными тысячелетиями, делами большевиков за считанные годы превращался в дичайшее творение *красного диавола*. Наставниками на пути юных «долойстыдистов» становились их идейные отцы, чьи имена вписаны в толстые тома советских энциклопедий, те, кто как средство большевистской пропаганды на стыке XIX–XX веков использовал среди прочих гнусных штучек и порнографию. Открытки пошлого вида изготавливались в нелегальных партийных типографиях, как на территории империи, так и за границей; снимки продавались из-под полы за копейки на людных базарах, но чаще даром подсовывались студентам и курсисткам, коих и предназначалось развращать. Как отмечают серьезные исследователи, порнография в России накануне революции прошла свой *золотой век*. Однако та же тенденция наблюдалась и прежде – накануне революций во Франции и в Германии.

Длинноволосые, прыщавые нигилисты и борцы «за светлое будущее» спешили воочию увидеть то, что представляли в извращенных юношеских снах: юных барышень, насилуемых со всей дикостью классового садизма. И эти гулливые, вожделенные бесовские мечты исполнятся после 1917 года: Россия-барышня, стыдливая и непорочная их стараниями превратится в красную, потную революционную потаскуху.

Но сначала революционеришки вбросили в лузу сексуальной революции пробный шар – демонстративно прошли по Красной площади главного русского города нагишом, требуя от всех

остальных членов российского общества примкнуть к ним. Нам говорят (если и говорят), что общество «Долой стыд!» появилось в 1925 году, да и то на очень короткое время. Забывая признать, что первые демонстрации голых с красными перевязями через плечо появились в 1919 году.

Миссионеры пошлости, «долойстыдисты» были настоящими фанатиками. На своих тайных сборищах они клялись никогда не носить одежду, исходя из принципов отрицания: *«Одежду носят наживающиеся на эксплуатации буржуи. Мы – не буржуи, поэтому мы должны отвергнуть одежду»* и пропагандируя дарвинизм, как учение, близкое идеям социализма: *«Человек произошел от обезьяны. Значит, люди – животные. Животные не носят одежду. Следовательно, мы тоже не должны носить одежду»*.

Движение голых распространялось по изматываемой революцией, разрухой и приближающимся голодом стране, клонировалось, превращалось в кружки, секты и лиги. Не успел познавший заграничных свобод поэт Максимилиан Волошин в 1916 году приехать в любезную его сердцу бушующую Россию и в феврале 1917-го осесть в своем имении в Коктебеле, как за ним потянулись «натуристы». То ли очарованные единомыслием поэта, издавшего еще в 1910 году сборник «Блики. Нагота», в 1914 «Блики. Маски. Нагота», то ли умиленные пустынными берегами и волшебной природой Крыма, где среди девственной пустоты можно скрыть безобразия греховной плоти. К слову сказать, названия этих сборников вы не найдете ни в одной советской энциклопедии: ни в Большой, ни в Литературной, ни в Исторической, ни в Энциклопедическом словаре, ни в других официальных источниках. Зато при желании, расстаравшись, сможете прочесть статью М. Волошина «О наготе», где поэт рекламирует германское общество «Freier Bund», «поставившее своею целью физическое и нравственное оздоровление человечества посредством наготы». Его члены обоих полов, собираясь в парке в Грюнвальде, мило проводили время в подвижных играх на открытом воздухе. «Благодаря спорту и гигиене эта нагота получит право гражданства в Европе!» – уверяет читателя Волошин и тут же завлекает неверующих: мол, «идя купаться, я раздеваюсь дома, надеваю купальный халат, перехожу пятнадцать сажень, отделяющих мой дом от моря, и кидаюсь в воду. Местные жители глубоко шокированы таким поведением». Паломники, потянувшиеся в Коктебель, вскоре основали тут первый «натуристский» пляж в России (ныне здравствующий – нудистский).

Впрочем, русской интеллигенции уже давно показали завлекательность «эстетской наготы». Исполняя «Вакханалию» из

оперы немецкого композитора Р. Вагнера «Тангейзер», в последнем танце, когда оба полотнища хитона, прикрепленного только у плеч, развевались в воздухе за спиной, прекрасная Айседора Дункан несколько тактов танцевала совсем обнаженной. После чего ей пришлось долго объясняться с публикой, выступая в печати, что в театре Шатле… неровный пол.

Скандал вдохновил еще одну танцовщицу. Некая Ида Рубинштейн, взбалмошная дочь богатого торговца дебютировала как танцовщица, даже не имея специального образования. Чтоб воочию показать публике свои «прелести», 20-летняя Ида сняла в Петербурге помещение, где исполнила среди прочих «Танец семи покрывал». В финале танца она разделась догола, оставаясь в одних бусах. Публика, вышедшая из дверей театра, громко насмехалась; бывший на премьере Станиславский назвал постановку чудовищной, а исполнительницу «бездарно голой». В XX веке ее «искусство» продолжат последовательницы в стриптиз-барах. А тогда, вдохновленная своей смелостью искусница решила ехать покорять Париж. Однако вместо гастролей попала в сумасшедший дом, куда Иду упрятали родственники. Улучив возможность и сбежав, она вновь шокировала, выйдя замуж за своего близкого родственника, кузена Владимира Горовица, с которым была дружна с детства. Подобные браки в русском обществе считались дегенеративными и были запрещены. Но и семейные узы показались Иде слишком тесными; бросив мужа, она бежит в поисках новых приключений и новых зрителей… Говорят, самые удачные роли Иды – Клеопатра и Шехерезада в «Русских сезонах» Сергея Дягилева. Когда на спектакле нерусскую актрису, словно мумию, выносили на носилках, чтобы медленно распеленать; «Царица Египта постепенно лишалась своих покровов и предавалась любовному экстазу у всех на глазах, причем лишь в самый критический момент являлись услужливые придворные дамы, окружавшие занавесками ложе любовников». Нечто подобное происходило и в спектакле Мейерхольда по исторической пьесе Габриэля д'Аннунцио о пизанской блуднице, где главную роль исполняла все та же Ида Рубинштейн. В адрес которой сыпались далеко не лестные эпитеты: «зеленая лягушка», «грязный скелет с судорожными гримасами», «нездешняя сомнамбула» – за ее слишком длинное и худое тело, в котором зрители не видели привлекательной эстетики, за разноцветные лохматые волосы и кроваво-красный рот «как у раненой львицы».

Так развлекалось и развращалось высшее общество, подпитываемое кроме театральных «секс-изысков» еще «новаторскими» литературными произведениями и творениями живописцев всевозможных течений.

Однако то, что так или иначе имеет отношение к искусству, в мутных головах революционеров и социалистов превратилось в пошлость и грязь; и наоборот: грязь и пошлость стали революционным искусством.

В бывшей Российской империи множились идейно-помешанные «люди новой формации», члены общества «Долой стыд!» разгуливали по улицам голыми, громогласно заявляя, что *стыд – это буржуазное прошлое советского народа.*

Идейным вдохновителем голых пролетариев был верный сын ленинской партии и неверный, но близкий друг Льва Троцкого *(наст. Лейба Бронштейн)* Карл Радек, возглавлявший колонны раздетых, марширующих по Красной площади у стен священного Кремля. Российская Империя дождалась великой *свободы*, принесенной ей подлыми нерусскими силами.

Карл Бернгардович Радек *(наст. Собельсон; 1885–1939)* людьми определенного склада считается видным партийным деятелем, гениальным журналистом, сыном учителя. Однако, если заглянуть в книгу Николая Кузьмина «Возмездие», то мы найдем настоящие сведения, касающиеся этой особи. Родители К. Собельсона содержали публичный дом в Варшаве. Порочные наклонности проявились в нем очень рано и развились до болезненного состояния. Таким, как он, следовало сидеть в сумасшедшем доме, однако они делали так называемую русскую революцию.

Карл Собельсон и внешне, и внутренне очень похож на многих социалистов-революционеров-большевиков, однако, надо признать, был много уродливей. «Эротоман с крайне отталкивающей внешностью», – называет его Н. Кузьмин; на шаржах Бухарина Карл предстает уродливым Мефистофелем, дьяволом с высохшим телом. Сразу же после захвата власти в 1917 году Собельсон, носящий партийный псевдоним Радек, приехал в Петроград, чтобы примкнуть *к своим*. Его тут же назначают руководителем отдела внешней политики Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и отдела Центральной Европы Наркомата внешних дел, где он отвечал за политику экспорта революции.

Являлся агентом двух секретных спецслужб: германской и австро-венгерской, у немцев проходил под кличкой «Парабеллум». В конце 1919-го находился в командировке в Германии *для поддержки революции*, был арестован, но почти сразу же освобожден. В 1919–1924 гг. член ЦК РКП(б). В 1920-м секретарь, в 1920–1924 гг. член исполкома Коминтерна. Некоторое время возглавлял Коммунистический университет имени Сунь Ятсена, занимавшийся подготовкой партийных

кадров для стран Дальнего Востока. Сотрудничал в центральных газетах: в «Правде», «Известиях» и т. д. Был главным комментатором зарубежных событий, считал себя «лучшим коммунистическим журналистом мира». Однако стал символом приспособленчества и заказной, сервильной журналистики.

Большевичка Роза Люксембург заподозрила, что Радек работает на германскую спецслужбу, и попыталась передать эти сведения через Парвуса, своего любовника. ***Парвус*** (*наст. Гельфанд Израиль Лазаревич; 1869–1924)* – масон, один из главных большевистских банкиров, агент «Искры», близкий друг и идейный вдохновитель Троцкого, любитель распутных оргий, которые регулярно совершались в его доме. Сведения о Карле Радеке были переданы Дзержинскому, но Радека под свою защиту взял Ленин. И немудрено, ведь тот, являясь одним из главных связных между руководством партии и германским Генштабом, был активным организатором переезда Ленина и его соратников в Россию через Германию в пломбированном вагоне.

Радек отомстил Розочке: сдал ее, назвав *кому нужно* адрес конспиративной квартиры, где вместе с большевичкой находился и товарищ Карл Либкнехт; оба погибли в январе 1919 года.

Курсируя по разным странам по делам своего отдела *для поддержки революции*, Карл Радек возвращался в Россию и, как рассказывают, любил проводить время в гостинице «Националь». Там после приездов из-за границы он запирался с иностранцами, вольно наезжавшими в страну для очередного грабежа. Этот «рыженький местечковый живчик» обсуждал и осуществлял с Троцким планы продажи русских богатств, а также пути распространения революции в мировом масштабе. ***«Штык будет хорош, если надо будет помочь определенной революции, но для нащупывания положения в той или иной стране у нас имеется другое орудие – марксизм, и для этого нам не надо посылать красноармейцев (…)»***, – предельно четко высказался К. Радек на девятой конференции РКП(б).

Его образ являет собой классический образ революционера. Изворотливый, шустрый, беспринципный приспособленец, готовый в любой момент сдать проигравших однопартийцев; в 1936 г. Радека судили по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра», осужден к 10 годам лишения свободы, но через три года был убит в камере блатными. В июле 1988 г. реабилитирован (!); впрочем, как и многие, многие *товарищи* с однотипным бандитско-мазохистским прошлым…

О перипетиях судьбы *славного ленинца* можно писать еще долго, однако вернемся к нашим голышам, марширующим нестройными рядами, ведомых и направляемых непревзойденным

гением Собельсона-Радека. «Да, во главе этого шествия банного вида шел большевик со стажем, любимец Ленина, Карл Радек. Впрочем, он и по квартире разгуливал совершенно обнаженным, пугая малых детей родной сестры, с которой жил, своим членом, свисавшим у него до колена. И дети те выросли сволочами и дегенератами из-за такого воспитания». Эта информация была озвучена на телеканале НТВ в откровенной передаче «Секс в СССР» (май, 2007). Не по той ли причине и его собственная дочь не захотела прийти на единственное свидание, разрешенное после суда над К. Радеком?!

Известно, что на самую большую демонстрацию «долойстыдистов» в 1924–1925 гг. вышло до 10 000 человек. Голую группу с большевистскими лозунгами и призывами не предавать классовую борьбу также встречали на Кузнецкому мосту. Несознательные граждане, собравшись в толпу, улюлюкали и показывали пальцами. В другой раз «бесстыжие», промаршировав, остановились на площади; один из самых крикливых обратился с горячими призывами к набежавшей толпе. Размахивая руками, он заявил, что стыд есть самый худший бич, доставшийся от царской эпохи. «Мы уничтожили это чувство! Посмотрите на нас, и увидите свободных мужчин и женщин, истинных пролетариев, сбросивших оковы символов буржуазных предрассудков!» Случайные дамочки, набежавшие на крики, округлив глаза, рассматривали посиневший *уд* горлопана. Кто-то из толпы одетых людей выкрикнул: «Дурак!», после чего молодежь атаковала обнаженных. Те спешно ретировались. Однако еще не единожды выходили на очередной шабаш, неся «голые знания» в пролетарские массы других городов.

Можно найти свидетельства, как в 1922 году происходили выступления общества «Долой стыд!» на площади Краснодара. Совершенно голый, украшенный только лентой с надписью «Долой стыд!», оратор кричал с трибуны:

– Долой мещанство! Долой поповский обман! Мы, коммунары, не нуждаемся в одежде, прикрывающей красоту тела! Мы дети солнца и воздуха!

Однако вечером на том же месте прохожие лицезрели поваленную трибуну и избитого «сына солнца и воздуха». (См. А. Трушнович. «Воспоминания корниловца 1914–1934», «Посев», 2004)

В уездном Борисоглебске с плакатом «Долой стыд!» расхаживали мужчина и женщина, о чем уже в наше время поведала своей внучке Наталия Ивановна Сачкова, 1898 года рождения.

Как-то в Гудермесе ожидали прибытия поезда с голыми.

Собралась публика, предвкушая развлечение; «будем бить!» – потешались местные ребята. Только вот кроме машиниста с голым торсом, никто голый на поезде не приехал. Жители разошлись, смеясь и зубоскаля по поводу голых московских большевиков.

Бывало и так, что марширующие по городам голые люмпены не только вызывали столпотворение, но и мешали общественному транспорту: любопытство брало верх, водители автобусов и трамваев останавливались подивиться скандалу *почище любого цирка*. Из подворотен к месту события подбирались местные хулиганы с набитыми мелкими камешками карманами, раздавался заливистый свист, смех, гогот, улюлюканье…

Москвичи не единожды сталкивались лицом к лицу с голышами, перепоясанными кумачовыми ленточками, которые входили в трамваи, переполненные людьми. У некоторых на шее были прихваченные пеньковой веревкой плакаты революционного содержания. Рассказывают, что в момент, когда группа голых «детей солнца и воздуха» вваливалась в общественный транспорт, оттуда, ругаясь и отплевываясь, с возмущением выскакивали пассажиры. Подобное действо происходило во многих городах советской так называемой Российской Федерации.

Журнал «Баптист Украины» № 7 за 1925 год указывал на такой факт: «Рябоконевская община Евангельских христиан Одесской губернии сообщила: в августе 1924 г. в нашу общину прибыли с Кавказа двое духоборов-трясунов, и начали проповедовать крещение Святым Духом, а также ***отвергать брак верующих, называя его сором (хламом) жизни*** (здесь и далее выделено мной. – *Авт.*). Никакие увещания не могли остановить проповедников ереси. Наши братья убеждались продавать свои имущества, выходить из Среды верующих и вступать в их ***Обитель, находившуюся в Крыму близ г. Симферополя.*** В этой обители устанавливалось полное равенство членов; и в отношении полов проповедовалось: «Долой стыд»… Некоторые из наших верующих были прельщены ересью, продали свои имущества и отправились в Крымскую обитель. Приезжают туда, но там ничего не находят из того, о чем им так много рассказывалось и усердно обещалось. Так и остались они ни с чем… Многие из них ушли в мир, другие сознались в ереси и искренно раскаялись, а иные так и остались искалеченными духовно». Подобные свидетельства слишком ярко напоминают то, что происходило в некоторых ложах тайных масонских орденов, проповедующих раскрепощенность духа, обнаженность тела, поклоняющихся культу секса и насилия и проводящих свои мессы в массовых оргиях. Но *гражданам зарождающейся советской*

страны **не** дано было знать, что истоки социализма лежат в масонстве, как **не** дано было знать *гражданам развитого социализма*, что некоторые из советских партийных руководителей имели… высокие масонские степени. К слову, в передаче «Мировая закулиса» в серии «Русские сенсации» на телеканале НТВ нам впервые показали масонский храм под стенами Кремля, в котором под началом Великого мастера «Великой ложи России», а по совместительству профессора одного из московских университетов (он был в маске) проходят тайные мессы современных политиков-масонов постсоветского периода; а в одном из выпусков газеты «АиФ» даже напечатали интервью нынешнего главного масона России. Преемственность традиций, понимаете ли…

В 20-м году XX в. в крымском городе Симферополе побывали с «просветительской» миссией пролетарские агитаторы во главе с Владимиром Маяковским. В свободное время пролетарские поэты то с толпой поклонников, то поодиночке разгуливали по жарким, пыльным улицам. Местные жители видели, как «бунтарь, главарь, горлан» Маяковский шел в белом костюме вместе с приехавшим просвещать русских Давидом Бурлюком – «русским поэтом и художником», как его подает Краткая Литературная энциклопедия. Косоглазый еврей ***Давид Давидович Бурлюк***, родившийся в 1882 году на хуторе Семиротовщина Харьковской губернии, подружился с Маяковским еще в годы их учебы в Московском училище живописи, из которого вместе и были исключены за отсутствие необходимого таланта и гнусное поведение (1914 г.). Советскими энциклопедиями Бурлюк назван «одним из первых русских футуристов», «отцом русского футуризма», организатором группы кубофутуристов. Издавал стишки в коллективных сборниках с характеризующими авторов названиями «Пощечина общественному вкусу» и «Требник троих» (оба – 1913). В 1913–1914 годах вместе с Маяковским ездил в турне футуристов по России с чтением «просветительских» лекций и стихов. С 1920 г. жил в Японии, с 1922 – в США, где издавал журнал «Цвет и рифма», славословивший его самого с его «непревзойденным» «талантом».

> Я в восторге от Нью-Йорка города.
> Но кепчонку не сдерну с виска.
> У советских собственная гордость:
> На буржуев смотрим свысока.

Это Маяковский, его стихотворение «Бродвей», написанное в 1925 году, когда его близкий друг «смотрел свысока на

советских», разгуливая по тому же Бродвею!

С приехавшими в Крым двумя пролетарскими друзьями-поэтохудожниками дефилировали две совершенно голые мамзели, на которых из одежды – по красной ленте через плечо с надписью «Долой стыд!» (В Интернете есть информация, что в начале 2007 года симферопольские власти объявили конкурс на создание бронзового памятника во весь рост данному историческому променаду. Так что, возможно, крымчане и гости полуострова вскоре смогут запечатлеть себя не только на фоне Чеховской «Дамы с собачкой» (в Ялте), но и на фоне двух пролетарских шлюх (в Симферополе); а заодно и удостовериться в правдивости тех, кто пытается донести правду о преступлениях над плотью, духом и разумом миллионов граждан 1/6 части суши, планомерно совершаемых большевиками с 1917 года.)

Движение «долойстыдистов» было не просто благосклонно, а с восхищением воспринято на Западе. За подобный отказ от стыда (за грехопадение, разврат и разложение русского общества) Советы получили несколько поощрительных очков от *капиталистических стран*. К началу 30-х годов иностранные корреспонденты, работающие в Москве, отмечали: советские «натуристы» исчисляются тысячами! Об этом свидетельствовал американский журналист Кинкерборгер, в 1930 году награжденный Пулитцеровской премией за репортажи из России. Говорят, бельгийский консул в России Жозеф Дуйе вспоминал: «В 1925 году при покровительстве советского правительства образовалось общество «Долой стыд!». Члены этого общества обязались отказаться от одежды и ходить голыми. Для пропаганды некоторые члены этого эксцентричного общества были посланы в поездки: в Харьков, Ростов, Минеральные Воды и так далее. Я видел их в костюме Адама и Евы в Ростове». В те годы зарубежные журналисты и дипломаты делали множество снимков с мест событий; ныне те снимки хранятся в архивах США, Великобритании, Бельгии, Германии, др., снимки отечественных *ответственных лиц* либо хранятся в закрытых архивах, либо вывезены и проданы за рубеж. Об этом, кстати, говорилось в уже упомянутой телепередаче «Секс в СССР». Участник передачи психолог Сергей Агарков подтверждал: «Партия в последующем очень негативно относилась к тому периоду, когда пропагандировала сексуальную свободу, распущенность. Достать снимки, протоколы и документы об обществе «Долой стыд!» труднее, чем какие-то документы НКВД. Фотографии демонстраций на Красной площади, – а их несколько десятков, – они так упрятаны в архивы партии, что до них трудно докопаться, некоторые вывезены за рубеж».

Что делали «бесстыжие» по городам и весям в течение нескольких лет не в летнюю пору, нигде не сообщалось. Ну а зимой?

«Большинство окоченевших голых называли носящих одежду рабами буржуйской отсталости», – писала одна из немецких газет того времени. Имеются свидетельства, что в конце концов, посиневшие от осенней непогоды московские бесы с табличками «Долой стыд!» и плакатами, на которых все, кто носил одежду, объявлялись «рабами буржуйской отсталости», «предателями классовой борьбы», привлекли пристальное внимание руководства страны. Поддерживая голых краснопленочников в их борьбе с несознательным буржуйством и мещанством, партийное начальство прилюдно раздеваться догола не пожелало. Большинство населения страны последовать примеру «долойстыдистов» также не собиралось. До сей поры карающие органы власти бездействовали, граждан банного типа разве что приводили в отделение народной милиции да увещевали; грубо хватать и строго наказывать *своих* было не по-большевистски, потому как граждане хоть и полностью голые, а лозунги-то несут революционные. К тому же, каждый знал: советская власть объявила о полной свободе рабочего класса, а нахождение на публике в неглиже представлялось на заре строительства коммунизма безобидной демонстрацией этой заявленной на весь мир свободы. Но пришло время разрешить ситуацию. И тогда Совет Народных Комиссаров (СНК) поручил решение этого вопроса Наркомату здравоохранения, который возглавлял очень близкий друг и соратник товарища Ленина Н. А. Семашко. Также успешно прошедший заграничную школу революционной борьбы на деньги международного *центра*. Наркомздрав официально заявил, что благодарен «долойстыдистам», что те обратили внимание всего советского населения на пользу воздуха и солнечного света, после чего популярно пояснил «детям солнца и воздуха», что воздух городских улиц перенасыщен пылью и бактериями, вредными для человеческой кожи. И потому будет благоразумно не появляться на городских улицах без одежды. Для непонятливых добавил: несоблюдение этой рекомендации не останется безнаказанным; за нарушение указания полагался штраф.

Услышав о наказании, советские граждане сразу становились послушными и безоговорочно принимали все указы и распоряжения. С годами это стало основным рефлексом *хомо советикус*. С этого момента «нестыдное», как массовое движение, исчезло само собой.

Однако наряду с этим набирали силу и распространялись

другие, еще более чудовищные движения, во главе которых стоял главный помощник партии и коммунистов, – **комсомол**, вскоре заслуженно получивший почетное прозвание «ленинский».

2. Комсомол и «Эрос революции»

Вы такая прелестная скромница, —
Ваши плечи как фарфор и грудь.
Я до вас опасаюсь дотронуться,
Как на свечку стесняюсь дохнуть.
Когда вы так доверчиво ложите
Ваши пальчики мне на ладонь,
Вы себе и представить не можете,
Что вы ложите их на огонь.
Доверьтесь ему.
Позвольте я белую шею
Красной рукой обниму…

Юлий Ким. Из «Присыпкина»

Золотая, налитая,
Тонкая иголочка.
Как я рада, как я рада,
Что я комсомолочка.

Советская частушка

По всей России вместо кружков (да и наряду с ними) «Долой стыд!», появлялись и множились кружки «Долой невинность!», «Долой брак!», «Долой семью!». На заре своего появления многие комсомольские ячейки видели свою основную задачу не в подготовке кадров для *строительства светлого будущего* (такой задачи партия еще **не** поставила перед молодыми), а в раскрепощении молодежи, развале старого мещанского быта и уничтожении православных оков нравственности времен «проклятого царизма».

Младокомсомольцы вместо того, чтобы заняться пропагандой коммунизма, с животной радостью спешили пропагандировать

свободную любовь. Причем не иначе, как на собственных примерах. Юными пролетариями, готовыми отвергнуть стыд, как классовый предрассудок, таинство отношений между мужчиной и женщиной отвергается; романтика и девственность – «страшное наследие темного мира», «царства эксплуатации человека человеком». Оттого отношения полов рассматривались ныне лишь в контексте революционной целесообразности. «Дно» общества, описанное самым страстным и самым наглым агитатором революции Максимом Горьким, вылезло наружу, обуянное горячечным беспределом и кровавыми оргиями. Жители городских трущоб, человеческий сброд, лишенный всякой морали, уголовные элементы, преступники всех мастей, – стали *гегемоном революции*. Получив из рук красных паханов, управлявших страной, власть среднего и низшего звена, это «дно» строило «новую» жизнь по невиданным доселе понятиям. Самое тонкое чувство, на которое только способно «дно» – пошлая эротика, самая страстная любовь – грубый инстинкт спаривания. Но они лишь повторяли то, что стало нормой в клане красных правителей. А правители и их карательные органы жили по принципу *свободной любви*, не заботясь о том, чтобы это скрывать от народа. Но среди системы ценностей большинства населения бывшей Российской империи половая распущенность никогда не была в почете; новая революционная мораль скорее даже вызывала отвращение. И тогда были запущены другие способы развращения народа. В дело вступил комсомол – «кузница коммунистических кадров».

Вскоре в большевистской России сексуальные преступления стали нормой поведения в среде рабочей молодежи; молодые пролетарии цинично демонстрировали отрицание всякой морали через надругательство и насилие над другими членами общества и в особенности, девушками и женщинами. Растущая агрессивность самцов поддерживалась секретарями комсомола, рьяно проповедующими полную свободу в отношениях полов.

К примеру, в Киеве один из комсомольских секретарей укома на частых собраниях убеждал молодежь в «революционности свободной любви». То же происходило по всем городам и весям страны, докатываясь до дальних деревень, и уже не только на городских площадях и станционных вокзалах, но и на деревенских сходках выступали заезжие молодые ораторы, пропагандируя прелести новой жизни и свободы половых отношений. Уже бродили в обществе слухи о «национализации» всех женщин в пользу передового пролетариата, идейного носителя идей коммунизма.

Ничего удивительного, что изнасилование в 20—30-е годы XX

века стало нормой поведения членов советского государства. К примеру, в 1926 году только лишь Московским судом было рассмотрено 547 случаев изнасилования; в 1927 г. – 726; в 1928 г. – 849. В других судах больших городов та же тенденция. У процесса изнасилования в среде советской молодежи даже появилось свое наименование: «чубаровщина». Возникло оно по названию Чубаровского переулка на Лиговке в Ленинграде, где летом 1926-го приехавшую работать на завод 20-летнюю крестьянку Любу Белякову насиловала целая банда молодых представителей рабочего класса, – 26 комсомольцев, кандидатов в члены ВКП(б) и коммунистов. (Уже в наше время, в 2006 г. об этом случае упоминала газета «АиФ», увеличив число насильников до 40 (!) человек).

Состоялся суд, в ходе которого установили, что обвиняемые и свидетели разделяют общественное мнение, озвученное рупором комсомола «Комсомольской правдой»:

«Женщина – не человек, а всего лишь самка. Каждая женщина – девка, с которой можно обходиться, как вздумается. Ее жизнь стоит не больше, чем она получает за половое сношение» (18 декабря 1926 г.). ***«Самым скверным является то обстоятельство, – отмечает далее газета, – что этот ужасный случай не представляет собой в нашей жизни никакого особого преступления, ничего исключительного, он – всего лишь обычное, постоянно повторяющееся происшествие».***

Ничего необычного в зверском насилии, свершаемом на глазах прохожих, не увидел комсомолец, случайно ставший очевидцем преступления. Во время дачи показаний на суде он… **не** мог понять вопроса прокурора, почему же он никого не позвал на помощь. Один из шайки насильников и вовсе утверждал, что изнасилования как такового и не было, разве что акт совершался без согласия женщины…

– Женщина – не человек, – твердили на суде обвиняемые, – все комсомольцы настроены точно так же, и живут таким же образом, как мы.

«Чубаровское» дело получило такой широкий общественный резонанс, что грозило срывом планов индустриализации страны; поэтому вместо обычных 5 лет, которые давали за подобные «игры», шестеро из насильников были приговорены к расстрелу, остальные получили длительные сроки отсидки.

На страницы советской печати попало и другое преступление, не менее чудовищное. И эти зверские преступления заставляли власти искать пути решения ею же порожденной проблемы. В 1927 году в Ленинграде на пляже у Петропавловской крепости тринадцать учащихся ФЗУ при Балтийском заводе после споров о

сроках торжества коммунизма во всем мире зверски изнасиловали трех девушек. Суд по данному делу стал показательным; да и то только потому, что одна бедняжка скончалась от телесных повреждений, а у другой потерпевшей отец оказался видным партийным деятелем.

В ходе следствия выяснилось, что один из преступников Федор Соловцов – комсомольский активист, уже давно славился сексуальными победами. Низкорослый парень с изъеденным оспой лицом имел восемь постоянных интимных партнерш в своей комсомольской ячейке, принуждая их к сожительству. Если девушки отказывались содействовать «внедрению революционной пролетарской морали», он тут же находил рычаги воздействия: то обещал исключить из комсомола, то угрожал лишением места в общежитии, то собирался распространить гнусную молву о ее непролетарском происхождении и т. п. И, между прочим, исполнял свои обещания. Ну а в некоторых случаях комсомольский активист просто дарил объекту похоти пару дефицитнейших фильдеперсовых чулок.

Подобное стало нормой поведения в советском обществе; комсомольские и партийные вожди всегда видели в женщинах лишь сексуальный объект. Так было до конца XX века; и в сегодняшнем постсоветском обществе изувеченное внутреннее «я» Женщины не может оправиться от травмы, нанесенной ей коммунистической моралью. Общество, где человеческие нормы поведения и мораль подменяются лозунгами, обречено на длительное разложение. Советский Союз ждала участь трупа, разлагающегося, расползающегося на части.

На суде над молодыми насильниками, проходившем в Ленинграде, было озвучено, что в комсомольской ячейке ФЗУ открыто существовало «бюро свободной любви». И часто мероприятия революционной молодежи заканчивались разнузданными оргиями, когда парочки совокуплялись на глазах друг у друга. А в тот момент на пляже, – объяснили насильники, – они «страдали от нетерпежки». Рассвирепели же и били гражданок за то, что те проявили «буржуазную несознательность», отказав им по-хорошему. Комсомольцы насиловали жертвы в извращенной форме, совершая групповые половые акты прямо на пляже. Оргия продолжалась несколько часов. Совершив насилие, они жестоко избили жертвы. У одной из потерпевших оказались поврежденными внутренние органы. На крики несчастных наконец прибежал наряд милиции. Соловцов уверенно заявил прибывшим:

– Они не захотели добровольно доставить сексуальное наслаждение комсомольцам! Это их надо арестовывать, а не нас!

Вину подсудимые так и **не** признали; комсомольский вожак на суде не раз подчеркивал, что видит в своих действиях «здоровую сексуальную революционную мораль». Но так как суд по делу об изнасиловании был превращен в показательный процесс, преступников сурово наказали: Соловцова расстреляли, его подельников посадили на длительные сроки заключения.

Характерным для того времени явился резонанс, вызванный этим делом. Тогда как многие в партийные органы и газеты писали гневные письма, требуя смертной казни для насильников, другие наоборот, поддерживали преступников, примеряя их опыт на себя. Анонимный автор, обращаясь в редакцию газета «Правда», писал: ***«Как же нам удовлетворять естественные надобности? Девушки должны были пойти навстречу просьбе товарищей-комсомольцев и снять с них сексуальное напряжение, чтобы они, вдохновленные и довольные, смело шли к новым трудовым победам! Эрос революции должен помогать молодежи строить светлое коммунистическое завтра!»*** Подобное понимание роли женщины в «новом советском обществе» было навязано большинству молодых людей; в среде молодых рабочих разврат и насилие на долгие годы стали нормой поведения. ***«Студенты косо смотрят на тех комсомолок, которые отказываются вступить с ними в половые сношения. Они считают их мелкобуржуазными ретроградками, которые не могут освободиться от устаревших предрассудков. У студентов господствует представление, что не только к воздержанию, но и к материнству надо относиться, как к буржуазной идеологии»***, – это цитата из письма студентки, опубликованном в «Правде» (7 мая 1925 г.).

«Эрос революции» тогда широко воспевался в обществе революционными поэтами-бунтарями, такими как В. Маяковский и иже с ним. Новые пролетарские писатели и деятели пролетарского искусства вели дискуссии о ***теории «крылатого» и «бескрылого» Эроса.*** А идейным вдохновителем этой заразы «раскрепощения» стала профессиональная большевичка Александра Коллонтай, выступившая в 1923 году со статьей «Дорогу крылатому Эросу!» Полная раскрепощенность нравов вызвала брожение не только в головах, но и *в штанах*, что привело к возникновению разных течений и теорий, посвященных семейно-половом вопросам. Самой заметной и стала «теория Эроса», имевшая как бы два направления. И хотя между направлениями существовали отличия, однако главная задача «эротистов» заключалась в том, чтоб уверить общество, что *в целях достижения полной свободы и скорейшей победы коммунизма*

необходимо избавиться от всех условностей старого мира: любви, семьи, дома. Для этого следовало полностью обнажить человеческое тело в живописи, на сцене и в кино. «Стыдливость, – это искажение всего нормального и здорового, с ней надо вести борьбу»; «любви нет, а есть лишь «голое размножение», физиологическое явление природы», – таковы основные принципы «эротистов». Советская литература с новым вдохновением, соответствующим времени, создавала образ **женщины**, приветствующей измены своего партнера (мужа), и которая сама была обязана удовлетворять сексуальный инстинкт мужчины (комсомольца и коммуниста).

Во время начавшихся в середине 20-х годов судебных делах по случаям изнасилования выяснилось множество нелицеприятных фактов. Оказывается, в среде комсомольской молодежи приобрели популярность так называемые «вечерки», на которых молодые люди «пробовали» девушек. Подобные мероприятия обычно проводились в помещении комитета комсомола, – фабричного ли, заводского и т. д. – куда молодежь была обязана приходить на учебу о классовой борьбе, гегемонии пролетариата, для ознакомления с трудами Маркса, Энгельса, Ленина. После чего комсомольский лидер предоставлял парням право выбирать партнершу среди пришедших на собрание комсомолок. Все знали, что секретарь комсомольской ячейки мог, при желании, покуситься сразу на нескольких понравившихся девушек. «Пробы» проходили то по очереди, то массово, без всякого стеснения перед товарищами. Вместе с тем выявились случаи самоубийства среди комсомолок, однако обвинить в этом комсомольских работников и членов комячеек не смогли (не захотели).

Особое любопытство представляет труд Ивана Солоневича «Тяжкий вопрос о науке»; в котором известный русский публицист, ставший эмигрантом, описывает события тех лет, исходя из своего личного журналистского опыта. Иван Солоневич *(1891–1953)* является автором книг «Россия в концлагере», «Народная Монархия», «Диктатура импотентов», «Диктатура слоя»; а его статьи можно легко найти в Интернете. Однако обратимся к свидетельству Ивана Лукьяновича.

«Осенью, кажется, 1932 года я в качестве репортера попал на Сормовский завод – старый гигант индустрии около Нижнего Новгорода. Репортерское ремесло в СССР – унылое и стандартизированное ремесло. Человек обязан писать о том, что приказано. А если того, чему приказано быть, в природе не существует, обязан выдумать. То, что существует в реальности, никакую редакцию не интересует, и интересовать не имеет права.

Жизнь обязана укладываться в схему генеральной линии. Я с блокнотом и фотоаппаратом скучно бродил по гигантской территории Сормовского завода, пока в его парадных воротах не наткнулся на целую ***серию «черных досок» – «досок позора», на которые наносят имена всякого отдельного элемента веселой социалистической стройки. Не «преступного», а только «отсталого» – для преступного есть и другие места.*** На досках красовалось около ста имен. На доски я взглянул только случайно: кому интересны имена опоздавших на работу, не выполнивших нормы, удравших от общественной нагрузки? Но случайный взгляд обнаружил целое «общественное явление»… Почти в одной и той же редакции, одна за другой, шли записи такого содержания: *«Комсомолец Иван Иванов женился, старается возможно больше заработать, бросил общественную работу, исключен из комсомола как мещанский элемент»*. Иногда редакция записи говорила чуть-чуть иначе: «Комсомолец Иванов «повышает квалификацию», но для заработка, а не для социализма». Словом – на досках было около сотни комсомольцев, из-за женитьбы ушедших из комсомола. Я направился в комсомольский комитет: в чем тут дело? В комсомольском комитете мне ответили раздраженно и туманно: черт их знает, что с ребятами делается: у попа женятся, **пойдите в женотдел**, это по ихнему ведомству, женотдел прямо на стенку лезет… Я пошел в женотдел… Меня как «представителя московской прессы» обступила **дюжина комсомольских и партийных активисток**. *Часть из них относилась к типу партийной самки*, который был увековечен соответствующим скульптурным произведением во Дворце труда. *Другую я отнес к числу заблудших душ* – не вполне невинных жертв социалистического общественного темперамента. Всем им хотелось излить свои наболевшие души. Они и излили: одни жалобно, другие озлобленно. Фактическую сторону дела обе части рисовали, впрочем, одинаково. Фактическая сторона дела заключалась в том, что заводская молодежь ни с того ни с сего вдруг начала жениться. Это бы еще полбеды. **Настоящая беда заключалась в том, что на комсомолках жениться не хотел никто.** Им-де, ребятам, нужны жены, а не «орательницы» – в русском языке есть глагол «орать», имеющий случайно лингвистическое родство с термином «оратор». **Им нужны хозяйки дома, а не партийные шлюхи – последнее существительное в разных редакциях передавалось по-разному**. Они, ребята, вообще хотят иметь семью. Как у людей. Без развода и всяких таких вещей. И поэтому женятся не в ***загсе*** *(отдел записи актов гражданского состояния)*, а у попа: так все-таки вернее. Потом они хотят побольше заработать, учатся,

посещают курсы, «повышают квалификацию», но на собрания не ходят, и социалистическая стройка их не интересует никак. В соответствии с советской идеологией, фразеологией и прочими вещами женские души из сормовского женотдела выражались витиевато и казенно. Слушатель, не убеленный достаточным советским опытом, мог бы и в самом деле предположить, что интересы социалистической стройки стоят у женотдела на самом первом месте. Но, во-первых, партийный комитет никакой угрозы интересам этой стройки не отметил и, во-вторых, сквозь казенные ламентации о планах, собраниях, мещанстве и прочем нет-нет да и прорывались свои собственные, неказенные слова. «А нашим-то девкам – куда деваться, вот так век в комсомолках и ходить?» «Они сволочи, от комсомолок носы воротят, словно мы какие зачумленные». «Им такую подавай, чтобы борщ умела варить, а что она политически безграмотна, так им что?» «В мещанство ударились; чтоб его жену никто и тиснуть не смел»… Несколько позже председательница женотдела, тип застарелой Орлеанской девственницы, говорила мне полуконфиденциальным тоном: «Комсомолки наши ревмя ревут, почитай, ни одна замуж не вышла, конечно, несознательность, а все-таки обидно им… Эти сто, что на черных досках, – это только показательные, только для примеру, у нас весь молодняк такой же. Совсем по старому режиму пошли. Попа мы арестовали – не помогает: в Нижний жениться ездиют. Вы об этом, товарищ Солоневич, уж обязательно напишите…» Я обещал «написать» – писать обо всем этом нельзя было, конечно, ни слова. На своих спортивных площадках я поговорил с ребятами. Ребята усмехались и зубоскалили: просчитались наши орательницы, кому они нужны! «Я, товарищ Солоневич, скажу вам прямо: **я на бабе женюсь, а не на партии**… Вот тут один наш дурак на комсомолке женился: дома грязь, пуговицу пришить некому, жену щупают кому не лень, ежели дети пойдут, так это еще не сказано, чьи они». Словом, разговоры носили ярко выраженный мелкобуржуазный характер. *И я понял: социалистическая игра в России проиграна.* В семейном вопросе коммунизм сдал свои позиции первым: с вот этакими комсомольцами справиться было нельзя. Да и солдаты были нужны: без семьи – какие солдаты. Так, несколько позже, коммунизм отступил и на церковном фронте: отступил гибко и умно, не отдавая своих основных позиций и используя религию для вооруженной защиты безбожия. Но прорыв на семейном фронте был первым решающим прорывом: комсомолец попер жениться, комсомолец стал строить семью – и тут уж все остальное, быстро или медленно – это другой вопрос, пойдет истинно старорежимными путями: семья, забота, собственность –

словом, «старый режим»…».

Но до начала 30-х годов, до времени, когда члены комсомола, досыта натешившись с доступными комсомолками, решили брать в жены обычных девчат, прошло не десятилетие, а – целая эпоха циничного разврата. Закрепленного, между прочим, в первом Уставе этой организации!

Как известно, 29 октября 1918 года в Москве прошел первый съезд так называемых союзов рабочей и крестьянской молодежи, на котором было принято решение о создании ***Российского-Коммунистического Союза Молодежи (РКСМ)***.

Официальная история последующих лет деятельности комсомола выглядит так:

– В июле 1924 РКСМ было присвоено имя В. И. Ленина, РКСМ стал Российским Ленинским коммунистическим союзом молодежи (РЛКСМ). В связи с образованием Союза ССР в 1922 г. комсомол в марте 1926 был переименован во Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ).

– Согласно Уставу ВЛКСМ в комсомол принимаются юноши и девушки в возрасте от 14 до 28 лет. В 1918 г. в членах этой организации числилось 22 000 человек; в 1920 – 400 000; в 1933 – 4,5 млн. человек; в 1941 – 10 400 000 человек; в 1971 —свыше 28 млн. молодых людей всех наций и народностей СССР. За 50 лет в комсомоле *прошло политическую школу* более 100 млн. советских людей.

– Главной задачей ВЛКСМ является помогать партии воспитывать юношей и девушек:

1) *на великих идеях марксизма-ленинизма* (**понимай правильно:** марксизм-ленинизм осуществился на деле через обучение революционеров и деклассированных элементов, международных отщепенцев и преступников из разных стран в единых международных школах и центрах терроризма на деньги заинтересованных структур, чтобы затем вооруженным путем изменить существующий политический строй сначала в одной из европейских стран; главной целью марксистов-ленинистов была Российская империи, как самое богатое и могущественное государство);

2) *на героических традициях революционной борьбы* (**понимай правильно:** эти традиции зиждутся на развязывании Гражданской войны и массовых убийствах; за время революции, Гражданской войны и до конца 30-х годов XX в. погибло более 60 млн. только русского населения бывшей Российской империи);

3) *на примерах самоотверженного труда рабочих, колхозников, интеллигенции* (**понимай правильно:** самоотверженным может быть труд только у тех, кто поставлен в нечеловеческие рамки

существования, кто находится в колхозах и совхозах, работает за трудодни и, не имея паспорта, не может изменить условия труда и жизни; кто в массовом порядке отправлен «на исправительные работы» в советские гулаги; кто вынужден выдавать «на гора» во имя спасения положения на бездарно проигранных советскими полководцами полях сражений во время Второй мировой…);

4) *вырабатывать и укреплять у молодежи классовый подход ко всем явлениям общественной жизни, готовить стойких, высокообразованных, любящих труд строителей коммунизма* (**понимай правильно:** классовый подход – это искаженное понимание событий во всех областях человеческой жизни, подаваемое через призму *ненависти* к «мировой оплетке империализма», к мифическим эксплуататорам и буржуям; что касается «высокообразованных», то советская система обучения по всем (!) параметрам проигрывала разносторонней системе образования, как начального, так и высшего, времен царской России).

Рассказывая о своих славных подвигах и повседневных делах, комсомольские и партийные вожаки навсегда забыли о том, **как** на самом деле вовлекалась молодежь в свои ряды *борцов за светлое будущее*. В то время, когда в редких комсомольских рядах насчитывалось не более 20 000 человек на необъятную страну, был принят 1-й Устав РКСМ, где имелся пункт следующего содержания: **«Каждая комсомолка обязана отдаться любому комсомольцу по первому требованию, если он регулярно платит членские взносы и занимается общественной работой».** Положение действовало до 1929 года, когда была принята вторая редакция этого Устава. Параграф о соитии изъяли. За это время ряды *членов* изрядно укрепились, ведомые *в светлое завтра* их идейными вожаками, преданными сыновьями коммунистической партии. Первыми руководителями – председателями, генеральными секретарями Центрального Комитета комсомола в те годы были: с ноября 1918 по октябрь 1919 – коммунист и деятель Коминтерна Оскар Львович Рывкин *(1899–1937)*; с 1919 по апрель 1922 – коммунист Лазарь Абрамович Шацкин (1902–1937); с 1922 по июль 1924 – коммунист и бывший революционный комиссар Петр Иванович Смородин *(1897–1939)*; с 1924 по май 1928 – коммунист Николай Павлович Чаплин *(1902–1938)*; с 1928 и по апрель 1929 – коммунист, сотрудник Коминтерна Александр Иванович Мильчаков *(1903–1973)*. Последнего на ответственном посту сменит коммунист Александр Васильевич Косарев *(1903–1939)*, прошедший *героические традиции революционной борьбы* на фронтах Гражданской войны, научившись с 15 лет хладнокровно

убивать своих соотечественников в единичных и массовых расстрелах. Комментарии, как говорят, излишни.

Итак, на заре становления «активный помощник и резерв Коммунистической партии» – комсомол – вписал самую черную страницу в свою *славную* биографию.

Сразу же после создания РКСМ, для знакомства с новой организацией в столицу были посланы инициаторы с мест. По их возвращении во всех школах, на заводах и фабриках городов проходят митинги по созданию комсомольских ячеек. Губкомы, проводя в жизнь политику новой организации, вовсю выдавали постановления о том, что каждый комсомолец или рабфаковец имеет право реализовать свое половое влечение, а комсомолка или рабфаковка должна его удовлетворить по первому же требованию, – в противном случае она лишалась звания комсомолки и пролетарской студентки.

Но в адрес комсомольских вожаков стали поступать жалобы от сексуально озабоченных товарищей, которым девочки-комсомолки не пожелали отдаться. Нарушительниц правил комсомольской этики и новой коммунистической морали осуждали и карали на шумных комсомольских собраниях. Однако многие комсомолки приводили в ответ слова большевички Александры Коллонтай: *«Женщина теперь сама сможет выбирать себе мужчину»*, и парировали, что если мужчины будут принуждать их к соитию, то они выйдут их комсомола. Однако смелых, готовых дать отпор было не так уж и много.

«Нынешняя мораль нашей молодежи в кратком изложении состоит в следующем, – подводила итог (между прочим, и своего личного весомого вклада в дело морального и психофизиологического разложения русского общества) известная коммунистка Смидович в газете «Правда» (21 марта 1925 г.) – ***1. Каждый, даже несовершеннолетний, комсомолец и каждый студент «рабфака» (рабочий факультет) имеет право и обязан удовлетворять свои сексуальные потребности. Это понятие сделалось аксиомой, и воздержание рассматривают как ограниченность, свойственную буржуазному мышлению. 2. Если мужчина вожделеет к юной девушке, будь она студенткой, работницей или даже девушкой школьного возраста, то девушка обязана подчиниться этому вожделению, иначе ее сочтут буржуазной дочкой, недостойной называться истинной коммунисткой…»***

В результате, когда все без исключения комсомольцы и коммунисты были **уверены**, что у них есть права на удовлетворение мужской физиологической потребности, в Стране Советов назрела новая проблема: что делать с детьми,

рожденными от свального блуда свободной любви. *Дети крылатого Эроса*, которых матери не могли прокормить, пополняли детские дома, становились беспризорниками. Зачатые в жутких условиях, – не в процессе любви, а в процессе бездушия и насилия, – никогда не знавшие материнского тепла, они росли и вливались в ряды преступного мира.

«Брачный бойкот комсомолок, а также и комсомольских форм сексуальной жизни был, конечно, симптомом огромного национального значения. Может быть – самым решающим симптомом существования нации. Здоровый, нормальный, общечеловеческий инстинкт с отвращением отбросил все сексуальное экспериментаторство и вернулся к традиции», – подметил публицист И. Солоневич. Но то, что по сердцу человеку нормальному, было *как кость в горле* большевику. *«Опять Россия стала буржуазной, снова в ней культ семьи»*, – гневно возмущался Троцкий в 30-е годы, осознавая, что даже давнее убийство царской семьи становилось отчасти бессмысленным, потому как конечная цель *в деле уничтожения семьи, как ячейки общества,* **не** достигнута. Ведь на семье держится все – и нравственность, и государство. А убийство семьи помазанников подорвало все устои общества, вызвало чудовищный обвал всех ценностей, вольно́ попираемых каждым, кто объявлял себя партийцем. Но на это и был расчет. Это за трагедией русских помазанников в обществе последовали «Долой стыд!», «Долой невинность!», «Долой брак!» и: «Каждая должна отдаться каждому…».

Утешает только то, что наше поколение появилось на свет уже *после* экспериментаторства. *Но сколькие из поколения наших бабушек и дедушек рождены в этом чудовищном эксперименте, в этом публичном доме революции, и – кто из этих выродков стал нашим с вами близким родственником?!*

3. Половые заповеди революционного пролетариата

Жил я раньше во тьме, без понятия,
Но с победой трудящихся масс
Я понял красоту и симпатию,
А тем более глядя на вас.
И скажу вам во всей откровенности,
Пострадавши в нужде и в борьбе:
Я буржуев культурные ценности
В полном праве примерить к себе.
…Спрятался месяц за тучку —
Снова выходит гулять.
Позвольте мне белую ручку
К красному сердцу прижать.

Юлий Ким. Из «Присыпкина»

«Свободное» поведение комсомольских лидеров и членов комсомольских ячеек стало возможным благодаря господствовавшей тогда в стране идеологии.

В 1924 году в издательстве Коммунистического университета имени Якова Михайловича Свердлова была издана брошюра некоего новоиспеченного советского профессора, специалиста в области психоневрологии Арона Залкинда «Революция и молодежь». Именно в ней впервые появились знаменитые **12 половых заповедей революционного поведения пролетариата.** Среди которых имеются следующие (дословно):

– Не должно быть слишком раннего развития половой жизни в среде пролетариата.

– Половой подбор должен строиться по линии классовой революционно-пролетарской целесообразности. В любовные отношения не должны вноситься элементы флирта, ухаживания, кокетства и прочие методы специально-полового завоевания.

– Не должно быть ревности.

– Не должно быть половых извращений.

– Класс, в интересах революционной целесообразности, имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов: половое во всем должно подчиняться классовому, ничем последнему не мешая, во всем его обслуживая.

Этот «великий», «видный», «гениальный» советский психиатр и сексопатолог, по праву получивший звание советского профессора (как *насмешка* над профессорскими званиями, кои заслужили ученые Российской империи) ***Арон Борисович Залкинд*** *(1886–1936)* достоин того, чтобы его цитировать. Ведь по его заповедям, его популярным «научным» трудам строилась классовая этика советского народа; на этом фундаменте (пусть даже и видоизмененном) воспитывались поколения наших близких: отцов, матерей, бабушек и дедушек. Уверяю, вам не будет скучно от прочтения его научных трудов. Судите сами. Вот отрывки из книги «Революция и молодежь»; очень кратко.

«На авансцену истории выдвигается новый господствующий класс, – он начинает строить свои собственные правила поведения, свою этику.

Итак, **коллективизм, организация, активизм, диалектический материализм,** – вот четыре основных мощных столба, подпирающих собою строящееся сейчас здание пролетарской этики.

«Не укради» эксплоататорской библии давно и хорошо было заменено этической формулой товарища Ленина: «грабь награбленное», которая является лишь русским видоизменением Марксовой формулы: «экспроприация экспроприаторов».

«Не убий» – собственно говоря, для буржуазии – было ханжеской заповедью… Пролетариат – первый в истории класс, который не прибегает к ханжеству, – подойдет к этому правилу вполне откровенно, строго по-деловому, с точки зрения классовой пользы – *диалектически*. Если человек крайне вреден, опасен для революционной борьбы, и если нет других способов, предупреждающих и воспитывающих, на него воздействий, – ты имеешь право его убить… т. к. **метафизической самодовлеющей ценности человеческой жизни для пролетариата не существует.**

«Чти отца» – пролетариат рекомендует почитать лишь такого отца, который стоит на революционно-пролетарской точке зрения, который сознательно и энергично защищает классовые интересы пролетариата, который воспитывает детей своих в духе верности пролетарской борьбе: коллективизированного, дисциплинированного, классово-сознательного, революционно-

смелого отца. Других же отцов, враждебно настроенных против революции, надо перевоспитывать: **сами дети должны их перевоспитать** (что и делают сейчас комсомольцы, пионеры). Если же отцы ни за что не поддаются этому революционному воспитанию, если они всячески препятствуют и своим детям воспитываться в революционном духе, если они настойчиво пытаются сделать из своих детей узких хозяйчиков, мистиков, – революционным детям не место у таких родителей: после энергичной борьбы, если она оказалась безуспешной, дети этически вправе покинуть таких родителей, т. к. **интересы революционного класса важнее блага отца.**

«Не прелюбы сотвори»… Если то или иное половое проявление содействует **обособлению** человека от класса, уменьшает остроту его научной (т. е. **материалистической)** пытливости, **лишает** его части производственно-творческой **работоспособности,** необходимой классу, – **понижает его боевые качества,** – долой его. Находясь сейчас в стадии первоначального социалистического накопления, в период предсоциалистической, переходной, героической нищеты, рабочий класс должен быть чрезвычайно расчетлив в использовании своей энергии, должен быть бережлив, даже скуп, если дело касается сбережения сил во имя увеличения боевого фонда. Поэтому он не будет разрешать себе ту безудержную утечку энергетического богатства, которая характеризует половую жизнь современного буржуазного общества, с его ранней возбужденностью и разнузданностью половых проявлений, с его раздроблением, распылением полового чувства, с его ненасытной раздражительностью и возбужденной слабостью, с его бешеным метанием между эротикой и чувственностью, с его грубым вмешательством половых отношений в интимные внутриклассовые связи.

Половая жизнь – для создания здорового революционно-классового потомства, для правильного, боевого использования всего энергетического богатства человека, для революционно-целесообразной организации его радостей, для боевого формирования внутри-классовых отношений, – вот подход пролетариата к половому вопросу.

Половая жизнь, как неотъемлемая часть прочего боевого арсенала пролетариата, – вот единственно возможная сейчас точка зрения рабочего класса на половой вопрос.

Отсюда: **все те элементы половой жизни, которые вредят созданию здоровой революционной смены, которые грабят классовую энергетику, гноят классовые радости, портят внутриклассовые отношения, должны быть беспощадно**

отметены из классового обихода, – отметены с тем большей неумолимостью, что половое является привычным, утонченным дипломатом, хитро пролезающим в мельчайшие щели – попущения, слабости, близорукости».

Далее автор знакомит читателей с 12 половыми заповедями пролетариата, которыми он призывает руководствоваться. Особый интерес представляют его рассуждения об интимных взаимоотношениях с партнером, стоящим не на классовых позициях.

«На самом деле, что произошло бы, если бы половым партнером оказался бы классово-идейно глубоко чуждый человек? – спрашивает Арон Залкинд несознательных и тут же им отвечает: – Во-первых, это, конечно, была бы неорганизованная, внебрачная связь, обусловленная поверхностным чувственно-половым возбуждением…; во-вторых, это было бы половое влечение в наиболее грубой его форме, не умеряемое чувством симпатии, нежности, ничем социальным не регулируемое: такое влечение всколыхнуло бы самые низменные стороны человеческой психики, дало бы им полный простор; в-третьих, ребенок, который мог бы все же появиться… имел бы глубоко чуждых друг другу родителей…; в-четвертых, эта связь отвлекла бы от творческой работы, так как, построенная на чисто чувственном вожделении, она зависела бы от случайных причин, от мелких колебаний в настроениях партнеров и, удовлетворяя без всяких творческих усилий, она в значительной степени обесценивала бы и самое значение творческого усилия, – она **отняла бы у творчества один из крупных его возбудителей,** не говоря уже о том, что большая частота половых актов в такой связи, не умеряемая моральными мотивами, в крупной степени истощила бы и ту мозговую энергию, которая должна бы идти на общественное, научное и прочее творчество. Подобному половому поведению, конечно, не по пути с революционной целесообразностью».

Среди *перлов* советского профессора, одного из основоположников советской школы сексопатологии и педологии: «Имеются все научные основания утверждать, что действительно глубокая любовь характеризуется нечастыми половыми актами»; «при завоевании нового любовного объекта требуется, подчас, напряженнейшая борьба не только с ним, но и с другим «завоевателем», – борьба, носящая вполне выраженный половой характер и окрашивающая в **специфические тона полового интереса** все взаимоотношения между этими людьми, – больно ударяющая по хребту их внутриклассовой спаянности»; «Любовная жизнь двуженца (двумужниц) чрезвычайно

осложняется, захватывает слишком много областей, энергии, времени, специального интереса, – требует слишком большого количества специальных приспособлений, – вне сомнения, увеличивает количество половых актов, – в такой же мере теряет в соответствующей области и классовая творческая деятельность».

Ну и напоследок приведу прелюбопытную цитату: «Так как у революционного класса, спасающего от погибели все человечество, в половой жизни содержатся исключительно *евгенические* задачи, т. е. задачи революционно-коммунистического оздоровления человечества через потомство, очевидно, в качестве наиболее сильных половых возбудителей должны выявлять себя не те черты классово-бесплодной «красоты», «женственности», – грубо «мускулистой» и «усатой» мужественности, которым мало места, и от которых мало толку в условиях индустриализированного, интеллектуализированного, социализирующегося человечества». Это как раз то правило, в осуществлении коего на практике впоследствии обвинят фашистов и «приспешников Третьего рейха», – самых талантливых учеников своих учителей-коммунистов.

Среди получивших признание советской молодежи и другие труды психоаналитика и распространителя, популяризатора (а после и ярого гонителя) фрейдизма в СССР Залкинда «Половой фетишизм: К пересмотру полового вопроса» (1925) и «Половой вопрос в условиях советской общественности» (1926). В последней книге сексучитель советской молодежи А. Залкинд расфилософствовался до того, что написал: «*Половое влечение к классово враждебному, морально противному, бесчестному объекту является таким же извращением, как влечение человека к крокодилу, к орангутангу*». Анекдот? Вовсе нет, в то время эти заповеди заменили заповеди библейские.

Наряду с А. Залкиндом секспросветительствовали и другие в этом деградирующем и успешно дегенерируемом подобными учителями обществе; превратив тем самым территорию огромной страны в полигон своей «научной» мысли и чудовищных античеловечных, антихристианских опытов. Среди популярных книг в 20—30-е годы XX века значатся труды А. Коллонтай «Семья в коммунистическом обществе». Одесса, 1919 (и др.); И. Гельман «Половая жизнь современной молодежи» М., 1923; С. Вольфсон «Социология брака и семьи», Мн., 1929.

По мнению некоторых представителей новой «демократической интеллигенции», *свободные половые отношения между молодыми мужчинами и женщинами должны положить конец неравным бракам и проституции.* Новая власть считала, что

буржуазный брак закрепощает женщину, лишает ее равных прав с мужчиной. А проститутки, по их мнению, являли собой пример классовой эксплуатации женщины. Помочь проституткам стать равными членами социалистического общества взялась жена видного партийца и государственного деятеля С. М. Кирова Эсфирь, которая возглавила Манифестацию раскрепощенных проституток.

В пример остальным ставили большевистский пролетариат, в среде которого свободные половые связи были самым обычным делом; ***между полами могут существовать лишь сексуальные отношения***, – декларировала новая власть. *«Мы не признаем любви. Мы знаем только сексуальные отношения, потому что любовь презираема как нечто психологическое, а у нас имеет право на существование только физиология. Всех, кто видит в любви что-то кроме физиологии, высмеивают и считают импотентами и ненормальными»*, – говорит героиня популярного в то время рассказа Пантелеймона Романова «Без фигового листка» (1926). Героиня другой популярной книги «Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь» Сергея Милашкина (1926) Таня Аристархова к началу повествования уже имела… 22 любовника, участвует в оргиях, пьет, принимает наркотики, а потом благодаря влиянию сознательных *товарищей* преодолевает вредное влияние нэпа и обретает моральную чистоту среди партийцев. В 20-е годы в среде полуинтеллигентной красной молодежи были популярны взгляды новоиспеченного молодого философа, пропагандиста «свободной любви» Эммануила Енчмена; бытовал даже термин «енчменщина», вредное влияние которого «разоблачил» в 1923 году другой видный и признанный партией философ и профессиональный революционер Бухарин (*Бухарчик*, – как его иронично называл товарищ Сталин за чрезмерное употребление горячительных напитков и другие «шалости»).

Своими наблюдениями в советской печати делится студентка Рубцова: коммунисты рассматривают любовь как нечто очень скоро преходящее, долгую любовь они считают скучной; а понятие «супруга» для них – буржуазный предрассудок… «Один известный коммунист сказал мне: *«В каждом городе, куда я езжу по работе, у меня есть временная жена». «Муж моей подруги, – признается студентка, – предложил мне провести с ним ночь, так как его жена больна и этой ночью не может его удовлетворить. Когда я отказалась, он назвал меня глупой гражданкой, которая не способна постичь все величие коммунистического учения»* («Правда», 7 мая 1925 г.). *«Между мужчиной и женщиной у нас существуют только сексуальные отношения»* («Правда», 9 января

1928 г.).

Мне
любовь
не свадьбой мерить:
разлюбила —
уплыла.
Мне, товарищ,
в высшей мере
наплевать
на купола.

Так, *входя в раж,* бахвалился пролетарский поэт Владимир Маяковский. Новая советская художественная литература, освобожденная от цензуры, нанесла непоправимый вред национальному самосознанию народа, моральному, нравственному здоровью и его бытовым установкам.

Развязный стиль поведения навязывался всему обществу. Многие горячие головы верили, что в 1918 году произошло «обобществление всех женщин». И зачастую те, кто создавал комсомольские ячейки с обязательной «пробой девушек», и те из начальства, кто склонял сотрудниц к сожительству, и те, кто просто «снимал нетерпежку» с каждой приглянувшейся случайной женщиной, и даже те, кто отвечал перед судом за сексуальное насилие, – уверяли, что все делают исходя из декрета об обобществлении женщин. Якобы в этом документе говорилось о том, что все женщины объявляются государственной собственностью и обязаны считаться членами «бюро свободной любви».

В 1918 г. в городе Саратове действительно появились многочисленные листовки, содержащие текст нового советского декрета *«Об отмене частного владения женщинами»*. В документе значилось, что «всех женщин от 17 до 32-х нужно изъять и сделать достоянием народа». Многие историки считают этот декрет фальшивкой. Но другие, в основном зарубежные исследователи уверены, что подобный факт имел место. В этом отношении интерес представляет стенограмма протокола слушаний в сенате США (1919 г.) о событиях русской революции. Ознакомимся с выдержками из данного официального документа.

«*М-р Симмонс:* Теперь, господа. Наиболее постыдное деяние – это национализация женщин. Вот декрет, опубликованный большевиками во Владимире:

Местный Комиссариат Надзора [?; Commissary of Surveillance] гарантирует каждой девушке, достигшей возраста 18 лет, полную

неприкосновенность личности. Любой, покусившийся на девушку 18 лет оскорбительным языком или попытавшийся изнасиловать ее, будет ответственен по всей мере революционной законности перед Революционным Трибуналом. Всякий, изнасиловавший девушку, не достигшую 18 лет, считается государственным преступником и приговаривается к 20 годам тяжелой каторги, если он отказывается жениться на пострадавшей. Пострадавшая, обесчещенная девушка имеет право жениться на насильнике, если она того желает. По достижении 18 лет девушка считается государственной собственностью. Она обязана, под угрозой строжайшей кары, зарегистрироваться в Бюро Свободной Любви в Комиссариате Надзора.

Сенатор Оверман: Где это комиссарство?

М-р Симмонс: Это напечатано большевиками во Владимире. [Продолжает читать:]

Зарегистрировавшись в Бюро Свободной Любви, девушка получает право выбрать из мужчин в возрасте от 19 до 50 лет мужа или сожителя.

Примечания: 1. Согласие мужчины в этом случае не требуется. 2. Мужчина, на которого падает выбор, не имеет права протестовать.

Сенатор Стерлинг: Надо полагать, выражение «свободная любовь» употреблено там неверно, в этом тексте.

М-р Симмонс: [Продолжает читать:]

Мужчинам также предоставляется право выбирать из девушек, достигших возраста 18 лет. Возможность выбора мужа или жены предоставляется раз в месяц. Бюро Любви автономно. В интересах государства мужчины в возрасте от 19 до 50 лет имеют право выбирать из зарегистрированных женщин. Согласие последних не требуется. Дети, появившиеся в результате этих союзов, считаются собственностью государства.

Декрет далее указывает, что он основан на «замечательном опыте» подобных декретов, изданных в Луге, Колпине и других местах России. Вот еще один декрет, из Саратова. Это довольно большая провинция и крупный промышленный город на Волге.» И т. д.

Слух об обобществлениях раскатился по всей стране; и неважно, писался декрет (декреты) или распространялась фальшивка, – упоминание об этом сыграло свою негативную роль в деле уничтожения семейных уз и развращения людских масс. Тем более что *прецеденты, как говорят, имели место!*

В сборнике «Красный террор в годы гражданской войны» (Лондон, 1992, составитель Ю. Фельштинский), содержащем выдержки из дел Особой следственной комиссии при

главнокомандующем вооруженными силами на Юге России по расследованию злодеяний большевиков приводится следующий «Акт расследования о социализации девушек и женщин в гор. Екатеринодаре по мандатам советской власти». В котором говорится:

«В г. Екатеринодаре большевики весною 1918 года издали декрет, напечатанный в «Известиях» совета и расклеенный на столбах, согласно коему, девицы в возрасте от 16 до 25 лет подлежали «социализации», причем желающим воспользоваться этим декретом надлежало обращаться в подлежащие революционные учреждения. Инициатором этой «социализации» был комиссар по внутренним делам еврей Бронштейн. Он же выдавал и «мандаты» на эту «социализацию». Такие же мандаты выдавал подчиненный ему начальник большевистского конного отряда Кобзырев, главнокомандующий Иващев, а равно и другие советские власти, причем на мандатах ставилась печать штаба «революционных войск Северо-Кавказской Советской республики».

Мандаты выдавались как на имя красноармейцев, так и на имя советских начальствующих лиц, – например, на имя Карасеева, коменданта дворца, в коем проживал Бронштейн: по этому образцу предоставлялось право «социализировать» 10 девиц.

Образец мандата (в сборнике приложена фотография в качестве вещественного доказательства): МАНДАТ Предъявителю сего товарищу Карасееву предоставляется право социализировать в городе Екатеринодаре 10 душ девиц возрастом от 16-ти до 20-ти лет, на кого укажет товарищ Карасеев. /Главком Иващев (*подпись*) /Место печати (*печать*)

На основании таких мандатов красноармейцами было схвачено более 60 девиц – молодых и красивых, главным образом, из буржуазии и учениц местных учебных заведений. Некоторые из них были схвачены во время устроенной красноармейцами в городском саду облавы, причем четыре из них подверглись изнасилованию там же, в одном из домиков. Другие были отведены в числе около 25 душ во дворец войскового атамана к Бронштейну, а остальные в «Старокоммерческую» гостиницу к Кобзыреву и в гостиницу «Бристоль» к матросам, где они и подверглись изнасилованию.

Некоторые из арестованных были засим освобождены… другие же были уведены уходившим отрядом красноармейцев и судьба их осталась невыясненной. Так, например, ученица 5-го класса одной из екатеринодарских гимназий (т. е. ок. 17 лет) подверглась изнасилованию в течение двенадцати суток целою

группою красноармейцев, затем большевики подвязали ее к дереву и жгли огнем и, наконец, расстреляли».

Нужны ли еще какие-то другие примеры?! Новые доказательства?!

Профессиональный большевик Бонч-Бруевич оправдал ВСЕ немыслимое зло, чинимое над русским и другими народами, сказав что ***у большевиков нет морали, что они еще не выработали морального кодекса, и пока они его не выработали – хороши все средства для достижения цели.***

Ярким идеологом «новой морали» стала Александра Коллонтай. Во время митингов на заводах и фабриках, в социалистической печати она активно ***отстаивала принципы нового типа любви, свободной от экономических и каких-либо иных обязательств.***

Александра Михайловна Коллонтай *(1872–1952);* – деятель международного революционного движения, советский дипломат, первая в мире женщина-посол. Энциклопедические справочники дают ее настоящую, девичью фамилию как *Домонтович*, называя ее отцом генерала, однако это неверно. Разведясь с мужем, ее мать, польская еврейка с тремя детьми вышла удачно замуж за порядочного генерала, даже не представлявшего, каких чудовищ ему придется воспитывать. К слову, развод в Российской империи был делом очень сложным, для расторжения брака нужны были весомые причины, так что подобный шаг совершали единицы. Александра вышла замуж за офицера Владимира Людвиговича Коллонтая, родила сына Мишу, но утомленная нежной любовью и заботой мужа, открыто завела любовника, друга семьи Саткевича. Брак «втроем» продолжался пять лет, после чего развратная сущность молодой женщины проявилась с новой силой. Бросив мужа и малолетнего сына, Коллонтай уехала в Швейцарию, где слушала лекции в Цюрихском университете на факультете экономики и статистики. В Лондоне она встречается с семьей социалистов Вебб, в Берлине – с Каутским и Люксембург, в Париже – с четой Лафаргов… Пока молодая женщина занималась пламенной говорильней на сходках единомышленников и сбором средств на партийные нужды, Владимир Коллонтай стал генералом, после официального развода женился на другой, более порядочной во всех отношениях женщине, которая и стала настоящей матерью для его сына от новоиспеченной большевички Александры.

Знакомство с революционером Масловым и их бурная связь на глазах прежнего любовника Саткевича окончательно укрепило ее в стане *равных.* Вскоре Маслова *на постельном посту* сменил очередной большевик Шляпников, – «суперпочтальон в

Скандинавии», как его назвал известный шведский поэт и публицист Ханс Бьеркегрен, издавший недавно книгу «Русская почта» о революционерах из России в Скандинавии в 1906–1917 годах. *Почтальоны* большевистской партии, работавшие на этом географическом направлении, занимались контрабандой писем, нелегальной литературы и оружия между Скандинавией и Россией через Финляндию и Прибалтику. А также поиском средств, банковскими делами, финансированием большевиков и других подрывных революционных групп в России. Кроме всего, за границей они «отмывали» деньги, полученные посредством вооруженных нападений на банки в России, Прибалтике, Грузии и Финляндии. Почтальонами были как мужчины, так и женщины, среди прочих – Александра Коллонтай. Достаточно много о действиях преступников из Российской империи знали шведская и датская полиция, но часто полиция не могла их идентифицировать, потому как революционеры работали под псевдонимами и по подложным паспортам. Их всех огулом причисляли к «русским», потому что в практику большевиков (большинство которых НЕ были русскими) вошло присваивать себе исконно русские фамилии, дискредитируя тем самым целый народ.

Итак, Коллонтай – член РСДРП с 1906 г., *профессиональная революционерка*; читала лекции в одной из зарубежных партийных школ (в Болонье); разъезжала по странам и континентам с миссией объединения и «просвещения» всех международных сил большевизма, начиная с Англии, Дании, США и заканчивая Францией, Бельгией, Швейцарией и т. д. Агент В. И. Ленина. Участвовала в подготовке к проведению вооруженного восстания в Петрограде, нелегально поставляла в Россию оружие, листовки, газеты, вела активную подрывную деятельность среди русских солдат и матросов. Вошла в состав первого Советского правительства в качестве наркома социального обеспечения (тогда государственного призрения). В 1921–1922 гг. секретарь Международного женского пролетариата при Коминтерне. (Кто из читателей еще представляет часто упоминаемый в книге **Коминтерн** обычной общественной организацией, глубоко ошибается. Это – штаб мировой революции, самая разветвленная преступная организация, активно занимавшаяся подготовкой мировой революции как с помощью создания и засылки террористических групп на территорию других стран, так и с помощью насаждения подрывной идеологии марксизма-ленинизма в странах; имел самую мощную разведку в мире.)

Являла собой классический образчик советской женщины-большевички: дьявольски хитра, умна и развратна. В 1917 году

выступала на многолюдных большевистских митингах, и, «упакованная» в кожаную мужскую тужурку, призывала к *свободе, равенству, братству*. Под стать себе переделывала всех советских женщин, распространяя в обществе обоснованные ею предпосылки для тотального разврата. **«Сексуальное влечение – это обычная физиологическая потребность, такая же, как желание выпить стакан воды»**, – объявила немолодая партийка А. Коллонтай, проведя ночь с очередным комсомольцем. Эта теория «стакана воды», которой и начали руководствоваться члены общества, стала ширмой для пропаганды разнузданной безнравственности.

Наиболее ярко идеи Александры Коллонтай прозвучали в нашумевшей в те годы статье «Дорогу крылатому Эросу!» (напечатана в журнале «Молодая Гвардия» в 1923 году). Она писала: *«Одного женщина любит «верхами души», с ним созвучны ее мысли, стремления, желания, к другому ее властно влечет сила телесного сродства. К одной женщине мужчина испытывает чувство бережливой нежности, заботливой жалости, в другой он находит поддержку и понимание лучших стремлений своего «я». Которой же из двух он должен отдать полноту Эроса? И почему он должен рвать свою душу, если полноту бытия даст только наличие и той и другой душевной скрепы?»*. И тем самым открыто пропагандировала свальный грех, «любовь втроем», – что веками отрицалось и Православной Церковью, и всем русским обществом. «Ты любишь по Коллонтай, или…?» – открыто спрашивали комсомольцы и коммунисты у намечаемых для сексуальной случки партнеров.

Взглянем еще раз на коммунистический Эрос от Коллонтай: *«Исключительность в любви, как и «всепоглощение» любовью, не могут быть идеалом, определяющим отношения между полами с точки зрения пролетарской идеологии… Такое выделение «любящей пары» (в кавычках), моральная изоляция от коллектива, в котором интересы, задачи, стремления всех членов переплетены в густую сеть, станет не только излишним, но психологически неосуществимым. …чем крепче будет спаяно новое человечество прочными узами солидарности, чем выше будет его духовно-душевная связь на всех ступенях жизни, творчества, общения, тем меньше места останется для любви в современном смысле слова».* Итак, никакой любви и «изоляции от коллектива»!

Одну из своих книг, составленную из слабо написанных, полухудожественных рассказов, она назвала претенциозно «Любовь пчел трудовых», прикрывая идеи половой распущенности и вседозволенности возвышенными излияниями о духовной свободе, о новой революционной морали. Ее почитатель Илья

Эренбург тепло признавал за ней исключительную роль в воспитании молодежи; его слова: «Коллонтай обладала даром воспитывать, и много молодых людей, работавших под ее руководством, обязаны ей своим духовным развитием».

А. Коллонтай утверждала: *«Сексуальная мораль, вырастающая из запросов рабочего класса, служит новым орудием социальной борьбы рабочего класса… Не в интересах класса «закреплять» за отдельным членом революционного класса самостоятельного его представителя, долженствующего прежде всего служить интересам класса, а не выделенной и обособленной семейной ячейке».* И тем самым напрочь отрицала семью и таинство брака. Хотя она полагала, что всегда заботилась такими актуальными проблемами, как детство и материнство. Но в каком аспекте! В ее воспоминаниях под названием «Дипломатические дневники», вышедших в 2001-м, можно найти такие строки: *«При осмотре выставки «Охрана материнства и младенчества»* (Москва, 1928 год. – *Авт.*) *меня задело, что там нет моего портрета. Если кто поработал над охраной материнства и младенчества в первые годы революции и до нее, так это я. Здесь мой портрет по праву был бы на месте».*

Ну а что такое «идеальный брак», Коллонтай показала на примере своих взаимоотношений с противоположным полом. Женщина, чей возраст приближался к пятидесяти, сожительствовала, а после вступила в *первый* советский брак с Павлом Дыбенко, который был моложе ее на 17 лет, и внешне годился ей в сыновья; но при этом она заводила многочисленные интимные случки на стороне. С Павлом Ефимовичем Дыбенко – сыном крестьянина из села Людков Новозыбковского уезда Черниговской губернии, имевшим три класса образования, а при новой власти ставшим председателем Центробалта, – Коллонтай познакомилась во время одного из своих посещений Кронштадта, где, как всегда, выступала с зажигательными революционными речами. Свадьбу большевистского комиссара Дыбенко и наркома госпризрения Коллонтай видные партийные и советские деятели сыграли *по рангу, как победители*: во дворце Кшесинской, пользуясь посудой с золотыми царскими и великокняжескими вензелями.

Оба супруга прославились половой распущенностью, сходились и расходились несколько раз; однако во все время сожительства и стареющая большевичка, и молодой матрос были «свободны от всяческих буржуазных предрассудков». Говорят, В. И. Ленин как-то даже высказался, что самым страшным наказанием для этих супругов будет обязать их в течение года хранить супружескую верность. Правда сама супруга, будучи, как

говорят в простом народе, *бл…витой,* страшно ревновала своего молодого мужа. Во время одной из ссор Александра потребовала от муженька объяснений за частые походы «налево». Дыбенко отвечал ей с полной революционной прямолинейностью: «Когда в самом начале братишки обвинили меня в том, что их на бабу променял, я им ответил: *«Разве это баба?! Это же Коллонтай!»* Да, я подходил к тебе не как к женщине, а как к чему-то более высокому, более недоступному. Но ты все чаще становилась обыденной женщиной. Мне было странно видеть это. Мне просто хотелось уйти от тебя».

Не будь Александра Михайловна революционеркой, которой приписали выдающуюся роль в раскрепощении женщины, ее бы при других обстоятельствах назвали никчемной матерью, бросившей сына на произвол судьбы и обыкновенной *шлюхой*.

Ей вторила близкая подруга Ленина и других революционеров Инесса Арманд, которая активно выступала за отмену института брака и свободную любовь. *«Даже мимолетная связь и страсть поэтичнее, чем поцелуи без любви пошлых и пошленьких супругов»*, – заверяла замужняя женщина, имевшая неоднократные мимолетные связи, после которых рожала детей (также бросаемых на попечение других людей). К слову сказать, после смерти Инессы Арманд ее коллега Александра Коллонтай получила высокий партийный пост – возглавила женотдел ЦК партии, активно работала в комиссии по борьбе с проституцией при Наркомате социального обеспечения.

В 1923 г. заведующая женским отделом ЦК Виноградская писала о *многоженстве* и *многомужестве* как о вполне допустимой практике, в первую очередь, в верхах партии.

В советской прессе полемизировали о вопросах брака и семейного быта, распространяя мнение: *«Буржуазный брак – это форма социального угнетения! Жена буржуя – частичка его собственности, как картина в золоченой раме».*

На фоне всех этих событий советская власть юридически закрепляла изменения в отношении женщин.

19 и 20 декабря 1917 года вышли два декрета за подписью Ленина: «*Об отмене брака»* и «*О гражданском браке»*. В декрете «*О гражданском браке»*, опубликованном в газете «Известия» (орган Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов) значилось: «Российская республика впредь признает лишь гражданские браки. Церковный брак наряду с обязательным гражданским является частным делом брачующихся». Желающим вступить в брак достаточно было явиться в специально созданный отдел по записи актов о рождении (ЗАГС) и подать заявление. С этого момента пара могла

считать себя законными супругами. Заявления не принимались лишь от лиц мужского пола младше 18 лет и девушек младше 16 лет от рождения, от родственников по прямой линии, от уже состоящих в браке и от умалишенных. К слову, под рукоплескания общественности Запада в том же 1917 г. был отменен закон о преследовании гомосексуалистов.

Юридическое равноправие женщин с мужчинами было закреплено *Конституцией 1918 года*. Декрет «*О гражданском браке*» (1918 г.) признавал законным лишь брак, заключенный в государственных учреждениях, давая женщинам право сохранять при этом девичью фамилию (впервые в Европе). *Декрет 1920 года* признал право на аборт (впервые в мире). «*Закон о браке*» (1926 г.) объявил законным незарегистрированный, но фактически существующий брак, впервые в истории приравняв детей, рожденных в браке и вне его. Достаточно было лишь заявления матери для признания отцовства. Для развода также требовалось лишь заявление, которое одному из супругов можно было послать в адрес ЗАГСа на почтовой открытке. Незарегистрированный брак стал называться «свободным союзом».

Активистки пролетарского женского движения, феминистки 20-х годов XX в. А. Коллонтай, Н. Крупская, И. Арманд, К. Самойлова, И. Смидович заверяли матерей в том, что социалистическое государство всегда поддержит их, независимо от того, состоят те в браке или нет. ***Материнство определялось идеологами как «социалистическая обязанность», которая должна была дополнять обязанность женщин трудиться наравне с мужчинами.***

Дети долгие годы представляли собой побочный продукт социалистического общества.

Некоторые теоретики-большевики предлагали жить коммуной, в которой уход за детьми и их воспитание будет общим делом. Другие определяли детей на жительство в огромные детские дома, убеждая женщин, что им нужно лишь рожать детей, а остальное – не их забота. Советский ученый и писатель Иван Ефремов *(в энциклопедии: 1908–1972; но наст. дата рождения 1907 г.)* в своей книге «Туманность Андромеды» *(1957)* рассказал о космическом будущем человечества, построенном после победы коммунизма. «Либо будет всепланетное коммунистическое общество, либо не будет никакого, а будет песок и пыль на мертвой планете», – заверял космист Ефремов. Рассказывая о космическом братстве, где все счастливы, раскрепощены и не обременены воспитанием, где юное поколение подрастает в громадных детских домах, – он высказал не только идею коммунистической экспансии

Вселенной, но и указал, *куда* определить всех детей, чтобы были осчастливлены они и их родители. Утопия, на которой формировались убеждения многих тысяч людей, отчасти превращалась в жизнь. В одном из многократно расклеиваемых в начале 20-х годов декретов (явных или вымышленных) указывалось: *«Граждане мужского пола имеют право пользоваться одной и той же женщиной не чаще трех раз в неделю по три часа, при соблюдении нижеприводимых правил. Каждый мужчина, желающий воспользоваться общественной собственностью, должен представить справку заводского комитета, профессионального союза или совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, удостоверяющую, что он принадлежит к рабочему классу. Рожденные дети в возрасте 1 месяца помещаются в учреждении, где они образовываются до 17 лет за счет общественных фондов».* «Постановление» новой власти читали тысячи жителей Петрограда (Ленинграда); под документом стояла ссылка: Саратовский Городской Совет. И кто писал подобное: коммунисты или анархисты, читающим было одинаково безразлично, суть оставалась провокационной.

Новая власть *национализировала, советизировала, обобществляла* всех детей. Для детских резерваций отводились бывшие дворянские особняки, дочиста разграбленные и загаженные красными варварами. В ясли, детские дома и колонии попадали **не** только беспризорники, появившиеся в великой стране по воле большевистских бандитов, без счета убивших их отцов и матерей. Но и дети, рожденные в «свободной любви». А какие это были дети, и от каких родителей, может свидетельствовать данная статистика.

Обследование, проведенное в 1923 году, показало, что среди рабочей молодежи 47 % юношей и 63 % девушек начали половую жизнь, не достигнув восемнадцати лет. Свыше 80 % мужчин и более половины женщин вели беспорядочную половую жизнь, имея более трех партнеров одновременно. Настоящим бичом рабочей молодежи стали венерические заболевания. В 1927 году выяснилось, что половина рабочих завода «Красный треугольник» заражена сифилисом и другими болезнями. При этом молодые люди заражались не от проституток, а друг от друга. Количество заболевших, по сравнению с дореволюционным периодом, выросло в десятки раз! К слову сказать, в 20-е годы в структуре создаваемой Лейбой Троцким Красной армии были даже «венроты» – части, целиком состоящие из сифилитиков. В них тоже существовали комсомольские и партийные ячейки, проходили собрания. Эти факты шли вразрез с утверждениями А. Коллонтай и ей подобных большевистских феминисток, что

свободная любовь и запрещение проституции помогут избавиться от распространения венерических болезней. Но большевики не привыкли признавать своих ошибок (а правильней – преступлений против человечности и человечества)…

Революционная мораль развращала не только жителей городов, но и проникала в деревни. В 1936 г. сибирские чекисты были вынуждены прекратить деятельность молодежной организации под названием… «Блядоход». Члены организации во главе с местным агрономом занимались, как они признались, *«разложением семейного быта»* и *«склонением женщин и девушек к половому сожительству»*. Молодые коммунисты и члены комсомольского актива наверняка считали, что таким вот образом помогают укреплять советскую власть на селе.

Советская действительность 20—30-х годов такова, что имелись нелепые случаи, когда в роддома приходили двое-трое новоявленных «папаш», заявляя права на одного младенца. Советская печать описывала случай, когда в одну из больниц ворвались трое комсомольцев, требуя показать им их ребенка. «Как так?» – удивилась врач. «Мы трое являемся отцами этого ребенка, так как одновременно были в половой связи с его матерью», – последовал пылкий ответ.

Распространение революционной морали привело к самым печальным последствиям. Партийные установки, именуемые «решением женского вопроса», в реальности **не** освобождали женщин, а всячески усложняли их жизнь. Многие проблемы усложнялись еще и экономическими условиями. Молодые люди, убегая из деревень в города, не имели там *ни кола, ни двора* и поселялись в общежитиях. Представители рабочего класса зачастую не имели средств даже для того, чтобы купить самое необходимое для семейной жизни: кровать, кухонные принадлежности, детские вещи. Подобной ситуации подданный Российской империи, человек работающий помыслить **не** мог, – тогда мужчина был единственным кормильцем семьи из более десятка душ, и при этом никто **не** голодал (повсеместная голытьба и безграмотность – это ложь, созданная воображением советских писателей и агитпроповцев). А эти «новые» члены общества не могли создать полноценную семью, не имея ни жилья, ни средств. А в этих новых семьях, если они и создавались, женщины вынуждены были сдавать грудничков в советские ясли и идти работать, чтобы прокормиться.

Настало время исполнения заветов Александры Коллонтай, пламенно вещавшей на партийном съезде в марте 1919 года: «*Не нужно забывать, что до сих пор, даже в нашей Советской России, женщина трудового класса закрепощена… бытом, закабалена*

непроизводительным домашним хозяйством, которое лежит на плечах. Все это мешает ей отдаться… активному участию в борьбе за коммунизм и строительной работе. Мы должны создавать ясли, детские садики, строить общественные столовые, прачечные, то есть сделать все для слияния сил пролетариата – мужского и женского, чтобы совместными усилиями добиться общей великой цели завоевания и построения коммунистического общества».

С годами советскую женщину заставили «отдаваться» борьбе за коммунизм: через нищету, лишения, рабский труд, уничижение семьи и самое себя…

Даже если советский гражданин после неимоверных усилий получал квартиру, это не помогало решению всех накопившихся проблем. Наоборот, появлялись другие проблемы! В новых домах, построенных архитекторами в первые десятилетия советской власти, не было… кухни, эту часть быта «специалисты» изымали из проектов! Создавалось нечто среднее между общежитием, тюрьмой и учреждением. Обычно в новых квартирах было много комнат, объединенных длинным коридором, и один туалет (иногда совмещенный с ванной). Это были советские *коммуналки*, где полагалось жить нескольким семьям сразу, чтобы каждый мог присматривать за каждым, и где каждый – *«человек человеку друг, товарищ и брат».* Как пример: в советском Ленинграде на улице Рубинштейна в начале 1930-х годов писательским кооперативом был выстроен дом, который сразу же окрестили «слезой социализма». В нем, следуя перспективе скорого отмирания семейного быта, как «негативной отрыжки буржуазного прошлого», вместо отдельных кухонь в квартирах построили одну общую столовую. Но в итоге жильцы вынуждены были устанавливать газовые плиты в жилых комнатах или даже на лестничных клетках. Мышление советских властителей во всех областях человеческой жизни поражает своей изощренной дегенеративностью.

Экономическая база семьи пошатнулась вместе с ликвидацией частной собственности; эмоциональные связи, характерные близким родственникам, разрушались. Нестабильность семьи и быта ложилась на плечи женщин (вот он, – побочный продукт равноправия!) и делала их мужей (отцов их детей) далекими от ответственности, равнодушными за дальнейшие судьбы близких людей. В конце концов женщина, ориентированная на производственную и общественно-политическую жизнь, перестала рожать. После легализации абортов этот варварский метод стал едва ли не единственным средством контрацепции (вплоть до развала СССР). В 1934 г. на

одно рождение приходилось три аборта. К 1930 году ситуация стала критической: советская семья имела **не** более одного ребенка (вспомните, в конце XIX–XX вв. в русских семьях было по 10–12 желанных детей).

Власть забеспокоилась; ***стране, которая активно, но тайно готовилась к Мировой бойне и уже стояла на пороге великой войны, нужны были солдаты***. «Материнство – не только биологическая, но и общественная, государственная функция», – поспешно заявили высшие чиновники от партии и советской медицины. В 1935 году в СССР прекратилось производство контрацептивов. В 1936 году новый Уголовный кодекс запретил аборты (кроме так наз. «медицинских показаний»; вновь разрешат в 1953 г.). В этом кодексе появилась и знаменитая ст. 121, превратившая гомосексуализм в уголовно преследуемое преступление под названием «мужеложство» (отменят в начале 90-х гг.). В том же 1936-м был принят закон, затруднявший развод (через 8 лет разводиться разрешат только через суд).

«Уголовный кодекс 1936 года, как сталинское порождение, – это законодательное утверждение принципов военного коммунизма; он сдвинул все, в том числе и регламентацию сексуальных прав», – считает психолог С. Агарков. Рассуждая о том времени, сексолог И. Кон сказал: *«Советская власть действительно залезала в постель. За всем следили, допрашивали соседей, все дела разбирались на собраниях. Это абсолютно непристойно, но коммунистическая партия и советская власть не допускали существования чего бы то ни было интимного»*.

Сексуальная революция, начавшаяся в 1917 году, закончилась к 1937 году. К тому времени остепенились, получив высокие должности, или же отправились *на тот свет* красные блудницы, порочные проводницы женского феминизма в России, большевички 20-х годов XX века: А. Коллонтай, И. Арманд, К. Самойлова, С. Смидович, Е. Стасова, Л. Рейснер, Р. Землячка *(наст. Залкинд)*, Ф. Драбкина, Л. Книпович, С. Гончарская, К. Новгородцева-Свердлова, Н. Подвойская, М. Эссен, А. Ульянова-Елизарова, Е. Адамович, А. Афанасьева, Е. Коган-Писманик, Е. Дагаева, А. Бердникова, О. Розен, А. Славинская, С. Бурцева, В. Долинина, Д. Жиркова, З. Зенкевич, Е. Кравченко, К. Постоловская, К. Чудинова, А. Смородкина, А. Тенихина, О. Тетина, М. Шойхет и многие-многие другие носительницы революционной морали. Посеянные ими плоды мы пожинаем до сих пор.

Давно умер и главный идеолог свобод (но только тех, которые касались развращения личности; остальные свободы были декларированы только на словах и в звучных лозунгах) –

Владимир Ильич Ленин. Ему на смену пришел Иосиф Виссарионович Сталин. При котором ни о каких свободах в течение очень долгого времени никто и помыслить не мог. Но… хотим мы это признать или нет, однако именно товарищ Сталин остановил процесс разрушения семьи и прекратил развратный беспредел в стране, занимающей 1/6 часть суши всего огромного земного шара.

…уже пребывая в преклонном возрасте и подводя итог своей бурной жизни, успешная красная развратница, в зрелом возрасте подвизавшаяся на поприще советской дипломатии, – Александра Михайловна Коллонтай – написала в очередном письме своему многолетнему любовнику французскому коммунисту Марселю Боди. ***«Мы проиграли, идеи рухнули, друзья превратились во врагов, жизнь стала не лучше, а хуже. Мировой революции нет и не будет. А если бы и была, то принесла бы неисчислимые беды всему человечеству».*** Была середина 40-х годов XX века; уже состоялась Вторая мировая, вызвавшая ужасные по масштабности жертвы, – однако ясно показавшая большевистским фанатикам, сколь чудовищный путь они желали пройти во имя передела мира и насаждения своей преступной идеологии. Состоялась бы Мировая революция, как ее планировали многочисленные соратники Коллонтай, и мир превратился бы в кровавое месиво… Но уже состоялось, уже было *то*, что принесло ***неисчислимые беды тем, кто имел несчастье быть подданными Российской империи и проживать на стыке XIX—XX веков.***

История 8. Землячка демона Смерти

Нет большей радости, нет лучших музык,
Как хруст ломаемых костей и жизней,
Вот отчего, когда томятся наши взоры
И начинает бурно страсть в груди вскипать,
Черкнуть мне хочется на вашем приговоре
Одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять!»

Советский поэт, а по совместительству член ВЧК
А. Эйдук

Говорить о процессе уничижения Женщины, извращения ее внутренней сути и божественного статуса, превращении ее в средство губительной социалистической пропаганды невозможно без рассказа об отдельных личностях и их судьбах. При этом нельзя обойти тему влияния на неокрепшие умы страшного большевистского переворота и последующих лет гражданской резни, – дикого времени, когда женщины превращались в палачей, садисток и изуверов. Женщины, раскрывшие свои палаческие способности в 20-е годы XX века, продолжали зверствовать и в 30-е, и в военные 40-е (если позволяли здоровье и возраст)…

Перескажу трагическую историю об одной из профессиональных большевичек, чьим именем были названы улицы многих советских городов (уверена: некоторые из читателей и поныне живут на улице, носящей имя этой героической садистки). Историю, среди прочих поведанную мне человеком уникальной судьбы, неординарным мыслителем, писателем, профессором Олегом Грейгом.

1. Страшно вообразить, на что способна большевичка

После окончания Гражданской войны руководство партии большевиков приняло решение посредством отделов агитации и пропаганды увековечить подвиг партии и Красной армии в годы этой войны, вписав все свои «славные» деяния сияющими буквами в анналы новой российской истории.

Но как, к примеру, тот же последний плацдарм белых – Крым – щедро политый кровью, где даже дети знали не понаслышке, что такое беспредельная жестокость комиссаров, овеять святой славой справедливой борьбы? Для этого о Крыме были созданы легенды как о неприступной крепости, а Перекопский перешеек шириной 8–9 км и Турецкий вал преподносили как мощнейшие укрепления. При этом Турецкий вал со времен его строительства пленными запорожцами представлял собой насыпь земли, а за ним километрах в двадцати, среди озер и заливов, проходили линии Ишуньских укреплений. Позиции представляли собой обычные окопы, которые не были даже обшиты досками, причем блиндажей имелось незначительное количество. В некоторых местах линию обороны прикрывала колючая проволока.

Вот за этими, с позволения сказать, укреплениями и «окопались» в начале 20-х годов XX века последние враги большевизма; правда, укрепления никоим образом не спасали солдат и офицеров Белой армии от артиллерийского огня. Однако большевики, раз и навсегда начав процесс фальсификации, записали в учебники истории, что поля на Перекопе были… заминированы мощными фугасами, а в проволочных ограждениях находился… электрический ток! Все это – плод буйной фантазии бывших политработников 13-й армии, участвовавшей в наступлении на войска генерала Врангеля.

В создании легенд участвовали и крымские «сознательные» журналисты, которые писали в газетах одни и те же красные разведсводки, а далее все это умело распускалось большевиками в виде слухов среди населения. Знамо дело, те верили в то, чего **не** было и быть **не** могло; однако коль «в газетах написали», или коль рассказал знакомый, то ох как не верить?! Впоследствии те незыблемые «сведения» были должным образом обработаны и увековечены в победных рапортах, воспоминаниях и мемуарах, печатаемых и по сей день. Особый вес, естественно, придавался одержанными красными победам.

А как иначе, ведь победители только-только входили в раж многолетнего садизма и обмана!

Турецкий вал занимала Дроздовская дивизия, ведшая оборону и насчитывавшая около трех тысяч штыков. Это чуть более одного полка красных. Рядом, севернее Литовского полуострова, сражалась бригада Фостикова, в которой было две тысячи плохо вооруженных кубанских повстанцев. В обороне также участвовали корниловцы и марковцы, которые отступили на Ишуньские позиции и держали оборону южного берега Сиваша. На Чонгарском направлении и Арабатской стрелке стоял Донской корпус и части генерала Канцерова. В резерве оставались две сильно обескровленные в боях дивизии – 13-я и 34-я, а также кавалерийский корпус генерала Барбовича. В тылу формировалась 15-я дивизия.

В общей сложности у генерала П. Н. Врангеля было около 23 тысяч человек, 120 орудий и 750 пулеметов.

А теперь взглянем на состояние дел у другой, красной стороны.

На Южном фронте под командованием М. В. Фрунзе имелось 200 тысяч человек, около 600 орудий, более 3 тысяч пулеметов, 57 танков и бронемашин, 84 самолета. В помощь Фрунзе Нестор Махно прислал часть своей армии – в количестве 5,5 тысячи штыков – под командованием Каретника.

В ночь на 8 ноября 1920 года началась главная операция, разработанная командующим фронтом Фрунзе. Передовая группа Блюхера, в состав которой входили 51 дивизия, латышская дивизия, 55 орудий, 14 танков и бронемашин, атаковала в лоб Турецкий вал. Их поддерживали оставшиеся бригады 51-й дивизии, 52-я и 15-я дивизии. Общая численность форсировавших Сиваш достигла 20 тысяч человек! – что более чем в 10 раз превышало силы белых.

Так что ***за кем*** останется победа, было понятно…

Вскоре советская литература получила новых отважных красных героев, «борющихся за счастье всех людей», а на экранах драпающие буржуи с коробками и чемоданами, с разодетыми толстыми и вопящими тетками штурмовали последние корабли, отплывающими от берегов Крыма. Подобные гнусные мифы создавались с помощью бывших политработников фронта, возглавляемого Фрунзе, под общим руководством бывшего начальника политотдела 13-й армии Розалии Самойловны Землячки и комиссара Белы Куна. Ничего общего с реальной историей подобные «свидетельства» не имеют.

Настал момент, и соленая вода смыла с Южного берега отпечатки ног уходящих ***в неизвестное завтра*** людей, в

большинстве своем искренних патриотов русской земли и государственности, заложенной Петром Великим…

Погода стояла хорошая, всего минус два градуса. А в ночь на 8 ноября мороз опустился до минус 12, грязь замерзла, и авангардные части красных шли не по воде, как нам представлено в советских кинолентах и книгах, а по суше. Лишь меньшей части 52-й дивизии пришлось около километра преодолевать Сиваш по ледяной жиже. Красным способствовал также густой туман, отчего продвигавшиеся войска обнаруживать **не** удавалось. Правда, из-за тумана 15-я дивизия красных заблудилась и вышла на крымский берег дальше, чем планировалось, отчего ей пришлось возвращаться.

Придуманная не без помощи Розалии Землячки версия о том, что белые бежали из Крыма в панике, могла как нельзя лучше поспособствовать увековечиванию подвига Красной армии в боях против Врангеля. В совпропаганде фигурировали сведения о том, что многие из бежавших утонули при погрузке на корабли, а на самих палубах, как утверждала Розалия Самойловна, проходили стычки, доходившие до кровавой резни; жестокость буржуев, по ее словам, дошла до того, что в холодную воду моря выбрасывали детей и стариков, а всех без разбору женщин на каждом судне насиловали пьяные офицеры. «Такова сущность, – заключала в своих страстных публичных выступлениях Землячка, – царских офицеров и сатрапов царизма».

Вся эта чушь стала достоянием гласности для будущих *строителей коммунизма*, свято уверовавших в слова своих красных пророков…

Но Розалия Самойловна никогда и нигде не рассказывала о том, как было на самом деле. Логично, что в итоге она же сама и поверила своим домыслам, чтобы совесть не замучила.

Вот некоторые сведения об этой великой профессиональной большевичке из «Большой Советской энциклопедии», вышедшей в 70-е годы XX в.

Землячка (Самойлова) Розалия Самойловна *(урожд. Залкинд*); парт. псевдонимы: Демон, Осипов; (20.03.(1.4.) 1876, Киев – 21.1.1947, Москва); советский государственный и партийный деятель. Член Компартии с 1898 г. с 1901 г. агент «Искры» в Одессе и Екатеринославе. В 1909 секретарь Бакинской партийной организации, затем была в эмиграции. В 1915–1916 член Московского бюро ЦК РСДРП. В октябрьские дни руководила вооруженной борьбой рабочих Рогожско-Симоновского района. В 1918 г. – начальник политотделов 8-й и 13-й армий.

После занятия Крыма большевистской армией она – в ноябре 1920-го – стала секретарем Крымского обкома РКП(б), и уж кому,

как не ей, знать все подробности отступления Белой армии. Она хорошо знала, что Русская армия приняла, оказывая впоследствии помощь в отбытии из Крыма, не только военнослужащих, сбежавшихся со всей России, но и беженцев, вполне мирных людей, ищущих спасения от красной большевистской чумы. *И Врангель со своим штабом блестяще спланировал и великолепно организовал отход своей армии на 126 русских (не считая иностранных) кораблях из разных портов южнобережья страны.* Организованно, без спешки, прикрываемые с тыла последними усилиями конных бойцов, эвакуировались 145 тысяч 693 человека. Это не считая экипажей кораблей, из них более 100 тысяч – гражданские беженцы.

Но нервное потрясение, внезапное – непонятное бегство от огромной вооруженной массы бандитов – расставание со своей Родиной не проходило бесследно; особенно сказалось это на пожилых людях и беременных женщинах; известны факты, когда пожилые просто не выдерживали, сходя с ума, а у беременных начинались преждевременные роды, и хотя для них были выделены специальные каюты, у многих младенцы рождались мертвыми. Ну а Розалия Самойловна горячо вещала с трибун о том, как царские офицеры умышленно убивают младенцев.

Каждый, назвавшийся большевиком, выслуживался перед сатаной… но были среди них и те, кто роль сатаны примерял к самому себе… Такова была и Розалия Самойловна Залкинд, взявшая характерный большевистский псевдоним Демон…

Уже будучи секретарем Крымского обкома, комиссар 13-й армии красных своими решительными действиями на базе особых отделов армии создала Крымскую ВЧК. *Это под ее руководством зимой 1920–1921 годов была развернута чудовищная и еще невиданная по масштабам кампания террора против оставшихся тут жителей, солдат и офицеров Белой армии.*

Войдя в Симферополь и Севастополь, чекисты вылавливали людей и свозили всех в симферопольскую тюрьму. Рассказывают, что *любительница экзекуций*, Розалия Самойловна, эта *профессиональная революционерка*, чьим именем впоследствии назовут улицы разных советских городов (что войдет в практику, и даже целые города поименуют в честь многих революционных и партийных деятелей новейшей советской эпохи), лично участвовала в казнях, а когда уставала, усаживалась в резное кресло, которое еще недавно, в конце XIX – начале XX века, принадлежало предводителю Крымского дворянства графу Канкрину (кстати, позже оно попало в местный краеведческий музей, где находилось до 30-х годов, а позже было уничтожено, как и все, связанное с именем графа!). Усевшись в кресло и

ухватившись за подлокотники, вырезанные в виде львиных голов, вдавив голову с копной черных с проседью волос в резную монограмму, она делала передышку, приказав вести допросы своим чекистам Лабусу и Шейману. Через час – полтора, получив удовлетворение и отдохнув, она отдавала приказ этим палачам доставить офицеров, желательно старших, и лично с ними «разбиралась».

Человечество за свою историю знало всякие жестокие казни.

Но вряд ли знало человечество подобное, тем более когда в роли палача выступала представительница «слабого» пола.

Страшно вообразить, на что способна женщина, особенно женщина-большевичка.

Приведенного пленного офицера раздевали догола и растягивали веревками в виде буквы «Х», затем Розалия Самойловна своим турецким ятаганом отрезала… детородный орган, медленно, не спеша, с особым садистским удовольствием, затем очередь доходила до мошонок и яиц. Если офицер сильно кричал, то Лабус и Шейман ножом (увидев их приближение, поняв, что будет дальше, несчастный плотно сжимал губы) раскрывали ему стиснутый рот и, ловким привычным движением Розалия сама ятаганом вырезала язык. И… продолжала экзекуцию.

Немало приятных минут доставляла ей и расправа над женами и любимыми женщинами офицеров. При этом она, словно играючи, всаживала острый ятаган в вагину и, рассекая жертве живот до ребер, приговаривала: «Что, доеб…сь, сука?»

Рабочий день Розалии Самойловны и ее подручных длился от 18 до 22 часов!

К примеру, профессор одного из американских университетов, автор нашумевших и неоднозначных книг по высшей социологии Григорий Климов в своем произведении «Протоколы советских мудрецов» пишет: «Здесь хочется напомнить, что во время Гражданской войны в России в Чека было не только очень много евреев, но и евреек. Например, Роза Землячка, которая хозяйничала в Крыму так, что Черное море покраснело от крови. И в Киеве тоже была своя Роза. Оттуда-то и пошли песни про Розу-чекистку: «Эх, яблочко, куды котишься? / В лапы к Розе попадешь, – не воротишься!»…»

Трупы истерзанных тел увеличивали преданность Розалии родной партии, избранному делу и любимым «вождям пролетариата» – Л. Д. Троцкому-Бронштейну и В. И. Ленину-Бланку.

Часто после расправ над несчастными мучениками она приказывала отправить Льву Давидовичу и Владимиру Ильичу

доклад о том, как она беспощадно расправляется с врагами советской власти и просит у вождей дальнейших указаний.

В одном из своих рапортов-телеграмм она сообщала: *«Мною в Крыму выявлено 300 тысяч буржуазии и почти 200 тысяч женщин, сотрудничавших с буржуями (жены, любовницы, сестры и матери). Это источник шпионства, спекуляции и всякой помощи капиталистов. Но мы их не боялись и расстреляли всех».*

В другой телеграмме Троцкому и Ленину она сообщала, что в массовом истреблении буржуев и недобитых белогвардейцев ей активно помогает председатель Крымского ВРК Бела Кун. Это он предложил ей во всеуслышание объявить, что все оставшиеся белые офицеры обязаны *зарегистрироваться*, а те, кто не явится на регистрацию, будут объявлены советской властью вне закона и расстреляны.

Бела Кун *(1886–1938)*, венгерский еврей, деятель международного «рабочего» движения; с 1902 г. – в социал-демократической партии Венгрии; в марте 1918 г. организовал венгерскую группу РКП(б); был председателем созданной в мае 1918 г. Центральной федерации иностранных групп РКП(б), одним из руководителей интернациональных отрядов Красной армии; один из основателей компартии Венгрии. «В 1920-м выехал в Советскую Россию, – пишет БСЭ, т. 13. – Участвовал в вооруженной борьбе против белогвардейцев в Крыму, был членом Реввоенсовета Южного фронта, председателем Крымского ревкома. В 1921 – в Германии… активно участвовал в деятельности Коминтерна, был членом ИККИ (с 1921)» и т. д.

Бела Кун после разгрома Врангеля заправлявший на пару с Розалией Землячкой усмирением Крыма путем террора и организованного голода, в какой-то момент вынужден был скрываться. Он нашел прибежище в доме у недавно вернувшегося в Крым из-за границы Максимилиана Волошина. В награду за укрывательство «красного вождя» Волошину был при советской власти сохранен дом и обеспечена относительная безопасность. В благодарность поэт передаст жилище советской власти, превратив его в Дом творчества. Ну что ж, хоть кому-то «из бывших» повезло остаться в живых после встречи с Бела Куном.

А тогда, по наущению Бела Куна и по требованию Землячки многие из оставшихся офицеров явились, как было указано. Их разместили недалеко от Симферополя, в скотобойне, где и расстреляли из пулеметов. Среди тысяч расстрелянных были не только офицеры, но и инженеры, бухгалтера, учителя, врачи.

«Кстати сказать, большая часть врангелевской армии, обманутая листовками большевиков о том, что тем, кто останется, будут обеспечены жизнь и свобода, осталась в Крыму,

не захотела покидать русскую землю. Эти оставшиеся, поверившие большевикам дурачки и телята подверглись вакханалии истребления. Так называемые «крымские расстрелы» под руководством венгерского еврея Бела Куна и нашей, отечественного розлива, Розалии Самойловны Залкинд, более известной под кличкой «Землячка», – пишет в своем эссе «Чаша» Станислав Куняев. – Разные назывались цифры, но теперь стрелка, долго колебавшись то на семи, то на сорока, то на семидесяти, остановилась наконец на цифре 170 000. Причем по инициативе Землячки, экономившей чисто по-женски патроны, огромное количество людей было утоплено в море с камнями, привязанными к ногам. В хорошую погоду долго еще были видны мертвецы, стоящие рядами, как если бы в военном строю… Но потопляли пленных только большевики и только в двух известных случаях (в массовом количестве), а именно после разгрома кронштадтского восстания и после ухода из Крыма Врангеля… Утопили их Землячка и Бела Кун. А между тем мемориальная доска этому фашисту Бела Куну до сих пор висит в самом центре Москвы, возле старинной Кутафьей башни Московского Кремля, в самом начале Воздвиженки, то бишь Калининского проспекта». Любопытны и строки из письма большевика с террористическим прошлым, а по совместительству писателя и советского агитпроповца Александра Серафимовича товарищу Розалии Землячке: «Культурная работа в Москве идет. Буржуазия бежит, а с нею – артисты, музыканты и другие ее услужающие».

Но вернемся в растаптываемый большевистским сапогом, намаявшийся от пожаров и расстрелов Крым 20-х годов XX века. После сотен тысяч замученных и убиенных (170 000, о которых упоминает С. Куняев – далеко не окончательная цифра!) дошла очередь и до местных евреев. Которые ни за что **не** хотели верить, что их единокровница Залкинд-Землячка так расправляется с людьми. Даже ее прозвище Демон не настораживало. Поэтому на ее призывы они явились, как было указано, к одной из больниц города. Ничего удивительного, ведь среди медперсонала было большое количество евреев. Многие из них в начале XX века лично встречались с Антоном Павловичем Чеховым, облюбовавшим божественный южный край. На встрече с Розалией Самойловной они, среди прочего, высказали свое пожелание увековечить память великого русского писателя и их коллеги – уникального земского врача в истории Крыма. Она, внимательно выслушав интеллигентную просьбу, дала ***честное большевистское слово*** выполнить их наказ. Но попросила, мол, в связи с тем, что за время Гражданской войны на территориях, где шли бои, была большая завшивленность и тиф, всем находящимся

здесь, в том числе и врачам, необходимо пройти медицинское освидетельствование. Некоторых врачей эта просьба повергла в недоумение и, обращаясь к Землячке, они стали уверять, что больных среди них нет и быть не может. На что она посетовала, что таков порядок новых властей, а значит, всем необходимо сдать одежду в прожарку и пройти медосвидетельствование.

Присутствующие: мужчины и женщины, старые и молодые – согласились. Было предложено пройти в неподалеку стоящее помещение бани воинской части, где далее пройти в левую дверь – женщинам, в правую – мужчинам. Не мешкая, люди раздевались и шли на верную смерть. Когда зал наполнялся, туда впускался смертельный газ. Затем чекисты вытаскивали баграми трупы, не забывая заглянуть каждому в рот в поисках золотых зубов и коронок. С пальцев мертвецов снимались кольца и перстни, с рук – часы и браслеты. В те первые годы красного террора чекисты больше всего любили расстреливать в банях, особенно в монастырских; не потому ли, что там легче всего смыть с себя кровь? Однако стреляли везде: в подвалах, в квартирах, на лестничных площадках и во дворах жилых домов.

(Через 20 лет, в годы Второй мировой подобные трюки с регистрацией, медосвидетельствованием, умерщвлением и массовыми расстрелами проделают талантливые ученики большевиков – эсэсовцы, собирая всех евреев, комиссаров и коммунистов, живущих в той или иной оккупированной немцами местности. И много прежде печей Майданека и Саласпилса были печи неказистой крымской бани в 20-е годы XX века и других невзрачных строений. Только вот первые и главные палачи русского народа получили **не** места на скамье подсудимых, а… памятники, памятные таблички, улицы, площади и города, поименованные их палаческими именами).

Медицинский персонал не только Симферополя, но и других городов Крыма, состоявший в основном из людей еврейской национальности, за очень короткое время был уничтожен под руководством секретаря обкома партии Р. С. Землячки. Ненависть этой садистки вкупе с физическим уродцем Бела Куном к людям своей национальности была для всех непонятна и необъяснима.

И вот настала пора испытать большевистский террор всему остальному мирному населению Крыма. Людей уничтожали безо всякой причины, за все и вся: «за работу в белом кооперативе», «за дворянское происхождение», за службу в доме дворян, за принадлежность к польской национальности и т. д. Чекисты арестовывали людей прямо на улицах, по принципу: *если человек одет прилично, значит, он враг!*

Задержанных, как скот, сгоняли в казармы, сортировали и

отстреливали.

Вот лишь одно из воспоминаний очевидцев событий тех кровавых лет. «По приказанию комиссара красноармейцы раздели истекающего кровью человека и начали расспрашивать его о сообщниках и о настроениях среди его знакомых. Тот на все вопросы отвечал молчанием. Тогда красноармейцы принялись колоть его штыками и рубать шашками, а затем облили его бензином и подожгли. Эта жуткая картина длилась достаточно долго, и когда от человека остался обуглившийся труп, один из мучителей помочился на него, после чего все разошлись».

На окраинах крупных южных городов – Симферополя, Севастополя, Евпатории, Ялты – невозможно было ходить без содрогания. Стоял тяжелый запах зловония от разлагающихся трупов расстрелянных; этот жуткий запах пропитывал практически все города. Чудо архитектуры Воронцовский дворец, как и парк, был усыпан трупами. Курсанты недавно открытой кавалерийской школы будущих краскомов (красных командиров) камнями выбивали зубы изо рта не только казненных, но и еще живых. Дикое усердие во имя процветания Страны Советов…

В то же время Розалия Самойловна в одной из телеграмм Ленину пишет: «С огромным удовлетворением большевика сообщаю, что за эти дни по моему приказу расстреляны 30 тысяч человек, из них более половины офицеров». В следующей телеграмме изменена только цифра: «40 тысяч…»

С ноября 1920 по март 1921 года было расстреляно 80 тысяч, и 20 тысяч – только в одном Симферополе.

А вскоре Розалии Землячке в этом кровавом шабаше стал помогать не человек, но искусственно и закономерно, вызванное по приказу В. И. Ленина явление – ***голод***. Те запасы, которые остались от белых и после их ухода, Красная армия съела. Часть продуктов и зерна, изъятых у местного крестьянства – русских, греков, армян, украинцев, татар и т. д. – была вывезена в Москву в рамках так называемой *продразверстки*. Партийными работниками и чекистами были полностью очищены склады прекраснейших дворцов, – шедевров архитектурного искусства, знавших еще недавно времена блаженного расцвета.

Массовый голод и мор привели к тому, что население городов Крыма уменьшалось даже с большей скоростью, чем уносили массовые **не** прекращающиеся ни на один день расстрелы! Это коснулось не только жителей городов, но и жителей дальних аулов, в основном татар.

Как закономерность, обострились эпидемии и всяческие болезни.

И хотя практически не осталось в живых офицеров, в

чекистских застенках не утихали расстрелы, прикрываемые на сей раз трафаретным приговором: «За сокрытие продовольствия…»

После столь «трудной» миссии по очищению целого региона от «белогвардейских выкормышей, сатрапов и подлых наймитов царизма» Розалия Самойловна с чувством выполненного партийного долга прибыла в Москву в ЦК РКП(б) в надежде, что ее «труд» будет высоко оценен партией и правительством.

Да она уже и не скрывала от своих соратников, что к полученному в Гражданскую войну ордену Красного Знамени будет вскоре добавлен и второй.

Но она себя недооценила!

В Москве Землячку назначили секретарем Замоскворецкого райкома партии, в 1924–1925 годах она была членом Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Затем поработала на Урале; вновь вернулась в Москву, где в течение пяти лет – до 1931 г. – была членом коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). Вскоре ее большевистский труд высоко оценили; Р. С. Землячка была удостоена ордена Ленина. После вручения награды видный деятель партии Енукидзе сказал ей: «Жаль, что эту награду не установили при жизни Владимира Ильича. Мы бы ею еще тогда наградили вас и Дмитрия Ильича Ульянова за ваши доблестные дела в Крыму».

Это сегодня можно узреть в этих словах ироническую насмешку; а тогда?

Та поблагодарила Енукидзе за теплые слова в ее адрес и упоминание о тесной работе с братом Ленина. И добавила, что, конечно, Дмитрий Ильич организовал оздоровление трудящихся на Южном побережье, и это важное партийное дело, но не главное. *«Я думаю, что партия должна высоко оценить деятельность брата Ленина в Крыму по созданию лаборатории ядов для деятелей нашей партии, которые изменяют рабочему классу и, злоупотребляя их доверием, едут отдыхать на курорт за их счет».*

Енукидзе удивленно взглянул на нее, но не рискнул ничего ответить. А она добавила: «Я буду настаивать на награждении товарища Ульянова орденом Ленина, а вы, товарищ Енукидзе, должны меня поддержать у товарища Сталина».

…Если некоторым людям и суждено озвереть, то как просыпается в них ген зла?

Живи Розалия Самойловна в другую эпоху, стала бы она палачом, проявились бы в ней те нечеловеческая жестокость и мракобесие, которые проявились? Или все же нет?

Розалия Самойловна Землячка – землячка Демона, провозвестника смерти на земле…

Эта особа родилась 1 апреля 1876 года в прекрасном, величественном городе Киеве; юной девой, в 1898 г. она вступила в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП). Самое начало, самое зарождение грядущих глубочайших, жутких перемен в России; тогда «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» только еще превращался в боевую организацию, ставившую своей целью уничтожение элиты нашей страны и профессиональных рабочих и хлеборобов России – крестьян. В какой именно момент в молодой большевичке высвободилось злое, бесчеловечное начало, когда взыграла дьявольская суть?

Помимо основной деятельности в контрольных органах, Розалия Землячка читала лекции в Коммунистическом университете, в военно-политической академии, где под руководством и черным влиянием таких людей, как она, и были воспитаны первые поколения кровавых комиссаров Красной армии.

Всю жизнь Розалия сражалась с придуманным врагом, именуемым царизмом. Ветряные мельницы потухшего разума…

До последнего дня она сражалась, как убежденно считала, *за правое дело*, пока 21 января 1947 года в Москве не испустила дух. Ее «доблестные» подвиги были оценены двумя орденами Ленина и орденом Красного Знамени. Труп ее сожгли и похоронили с почестями на Красной площади у Кремлевской стены рядом с такими же, как она, демонами. И до сей поры ее прах покоится на этом *кладбище бесов* в самом сердце российской столицы.

2. Путем дьявольской голгофы

Большевичка Розалия Землячка проявила себя не только во времена Гражданской войны и после, но и во время следующей войны 1941–1945 годов.

Как известно, с 1939 по 1943 год Землячка являлась заместителем председателя Совнаркома СССР.

В 1942-м при встрече премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля со Сталиным высокий гость полюбопытствовал у советского вождя:

– Многие говорят, что вы, господин Сталин, диктатор. Я не смею разделять эту точку зрения, хотя бы потому что вы используете демократические методы в подборе кадров на руководящие должности в вашей стране. Но… многих на Западе удивило то, что вы одним из заместителей главы Советского правительства назначили госпожу Землячку. Скажите, что вы ей говорили при назначении?

Сталин некоторое время помолчал, а затем безразличным тоном, с характерным акцентом, ответил:

– Не встречался я с Землячкой и вопрос о ее назначении не решал. Это не моя прерогатива, потому что я в 39-м не руководил Советским правительством. Насколько я знаю, ее рекомендовал на эту должность председатель Совнаркома Молотов. А утвердили ее на заседании Верховного Совета СССР, где председателем был и остается товарищ Калинин.

Черчилль понимающе усмехнулся, сделав для себя вывод, что господину Сталину вряд ли интересна эта женщина, занимающая высокий правительственный пост. А, значит, он дает народу то, что хочет *этот* народ…

В 1943 году Землячку перевели с правительственной должности на работу в партию. И в качестве заместителя председателя КПК (комитета партийного контроля) при ЦК ВКП(б) пожилая, 67-летняя женщина вновь стала заниматься любимым делом.

И на этой должности стал полностью востребован ее талант организатора карательных структур в рядах партии.

В большинстве республиканских, краевых, областных и районных партийных организаций комитеты партийного контроля возглавляли мужчины. Зачастую они в случае каких-либо партийных прегрешений вовсе не стремились карать секретарей комитетов. Стараясь передать эти неблагодарные функции в НКВД. Но с назначением Землячки одним из заместителей председателя КПК многое изменилось.

Словно по невидимой команде, по всей цепочке руководителей парторганизаций разных уровней были учреждены должности еще одного заместителя, куда стали брать женщин. Многие из руководителей комитетов стремились внимательно изучить пройденный путь большевички Залкинд-Землячки, чтобы перенять ее бесценный опыт. Ее биография стала своеобразным критерием для подбора кадров на должность замов.

Уже в течение месяца новые штатные должности были заняты, о чем доложили в КПК при ЦК ВКП(б). Розалия Самойловна была польщена именно таким вниманием на местах к своей персоне. И тут же приняла решение собрать на совещание всех новоназначенных тружениц КПК.

Вскоре она провела с ними в Москве соответствующие занятия, поручив оперативному подразделению выявить среди них неблагонадежных…

В последний день их пребывания в столице Землячка короткими рублеными фразами поставила задачи, суть которых заключалась в том, чтобы *«с ленинской принципиальностью выявлять всякого рода двурушников и отщепенцев»*. А для этой цели не жалеть ни времени, ни сил.

Среди участниц совещания работниц КПК присутствовала Алла Никитична Новгородцева из Хабаровской краевой партийной организации, которая наивно спросила великую большевичку:

– Розалия Самойловна, мне 28 лет, и у меня есть жених. До недавнего времени он служил в Красной армии, но после тяжелого ранения списан с военной службы и возвратился в Хабаровск. Мы решили пожениться. Но если следовать вашей установке, то на это у нас времени нет. Как же мне поступить?

Землячка пропустила вопрос мимо ушей, ничего не ответив, но ничего и не упустив из виду. Уже после совещания она обратилась с просьбой-приказом к своему референту, недавнему начальнику особого отдела армейского корпуса, так же, как и жених той девушки, получившему тяжелое ранение и списанному с военной службы:

– Разберись, Василий Петрович. Объясни товарищу, что для вас единственной семьей является комитет партконтроля, и иного вы не мыслите.

Тот побеседовал, разобрался, и… Алла Никитична вскоре оказалась на лесоповале в Мордовии в качестве советского заключенного. Ни о какой семье и мирной семейной жизни измордованная женщина больше не помышляла… Искренность и наивность навсегда исчезли из ее трепетного сердца.

Пока шла Вторая мировая или, как ее привыкли именовать

советские люди, Великая Отечественная война, а Розалия Землячка посильно занималась излюбленным делом, свой путь *дьявольской голгофы* проходили другие палачи, причем одетые не только в эсэсовскую форму. И, как некогда в годы гражданского лихолетья расцветал, поражая воображение, палаческий талант Розалии Самойловны, так и в эти грозовые годы проявлялось черное палаческое начало у других представительниц «слабого» пола. Одна из них – недавняя комсомольская активистка ***Антонина Макаровна Макарова***, прозванная Тонькой-пулеметчицей (*наст. Парфенова*, после войны носила фамилию Гинзбург). «…ни в какой стране мира не родилась еще женщина, лично убившая полторы тысячи человек», – уверяют читателей О. Багалейша и Е. Сажнева, впервые рассказавшие об этой женщине (см. газету «Сверхсекретные расследования» № 2, 2007). Девчонка, вчерашняя школьница, попавшая на войну санинструктором, прошедшая сквозь ад и предательство, видевшая сотни, тысячи бессмысленных смертей своих соотечественников, гонимых на смерть бездарными военачальниками, в какой-то момент она, брошенная на произвол судьбы, оставшаяся в полном одиночестве, сломается и… исполнит свою давнюю заветную *мечту*: станет пулеметчицей. Не по аналогии ли с легендарной Анькой-пулеметчицей из чапаевской дивизии, чей образ растиражирует советский Агитпроп, сделает его привлекательным, желанным для юных девчонок с комсомольскими значками на груди. Только вот служить Тонька будет не интересам красных, а интересам черных (или коричневых) нелюдей, и, будучи разоблаченной в 1978 году – через много лет после войны – признается:

– Я не знала тех, кого расстреливаю. Они меня не знали. Поэтому стыдно мне перед ними не было. Бывало, выстрелишь, подойдешь ближе, а кое-кто еще дергается. Тогда снова стреляла в голову, чтобы человек не мучился. Иногда у нескольких заключенных на груди был подвешен кусок фанеры с надписью «партизан». Некоторые перед смертью что-то пели. После казней я чистила пулемет в караульном помещении или во дворе. Патронов было в достатке…

И в этом признательном монологе чудятся нотки, характерные для редкой породы *землячек демона Смерти,* полностью проявляющих свои внутренние порочные свойства в переломные годы истории; втянутые в воронку кровавого месива, они становятся частью, винтиком мясорубки, участницами процесса *человекоубиения*.

Среди прочих фанатичек, проявившихся в эпоху завоеваний большевизма-социализма, следует упомянуть ***Маршу Леонтьевну***

Бочкареву (урожденную Фролкову) (1889 —?), командира женского батальона, участвовавшего в охране Зимнего дворца в 1917 году. Женские добровольческие батальоны, которые часто называли «батальонами смерти» (!), были сформированы после Февральской революции. А их участницы отличались фанатизмом и готовностью к самопожертвованию. Сразу же после Октябрьского переворота женские батальоны были разогнаны, потому что даже большевики убоялись эту женскую убийственную страсть *убиения*. Тогда же Бочкарева была арестована, провела несколько месяцев в тюрьме. После освобождения эмигрировала в США, затем в Великобританию. В августе 1918 года вместе с британскими войсками прибыла в Архангельск, чтобы получить какой-либо командный пост в одной из белых армий, встречалась с Колчаком. Ее попытки вернуться в строй не увенчались успехом, уж слишком страшна была молва о неженских талантах командирши «Батальона смерти», да и время сыграло против нее. Пыталась найти упокоение в набожном смирении, была арестована чекистами. Дальнейшая судьба Бочкаревой неизвестна, т. к. в последнее время утверждается, что сведения о ее расстреле в 1918 году ошибочны.

Среди чудовищ в юбках особо стоит имя и ***Евгении Богдановны (Готлибовны) Бош*** (1879–1925), деятельницы антирусского революционного движения. Социал-демократка с 1901 года, в 1917–1918 годах она была народным секретарем внутренних дел Украины. После участия в массовых казнях ее психика пошатнулась. Занимала второстепенные посты на Кавказе и в Белоруссии. Но, в конце концов покончила жизнь самоубийством.

…И все-таки, кто из «героинь» страшнее: Макарова-Гинзбург, убивавшая по 27 человек в день на протяжении полутора лет, или Землячка, вспарывавшая не одну тысячу тел? А, может, Макарова все же более милосердна: стреляла, «чтоб человек не мучился», а та, другая, – острым ятаганом да по живому, медленно, с дьявольским наслаждением… Риторический и, по сути, бессмысленный вопрос.

И ветеранша революционного движения, известная деятельница партии Залкинд-Землячка, упокоенная на Красной площади, и ее последовательница Макарова-Гинзбург, похороненная в неизвестной могиле после расстрела по решению суда в 1978-м, прошли каждая свою школу жизни, основанную, в общем-то, на одних и тех же принципах. Одна, прошедшая школу революционной борьбы, боролась со своим народом *«во имя светлого будущего коммунизма»*, насаждая советские ценности везде, куда только проникала ее власть. Другая, познавшая

советские ценности, активистка и комсомолка, имела и воплотила одну-единственную заветную мечту: стала пулеметчицей. А после волею милостивых обстоятельств вновь обрела статус порядочной советской женщины, строительницы коммунизма, стала добропорядочной матерью и… заслуженным ветераном Великой Отечественной войны, любительницей выступать перед подрастающим поколением – советскими школьниками. Пока не пришла расплата. Дело Антонины Макаровой-Гинзбург в Советском Союзе было последним крупным делом об изменниках Родины в годы Второй мировой. И единственным, в котором ответчицей была женщина. И последним, по которому женщину в советской стране расстреляли.

Одна наказана, в назидание потомкам. Но придет ли наказание для иных? Для тех, кто удостоился чести быть орденоносцами и героями за свои чудовищные злодеяния, и чьими именами названы улицы, на которых живут люди совсем иных поколений?

И даже если наши потомки прозреют и спешно избавятся от палаческих символов жуткой братоубийственной эпохи XX столетия, кто и когда ответит на самый важный вопрос:

– Если некоторым людям и суждено озвереть, то ***как*** просыпается в них ген зла?

История 9. Философия и мода как средство деградации

1. С черной дырой вместо гениталий

Чортов ты сын! Ну какой же ты доблестный рыцарь?
Ты среди белого дня шляешься в этаком срамном костюме:
Видно ли где, чтобы рыцарь костюм свой дворянский
Нагло сменил на гуню (и блюстителя речь справедлива).
Ты иль масон, иль бродяга, иль даже мормонский учитель…

Поэт «Искры» Алексей Сниткин (псевд. Амос Шишкин), «Угнетенная невинность», 1860

Всякая революция возникает на базе философии, а не потому, что, когда *«верхи не могут, а низы не хотят»,* вдруг наступает точка кипения, за которой следует переворот как единственно возможная историческая необходимость. *«Верхи не могут, а низы не хотят»* – это уже философия, но только постреволюционного периода, средактированная партией и советскими историками для отечественной потребительской массы.

Среди дозволенных к прочтению философов в советских учебниках особо стоит имя Гегеля; но лишь потому, что этот претендент на «абсолютное знание» дал краткую формулу победы социализма: *тезис + антитезис = синтез.* Что при довольно примитивном объяснении означает: введи и распространи в благополучном обществе провокационную антитезу, и в итоге получишь искомый синтез, т. е. *то, чего добиваешься*, направляя провокационные силы и руководя ими.

На гегелевской научной базе Маркс создал «диалектический материализм»; на базе марксистского диалектического материализма Ленин создал учение о революционной стратегии, особо выделив беспощадный красный террор как основное средство удержания власти. Здесь слово «научный» следовало бы взять в кавычки, поскольку имеет ли философия вообще право

именоваться наукой?! А, может, ее следовало бы отнести в разряд литературы особого, специфического жанра, как, скажем, проза и драматургия? Возможно, тогда человечество **не** становилось бы жертвой философских экспериментов, осуществляемых теми, кто вводит в заблуждение целые поколения, возжелавших то ли в силу особой одаренности бессовестного пророка, то ли в силу своей природной дегенеративности поверить в необходимость изменять общество *по науке*.

К тому же философия стоит в стороне от литературы лишь по одной причине: в рядах ее служителей – огромное количество претендентов на «абсолютное знание», единоличных мыслителей-мессий, не желающих попадать в разряд прочих писателей творческого бесконечного ряда. Что, в общем-то, выдает в них патологию психической неполноценности или сверхполноценности, если хотите. Еще одним критерием, объединяющим философов в единый ряд, как считают психиатры, является их сексуальное здоровье. Не стану приводить имена и диагнозы, проставленные медиками всякого рода философам, – подобную статистику найти не так уж сложно. Лишь напомню, что «процент сексуальных психопатов среди крупнейших философов мира не опускается ниже 76 %, и это не случайность». Как точно подметил публицист Иван Солоневич, ***«нельзя себе представить, чтобы черная дыра на том месте, где у нормального человека имеется пол, могла бы не оказать никакого влияния на весь ход мыслей человека, и на его творчество, и на его мироощущение»***.

И вот теперь мы подошли к тому, что и следует как один из признаков распространения влияния той или иной философии на широкие общественные массы. Что бы вы думали, это могло быть? – *Внешний облик, немалую роль в котором играет повседневная одежда.*

До массового распространения в русском обществе философии основоположников социализма в моду вошли образы, взятые из отечественной литературы и в первую очередь, образы нигилистов, рассеявшиеся с поистине широким русским размахом. Благополучная публика начала философствовать, рассуждая в том числе и о судьбах мира; свое собственное благополучие воспринималось как ущербность, а все русское, родное – как неподобающее, гнилостное, постыдное и требующее скорых перемен. Флегматичность и апатичность, характерная нигилистам, а также их вспыльчивость в иные моменты и безапелляционная несдержанность требовала слегка видоизмененного подхода и к внешнему облику. Вскоре детей *(базаровых и нигилистов)* от отцов *(приверженцев классического*

домостроя) отличает особое небрежение к одежде и к своей внешности. Подрастающее поколение вольномыслящих постепенно тяготеет к второсортной литературе весьма посредственных пишущих людей, которые ухитряются подавать «садизм, мазохизм, эксгибиционизм, фетишизм и прочее под соусом лучших традиций русской литературы: и реалистически и философически» (по Солоневичу).

В то время, когда из русской литературы исчез тип аморфного нигилиста, на страницах книг появился его духовный продолжатель – страдалец социализмом, исполненный террором; черты этих *героев своего времени* ярко описаны Достоевским в романе «Бесы». Революционное студенчество начала XX века выглядело однотипно: длинноволосые юноши, ведущие бесконечные споры на философские темы и короткостриженные курсистки. И те и те словно презирали всякую «внешность», отвергая условности. При этом оба пола, облаченные в своеобразную революционную униформу – косоворотки – выглядели бесполыми. Зато сразу узнавали *своих*, входящих в революционные кружки и секты со строгой дисциплиной и иерархией. Позднее психологи определят в этих характерных признаках сексуальное вырождение молодежи.

В тайных глубинах национальной биологии зрели явления, которые впоследствии привели к победе бредовых идей психопатов во главе с Троцким и Лениным.

Проповедники ереси; иудействующие искатели; бесполые юноши; темные личности, прозябающие в поисках пролетарского счастья; ушлые искательницы идейной плоти, местечковые бунтарки и унылые девственницы, – все рыскали по Европам, сзываемые тайными учителями. Чтобы, вооружившись «научным марксизмом», как вооружаются маузерами, вернуться в Россию за растлением и духовным убийством десятков, сотен, тысяч других неосведомленных душ. Русский рабочий, русский крестьянин, будучи полным антиподом российского так называемого интеллигентского нигилизма и передового социализма, должен был подлежать если не «научному просвещению», то массовому истреблению. Во имя счастья пролетариата в масштабе всей Планеты.

Захватив власть в Российской империи, обманом и террором одержав победу над Разумом, бесполотелые юноши, зачастую испробовавшие прелести партийного гомосекса и нравственно развращенные девицы от революции вводили новую поведенческую мораль. «Обобществление женщины» было в конце концов заменено ее «раскрепощением». А одним из главных аспектов «раскрепощения» было освобождение советской

женщины, строительницы социализма-коммунизма от ее природной женственности. Те, кто вводил новую мораль, являлся и законодателем пролетарской моды. Фанатички в кожанках, вооруженные до зубов и сверх всего перепоясанные пулеметными лентами; суровые революционерши, размахивающие руками с партийных трибун; трупообразные комбедовки; «одетые в юбки партийные машины»; задорные комсомолки первых пятилеток; крепкие стахановки; работницы в красных платочках; школьницы с пионерскими галстуками на груди и их старшие сестры-пионервожатые… Женские образы советской эпохи, пропущенные через калейдоскоп времени, – все они кажутся асексапильными. Женщины иль девушки, обуянные идеями, при внимательном рассмотрении выглядят одинаково безлико. «Какой-то промежуточный бесполый тип, до зубов вооруженный всякими партийными добродетелями и лишенный какого бы то ни было сексопиля»; «более мелочная, придирчивая, фанатичная, чем партийные машины, одетые в штаны. И безмерно более отвратительная», – это все тот же И. Солоневич, на сей раз о советской женщине, члене партии.

За лозунгами о равноправии, распространяемыми в обществе красными феминистками, последовала практика их применения в деле. Женщина, «раскрепощенная» от быта, от семьи и даже от своей женственности, была вынуждена оказаться на самых трудоемких участках работы: на заводах, в том числе и военных предприятиях, в подземных шахтах; а в преддверии подготовки к Мировой революции даже массово освоить то, что во все времена являлось прерогативой мужчин: умение воевать. Сотни тысяч комсомолок записывали в Осоавиахимы, где они постигали парашютизм; девушки учились летать, шифровать, стрелять и убивать, быть разведчицами… Их не учили только быть красивой, быть женственной, быть Женщиной.

2. В стиле «а-ля-рюс»

Ах, да, с тех пор, когда в Париже,
Ma chère[1], я с мужем побыла,
Я сердцем жизнь постигла ближе,
Умом яснее поняла…

Движенье, блеск, ma chère, и мода,
По шумным улицам развал,
Везде cafes с толпой народа,
И все одеты, как на бал…

И каждый мил, любезен, ловок,
И дамы, дамы – o quelle grace![2]
Таких лесбийских вы головок
Нигде не встретите у нас…

С тех пор одна мне дама близка,
Один мужчина мил с тех пор:
Madam Louise – моя модистка,
Monsieur Louis – мой coifeur![3]

Поэт «Искры» Николай Кроль, «Эпистола светской дамы к степной подруге», 1867

История советской моды свидетельствует о том, как с помощью одежды можно принудить женщину деградировать.

Как только с появлением электрической швейной машинки оказалось возможным шить одежду массово, сразу же были придуманы усредненные модели. Впервые женские фигуры

разделили на размеры; крой и детали платья были упрощены и минимизированы.

В 20-е годы XX века, когда за границей, особенно в Европе, быстро распространялась мода на ***русский стиль***, в советской России прививалась чудовищная безвкусица в одежде, максимально отличная от «буржуазной». Еще недавно Европа вдохновлялась красочными костюмами и декорациями для «Русских сезонов» Н. Гончаровой и М. Ларионова, но после революции 1917 года и массовой эмиграции из большевистской России представительниц аристократического общества, – не белоручек, как их высмеивали большевики, а умелых искусниц, европейские модницы оказались активными заказчиками их услуг. Впрочем, интерес к русской традиционной одежде возник еще до революции и до «Русских сезонов», – после того как коллекция старинного русского костюма из собрания ***М. Л. Шабельской*** была с успехом показана в Париже, Брюсселе и Чикаго.

Октябрьская революция, объявившая классовый геноцид, выкинула за пределы России наиболее цивилизованную часть общества; основу эмиграции первой волны составляли люди с образованием, прекрасно владеющие иностранными языками. Все они в той или иной мере были приобщены к европейской культуре. Оттого русская эмиграция, несмотря на чудовищные трудности морального и материального плана, оказалась весьма жизнестойкой. Вынужденные эмигранты (а правильнее – беженцы) сожалели не о потере богатств и поместий, но скорбели о потере Родины. В отличие от советских бездельников *из простого народа*, которые заполонили комбеды (комитеты бедноты) и избы-читальни, русские дворяне на Западе были готовы взяться за любую работу, не считая, что это ущемляет их достоинство. Аристократы – князья и графы – пахали землю, доили коров, становились таксистами; никто не гнушался даже самой черной работы. Этот народ был приучен работать, приучен созидать.

В самом крупном центре русской эмиграции – столице Франции Париже – появлялась мода на *русское*; рестораны с русской кухней и цыганской музыкой, русские народные оркестры и хоры были популярны более чем американские ревю и джаз-клубы. Тогда с успехом выходили в Париже две большие ежедневные газеты на русском языке «Последние новости» и «Возрождение» (печатались с 20-х до начала Второй мировой). Те же из русских, кто смог вывезти капиталы, открывали банки, оптовые фирмы; привыкшие заниматься благотворительностью, как могли, поддерживали своих соотечественников. Князь

Юсупов, обосновавшись в Париже и призвав на помощь все свои европейские связи, помогал неимущим соотечественникам заработать на жизнь. Организованная им контора по трудоустройству в первые годы эмиграции помогала спасти многих. По инициативе князя был открыт Салон красоты, где русские дамы осваивали азы массажа и макияжа, чтобы открыть собственное дело. На деньги Юсупова стала действовать Школа прикладных искусств имени Строганова, готовившая учеников для работы на эмигрантских художественных предприятиях, а также в Доме моды Феликса Юсупова «Ирфе» (название по сочетанию первых слогов имен его супругов-основателей: Ирина – Феликс; просуществовал с 1924 по 1931 гг.). Дом моды на улице Дюто стал самым крупным творческим проектом князя.

Особенно трудно в эмиграции приходилось женщинам, зачастую оставшимся не только без средств, но и без мужской поддержки. Но они смогли преодолеть массу трудностей и выжить. В это время эмигранты, представительницы всех сословий делали бижутерию и сумки, расписывали шелковые шарфы и шали. Искусство рукоделия, обучение которому составляло обязательную часть воспитания русских девушек, в том числе и из аристократических семей, пригодилось в столь печальных условиях. Эмигрантки занимались модным производством на дому или в гостиницах, где жили в первое время. Кроме прочего, вручную изготавливались детали убранства интерьеров: абажуры, подушки, салфетки, драпировки. Княгини и графини становились портнихами-надомницами и модистками, делали зонты, бижутерию, шили и вышивали платья, белье, расписывали шали, шарфы, расшивали бисером сумочки и кошельки. Известно, что в 1926 году в производстве готового платья во Франции официально было занято 3115 русских, в абсолютном большинстве – женщин. Но в кустарном промысле участвовали не только женщины. Офицеры-галлиполийцы открыли в Париже мастерскую по производству дамской «художественной» обуви.

В апреле 1921 года кузина последнего русского Государя Великая княгиня ***Мария Павловна Романова*** устроила в Париже благотворительную распродажу предметов русского кустарного производства. До этого Великая княгиня Мария Павловна, живя короткое время в Лондоне, руководила швейным ателье по изготовлению обмундирования для Добровольческой армии на Дону. Затем она переехала в Париж, где и началась ее карьера в мире моды. В то время в Париже стали популярны выставки русских изделий; наиболее известен выставочный салон «Китеж», который располагался в строении на улице Жан-Гужон. Особое

место в нем занимали тряпичные куклы из мастерской «Заведение госпожи Лазаревой».

Утверждают, что на 1921 год пришелся пик популярности «русских» вышивок. Русский стиль угадывался в платьях-рубашках с вышивкой, напоминающей узоры аутентичных крестьянских полотенец, вывешиваемых под божницы; в тончайшей вышивке, напоминающей драгоценные украшения византийских одежд; в мастерски сделанных работах представительниц выдающейся русской школы золотошвеек. Модное пальто с меховой отделкой и головной убор в стиле кокошника безоговорочно признавались исполненными в русском стиле.

До 1922 года наши соотечественники в Европе ***не*** *имели определенного статуса, что ограничивало их экономическую деятельность и лишь после введения нансеновского паспорта (признанного в 38 государствах документа политического беженца) русские эмигранты получили возможность открывать собственные предприятия.* Стали возникать многочисленные ателье и швейные мастерские, которые быстро превращались в Дома моды. В Берлине, Париже, Лондоне и других центрах эмиграции были открыты русские Дома моды. В 1925 году на Всемирной выставке декоративного искусства в Гран-Пале (Париж) экспонировались шали, гобелены, сумки, пояса, отделки к платьям и пальто художницы-эмигрантки Маревны (***М. Б. Воробьевой-Стебельской***), эксклюзивная обувь, созданная талантом галлиполийских офицеров, и многое другое, сделанное руками русских беженцев. Тогда же Золотой медалью был награжден основанный Великой княгиней Марией Павловной Дом русских вышивок «Китмир» (названный так в честь любимого пекинеса бывшего посла России в США Бахметьева). Вечерними платьями от «Китмир», расшитыми бисером, обзаводились самые утонченные дамы высшего света. «Китмир» просуществовал с 1921-го по 1928 год, имел эксклюзивный контракт с Домом «Шанель», где работала манекенщицей ***Анна Ильинична Воронцова-Дашкова*** из знаменитого княжеского рода. Воронцова-Дашкова, урожденная княжна Чавчавадзе, сама стала основательницей Дома моды «Имеди», где одевались дамы из высшего света Франции, Великобритании, Голландии, а также новые американские миллионерши.

По воле странных обстоятельств большинство модных предприятий Европы первой половины XX века было основано русскими аристократками! Свекровь Великой княгини Марии Павловны ***Мария Ивановна Путятина*** завела шляпное дело под названием «Шапка». Предприятие оказалось настолько успешным,

что через некоторое время был открыт филиал в Лондоне. Успеху предприятия способствовало то, что манекенщицей № 1 здесь выступала княгиня Трубецкая, чей титул привлекал клиентов. Графиня ***Орлова-Давыдова*** открыла на бульваре Мальзерб русский «Дом Мод», специализировавшийся на ручной вязке и набойке шерстяных и шелковых тканей. Продукция этого Дома пользовалась огромным спросом.

Русские женщины не по своей воле ставшие законодательницами мод в 20—30-е годы XX века в Европе, выступали не только как модельеры; зачастую на показах мод они присутствовали в качестве моделей. Во многих домах моды работали русские манекенщицы: Тея Бобрикова – в Доме «Ланвэн», Соня Кольмер – в «Вионне», Мэри Эристова, Гали Баженова, леди Абди (И. Н. Ге) и та же А. И. Воронцова-Дашкова – в «Шанель». Знаменитой моделью была праправнучка поэта Жуковского графиня ***Мария Белевская***, олицетворявшая в глазах французов классический тип русской дворянки. В облике манекенщицы предстала и представительница столбового русского дворянства княгиня ***Ирина Юсупова***. Ведущей манекенщицей известного русского Дома моды «Миеб», основанного бывшей фрейлиной императрицы Александры Федоровны ***Бети Буззард*** (урожденной баронессой Гойнинген-Гюне), была ***Софья Носович***, прославившаяся тем, что с оружием в руках сражалась с большевиками в рядах Белой армии, была приговорена к расстрелу, но чудом спаслась и попала в Париж. В период гитлеровской оккупации она участвовала в Сопротивлении. Каждая из этих великих Женщин достойна отдельной книги.

Спрос на российскую «экзотику» вынудила в начале 20-х годов ведущие парижские дома «Шанель», «Люсиль», «Агнес» и «Поль Пуаре» создавать целые коллекции *«а-ля рюс»*. Дома моды «Мартиаль и Арманд» и «Алис Бернард» тоже спешили показать отдельные модели с трудно произносимыми для европейцев русскими названиями. В 1922 году лондонский Дом моды «Владимир» представил блузку «казак». А казацкую бурку одно время носили завзятые модники из среды джентльменов Европы. Кокошник и всевозможные его модификации стали непременными атрибутами дамских парадных платьев и вечерних туалетов. Даже английская королева Мария, бабушка Елизаветы II, пошла под венец в стилизованном кокошнике.

Известными русскими предприятиями за границей в 1920-е гг. XX века были не только Дом моды «Шапка», Дом вышивок «Китмир», Дом моды «Ирфе», или, к примеру, «Адлерберг» и «Хитрово», специализировавшиеся на женском белье из шелка,

отделанном изысканными кружевами и вышивками. Среди успешных русских домов моды, которые работали только в Париже: «Анели», «Имеди», «Пьер Питоев», «Эли», «Анна Сергеева», «Мария Новицкая» (специализировался на женских пижамах). Русскими аристократами были открыты также: «Поль Каре» (1919–1929 гг., руководила леди О. Н. Эджертон в Лондоне, в 1921 г. – филиал в Париже и Канне); «Итеб» (1922–1932 гг., создан Бети Буззард), «Бери» (1924–1936 гг., основан княгиней А. Р. Романовской-Стрельнинской); «Арданс» (1925–1946 гг., руководила баронесса К. Н. Аккурти).

Кроме эксклюзивной одежды русские дома моды выпускали и свои духи: в 1926 году появились духи «Ирфе», в 1929 году – духи «Итеб № 14».

Но век русской моды оказался коротким; он растворился в чуждом ему заграничном пространстве и агрессивной антирусской среде.

Примечательной является судьба предприятия моды «Китмир». Имея контракт с Коко Шанель, Великая княгиня Мария Павловна Романова могла тиражировать лишь заграничные заказы. Чем воспользовались американцы; скорый американский живчик еврей Курзман купил несколько блузок от «Китмир», переправил их в США, а себя (без согласования условий и предупреждения изготовителей) объявил импортером изделий этого предприятия в Соединенных Штатах. Вскоре Курзман прислал вырезку рекламы из газеты с изображением… императорской короны, инициалами Великой княгини и ее полными титулами. Мария Павловна была шокирована подобной наглостью и неучтивостью; ее оскорбил американский «стиль продвижения продукта». Ведь она тщательно скрывала свой титул, ибо считала, что торгует вышивками, а **не** царским происхождением! Но, как известно, для тех, кто живет в мире денег, банкноты *не пахнут*, а честь Человека – *ничто*… После этих событий последовали другие неприятности; Шанель была раздражена успехом русских модельеров и их изделий, и сделала все, чтобы затмить и разорить конкурентов.

Как бы ни сложилось в дальнейшем, нельзя не учитывать, что – модельеры, портнихи, закройщицы, вышивальщицы, кружевницы, белошвейки, золотошвейки, шляпницы, манекенщицы, художницы по тканям, мастерицы по изготовлению бижутерии, сумочек и аксессуаров – по большей части оставшиеся безвестными, два десятилетия (с 1919 по 1939 год) **определяли моду** от Константинополя и Харбина до Парижа и Лондона. И сегодня имена и деяния этих изгнанниц, оставшихся в неисчислимых и горьких бедствиях воплощением нравственной

силы Русской Женщины, вызывают гордость и благоговение.

3. Женщина? – Настоящий большевик!

Когда все расселятся в раю и в аду,
земля итогами подведена будет – помните:
в 1916 году из Петрограда исчезли красивые люди.

Пока на оружии рук не разжали,
повелевается воля иная.
новые несем земле скрижали
с нашего серого Синая.

Теперь /не промахнемся мимо.
Мы знаем кого – мети!
Ноги знают, /чьими / трупами /им идти.

Нет места сомненьям и воям.
Долой улитье – «подождем»!
Руки знают, /кого им / крыть смертельным дождем.

В. Маяковский. Из разных стихов

Надо признать, что в 1919 году в советской России создаются «Мастерские современного костюма» (их директор – Надежда Ламанова). И в том же 1925-м на парижской выставке моделям Н. П. Ламановой, представленным в павильоне СССР, присудили… «Гран-при». Советская делегация привезла на выставку не только набивные ситцы с серпами, молотами и красными звездами, но и платья по эскизам Ламановой с пуговицами, сделанными из хлебного мякиша, – за которые, собственно, коллекция и получила «Гран-при». Фарисейская Европа, которой было выгодно уничтожение Российской империи и разорение могучей страны-соседки, ужасаясь революционным

преобразованиям и вместе с тем потешаясь над дикостью нравов, воцарившихся в русском обществе, всячески поддерживала начинания Советов. Однако капризные француженки, проявляя интерес ко всему русскому, подогретый не только Домами мод, но и местными журналистами, делающими карьеру на подробностях о так называемой русской революции, символам новой эпохи предпочли истинно русские косоворотки, кички, кокошники и меховые отделки накидок к вечерним платьям, делавшие туалеты похожими на богатую боярскую одежду.

Впрочем, и советские женщины от победы модельера Ламановой не выиграли ровным счетом **ничего**, ведь понятие моды и эксклюзивности для них НЕ предусматривалось! Для них – работниц и строительниц – разрабатывались унифицированные формы костюма, рисовались безликие фасоны, вводилась серо-коричневая цветовая гамма. В те годы одежду чаще всего шили из полотенец, одеял, в лучшем случае из домотканой ткани, так как обычной ткани было не купить.

В результате событий Первой мировой войны и переворота 1917 года люди порядком обносились. Населению нужно было во что-то одеваться, и советское правительство учло этот непростой момент. «Национализировав» заводы и фабрики, партия принялась одевать и обувать всех, кто работал на укрепление ее власти. Еще до середины 20-х годов XX века натуральная часть заработной платы (одежда и предметы быта) на некоторых советских предприятиях в полтора раза превышала денежную. Люди были вынуждены довольствоваться тем, что навязывали им партия и власть, постепенно лишаясь индивидуальности.

Однако быт большевистских руководителей, привыкших до революции к комфорту, был далек от озвученного ими пролетарского аскетизма. Хотя в своих «воспоминаниях», написанных для советских дураков, они жаловались, что прозябают в «скромных» квартирах, пьют морковный чай и даже недоедают вместе со всей страной. Тогда как и после 1917 года, и во время Второй мировой (!) советская элита продолжала обогащаться за счет разграбливаемых ими квартир, дворцов и имений, частных и государственных музеев (как на родине, так и за границей). Современники упоминали о необыкновенной роскоши, в которой жили красные властители Каменев, Луначарский, Молотов, Ягода, Ежов и многие-многие другие, получившие безграничную власть над русским народом и его богатыми территориями.

К примеру, некий Г. Соломон, который в 20-х годах был торговым представителем России в Эстонии и неоднократно встречался со многими представителями красной элиты, в том

числе и с руководителем Коминтерна Григорием Зиновьевым *(наст. Герш Аронович Радомысльский-Апфельбаум)*, вспоминал, как однажды к нему прибыл Сливкин – личный представитель вождя Коминтерна, имевший поручение для приобретения по специальному списку товаров. По приказу Зиновьева Соломон должен был выделить 200 тысяч марок, естественно **не** из своего кармана. Сливкин сразу же потребовал два вагона для срочной отправки закупленного товара. Все предметы предназначались для стола и тела товарища Зиновьева, у которого, по слухам, служил царский повар (!); среди отправленного: ананасы, мандарины, бананы, фрукты в сахаре, сардины, трюфели, разные деликатесы. Второй вагон предназначался для переправки драгоценностей, модного белья, духов, мыла, инструментов для маникюра, изысканных кружев и мехов, предназначавшихся для жены Зиновьева Лилиной и всяких *«содкомок»*, т. е. содержанок комиссаров! И это в то время, когда основанная масса населения получала мизерное количество третьесортных товаров по карточкам и в буквальном смысле начинала познавать голод, сотворенный по воле большевиков.

Подобные поручения торговым представителем в Эстонии исполнялись много раз (см. Г. Соломон. Среди красных вождей. «Современник», 1995); а сколько таких *соломонов* было поставлено новой властью у сытого корыта – не сосчитать… Так что и лучшая еда, и драгоценности, и богатая одежда для *своих* в Стране Советов имелась в достаточном количестве.

Известна в плане «любви» к модной одежде революционерка Лариса Рейснер, ставшая под пером Всеволода Вишневского мужественной комиссаршей в кожанке и с револьвером в руке, привлекательной героиней «Оптимистической трагедии» (1933). К слову сказать, какова психология писателя В. В. Вишневского *(1900–1951)*, научившегося по собственной воле убивать в 14 лет? Понятное дело: для таких, как он, или как прошедший подобный путь личного участия в убиениях писатель Аркаша Гайдар, для других советских писателей, комиссарша в кожанке, *ничтоже сумняшеся* убивающая своих соотечественников, – образ воистину героический и достойный подражания.

К слову, вслед за тем, как женская революционная верхушка стала носить куртки и плащи из кожи, в кожаные куртки облачились и некоторые дамочки из западного высшего общества, особенно американки. Однако предпосылки к подобной общности в одежде были совершенно разные, да и фасоны значительно отличались. Кожанка в стране Советов означала принадлежность носящего ее к высшим слоям большевиков, подчеркивала причастность человека к кровавым переменам 1917 года и

служила пропуском в любое советское учреждение. Если большевички одевались под стать их товарищам-убийцам из партийных комитетов и чека, то на представительниц Запада имел влияние не культ насилия, а культ технического прогресса. Бум автомобилестроения породил спрос на кожаные куртки, грубые кожаные перчатки и автомобильные краги; эра авиаперелетов привела к появлению в модной одежде элементов профессионального костюма авиаторов, в повседневной жизни дамы даже носили летные шлемы.

А теперь что касается любительницы кожанки, матросского бушлата и… модной одежды имперских времен.

Лариса Михайловна Рейснер *(1895–1926)* родилась в Люблине (ныне Польша) в семье профессора права Михаила Андреевича Рейснера, происходившего, как утверждают некоторые исследователи, из местной польско-еврейской шляхты и женившегося на российской аристократке, урожденной Хитрово. Отец Ларисы и брат Игорь (родился в 1898 г., когда родители были в ссылке в Томске) увлекались идеями социал-демократии; с 1905 г. семья Рейснер жила в Петербурге. В 1915–1916 гг. Лариса вместе с отцом издавала журнал «Рудин» (по фамилии известного тургеневского персонажа, борца за некую мифическую справедливость). Свои литературные творения подписывала мужскими псевдонимами: Лео Ринус, Ниманд, М. Ларин, И. Смирнов, Л. Храповицкий. Что, конечно же, характеризует состояние ее психики.

С золотой медалью окончила женскую гимназию и незадолго до начала Первой мировой войны подала документы в Психоневрологический институт, но не училась. Осенью 1916 года в известном артистическом кабачке «Привал комедиантов» познакомилась с поэтом Николаем Гумилевым, и вскоре стала его любовницей; их отношения были недолгими.

И Февральскую революцию, и большевистский переворот семья Рейснер приняла восторженно. В 1918 г. Лариса вступила в РКП(б). В годы Гражданской войны была комиссаршей, сражалась на Восточном фронте и прошла вместе с Волжской военной флотилией весь боевой путь, начавшийся в Казани в 1918-м.

На фронте «боец, разведчица и политработник» (как охарактеризовала ее БСЭ) Рейснер встретила нового любовника и будущего мужа – командующего Волжской флотилией Ф. Ф. Раскольникова. Правда, некоторые исследователи утверждают, что она познакомилась с членом Кронштадского Совета большевиков Федором Раскольниковым еще в 1917 году, а на Волгу поехала вслед за ним. Во время похода Волжской военной флотилии на пути следования красных бандитов

попадались многочисленные брошенные дворянские усадьбы. Шайка единомышленников, уверовавших в возможность «установления нового миропорядка», «равенства и большевистской справедливости», с особым наслаждением принимались «экспроприировать», то есть грабить чужое добро. Особо усердствовала «железный комиссар» Лариса Рейснер, которую интересовала оставленная прежними хозяевами модная одежда, которую она поочередно примеряла, устраивая прямо на палубе перед революционными матросами своеобразные дефиле. Все эти рюшечки, подвязочки, красивое кружевное белье вызывали у нее нездоровый интерес. Об этой патологии уже рассказывали современные публицисты, приводя примеры как «валькирия революции» не с изяществом, а с пролетарским шиком облачается перед пьяными большевиками и матросами в пышные наряды, не забывая найти место для оружия. Пресытившись переодеванием, она напяливала морской бушлат, пила наравне со всеми и горланила революционные песни.

В 1921 году Федора Раскольникова в качестве полпреда (посла) Советской России направляют в Афганистан, и Ларисе Рейснер пришлось вступить с сожителем в официальный брак. В то время она была комиссаром Морского Генерального штаба, но уехала за мужем как сопровождающее лицо. Посольская жизнь показалась ей слишком скучной, сытой и рафинированной. Бросив через два года мужа, Рейснер уезжает в Россию, где сразу же начинает бурный роман с самым уродливым среди большевиков – малорослым Карлом Радеком. Избегая раздувания скандала, Раскольникову пришлось дать жене согласие на развод. Как сказала героиня одного их современных фильмов, «женщины умеют любить даже тех, кто вызывает у них отвращение». Но в данном случае речь шла **не** о любви, а лишь о патологической и порочной притягательности. Приближенность к партийной номенклатуре позволила Рейснер в это время создать у себя дома подобие светского салона, где бывали многочисленные функционеры, – удобные объекты для красной разведчицы. Жила в квартире на Адмиралтейской, напичканной своеобразной атрибутикой: наганами и бескозырками. В ее революционном будуаре проходили многочисленные любовные интрижки.

Испытывая непреходящую жажду к кровавой бойне, вместе с Радеком Лариса побывала в Германии, где в Гамбурге сражалась на баррикадах неудавшейся коммунистической революции; впоследствии описала свои впечатления в одной из книг («Гамбург на баррикадах», 1925). После этой поездки связь Ларисы с Карлом Радеком оборвалась. Она уехала на Донбасс поучать *людей новой, зарождающейся советской формации*, как

надо строить и жить.

Умерла от тифа в феврале 1926 года в Москве в возрасте 30 лет.

Как и Л. Рейснер, собственными «салонами» обзаводились и другие советские «дамы»; отдавая дань традициям, они покровительствовали искусствам, но только стоявшим на пролетарских позициях. Следуя моде – *но моде для избранных!* – они одевались у модельера Надежды Ламановой, которую всячески поддерживала М. Ф. Андреева, жена Максима Горького. Понятие *высшее общество* было извращено; извращены, осквернены были и давние традиции. Женская советская элита представляла собой (до конца существования СССР) конгломерат тупости и редчайшего высокомерия, помноженный на власть.

Эта небольшая прослойка если и являлась законодательницей мод, то только для своего узкого круга. Для высших советских чиновников существовали закрытые «цековские» ателье, обслуживавшие только сотрудников ЦК КПСС. Вся остальная элита одевалась или в своих спецателье, или *по блату*, получая товары (в том числе и продукты) на дом с баз или крупных универмагов. В годы *расцвета социализма* ответственные работники союзных министерств получили право раз в два года бесплатно сшить себе служебный костюм классического покроя, выбрав по совету мастера ателье подходящую модель по спецкаталогу.

Главным вершителем советской моды и парфюмерии вплоть до 50-х годов XX века была ***Полина Семеновна Жемчужина*** *(наст. Перл Карповская; 1897–1970)*, ставшая в 1921 г. женой секретаря ЦК ВКП(б) Вячеслава Михайловича Молотова *(наст. Скрябин)*. Дочь портного, в молодые годы работала папиросницей на табачной фабрике, кассиром в аптеке. С 1918 г. член РКП(б); в 1919 г. направлена политработником в Девятую армию, но после разгрома полка бежала в Киев, где была разведчицей. В 1919–1920 гг. – инструктор по работе среди женщин ЦК КП(б) Украины. В 1920–1921 гг. заведовала женским отделом Запорожского губкома партии. В 1921-м делегирована в Москву на международный женский конгресс. Тогда же и была замечена Молотовым, развелась с первым мужем Ароном (имела от него дочь Риту) и вышла замуж за влиятельного партийного функционера. Говорила скрипучим голосом с сильным еврейским акцентом.

Некрасивая, но амбициозная и властная Полина Жемчужина, получившая образование уже в зрелом возрасте на двух советских рабфаках и в институте, заполучила должности замнаркома легкой промышленности (с 1937), наркома рыбной

промышленности (с января по октябрь 1939), руководителя Главпарфюмера; состояла членом Художественного совета при Московском Доме моделей одежды. Была директором парфюмерной фабрики «Новая заря» (1930–1932); управляющей трестом высшей парфюмерии (ТЭЖЭ; 1932–1936); начальником Главного управления парфюмерно-косметической, синтетической и мыловаренной промышленности (с 1936); начальником Главного управления текстильно-галантерейной промышленности Наркомата легкой промышленности (с ноября 1939).

Во время ее поездки в США к брату-бизнесмену Карпу Семеновичу Карповскому (ставшему в Америке Сэмом Карпом), произошла встреча с президентом Ф. Рузвельтом, который принял ее. В 1948 году в доме Молотовых побывала ее приятельница и, как утверждают некоторые, сокурсница по гимназии времен Российской империи (но многими современными исследователями и историками подвергается сомнению факт их обучения в гимназии!), а ныне посол новообразованного *после* и *в результате* Второй мировой войны государства Израиль Голда Меир. В своей книге та вспоминает, как к ней подошла жена Молотова Жемчужина и сказала на идиш: «Я – дочь еврейского народа». Прощаясь, Полина изрекла перл: *«Всего вам хорошего. Если у вас все будет хорошо, все будет хорошо и у всех евреев в мире».* К слову, руководитель Еврейского театра С. Михоэлс признавался, что «приходил к ней, как к раввину». На пару с той же Голдой Меир намеревалась «сделать хорошо» прежде всего советским евреям, создав в Крыму Еврейскую автономную область. Это вызвало гнев Сталина, и в 1948-м на заседании Политбюро он «предъявил Молотову материалы об участии его жены в групповом сексе с двумя сотрудниками министерства, сожительстве со своим секретарем, агентом американской разведки» (см. М. Зенькович. Самые секретные родственники. М., 2005). В конце 1948 года оформлен и развод Молотова с Жемчужиной. Была арестована в 1949-м по обвинению в измене Родине, «преступной связи с еврейскими националистами»; на допросах двое арестованных мужчин дали показания, что сожительствовали с ней.

Вместе с П. С. Жемчужиной арестована ее секретарь Мельник-Соколинская и несколько ответственных работников главка. В те годы арестовывались и другие еврейские жены советских руководителей. Среди арестованных были, к примеру, жена Андреева Дора Моисеевна Хазан; жена Поскребышева Бронислава Соломоновна, приходившаяся сестрой невестки Троцкого. Без предвзятости напомним, что в женах высокопоставленных

советских партийных чиновников и видных деятелей партии значились: жены Г. В. Плеханова, С. М. Кирова, М. Г. Первухина, Ежова, Рыкова (сестра архитектора Иофана). Голда Давидовна Горбман (после принятия православия и крещения Екатерина) была замужем за Климентом Ворошиловым; Юлия Мельцер – за Яковом Джугашвили, сыном Сталина. Н. И. Бухарин имел даже две жены из «избранного народа»: Эсфирь Исаевну Гурвич и Анну Ларину, дочь большевика Михаила Ларина *(наст. Лурье)*; Лиля Брик какое-то время числилась женой героя Гражданской войны комкора В. М. Примакова; Фрума – оказалась в супружеской постели Н. Щорса. Советские агитпроповцы писатели Аркадий Гайдар, Валентин Катаев, а также Леонид Андреев, Владимир Тендряков и некоторые другие также избрали в жены евреек. Это лишь навскидку, ведь список можно длить десятки страниц.

Но вернемся к интересующим нас героиням. Около пяти лет провела Перл Жемчужина в ГУЛАГе. По воспоминаниям внучки, впоследствии, даже будучи при смерти она требовала, чтобы ей делали маникюр. После ее смерти постаревший Молотов, при жизни Сталина охотно согласившийся на арест супруги, сказал интервьюеру: «Мне выпало большое счастье быть женатым на такой женщине. И красивая, и умная, а главное – настоящий большевик…».

«Настоящий большевик» – большей насмешки над Женщиной и ее божественной природой НЕ существует…

Во все годы своего нахождения у власти Полина Жемчужина особое внимание уделяла своим туалетам, меняя наряды по нескольку раз за вечер. Обязывала мужа привозить из заграничных командировок белье, платья, костюмы и обувь. Обожала украшения, отдавая предпочтение бриллиантам; имела их огромное количество, скупая по заниженным (льготным) ценам на советских предприятиях.

Не была обделена модной одеждой и драгоценностями и дочь Жемчужиной от Молотова Светлана, имевшая наследственное, от матери, искривление позвоночника, ходившая чуть боком и носившая огромные очки. Она училась вместе с дочерью Сталина Светланой, в честь которой будто бы и была названа. В школу всегда ходила в сопровождении охранника; в 1946 году в подарок за хорошую учебу получила от отца поездку в Париж. Учившиеся с ней вместе в институте вспоминали, что Светлану Молотову возил на занятия шофер, она каждый день меняла туалеты, а душилась так, что сильный запах дорогих духов долгое время повисал в воздухе там, где она проходила. Как и мать, обожала бриллианты, но носила и жемчуг.

«Золотые» детки советской элиты никогда и ни в чем **не** были

обделены. Однако сравнить их уровень с их одногодками из русской аристократии, дворянами НЕ представляется возможным; это уже было бредовое извращение сути Русской Власти и ее представителей.

С первых лет своего появления советская номенклатура сильно отличалась от обычных граждан в плане материальной обеспеченности и доступности модной одежды. Публикации рассекреченных следственных дел арестованных НКВД в конце 1930-х гг. советских руководителей приоткрывает завесу над уровнем реального достатка высших должностных лиц. В следственном деле арестованного замнаркома НКВД Г. Г. Ягоды имеется акт обыска за 1937 год, из которого следует, что, пользуясь служебным автомобилем, он купил себе еще личный автомобиль и мотоцикл с коляской; имел собственный киноаппарат и набор фильмов; личный гардероб, включающий кроме большого количества рубашек и более двух десятков пальто и костюмов, в основном иностранного производства; имел 1230 бутылок старинных вин из подвалов дворцов русской аристократии; владел антиквариатом, имел ценную коллекцию редкой посуды, монет, оружия, курительных трубок и мундштуков.

То же было и у других кремлевских властителей; все спешили грабить при жизни, получать квартиры, дома и спецдачи, втайне открывать баснословные счета за границей, получать множество предусмотренных для красной элиты немыслимых благ.

Тогда как в сознание советских масс было вложено непререкаемое: все *не наше*, в том числе и модная, красивая одежда относится к буржуазным атрибутам! Об этом с явным небрежением пишет вся советская пресса. В середине 20-х годов в «Комсомольской правде» напечатано письмо девушки, которая выказывала солидарность с мнением, что ***сапоги и грубая одежда более всего к лицу «ленинке»***. Она так и одевалась, в соответствии с идейной безвкусицей. Но комсомолку мучил вопрос, с которым девушка обратилась в редакцию: как ей уберечься от упреков со стороны ребят в отсутствии женственности и привлекательности?

Но советский комсомолец и сам выглядел малопривлекательным. Взросшие поколения малокультурных, малообразованных комсомольцев ни о какой моде, а тем паче культуре думать **не** могли. Их главное предназначение: постигать одну-единственную настоящую «науку» – науку Маркса-Ленина-Сталина (с середины 50-х годов: Маркса-Энгельса-Ленина). Все остальное, как говорили ему его идейные красные божки, есть орудие реакции, поповские бредни и зловещие происки

империализма.

Для молодого человека современный *«научный социализм»* представлял собой самое законченное выражение всей суммы мировой философии. «Научный социализм», твердо стоящий на позициях материализма. Однако, хотя советская философия и считалась материалистической, образ человека, которым она оперировала и к сознанию которого взывала, был нематериальным и словно бы бестелесным.

После стихших в середине 1920-х годов открытых дискуссий *о новой одежде*, вопрос о «массовой моде победившего пролетариата» перестал представлять первостепенный общественный интерес. Круг потребителей модной продукции оставался весьма ограниченным, сначала – партийная элита и нэпманы, а вскоре и вовсе только партэлита. Работа модельеров могла быть востребована еще разве что советским театром и кинематографом да заслуженными, прикормленными властью *примами* советского искусства.

Коротким временем проявления женственности, всплеском перед убиением моды в СССР были так называемые годы нэпа. Когда на моду большое влияние оказало авангардное искусство: от футуризма и кубизма до абстракционизма, – что проявилось в популярности геометрического орнамента. И хотя ткани с «супрематическими узорами», изготовленные по эскизам востребованных новой властью художников типа Казимира Малевича, Марка Шагала и других марателей подобного местечкового уровня, казались смешными и примитивными, однако *все лучше, чем ничего*. Все сообразно уровню новых властителей. Однако вскоре и эти новаторства с фигурами и расцветками показались слишком уж вызывающими, рождающими необоснованные надежды на свободу мысли. Краткосрочная мода на ткани с беспредметными рисунками закончилась; абстрактный декор на стенах и орнамент на посуде с неизменными серпастыми-молоткастыми символами продержался еще какое-то время.

К слову, именно в то время, когда в СССР появилась мода на грубую большевистскую абстракцию, напоминающую мазки шизофреника и ученика ВХУТЕМАСа, ведущие парижские дома моды заказывали у русской эмигрантки графини Орловой-Давыдовой ткани для своих изысканных коллекций, а парижский модный журнал за 1925 год писал: *«Оригинальность их рисунков, вдохновленных старинными орнаментами русских, коптов, египтян, персов, китайцев, а также стойкость и яркость красителей позволили им достичь блистательного успеха у французских и иностранных клиентов»*.

Что касается собственно женской моды, то в 20—30-е годы в СССР появился новый тип платья-рубашки прямого силуэта с низкой линией талии на бедрах. Подобный силуэт скрадывал все нюансы: приятные округлости, вес, возраст. Женщины носили короткие стрижки, брюки, гимнастерки, почти все курили. Однако большинство модниц не пожелали рядиться в матросские бушлаты, буденовки и рабочие спецовки. Еще можно было чувствовать западное влияние. Пока советская власть не покончила с нэпом и не отгородила страну железным занавесом, введя полную информационную блокаду.

Последним вызовом советского общества стала любовь к *меху*; а единственным зверем, достойным оказаться на плечах советской товарища-женщины стала кошка, недавно массово приобретшая статус дворовой, а, значит, пролетарской зверюги. Использующие мех кошки «для придачи ей пышности» подшивали ватные валики, находя в том рабоче-крестьянское изящество, иронично и трогательно описанное Булгаковым, Аверченко, Ильфом и Петровым и другими.

Избегая появления любых искушений, заботу о внешнем облике основной массы советских людей полностью взяло на себя государство. Для того чтобы обеспечить себе абсолютный контроль над личностью, режим стремился деиндивидуализировать ее, выхолостить ее эмоциональный мир, уничтожить ее самостоятельность, в том числе и с помощью одежды.

То, во что советские швейные фабрики одели всю страну, живущую идеей построения *светлого коммунистического завтра,* ***является своего рода образчиком геноцида населения.***

Советские модельеры пытались установить новые формы одежды для мужчин и для женщин, ориентируясь только на ее функциональность. Главным направлением в советском дизайне 1920-х годов стала разработка функциональной рабочей одежды. Всю одежду конструктивисты поделили на две группы: прозодежду, т. е. одежду для работы, различающуюся в зависимости от вида работы, и спецодежду, предназначенную для работы в особых условиях. Убогий гений советского дизайнерского мышления проявился в классической модели под названием *фуфайка*. Народ, в немыслимых масштабах ссылаемый в трудовые концлагеря нуждался в соответствующей рабочей одежде, а, как правильно просчитали советские «инженеры душ», *стриженый налысо человек в фуфайке автоматически превращается в раба:* и внешне и внутренне. За короткое время зековская фуфайка стала повседневной одеждой рабочих и колхозников – граждан главной страны *советского лагеря*.

То, что в течение десятилетий производилось государственными швейными фабриками, занимавшимися массовым или серийным выпуском одежды, которая затем продавалась в магазинах, свидетельствовало о постоянном дефиците не только модной, но и просто приличной одежды.

В советском обществе была распространена точка зрения о дисциплинирующей и воспитательной роли «правильной» одежды, в особенности той, что предназначалась для школьников и подростков. С 1960-х годов в СССР была введена обязательная и единая для всех школьная форма; особая форма для пионеров, комсомольцев, даже была шита форма с отличительными особенностями для главных пионерских лагерей страны – «Артека» и «Орленка». 1970-е годы принесли шокирующее открытие: молодежь больше **не** хочет быть обезличенной, рядиться в «совковую» одежду, а, значит, все наработки партии и правительства в однообразной социализации масс оказались ошибочными. Что в конечном итоге показало: *навязанная идеология есть зло против человека и человечности.*

История 10. Сиятельная Любовь в дневниках для Вечности

Отныне, теперь, наконец-то,
Всегда и в любую погоду,
Вот здесь, а затем повсеместно
Мы все будем жить по-другому:
Без гнева и печали,
На благо всей Земли,
Как мы давно мечтали,
Но так и не смогли!

Синема! Синема! Синема!
От него мы без ума!

Юлий Ким, песня из к/ф «Человек с бульвара Капуцинов»

Главным из всех искусств является кино, – провозгласил Ленин и оказался прав. Кино оказалось идеальным средством промывания мозгов; киношным героям хотелось верить и на них походить, а сцены с экранов – переносить в обыденную жизнь.

Кино в Советском Союзе приобрело статус общедоступного массового зрелища, став своеобразным культурным феноменом. Зарожденный в 20-х годах чудовищный по уровню низкопробной лжи киноагитпроп, в 30-е годы сумел сделать ложь более эстетичной, благодаря тому, что в кино появился звук. На первом этапе развития звуковое кино становится почти полностью музыкальным. Музыкальные номера сделались главной мотивировкой звука. И оттого многим звездам немого кино пришлось уйти из профессии, – их голоса оказались неподходящими. Советским «гениям» 20-х годов также пришлось уступить место «гениям» 30-х—40-х годов. ***Ремарка:*** нас упорно заставляют думать, что советские режиссеры и постановщики фильмов, ставших советской классикой, были настоящими гениями; и все – только потому, что мы НЕ знаем: каким было бы кино, если бы оно развивалось в условиях царизма. А ведь оно

обязательно бы существовало и уровень мастерства истинно русских кинорежиссеров и актеров существенно бы отличался от «славных традиций советского киноискусства»! Синематограф Люмьера попал в Россию уже через несколько месяцев после своего появления на свет, 4 мая 1896 года. В том же году на ярмарке в Нижнем Новгороде, других городах России показывали первые фильмы Люмьера. И в том же 1896-м актер Малого театра Б. Сашин снял и демонстрировал первые русские фильмы «Конно-железная дорога», «Вольная богородская пожарная команда». Зачинальниками русского кино стали А. Федецкий, Б. Матушевский и другие; в стране появлялись и распространялись «синематографы», «биографы» и «иллюзионы». Восторженной зрительской симпатией пользовались фильм Н. Ларина «Дочь купца Башкирова» («Драма на охоте», 1913); фильмы режиссера Евгения Бауэра «Дитя большого города» (1914, с первой звездой русского экрана Верой Холодной), «После смерти» (1915, снятый по мотивам повести И. С. Тургенева), «Жизнь за жизнь» («Сестры-соперницы», «За каждую слезу по капле крови», 1916); фильм Я. Протазанова «Драма у телефона» (1914) и другие. В начале XX века русские кинофабрики уже активно работали на два рынка – отечественный и международный (отсюда и двойные названия). Но прекрасное «искусство будущего» после 1917 года стало эталоном клеветы на Русь эпохи царизма и инструментом оболванивания в успешном процессе деградации народов 1/6 части суши.

В кино пришли новые подмастерья, превращаясь из любителей местечкового уровня в «гениев» мирового масштаба (как утверждают). И русское киноискусство после 1917 года пошло «своим путем».

Главным кинорежиссером предвоенного кино стал Григорий Александров, а звездой его фильмов – его жена русская графиня Любовь Орлова. Потомок графского рода обладала благородной внешностью, музыкальным талантом и хорошим голосом. Александров, сопровождавший «гения» Эйзенштейна (снявшего культовый маразматический фильм «Броненосец «Потемкин»») в его трехлетнем пребывании в Америке, узнал многие приемы Голливуда, которые использовал, создавая свою, советскую «фабрику грез». В США ярко пылали звезды Джанет Макдональд и Дины Дурбин; Александров зажег советскую звезду – Любовь Орлову.

Жизнь этой примадонны полна исключительной трансформации и трагизма, характерных эпохе. Ни одна советская энциклопедия не дает сведений о семье, в которой родилась актриса. Это гражданам СССР знать **не** положено! Юная

красивая девушка, чье происхождение от бдительных чекистов и коммунистов скрыть было невозможно, получает образование в Московской консерватории (1919–1922), затем в Московском театральном техникуме (1922–1925). И оттого становится любопытно: какой ценой ей удалось в столь юном возрасте получить доверие от властей и их «недреманного ока»? Ведь одними талантами объяснить это просто невозможно; в те времена массово погибали не менее талантливые и уж по настоящему гениальные русские люди.

Вот некоторые сведения, которые в советскую эпоху тщательно скрывались.

Любовь Петровна Орлова *(1902–1975)*, родилась в Звенигороде, но **не** 11 февраля, как официально везде фигурирует, а 16 января (по старому) или 29 января (по новому стилю); смена даты рождения предпринята не для того ли, чтобы вычеркнуть ее принадлежность великому роду? Эти новые сведения были представлены в передаче «В поисках утраченного» (1996 г.), когда ее ведущий Глеб Скороходов показал послужной список отца Орловой, в котором записаны даты рождения дочерей. Бумаги свидетельствовали: *«Любовь – 16 января 1902 года».* Отцом будущей советской кинозвезды был потомок тверской ветви Рюриковичей *граф Петр Федорович Орлов*; статский советник, служил в военном ведомстве. Матерью – происходившая из старинного дворянского рода *графиня Евгения Николаевна Сухотина,* племянница мужа дочери графа Толстого Татьяны Толстой-Сухотиной. Книга Льва Толстого «Кавказский пленник» с дарственной надписью все годы хранилась в доме Орловых как реликвия. В приданое Евгении Николаевне досталось имение Сватово в Воскресенском уезде (ныне Истринский район). Жизнь счастливой супружеской пары и их дочерей-милашек плавно протекала между родительским домом у Патриарших прудов и усадьбой в Звенигороде, пока не грянула дичайшая революция. Отец семейства граф (конечно же, для властей – уже *бывший*) Петр Федорович Орлов с трудом устроился на работу в одно из советских учреждений, где ему дали пайку ***лишенц а***: по 200 граммов хлеба на домочадца. Русские люди с родовой историей за плечами в своей стране, захваченной красными бандитами, становились бесправными лишенцами, живущими в ожидании скорой и неминуемой расправы.

Как многие, Орловы уехали в провинцию, где с провизией было легче. Оставшись жить в Сватове, родители Любы и ее сестры Нонны (в будущем Голиковой) чудом не были растерзаны большевиками и не умерли с голоду благодаря тому, что возделывали огород и держали корову. В тяжелый голодный 1918

год хрупкая Люба шестнадцати лет от роду возила в Москву молоко, чтоб выменять его на хлеб. Говорят, оттого, что ей приходилось таскать тяжелые бидоны на морозе, ее руки навсегда остались красными и обветренными, чего она очень стеснялась и старалась спрятать их от объектива кинокамеры.

В книгах Дмитрия Щеглова «Любовь и маска» (1998) и «Любовь Орлова: Жизнь и творчество» (2002), пожалуй, впервые представлена полная родословная Любови Орловой – этой удивительной женщины, сумевшей, как никто из представителей ее сословия, оказаться полезной Советам и в итоге стать ярчайшей звездой новой советской власти, ее культуры и даже – ***символом*** целой эпохи. Автор сообщает: «Один из предков актрисы – Григорий Иванович Орлов. Все его дети появились на свет от второй жены – Лукерьи Ивановны Зиновьевой, дочери стольника Зиновьева и его законной супруги Марфы Степановны Козловской, ведущей свой род от первого русского князя Рюрика. Думается, всем интересующимся малоизученной биографией народной артистки СССР, лауреата нескольких Сталинских премий Любови Петровны Орловой, будет нелишне узнать, что только эта Лукерья Ивановна Зиновьева принесла в ее род кровь семнадцати правителей России, двадцати восьми великих и удельных князей, семи шведских монархов, двух императоров Византии, трех половецких и семи монгольских ханов, короля Англии Гарольда II, а также семнадцати российских князей, принадлежавших к родам Козловских и Шаховских, не считая немецких графов и татарских мурз! …Лучшая исполнительница ролей домохозяек и ударниц коммунистического труда являлась потомком десяти русских православных святых, двое из которых – Великая Княгиня Ольга и Великий Князь Киевский Владимир – причислены к лику равноапостольных».

Люба Орлова получила прекрасное и разностороннее образование. Ее родители хотели, чтобы дочь стала профессиональной пианисткой, и с семи лет она прилежно занимается с талантливыми педагогами. Ее ждало прекрасное, благополучное будущее, но когда свершился красный переворот и гибель казалась неизбежной, она сделала свое будущее сама, пробиваясь и приспосабливаясь к немыслимым и неизъяснимым переменам. ***«Мое творчество известно всем, моя жизнь не касается никого»***, – слова, как-то сказанные знаменитой Любовью Орловой, станут девизом ее жизни.

Дочь потенциального врага советской власти, обладающая сформировавшимся и развившимся в борьбе за выживание интуитивным чутьем, Любовь Орлова в 1921 году выходит замуж за А. Г. Берзина, занимавшего должность руководителя отдела

производственного кредитования в Наркомате земледелия, и старше ее на десять лет; муж перевозит молодую супругу в занимаемую им огромную квартиру у Покровских ворот. К слову, незадолго перед тем Орловы проживали в коммуналке в проезде Художественного театра. В конце 20-х Берзин становится заместителем наркома; 4 февраля 1930-го последует арест Андрея Гаспаровича по «делу Чаянова», ему дадут три года и отправят в Семипалатинск. Чтобы затем арестовать снова, на сей раз как троцкиста, и отправить в концлагерь в Казахстан. *«Если хотите, можем вас воссоединить»*, – однажды деловито предложат Любови Орловой на Лубянке, и та поймет, что больше никаких вопросов не только о муже, но и обо всех других, пропавших в неизвестном направлении, задавать не следует. Иначе следующим «врагом народа» становится спрашивающий. Берзин выйдет на волю уже после войны и, единожды явившись к родственникам Орловой, не позволит себе задать ни одного вопроса о Любочке, которая к тому времени будет признанной звездой № 1. Он хорошо знает, что каждый спрашивающий рано или поздно искушает судьбу.

Место мужа недолго окажется вакантным, но сначала вокруг Любови многочисленные поклонники; среди них – Михаил, сын руководителя театра В. И. Немировича-Данченко и Франц, гражданин Германии, якобы желающий во что бы то ни стало увезти Любочку и сделать кинозвездой. Почти каждый вечер после спектакля иностранный бизнесмен (его также представляют австрийским дипломатом и австрийским инженером, работавшим в СССР по контракту) возил красивую женщину на своем «Мерседесе» в ресторан, и только поздно ночью они возвращались к дому актрисы в Гагаринском переулке, где та жила с родными. Но после знакомства с Александровым, который в то время еще был женат, молодая и претенциозная актриса и умелая соблазнительница, мечтающая о большом будущем, понимает, что получила свой звездный шанс стать знаменитой.

Александров, побывавший в длительной командировке в Европе, Америке и Мексике в 1929–1932 годах, также подыскивает шанс; поездка за границу – *очень четкий нюанс*, отделявший от основной массы народа самых доверенных **за особые заслуги** перед властью, и не просто сотрудничающих с властями, а значительно укрепляющих идеологию власти и насаждающих эту власть самыми изощренными средствами. Впрочем, в биографии Григория Васильевича легко можно найти объяснения подобным фактам. В 1917 году он заканчивает Екатеринбургскую музыкальную школу по классу скрипки, а уже во время Гражданской войны 16-летний юноша состоит

заведующим театра при политотделе 3-й армии Восточного фронта. После окончания войны вместе с сотоварищами организовал в Екатеринбурге ХЛАМ (Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты; *ну очень характерное название тому искусству, которое насаждали в те годы…*). В 1920-м окончил режиссерские курсы Рабоче-крестьянского театра при губнаробразе и был назначен инструктором отдела искусств Губобразнадзора. Осуществлял **контроль** за репертуаром кинотеатров, в том числе занимался монтажом и **переделкой** старых фильмов, **приспосабливая** их под новую идеологию. И ничего удивительного, что смышленый еврейский юноша попадает в число тех, кому дозволено познавать вражескую, буржуазную культуру изнутри; изучать, чтобы точно знать, как противостоять ей ее же передовыми методами. По возвращению из-за границы услужливый Александров снимает фильм «Интернационал», прославляющий И. В. Сталина, советскую страну и политику партии; в его творческой карьере наряду с прославленными художественными фильмами будут фигурировать ленты, посвященные Сталину и очередным съездам коммунистической партии.

Но почтение Г. В. Александрова к заокеанской культуре оказалось так сильно, что он даже назвал своего рожденного в середине 20-х годов сына Дугласом (в честь американского актера Дугласа Фэрбенкса; впоследствии, чуя перемены в обществе, предусмотрительно переименует в Васю). Но Дуглас-Вася не может приблизить его к американской мечте. Не мог сделать больше, чем сделал и «гений» Эйзенштейн *(1898–1948)*, любитель крепких мужских гениталий. Кстати, известный ведущий Борис Парамонов в передаче «Русские вопросы» на радио «Свобода», посвященной Любови Орловой, вспоминает, как он смотрел в каком-то арт-хаузе английский фильм о великом Эйзенштейне, в фильме была откровенно показана гомосексуальная связь мэтра с его ассистентом «Гришкой», – «княгиней Гришкой» (как напишет Томас Элиот), и о их развеселой жизни в Соединенных Штатах и Мексике. Парамонов, резонно определяя Любовь Орлову как «сексуальную игрушку в руках латентного гомосексуалиста» (впрочем, эту роль она выбрала умышленно!), назовет Александрова «гомосексуалистом» и «миньоном Эйзенштейна».

«Может, он мною увлекался. Но я никогда не увлекался им», – говоря об Эйзенштейне, признает Александров, проведший десять лет бок о бок в роли «любимого ученика» своего «великого учителя». *«Не увлекался»*, – не значит не сожительствовал; впрочем, ничего утверждать не будем, лишь напомним, что в годы становления советской власти гомосекс (мужеложство),

официально, по закону получивший «амнистию», стал обычным и широко распространенным явлением, но, конечно же, не в народе, а среди тех, кто этот народ поработил и развращал, в том числе и через советское искусство.

Григорий Васильевич Александров (*наст. Мормоненко, 1903–1983*) советский кинорежиссер, народный артист СССР (1948), член КПСС с 1954 г. С 1921 года актер первого рабочего театра Пролеткульта в Москве, участвовал в спектаклях, поставленных С. М. Эйзенштейном. С 1924 г. работает в кино. В фильмах режиссера Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин» (1925), «Октябрь» (1927) и «Старое и новое» (1929) выступал как актер, в последних двух и соавтор сценариев. В 1934 г. поставил фильм «Веселые ребята». (Это, конечно же, БСЭ – энциклопедия советских времен, кратко дающая лишь нужные сведения о нужных людях. Кстати, «Театральная энциклопедия» об этом выдающемся представителе искусства отчего-то вообще забыла написать!) То, что Григорий Мормоненко родился в Екатеринбурге в семье еврея-кабатчика (по большевистской логике, буржуина-эксплуататора) и крещеной татарки, для советского человека оставалось тайной.

«Веселые ребята» – культовый фильм советской эпохи, до его появления режиссер с русским псевдонимом Александров долго обращает взоры на местных актрис, одну из которых можно было бы представить народу как его личное творение, как воплощенную мечту о сказочно красивой жизни. Григорий Васильевич посещает спектакли и присматривается, но ни одна *натура* не устраивает, пока, как свидетельствует официоз, не знакомится с Любовью Орловой. В темноволосой женщине он не сразу прочувствовал, увидел белокурую американскую вамп, а когда через какое-то время это произошло, осуществилось и перевоплощение. Несмотря на протесты и возмущение семьи актрисы, Александров привел к Любе парикмахера, чтоб уже навсегда изменить внешность будущей легенды.

В реализации мечты Александров должен был сделать ставку на ту, которую может, согласно полученным знаниям в области, как сказали бы сейчас, кинопиара, «кинораскрутки», сделать кинозвездой. Понимая, что звезд на конвейере не делают, он заручился согласием амбициозной молодой женщины. Она была готова на все, лишь бы выбиться в люди, стать заметной, засиять ярче всех на алом небосклоне советского киноискусства, ведь даже по происхождению Любовь должна была быть «сиятельной».

И они заключили сделку; это была пара *напоказ*, семья *для всех*; две личности, не живущие, а пишущие дневники для вечности. Они ретушировали все события своей жизни *до* и *после*

знакомства, пересказывая по-новому, в улучшенной версии даже то, что было хорошо известно их близким и знакомым, они даже общались друг с другом на «вы»: русская графиня и русский еврей, сын кабатчика, которые в прежней, дореволюционной жизни никогда, ни при каких обстоятельствах не могли бы оказаться вместе. Как известно, евреи в дворянское сословие в Российской империи (как и в других европейских странах) **не** допускались, оттого так сильна была тенденция заполучивших после 1917 года власть жениться на барышнях *из бывших*. Все, кто бывал в доме звездной пары Орлова – Александров, удивлялись тому, что супруги спят на разных кроватях в разных комнатах и подчеркнуто вежливо «выкают» друг другу.

Ради делающего карьеру и набирающего вес режиссера Орлова порывает с Францем, то ли мечтающим увезти актрису в Германию, то ли наоборот, отказавшим ей в этом. Ее новое увлечение – Григорий Васильевич – приманил женщину сказками о Голливуде. И она с радостью поддержала его постановки в стиле а-ля-Голливуд. Перенимая жанр и умело подражая кумирам (в чем его не раз упрекнет советская пресса 30—50-х годов), режиссер Александров одним из первых в СССР осуществляет постановки мюзиклов, самым успешным становятся «Веселые ребята», заявленные как советская комедия.

Сюжет фильма ***«Веселые ребята»*** словно списан с кинокартины Рубена Мамуляна *Love me tonight* («Полюби меня к вечеру») с Джанет Макдональд и Морисом Шевалье. Правда, у американцев был портной, едущий за аристократом-неплательщиком, попадающий в замок к его родственникам и принятый ими за высокого гостя, а в советском фильме – пастух, принятый за известного музыканта; впрочем, русская классика знает подобную метаморфозу из гоголевского «Ревизора». До своей постановки Григорий Васильевич пересмотрел множество американских музыкальных лент (просмотр иностранных фильмов также прерогатива *особо доверенных*). Однако тогда в стране еще были популярны западные веяния, но годы частичной свободы уже близились к концу, нэп задыхался в цепких объятьях социализма. Советская страна, давно избавившаяся от русских талантов, взращивала и открывала новых сыновей. В годы красной чумы особую популярность приобретали комедии и низкопробные шоу. Советская культура еще не была *вусмерть* вцементирована в идеологическую подоплеку, но охотно подмешивала идеологические компоненты в свои литературные произведения, кино– и сценические постановки. Наряду с «гением» Эйзенштейна разгорался и «гений» Мейерхольда, других, создававших советские «шедевры» по своему уровню

развития и мышления. С годами этот уровень будет признан непревзойденным; так появится *школа* советского искусства, в первую очередь, киноискусства, в рамках которой будут обучать всех остальных причастных к процессу.

В числе популярных произведений 20—30-х годов классика большевистской эпической лжи «Броненосец «Потемкин», «Мать» (В. Пудовкина, сценарий Н. Зархи), «Земля» (А. Довженко, о коллективизации); пропагандистские эпопеи о падении «цитадели царизма» «Конец Санкт-Петербурга» (В. Пудовкина), «Старое и новое» (Эйзенштейна и Александрова); фильмы «Саламандра» (Абрама Роома, сценарий А. Луначарского и Г. Гребнева), «Каторга» (Ю. Райзмана), «Новый Вавилон» (А. Москвина, о Парижской коммуне), «Голубой экспресс» (Ильи Трауберга, о революционной борьбе китайского народа), а также многочисленные агитки всевозможных ФЭКСов (фабрика эксцентрического актера) и КЭМов (киноэкспериментальная мастерская). И, конечно же, кино ненавязчивого жанра: «Катька – бумажный ранет» Фридриха Эрмлера, «Красные дьяволята» И. Н. Перестиани, «Необычные приключения мистера Веста в стране большевиков» Льва Кулешова, «Закройщик из Торжка», «Праздник святого Иоргена» Якова Протазанова, комедия Эрдмана «Мандат» (поставлена Мейерхольдом) и др.

Страна, пережившая братоубийственную войну, волну массовых убийств и разрушения старого, привычного быта, жаждала очнуться от ужаса, предпочтя внешнюю, показную сторону внутренней сути происходящего. В почете были всяческие музыкальные «банды» и шоу; в числе популярных – шоу «Музыкальный магазин», написанное Николаем Эрдманом и Владимиром Массом; публику привлекали концерты джаз-банды «Теа-джаз» Леонида Утесова.

Григорий Александров, хорошо знакомый не только с американским, но и, конечно же, с отечественным кино– и исполнительским искусством, заказал Эрдману и Массу сценарий; так появились «Веселые ребята» и их главные герои: советский производственник-пастух, создающий джаз-банду и пролетарская прислуга, умеющая, в отличие от своей, конечно же, уродливой хозяйки, талантливо и звонко петь. Музыку к фильму писал дебютант, ставший родоначальником советской песни-марша, Исаак Дунаевский (*1900–1955*); стихи – сын сапожника, прошедший школу Бюро печати Реввоенсовета и «Агит-РОСТА», театральный критик «синеблузников» (было и такое культурное движение «промывания мозгов» на местах), фельетонист Василий Лебедев, впоследствии известный как Лебедев-Кумач (*1998–1949*); обласканный властью, он в конце жизни сойдет с ума.

Любопытный факт: большинство лучших советских песен вплоть до 50-х годов, как верно сказал один из участников многочисленных интернетовских форумов, – это «мелодии из мира «эксплуатации человека человеком», мира национального и прочего угнетения. Так озвучивали слова советских поэтов. «Широка страна моя родная…» Я не говорю: украденные мелодии, потому что во времена Дунаевского, любившего это занятие, оно считалось не воровством, а заимствованием, о котором не ставили в известность ни начальство, ни советский народ». Пожалуй, самым известным плагиатом считается «Авиамарш» с его патетическим началом: *«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»* (муз. Юлия Абрамовича Хайта, сл. Павла Давидовича Германа), который в начале 20-х звучал в Германии как гимн погибшему герою из народных масс, нацисту Хорсту Весселю.

Позволю себе еще одну любопытную цитату. *«Используя еще старые, воспитанные в гимназиях кадры, большевики создали свое паскудное высокопрофессиональное кино. Для меня, как для злопамятной дворянской сволочи, очень любопытно, что Любовь Орлова была дочерью статского советника, занималась в ресторанах валютной проституцией и была замужем за педиком Александровым, сожителем Эйзенштейна, в детстве ходившим в рижские православные храмы и даже певшим на клиросе, в результате чего появились «Иван Грозный» и «Александр Невский» – фильмы с явным налетом церковного модерна начала 20-го века.* ***Все подлинные достижения так называемого советского искусства связаны с остаточными проявлениями разгромленной русской культуры.*** *Окончились воспоминания о погибшей России – и окончились достижения в советском искусстве. То же самое произошло и с самим СССР»* (Алексей Смирнов. Двойная трагедия. «Зеркало», № 26, 2005; выделено мной).

Утверждая актеров на роль в новой советской комедии «Веселые ребята», режиссер Александров долгое время пребывал в задумчивости: кто сыграет непосредственную и бесшабашную Анюту? Главная мужская роль Кости Потехина изначально писалась для Леонида Утесова, популярного солиста ленинградского мюзик-холла. ***Леонид Утесов*** (*наст. Лазарь Иосифович Вайсбейн; 1895–1982*); сын мелкого еврейского маклера, в 1909 году отчислен из Одесского коммерческого училища Файга за плохую успеваемость и низкую дисциплину; был гимнастом бродячего цирка, чтецом балагана Бороданова, артистом Теревсата (Театра революционной сатиры), а еще – исполнителем похабных куплетов и одесских блатных песен с еврейской тематикой. Побывав в командировке в Париже и

впервые услышав джаз, советский исполнитель создает свою музыкальную банду «Теа-джаз». Роль пастуха и приверженца джазовой музыки идеально подходила для него.

Рассказывают, что кто-то подсказал режиссеру Александрову, будто в подмосковном совхозе работает некая талантливая девушка, мол, она и поет, и пляшет, и трактор водит. Совхозница Соня Агапова могла сыграть в фильме Александрова и, возможно, даже стать звездой, если бы не директор ее хозяйства, примчавшийся на фабрику «Мосфильм» забирать трактористку. Какие фильмы, когда на земле пахари нужны… э, пахарицы?

Притягательная роль оказалась вакантной. Кинопробы, в которых принимала участие 30-летняя Любовь Орлова, никоим образом не походившая на советскую труженицу, Александрову не понравились. Она не выглядела простонародной дурочкой, каковой и являлась героиня его фильма. И тогда умная женщина предпринимает беспроигрышный ход. Она уговаривает свою приятельницу, режиссера студии документальных фильмов Лидию Степанову, близко знакомую с Александровым, пригласить того в гости. Следует согласие, режиссер, в свою очередь, принимает приглашение на чай, и вот уже после первой чашки чая в дверях появляется гостья – Любовь Орлова. По законам жанра, у хозяйки квартиры срочно нашлось неотложное дело, и голубки остаются наедине. А дальше… когда та вернулась, Любовь Петровна обратилась к ней со счастливой улыбкой: «Представляешь, Григорий Васильевич предложил мне главную роль в его новом фильме!»

Этот же эпизод (встреча и приглашение на роль) в официальной интерпретации, конечно же, выглядит иначе. Это был не будуар, а спектакль «Перикола» в музыкальной студии Немировича-Данченко, в котором актриса играла заглавную роль. Его предложение блистательной исполнительнице. Ее отказ от ужасной роли. Его настойчивость. Их долгая романтическая прогулка по ночной Москве и, наконец, ее утешительное, многообещающее: да…

Актриса подписала трудовое соглашение; в бумагах значилась небольшая сумма гонорара за роль. Когда подруга обратила внимание на эту деталь, Орлова вскипела: «Да такую роль я и бесплатно готова играть!» Интуиция ее не подвела.

Сделав поневоле ставку на Любовь Петровну, режиссер также проявил интуицию, декорировав ведущую актрису фильма не под пролетарку, а под западную знаменитость – под Марлен Дитрих из популярного в те годы «Голубого ангела» (впоследствии Орлова станет недолюбливать актрису и даже вырежет ее лицо с фото, когда они сфотографируются вместе). Съемки ставшего

впоследствии культовым фильма проходили на райской натуре – в Гаграх, куда будущие супруги Орлова и Александров приехали: одна с ухажером-иностранцем и сожителем Францем, другой – с законной супругой, бывшей балериной Ольгой Ивановой и сыном Дугласом. Присутствующие восприняли Франца законным супругом Любови Орловой, но вскоре, став свидетелями любовной интрижки актрисы и режиссера, поняли ошибку. Любовники больше никого не стеснялись; Францу и законной супруге пришлось ретироваться восвояси.

Еще одним ухажером на съемочной площадке стал кинооператор Владимир Нильсен, однако его страсть не была удовлетворена. Получивший *от ворот поворот* затаил обиду; в *обиженных* ходил также и Вайсбейн-Утесов. Известного и уже почувствовавшего вкус славы джаз-бандиста активно вытесняла никому не известная соперница. Он видел, что сюжет буквально на площадке переписывается и подстраивается под Орлову. Ревнивец по натуре, Утесов не мог смириться, что кто-то на экране окажется в более выигрышной ситуации и привлечет больше симпатий. Капризничая, актер отказывается исполнять некоторые трюки режиссера, в результате Любовь Орлова получает травму позвоночника, когда падает с быка (скакать на нем и хлестать животное должен был ее напарник).

Во время съемок фильма в ночь на 23 ноября 1933 года авторов сценария Эрдмана и Масса арестовали, а в декабре они получили по три года ссылки минус десять, т. е. по возвращении без права жить в крупных городах России; Эрдмана отправили в Енисейск, Масса – в Тобольск. Впоследствии оба выказывали презрение к фильму, называя его глупым и примитивным. Их оценки полностью соответствуют ленте, только вот снята она по их «гениальному» сценарию! Надо было познать жизнь, чтобы понять: то, что они и их сотоварищи создавали, чем пичкали народ – полнейший бред и откровенный примитивизм, рассчитанный никоим образом **не** на людей мыслящих. В титрах нелюбимого ими фильма режиссером и сценаристом значился… Г. Александров.

Но даже этот шедевр для электората, вышедший в январе 1934 года, мог оказаться на полке, не выйдя в прокат из-за «мелкобуржуазного уклона и несоответствия задачам времени»; лента сразу же получила определение «хулиганской и контрреволюционной». Можно, конечно, рассказывать о том, как главный советский писатель товарищ Горький подвиг товарища Сталина на просмотр киноленты, после которого тот воскликнул: «Давно так не отдыхал!» Или как глава всесоюзного кинофотообъединения «Союзкино» товарищ Шумяцкий

ознакомил Генсека с забавной комедией. Можно пересказывать другие варианты той же ситуации, как и почему Сталин дал «добро». Кто-кто, а Иосиф Виссарионович прекрасно знал цену и подобным фильмам, и людям, в них представленным. И то, что заглавную роль дурковатой героини играла одетая в некоторых сценах в лохмотья графская дочь *из бывших*, имело свое сакраментальное значение.

Советская картина имела успех и за рубежом, удостоившись приза Венецианского кинофестиваля (1934), где была представлена под названием «Москва смеется». Признанный комик Чарли Чаплин дал восторженный отзыв: «Фильм открыл для Америки новую Россию. Это большая победа». Признание искусства «новой России», и ее «новых деятелей» много значили для власти. Товарищ Сталин, следуя своей демиургической логике, расставил всех по местам, когда было приказано одних направить в ссылку, других – наградить; словно бы каждому – по заслугам. Григорий Александров и Любовь Орлова получили ордена. К тому же Любовь Орлова – дворянка, бывшая жена репрессированного и интимная подруга иностранца – удостоилась звания заслуженного деятеля искусств. Словно в насмешку уже тогда знаменитый Леонид Утесов получил в награду… фотоаппарат (обладатель проникновенного, с хрипотцой, голоса звание заслуженного артиста РСФСР получит только в 1942 г., а в 1965 г. удостоится звания народного артиста СССР). Через несколько лет, в 1938-м будет арестован постоянный оператор Александрова В. Нильсен; а вскоре расстрелян и главный чиновник от кино Борис Шумяцкий.

В 1941 и 1950 гг. Г. В. Александров получил две Сталинские премии, стыдливо переименованные позднейшими советскими источниками в Государственные премии СССР. Подобной чести – стать лауреатом Сталинских премий – удостоилась и звезда отечественного кино Л. П. Орлова (1941, 1950). Главная привилегированная кинопара страны еще долгие годы получала свои дивиденды в виде наград, всяческих льгот, спецпайков и загранпоездок; на многие годы они станут *лицом государства* на приемах в зарубежных посольствах, с пропагандистской миссией будут ездить в составе многочисленных советских делегаций. Они еще создадут оригинальные фильмы, которые на фоне остального киноискусства будут казаться великолепными шедеврами; это полюбившиеся советскому народу музыкальные комедии «Цирк», «Волга-Волга», а также классические «Светлый путь», «Встреча на Эльбе» и «Весна». Отснятый в 70-х годах, но не вышедший на экраны фильм «Скворец и лира», получивший в народе ироническое переименование «Маразм и климакс», ознаменует

окончание творческой карьеры прославленных кинодеятелей.

Красивые сказки о счастливой и благополучной жизни в СССР и безграничных возможностях для советского человека сегодня воспринимаются зрителями старшего поколения как ностальгическое кино.

После смерти И. В. Сталина Александров делал попытки угодить новому руководству, но пик его творчества уже был пройден; режиссер не смог создать ничего, что можно было бы поставить в один ряд с его прежними творениями. Орлова, привычная посетительница созданного под нее еще в 50-х годах первого косметического салона, уже потеряла былую красоту, она сторонилась телекамер и софитов, и практически перестала разговаривать с мужем. Ее жизнь *напоказ* постепенно превращалась в одиночество *для себя*. Ее больше не радовали многочисленные наряды, привезенные из-за границы, роскошная утварь, шедевры искусства и антиквариат, коими были напичканы их дом и роскошная подмосковная дача во Внукове. Она умерла от рака 26 января 1975 года.

Вдовец Александров после неожиданной смерти сына Василия оформит брак с его женой Галиной, которую Любовь Орлова не пускала даже на порог. Квартира на Большой Бронной, дача во Внукове, весь антиквариат и огромное богатство, собранное в основном трудом актрисы, помимо прочего до изнурения пахавшей на концертной ниве и каждый раз привозившей набитый деньгами «гастрольный» чемоданчик, достанется Григорию Васильевичу – внуку и полному тезке деда Григория Васильевича Александрова. Который продаст все ценности и уедет за рубеж. А сафьяновый альбом с фотографиями легенды советского кино найдут на свалке, куда его за ненадобностью отправит «благодарный» потомок некогда знаменитого режиссера.

* * *

В начале 20-х годов, когда Страну Советов массово покидала русская интеллигенция, товарищ Сталин в узком кругу приближенных жестко произнес:

– Те, кто от нас убежал, пусть бегут, мы создадим свою интеллигенцию… – И тут же вспомнив прихлебателей от новой пролетарской культуры, добавил: ***– А наша интеллигенция все-таки сволочная, она продается за кремлевскую пайку.***

И тем самым подчеркнул, что все так называемые нынешние интеллигенты, стремящиеся во что бы то ни стало быть

полезными, выпячивающие свои даже самые мизерные таланты, уже никогда **не** будут обладать той культурой, которой отличалась элита царской России. И те, кто однажды предал интересы своего сословия, уже никогда **не** станут достойными славных предков. А коли так, значит, щадить их товарищ Сталин **не** будет никогда.

Понимали ли это представители *бывших*, по разным причинам вынужденные служить новым властям? Понимали ли это граф Алексей Толстой, ставший советским писателем; или граф Игнатьев, дослужившийся до генерала советской разведки; или кремлевская фаворитка графиня Любовь Орлова? Ходили слухи, что на одном из знаменитых разгульных сталинских банкетов Орлова прошла совершенно обнаженной по заставленному закусками и бутылками столу, исполняя волю великого любителя куража товарища Сталина и его сподручного товарища Берии, приводя в восторг многочисленных сытых да пьяных гостей… Думается, и понимали и знали, что продаются, и знали свою немалую цену, но не могли иначе. Потому как иначе пришлось бы беспросветно работать в крепостническом колхозе, в цеху на заводе, в забое шахты, на лесоразработках, а то и оказаться в числе расстрелянных *классовых врагов*… Так не легче ли отдаться во власть системе, воспевая ее вымышленные преимущества, ее беспримерный прогресс и миролюбие, ее дурацкий трудовой энтузиазм, вдохновляя миллионы рабов на самозабвенный изнурительный труд за нищенскую зарплату и утопическую идею построения царства коммунизма на всей земле? Так не проще ли вводить в обман население, превращая его из горячих поклонников в слепых подражателей (в СССР бытовал даже медицинский термин: *синдромом Орловой*)? Так не проще ли изображать верноподданничество вождю и партии? Чтобы за свою нелегкую роль получать сытную кремлевскую пайку. Ради этого забывались честь и совесть, затевались интриги и разворачивались баталии за лучшее место в тени очередного властелина.

…Можно ли было ради этого забыть, что ты Женщина и вступить в сговор хоть с «княгиней Гришкой», хоть *с чертом лысым*, хоть с Красным Дьяволом? Имела ли моральное и нравственное право дворянская дочь из рода великих деятелей Российской империи, потомок графов и русских православных святых выступать в пропагандистской роли ориентированной на коммунизм интернационалистки, ударниц коммунистического труда и простых советских тружениц – идеального объекта для копирования всеми переставшими самостоятельно мыслить советскими женщинами?

Риторические вопросы, которые наверняка уже никто **не** имеет права задавать, говоря о той, что надежно прятала истинные чувства за своей знаменитой улыбкой…

История 11. Народ и партия – едины! Принудительный труд – неизбежен!

1. «Солдатки труда» в период «чистки населения»

Меня милый целовал,
Выговаривать мне стал:
– У станка ты долго возишься, —
К станку приревновал!

Пятилетку надо выполнить
Шахтерам, токарям,
Фрезеровщикам,
литейщикам,
Колхозным пахарям.

Советские частушки

После государственного переворота и насильственного захвата власти добровольное служение новой большевистской власти исключалось. Народ можно было заставить работать только специальными мерами, и эти меры были придуманы «великим гением человечества», ненавистником и губителем русского народа Лениным. Как известно, 11 марта 1918 года советское правительство во главе с В. И. Лениным переехало из Петрограда в Москву. Сначала Москва, как столица, а затем и вся страна начали быстро делиться на тех, кто властвует или приближен к властям, и на всех остальных, чьи усталость от непонятных перемен и пребывание в шоковой апатии вкупе с пассивностью позволили ставить на них любые, даже самые чудовищные эксперименты.

Уже в начале 1918 года в России была введена всеобщая трудовая повинность для лиц от 16 до 50 лет. Вместо прежних, еще с царских времен, удостоверений личности и паспортов выдавались новые документы – трудовые книжки. Так называемой буржуазии, – вымышленной воспаленными мозгами *«шариковых»* как вечного врага пролетариата – отныне под страхом тюремного заключения устанавливалась обязательная явка на любые работы, куда бы их ни послали представители власти.

К концу 1918 года все граждане России потеряли право на добровольный выбор труда; и при необходимости могли быть переведены с одной работы на другую. Лейба Бронштейн-Троцкий

четко определил и озвучил **правила**, которые обязаны были усвоить покоренные народы: *каждый должен считать себя «солдатом труда, который не может собой свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если он не выполнит – он будет дезертиром, которого карают».*

31 декабря 1918 года в «Известия» опубликовали специальное распоряжение правительства «О концентрационных лагерях», в котором говорилось: *«Президиум Московского совета утвердил Положение о концентрационных лагерях для выполнения необходимых общественных работ. В концлагерь направляются лица без определенных занятий и не зарегистрированные на бирже труда, а также зарегистрированные на бирже труда, но отказавшиеся от работ не по специальности, трудоспособные члены семей бежавших к белогвардейцам, советские работники, советские служащие и военные служащие, за проступки по службе, и театральные барышники».*

С февраля 1919 года концентрационные лагеря получили название «школы труда».

В апреле и мае того же года по указанию Владимира Ильича были изданы новые декреты, касающиеся этих «школ». Декрет от 15 апреля 1919 года устанавливал, что *«Для управления всеми лагерями принудительных работ на всей территории РСФСР при Народном Комиссариате Внутренних дел по согласованию с Всероссийской Чрезвычайной Комиссией учреждается Центральное Управление Лагерями»* (опубликован в «Известиях»; см. также «Сборник Декретов 1919 г.», М., 1930. Декрет подписан председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) М. Калининым и секретарем Д. Енукидзе).

Декрет от 17 мая 1919 года давал подробные указания об организации лагерей принудительного труда. В нем подчеркивалось, что «*Во всех губернских городах в указанные особой инструкцией сроки должны быть открыты лагери, рассчитанные не менее, чем на 300 человек каждый… В уездных городах лагери могут быть открыты с особого разрешения Отдела Принудительных работ… Лица женского пола и несовершеннолетние должны содержаться в особых для каждой категории лагерях… Все заключенные должны быть назначаемы на работы немедленно по поступлении в лагерь и заниматься физическим трудом в течение всего времени их пребывания там»* (опубликован в «Известиях» за подписью председателя ВЦИК М. Калинина и секретаря Д. Енукидзе).

И сразу же за распоряжением «святого Ленина» («да он святой, наш Ленин!», – истерично бросила в лица *проклятым буржуям* героиня одного из культовых советских фильмов 50-х

годов) последовало исполнение: во всех 97 губернских и некоторых уездных городах было **создано** свыше 100 лагерей принудительного труда. Каждый – минимум на 300 человек, и вскоре первые десятки тысяч заключенных оказались в трудовом аду.

Но это были лишь первые шаги построения «счастливого и справедливого» социалистического общества. Карательная эпидемия вседозволенности дала возможность всем страдальцам «за правое дело простого народа», обремененным ***комплексом власти*** (определение психиатров), осуществить свои чудовищные планы. Уже к концу 30-х годов XX века в коммунистических концлагерях оказалось более 15 миллионов человек! Это было равнозначно тому, что за решеткой оказались сразу все (!) жители, населяющие такие страны, как Дания, Бельгия и Греция…

Среди заключенных большинство составляли мужчины, но было много и женщин. Сначала предполагалось, что заключенные женщины будут содержаться в особых женских лагерях, но система советских лагерей многократно перестраивалась, «совершенствовалась», и приобрела в основном смешанный характер.

Чуть ли не с первых дней революции начался приток в концлагеря женщин, арестованных по политическим мотивам. Этот процесс проходил волнообразно: в одни годы приток резко повышался, в другие годы сокращался, но никогда не останавливался вплоть до 70-х годов XX века. В отдельные годы число заключенных в тюрьмы по политическим мотивам женщин в СССР исчислялось сотнями тысяч. Часть арестованных представительниц «слабого пола» отправляли в лагеря, часть ссылали на поселение в самые отдаленные и слабо обжитые районы страны. И. А. Курганов, автор книги «Женщины и коммунизм», вышедшей в 1968 году в Нью-Йорке, приводит примеры репрессий против различных категорий населения, включающих женщин. Обратимся за его свидетельством.

– ***В первой половине 20-х годов XX века*** репрессировались преимущественно так называемые буржуазные слои населения, как то: политические деятели – члены правительства, Государственного совета Российской империи, Сената, Святейшего Синода, губернаторы, городские головы, а также чиновники государственных учреждений, городских и земских самоуправлений, судебные работники, работники полиции и офицеры армии. Одновременно репрессировались представители деловых кругов; члены правлений и директора акционерных обществ, руководители банков, промышленники, торговцы,

помещики и др. Репрессировались активные члены партий некоммунистического толка, руководители профсоюзов, журналисты, работники культуры (еще не познавшие советские школы искусств типа ВХУТЕМАС и проч.), священнослужители всех религий, в том числе большое количество монахинь.

Репрессии всех этих слоев населения продолжались вплоть до полного их искоренения, то есть, уничтожения их семей. Эта практика останется на долгие десятилетия, когда взрослые члены семьи будут либо ссылаться на поселение, либо заключаться в лагеря, а дети, в том числе и младенцы, станут воспитанниками детских домов, зачастую вырастая под чужими фамилиями. Курганов отмечает: *«В книге «Семья в СССР 1917–1967» приводится цифра 2 250 000 разгромленных «буржуазных» семей. Это значит, что уже в первую половину двадцатых годов примерно два с половиной миллиона женщин (жены, матери, сестры и дочери репрессированных) были частью сосланы на поселение, частью заключены в лагери принудительных работ».*

– ***Во второй половине 20-х годов*** под репрессивный молот попало крестьянство. Крестьяне, истинные хозяева русской земли, составляли в России 82 % населения. Эту массу, оболваненную лживым лозунгом «Земля – крестьянам!», следовало превратить в послушных и безропотных рабов, гнущих спины – за *палочки*, за *трудодни* – на укрепление советской власти и процветание власть имущих. Коммунистическая партия основную массу крестьян превратила в *колхозников (аналогом чему была еврейская традиция типа кибуцев, общинного труда)*, а наиболее зажиточную часть трудового крестьянства, получивших презрительную кличку «кулаки» и «подкулачники», полностью ликвидировала. Более 3 миллионов «кулацких» семей было сослано на поселение в гиблые, необжитые районы страны. Еще около 1,5 миллиона семей было уничтожено по-другому, когда мужчин отправляли в одни лагеря, женщин – в другие, а детей отдавали в детские дома. В результате в «школах труда» оказалось более полутора миллиона женщин (жены, матери и сестры так называемых «кулаков»).

– ***В первой половине 30-х годов*** репрессии «символизировали» завершение коллективизации. Тогда же активно развертывалась *общая чистка населения*; приучаемые следить друг за другом выявляли «расхитителей социалистической собственности» (закон 7 августа 1932), а также «шпионов», «диверсантов», «вредителей» и прочих разномастных «врагов народа». Людей арестовывали и за… «недоносительство» и как… «нарушителей паспортной системы». К примеру, в книге Б. Яковлева «Концентрационные лагери СССР», вышедшей в 1955-

м в Мюнхене, приводятся данные, что «в концентрационном лагере, расположенном в 110–120 км к западу от Ленинграда, в середине 1930 года из 18 тысяч находившихся там заключенных (15 тысяч мужчин и 3 тысячи женщин) около 40 проц. были лица, осужденные за нарушение паспортной системы».

В период *чистки* концлагеря пополнили сотни тысяч женщин разных возрастов.

– ***Во второй половине 30-х годов*** продолжалась *общая чистка*, репрессировалось беспартийное население, но наряду с этим началась чистка в рядах самой партии. Считается, что в те годы свыше 1/3 членов коммунистической партии оказались в концентрационных лагерях. Из 798 073 арестованных от 12 до 14 % было женщин; в концлагерях оказалось не меньше 100 000 коммунисток.

При этом нужно учитывать, что члены семьи арестованных также проходили свой путь советской голгофы; в концлагеря были сосланы жены, матери и сестры коммунистов (более 800 000 человек). В итоге концлагеря получили свежее пополнение в количестве около миллиона женщин. О женской доле в лагере тех лет красочно рассказано в недавно показанном популярном сериале «Московская сага»; когда унижение и насилие еще недавно привилегированных, избалованных жен партфункционеров стало нормой, а садистская похоть – всего лишь «мерой воспитания».

– ***В конце 30-х – начале 40-х годов*** произошла чистка населения на захваченных территориях. Согласно договоренности с союзником-фюрером, заняв восточную часть Польши и Прибалтику, чекисты и коммунисты произвели там тщательно спланированную моментальную *чистку населения*. Из Западной Украины, Западной Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии в СССР были вывезены десятки тысяч людей; часть людей расселили в малообжитых районах Востока, а часть заключили в концлагеря. Среди репрессированных не менее половины составляли женщины.

– ***В начале 40-х годов*** в связи с началом военных действий с Германией в отместку была ликвидирована советская республика немцев Поволжья, все население частью сослали на поселение, частью в концлагеря. Половину потерпевших составляли женщины.

– ***В период 40-х годов***: по мере освобождения от немецких захватчиков все новых территорий СССР там проводилась чистка населения. Любой контакт с немцами рассматривался как «измена Родине» и карался с особой жестокостью. Женщины, работавшие на немецких кухнях, убиравшие занятые немцами

помещения, стиравшие немцам белье, делавшие другую посильную работу, чтобы получить паек и прокормить детей, получали до 20 лет принудительных работ в концлагерях. Были случаи, когда тружениц на временно занятых немцами территориях карали партизаны; доходило до того, что женщин, работавших врачами и прачками в немецких госпиталях, разрывали тракторами (см. книгу Олега и Ольги Грейг «Походно-полевые жены»). Те же, кто работал при немцах в качестве бургомистров, старост и полицаев, подлежали смертной казни через повешение. А их жены, матери и сестры ссылались в концлагеря на 20–25 лет.

– ***После 1945 года***, когда по окончании войны на Родину вернулись отправленные на принудительные работы в Германию сотни тысяч советских девушек, подавляющее большинство их сразу же были заключены в концлагеря на еще более чудовищные принудительные работы. Занятые Советами по договору с «западными демократиями» новые районы Восточной Европы также подвергались чистке, при этом огромное количество людей было вывезено в СССР и заключено в концлагеря. Естественно, среди них были и женщины.

Так пополнялись концентрационные лагеря СССР; так были изломаны миллионы женских судеб; физические и моральные потери от этого процесса уже НИКОГДА **не** будут восстановлены. Нельзя построить рай, проходя через ад; познанная насильственно психология ада **не** может быть изжита из общества даже и после краха социализма…

2. Концентрационные публичные дома

Подружка моя,
Подруженька активная,
Никогда не надоест
Работа коллективная.

Выйду в сад я утром рано
И нарву смородины.
Не найти нигде на свете
Лучше нашей Родины!

Советские частушки

Большинство сведений о советских концентрационных лагерях и участи в них женщин наверняка так бы и остались неведомыми современникам, если бы не… Вторая мировая война. Когда большое количество людей из советской страны оказалось на Западе и охотно свидетельствовало против советской системы. В начале 50-х годов даже была создана объединенная комиссия ООН и ИВТ, члены которой производили опросы и тщательно документировали все показания. Опросы также производились и прежде, во время оккупации немецкими войсками советских территорий. Советы потому и расправлялись **не** только с самим осужденным, но и с членами его семьи, чтобы **не** оставлять «в тылу» обиженных на партию и власть потенциальных врагов. Однако у семей, уничтожаемых советской системой, имелись близкие и дальние родственники, которые при случае могли рассказать о бедах своих родных. Иногда эти люди выступали как свидетели, делясь проблемами с новыми немецкими властями, пришедшими их избавить от евреев, комиссаров и коммунистов – от прежней советской власти и красной диктатуры. И тогда прошлое зло многим казалось куда как страшнее, чем зло, что несли непрошенные освободители.

Возможно, переход на сторону врага на временно оккупированных территориях был бы более массовым, если бы советские граждане не боялись неминуемого наказания. Прекрасно осознавая, что в случае поражения немцев все близкие, а возможно и дальние родственники сотрудничавших с *оккупантами* (или *освободителями*, – кто как воспринимал) станут для окружающих презренными врагами и их тоже арестуют.

Боясь попасть в лагеря, советские люди понимали, что принудительный рабский труд, в течение 20–25 лет (чаще всего и давали такие сроки), по сути, обозначает смерть, лишь растянутую во времени. ***Длительные сроки были предусмотрены властью для максимального использования рабочей силы заключенных в целях укрепления хозяйственной, экономической и военно-оборонительной составляющей государства.*** Многомиллионная сила заключенных в неволе людей использовалась для самых тяжелых физических работ; чаще всего, в необжитых, труднодоступных и суровых по климатическим условиям районах.

Зэки лагерей и лагпунктов работали на рудниках, в шахтах, на приисках и лесоповале. Причем всюду работали вручную, чаще при помощи лишь пилы, топора, кирки и лопаты. В северных лесах, в тундре, в непроходимых болотах прокладывали они шоссейные и железные дороги, рыли каналы, рубили лес.

Зэки лагерей и лагпунктов вели крупные лесоразработки в Архангельске, Беломорске, Мезени; строили железные дороги: Байкало-Амурскую, Котлас – Воркута; рыли мелиоративные и ирригационные системы, крупные каналы, возводили военно-морские базы и другие сооружения военного назначения и т. д.

Зэки лагерей и лагпунктов добывали полезные ископаемые. На Новой Земле, в Воркуте, Караганде и во многих других местах, где размещались лагеря, заключенные добывали уголь. На Витиме, Курильских островах, в Верхнем Уфалее – железо. В Джезказгане, Верхоянске, Медвежегорске, Караганде – медь. В Никополе, Верхнеуральске, Краснотуринске, Аше – марганец. В Магадане, Верхоянске, Алдане, Вилюйске – золото. В Андижане, Лениногорске, Норильске и др. – уран. Силами заключенных велась добыча свинца, олова, апатитов, слюды, платины и иных полезных ископаемых, коими богата земля русская.

Такую же тяжелую работу приходилось выполнять и советским зэчкам. Лагеря принудительного труда подразделялись на четыре категории: общего, усиленного, строгого и особого режима. Женщины в смешанных лагерях размещались в особых бараках и в особых «филиалах» лагерей, называемых лагерными отделениями, или лагерными пунктами.

В книге «Женщины и коммунизм» И. А. Курганов приводит список женских лагерей и лагерных пунктов, о которых стало известно во время опроса бывших заключенных, оказавшихся в годы Второй мировой войны на Западе. Список, конечно же, далеко **не** полный, однако внушительный; в нем значатся:

женский спецлагерь № 6 в Норильске на 3500 человек;

женский спецлагерь № 7 в Норильске;

женский лагерь № 1 в группе Кингирь на 6000 чел.;
женский лагерь в Инте № 388/16 на 3000 чел.;
смешанный лагерь на Земле Франца-Иосифа;
женский лагерный пункт № 1 в Караганде на 2800 чел.;
женский лагерный пункт № 4 в Обезе на 4000 чел.;
женские лагерные пункты в Краснотуринске № 286/1, 286/6, 286/9.
женский лагерный пункт в Кемерово;
женский лагерный пункт в Магадане;
женский ОЛП (отдельный лагерный пункт) в Красноярске № 3, в 6 км от Решот на 8000 чел.;
женский ОЛП № 4, в 120 км от Решот на 1200 чел.;
женские лагерные пункты в Мариинске № 2 и № 3;
женские лагерные пункты в Потьме № 1, № 3, № 6 (только этот – на 3000 чел.), № 10, № 16;
женские лагерные пункты в Усть-Вымь № 2, № 3, № 17;
женское отделение 12, № 223-р в Воркуте на 1500 чел.;
женское отделение 16, № 233-р в Воркуте на 3000 чел.;
женское отделение 17 в Воркуте на 4000–5000 чел.

И много-много других мест заключения, предназначавшихся для Женщин, превращенных преступной системой в изгоев и рабынь.

Места, где отбывали сроки женщины, выглядели устрашающе. Обычно каждый лагерь состоял из десятков бараков, обнесенных забором из колючей проволоки высотой в 3–4 метра. Около забора проходила заминированная полоса земли шириной в 5–6 метров, освещаемая ночью прожекторами. Заключенный, оказавшийся на запретной полосе, расстреливался с вышек, расположенных через каждые 100–200 метров. Иногда таким способом зэчки умышленно шли на смерть, избавляясь от невыносимых мучений, сексуальных домогательств и унижений.

С внешней стороны забор охраняли, помимо вооруженных охранников, и сторожевые собаки. Оглашенно лающие с пеной у рта овчарки, которых нам тиражировало советское кино в психологических сценах, когда несчастных советских пленных прогоняют под дулами немецких автоматов, – вымысел киношников, но лишь отчасти, потому как стоит актеров, играющих «проклятых фашистов» переодеть в советскую форму, как сразу все становится на место. Это реализм, но реализм, имеющий отношение в первую очередь к советской системе! К слову, овчарки, используемые для охраны немцами, отличались молчаливой злобой, им не дозволялось лаять до истерической хрипоты.

С такой тщательной охраной побег из советского лагеря был

практически невозможен; тем более что на сотни или даже тысячи километров вокруг зачастую не было ни людей, ни жилья.

Работа заключенных столь тяжела, что немногие могли дожить до окончания срока. Я встречалась с бывшими заключенными Инты, пожилой супружеской парой, прошедшей в молодости настоящий ад. Оба попали в концлагеря еще старшеклассниками, он, Микола Канаш – ставший жертвой навета, что будто бы был причастен к порче портрета Сталина гвоздем; она, Мария Канаш – читала патриотические стихи на родном языке, и, значит, попала под влияние националистически настроенной группы молодежи. Оба выжили, чтоб после встретиться и создать сплоченную семью из двух человек (женщина после лагерной жизни не могла рожать), устало ненавидящих советский режим и знающих настоящую цену всем советским лозунгам и призывам.

Они рассказывали о лагерной жизни, о людях и о работе (чаще говорил он, женщина, посерев лицом, поднималась и уходила в другую комнату, чтобы не слышать еще и еще о безумно мытарственных днях, растянувшихся чуть не на два десятилетия). Работа зэка обычно длилась по 10–12 часов, без выходных и скидок на ненастную погоду; и это не считая дороги между лагерем и местом работы. Идти приходилось колоннами в окружении охранников и натасканных, сипло лающих собак. Иногда место работы находилось очень далеко, и за дорогу можно было потерять нескольких ослабевших зэков, умиравших от истощения и перенапряжения сил. Сейчас, когда по телевизионному каналу *Discovery* в отдельных передачах показывают несчастных евреев, в принудительном порядке работавших на заводах Третьего рейха, которые получили в свой адрес не только извинения от немецких властей, но и хорошие денежные компенсации, хотелось бы спросить: а где те редкие (но еще есть!) выжившие, прошедшие советские лагеря, ***кто*** и ***когда*** признает перед ними вину и поможет материально лучше прожить последние годы жизни?!

Перед каждым выступлением колонны заключенных предупреждали, что разговаривать или отставать запрещено, иначе охранники стреляют без предупреждения. Затем вели: на лесоразработки, на строительство дорог, в шахты и на рудники. Женщины работали наравне с мужчинами, ведь более легкой работы в лагерях практически не было. По аналогии с памятным лозунгом, под которым жили советские товарищи: *«Народ и партия – едины!»*, многие миллионы советских зэков и зэчек жили под лозунгом: *«Коммунизм и принудительный труд – едины!»*

Прежде, – в тогда еще недавние царские времена – в шахты и

на рудники ссылали государственных преступников, приговоренных судом на каторжные работы; этот процесс не был массовым, не был многотысячным, а тем более многомиллионным. И никогда в числе приговоренных к каторжному труду не было женщин! Но в советской стране **равноправие**. И сотни тысяч женщин отправляются на самую тяжелую работу: в шахты и рудники. Они сражались с вечной мерзлотой и, имея только примитивные орудия труда, добывали для Страны Советов золото, олово, медь, уголь. К слову сказать, партия посылала юных: девушек, девочек, почти детей – комсомолок и патриоток труда – на заводы и стройки, в забои и шахты, прославляя это как… величайшее достижение советской системы в борьбе за женское равноправие. А верные сыны партии – агитпроповцы, члены творческих союзов пропагандировали подобный образ действий *настоящей советской женщины, строительницы коммунизма-ленинизма.*

Труд женщин был одинаково тяжел и в условиях крайнего Севера, и в знойных пустынях Средней Азии. Чтобы максимально интенсивно использовать заключенных, советская власть ввела высокие нормы выработки, которые могли выполнить только здоровые и физически очень сильные люди. Мой собеседник М. Канаш подчеркивал, что пищевой рацион полностью зависел от выработки. Тот, кто смог выработать 80 % нормы, получал 80 % пайка, кто выработал 50 % нормы, получал всего 50 % пайка. Паек в лагере был и так скуден, а уменьшение пайка означало одно: истощение и смерть. Даже питавшиеся «по норме» жаловались на то, что не могли никак сходить в туалет *по большому*; чтобы хоть как-то помочь своему организму, заключенные на 7—10-е сутки пальцами доставали скудные экскременты из заднего прохода. А в это время в советских садах и школах дети и подростки разучивали благодарственные стихи, речевки и песни: *«Спасибо партии родной за наше счастливое детство!», «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!»*… Не имея даже отдаленного представления о том, **что** может ожидать их самих или их близких…

Женщины, изолированные от общества в тюрьмы и в лагеря, проходили все круги ада. Изнурительный труд, пытки и сексуальное насилие сопровождали их все годы заключения. Думаю, это же в какой-то мере продолжается *и сегодня.*

Даже по окончании долгого трудового дня, с приходом утешительных сумерек мучения для зэчек **не** прекращались. *«Ночью женские бараки обыкновенно превращались в публичные дома, так как «соцблизкие», представлявшие лагерную администрацию и откормленные на краденом пайке, использовали*

*женские бараки как места своих любовных развлечений… отказ от любовных притязаний обыкновенно означал перевод в условия совершенно невыносимой работы» (*из книги Б. Яковлева «Концентрационные лагери СССР», Мюнхен, 1955). «Судьбы загнанных в них и запуганных падших женщин печальны и безысходны. О жизни этих девушек в северных лагерях рассказывает в своих воспоминаниях, опубликованных в 1989 г., Л. Разгон, в свое время корреспондент «Комсомольской правды», а впоследствии один из заключенных ГУЛАГа. В северных лагерях женщины и девушки, захваченные во время облав на барахолках, вокзалах, в ресторанах, вынуждены были обслуживать целые бригады лесорубов. Согласно последним недавно рассекреченным данным, по решению тех же «троек» женщин, действительно занимавшихся проституцией или просто подозреваемых в торговле собой, нередко даже расстреливали, пытаясь ликвидировать их как «класс», – пишут авторы книги «Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.)» Н. Лебина и М. Шкаровский.

В *публичные дома* превращались не только овраги на лесоповале, где работали мужчины и куда для их утех приводили женщин, но и общие нужники (туалеты); да мало ли еще потаенных мест для свального блуда людей, массово обреченных на гибельное, унизительное, дегенеративное существование. Свидетельств подобному можно сыскать множество.

Насилие и моральное разложение часто превращали женщин, оказавшихся *по ту сторону свободы*, в обозленных и деградированных созданий, лишенных всяких нормальных человеческих принципов.

О судьбе женщин-заключенных, участниц очередной грандиозной стройки коммунизма – города Ангарска – можно прочесть в материале историка и публициста Ю. Братющенко «Штрихи к портрету стройки коммунизма» (см. «Секретные материалы 20 века» № 9, 2005). Ангарск, город в Иркутской области вместе с его закрытыми заводами типа «Комбинат-16» построен силами заключенных Китойского ИТЛ. «Комбинат-16» – уникальный завод, который должен был обеспечить горючим всю Восточную Сибирь и Дальний Восток; решение о его постройке было принято Советом Министров СССР в 1949 г., а в 1953-м сдан в эксплуатацию завод полукоксования, в апреле 1954-го – на заводе гидрирования уже получена первая продукция – метанол.

Историк пишет: «Серьезную тревогу вызывали факты размещения в одной зоне (9-е лагерное отделение) заключенных мужчин и женщин. Только тогда, когда обстановка уже становилась нетерпимой, грозящей чрезвычайными

происшествиями, начальник политотдела Иночкин на партконференции в 1949 году назвал это произволом, граничащим с преступлением. Он констатировал, что имеется много фактов сожительства с заключенными (женщинами) 4-го лагерного отделения»; «Начальник спецотдела лагеря Никитенко докладывал: «Мы получили заявления от честных женщин-заключенных о том, что, выводя их на работу вместе с заключенными-мужчинами отрицательного поведения, мы толкаем их на путь морального разложения»; «Вот что пишет Шилов о соседстве с заключенными-женщинами: «В соседней юрте жили расконвоированные женщины. Жуткие матерщинницы и хулиганки. Никаких условностей они не признавали, и все вещи вульгарно называли своими именами. Что у них в юрте происходило вечерами и ночью – было трудно себе представить. Одним словом, настоящий бордель». И еще: «Охрана у них была слабее, и они пользовались этим. Бывало, идешь мимо траншеи, а оттуда раздаются призывные возгласы. Женщины настойчиво и ласково зазывают к себе. Выбирай любую. А уж потом за пачку папирос охранник закрывал глаза на то, что происходило в траншее. После одной избранницы другие дамы не претендовали уже на смелого кавалера. Риска не было никакого: все женщины были здоровы. За этим постоянно следили медики. Вот таким образом и появлялись в лагерях дети»; «Детские приюты, пока существовало 4-е женское лагерное отделение, были переполнены». Автор упоминает о том, что с заключенными сожительствовали надзиратель Нестеров, начальник строительного участка майор Прудников, работники лагеря Зырянов и Высоцкий, заместитель командира взвода по политчасти Урбагаев и другие.

Трансформация, происходящая с восприятием окружающего мира и действительности, которая наступает в тюрьме или лагере, – самое страшное, что может произойти с человеком. Об уродливых сдвигах души писал еще великий Достоевский (к примеру, «Записки из мертвого дома»), об этом писал талантливый В. Шаламов («Красный крест»), это же пытался передать сильно распиаренный Западом Солженицин («Архипелаг ГУЛАГ» и др.). *«Лагерь – отрицательная школа жизни целиком и полностью… Каждая минута лагерной жизни – отравленная минута. Там много такого, чего человек не должен знать, не должен видеть, а если видел – лучше ему умереть. Заключенный приучается там ненавидеть труд – ничему другому и не может он там научиться… Он приучается ненавидеть людей»,* – это из шаламовского «Красного креста». Лагерь – это важнейшая карательная школа системы социализма и одна из главных

составляющих тоталитарной системы.

Лагерная действительность ломает Мужчину и убивает Женщину. Закономерно, что в советских лагерях была огромная смертность. Выжить там обычный срок заключения (от 10 до 25 лет) могли только молодые и сильные, кому улыбнулась удача. Удача – это когда человек попадал на более легкие участки труда: работал в кухне, в канцелярии, в клубе и др. Но все (!) выжившие возвращались из лагерей если не инвалидами, то уже хронически больными людьми. Но никаких послаблений и льгот им от своего родного государства **не** предусматривалось. Никогда. Жалкие пособия, о которых стыдливо заговорили лишь в конце 90-х годов XX века – всего только очередная насмешка над теми несчастными, коим дал Господь родиться на этой оккупированной большевиками территории, и кто познал *прелести* советских концлагерей.

История 12. «Коммунизм – могила проституции!»

1. «Все проститутки – дезертирки труда!»

…И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.
И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.
И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.
И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль…

Александр Блок, «Незнакомка», 1906, Озерки[4]

Придя к власти, большевики решили раз и навсегда покончить с проституцией, «раскрепостив» труд «нещадно эксплуатируемых» царской системой женщин, работавших в официально зарегистрированных и контролируемых государством домах терпимости, или публичных домах. Еще в марте 1917 года были упразднены все законодательные акты о проституции, и, прежде всего «Положения о врачебно-полицейском надзоре». Любопытно, что сохранилось коллективное письмо 600 проституток города Саратова, которые, воспользовавшись дарованной Февральской революцией свободой, «ходатайствовали перед революционным и городским общественным управлением о разрешении открыть притоны и возобновить врачебные осмотры». О нелегкой доле проституток с

трибун собраний, женских съездов и в советской печати говорили и писали красные феминистки: Смидович, Коллонтай, Рейснер, Арманд, Цеткин и многие другие, причастные процессу перерождения Женщины в представительницу новой, большевистской формации.

Во многом большевички и проститутки походили друг на друга: и те, и другие попрали нормы морали, и те и другие легко меняли мужчин и страдали от иллюзорного непонимания их всем остальным обществом. Однако проститутки, в отличие от большевичек, никогда **не** претендовали на мессианскую роль. Большевичкам, отдававшимся за идею, было непонятно упорное нежелание большинства работниц постельного труда покидать профессию. К тому же большевистская революция привлекла в профессию новые кадры; в стране, охваченной разрухой и голодом, сотрудницы бесчисленных советских контор, девушки из разоряемых деревень, юные сознательные пролетарки и несознательные барышни *из бывших* в массовом порядке выходили на панель.

И тогда власти придумали для них спецпрограммы по насильственному перевоспитанию. Проблемой проституции в те годы занимались два разных ведомства: Комиссариат здравоохранения (иногда вместе с Наркоматом соцобеспечения) и Комиссариат внутренних дел.

Самым легким путем решения проблемы было воплощение расхожей фразы: *нет человека – нет проблем*. Как известно, «вождь мирового пролетариата» В. И. Ленин, говоря о необходимости наступлений по всем фронтам, требовал *«расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат»;* что, без сомнения, исправно исполнялось.

Так как наибольшее число проституток сосредотачивалось в крупных городах, неудивительно, что Петроград (Ленинград) и Москва стали своеобразной опытной площадкой для претворения в жизнь большевистских новшеств в отношении «падших». В начале 20-х годов заполонившие две столицы *продажные девки* в считанные сроки были высланы в Среднюю Азию, где в то время формировалось много большевистских воинских частей и шла интенсивная борьба с басмачами. Партия призвала комиссаров и командиров брать в жены проституток и перевоспитывать их. Так худо-бедно некоторые из тысяч сосланных женщин смогли устроить свою судьбу.

На заре советской власти проходили всевозможные манифестации раскрепощенных проституток, которые возглавляла жена С. М. Кирова, первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б).

Жена видного партийца и государственного деятеля Сергея Мироновича Кирова (*1886–1934; наст. Костриков*) ***Мария Львовна Кирова*** (*предположительно 1882–1966*; наст. *Мария (Эсфирь?) Львовна Маркус*) была, как свидетельствовали современники, малообразованной женщиной; работала девочкой *на побегушках*, затем продавцом и кассиром в шляпном магазине Гешлина в Уржуме. Но после избрания ее мужа первым секретарем Ленинградского обкома ВКП(б) она получила возможность проявить себя на ниве новой деятельности. В 1928–1930 гг. Мария Львовна заведовала ***закрытым трудпрофилакторием***, в котором перевоспитывались проститутки. Заведение это находилось на Большой Подьяческой, 30, и жена первого секретаря исправно добиралась туда на трамвае. Скрытная, молчаливая, не пользующаяся косметикой, с седыми волосами, скромно забранными в пучок, – какой ее описывали близко знавшие, – немолодая женщина старательно занималась «падшими», прививая им новые идеи и большевистскую мораль. Воспитательница смогла обработать более тысячи проституток; возможно, трудовой профилакторий, где тем пришлось жить и работать, некоторым дамам легкого поведения пошел на пользу, и они влились в ряды борцов за коммунизм.

Об этой стороне деятельности жены «пламенного» революционера и борца «за счастье трудового народа» практически ничего **не** известно. Как, впрочем, долгое время не было известно и о самом трудпрофилактории, открытом при вендиспансере Центрального городского района в помещении бывшей кожно-венерологической больницы им. Нахимсона на Большой Подьяческой улице. Пожалуй, впервые о нем написали Н. Лебина и М. Шкаровский в книге «Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.)», вышедшей в 1994 г., после развала СССР. Вот пространная цитата из этого источника: «Первоначально пациентки туда приходили добровольно по путевкам диспансеров и венерологической больницы им. В. М. Тарновского. Принимались исключительно безработные и больные сифилисом или гонореей проститутки, предпочтительно не старше 25–30 лет. Однако насильно здесь никого не держали – самым серьезным наказанием считалось увольнение из профилактория. Помимо лечения и трудового перевоспитания в профилактории много внимания уделялось культурно-просветительской работе: пациенткам еженедельно предоставлялось 50 бесплатных билетов в лучшие кинотеатры города, проводились экскурсии, вечера, концерты, работали кружки по ликвидации неграмотности, библиотека и т. д. 1 мая

1929 г. проституток даже вывели отдельной колонной на праздничную демонстрацию. 7 июня 1929 г. пленум секции здравоохранения Ленсовета постановил расширить существующий трудпрофилакторий до 200 коек, а затем создать второй – в Московско-Нарвском районе. Однако к этому времени статус таких лечебно-воспитательных учреждений начал меняться. Они постепенно превращались в заведения полутюремного образца, где медико-психологические аспекты адаптации уже не выдвигались на первый план. Во многом такая переориентация определялась серьезными изменениями в руководстве профилактория на Большой Подьяческой. С весны 1929 г. его заведующей стала М. Л. Маркус – жена С. М. Кирова… В фондах музея-квартиры С. М. Кирова хранятся воспоминания, не публиковавшиеся ни полностью, ни хотя бы частично. Это записки дезинфектора профилактория Д. В. Шамко… Совершеннейшим нонсенсом являлось назначение на должность руководителя врачебно-исправительного учреждения женщины, которая не только не имела специального – медицинского или педагогического – образования, но была просто безграмотна. Мария Львовна закончила лишь два класса немецкой школы. Вероятно, поэтому основным приемом работы с контингентом профилактория М. Л. Маркус, по выражению Д. В. Шамко, считала «большевистское слово и примеры из жизни хороших людей»… Основной целью Мария Львовна считала контроль за тем, чтобы ее подопечные не отправлялись на ночной промысел. Предотвратить это было довольно трудно. Профилакторий находился в традиционном месте торговли любовью. Именно здесь – в районе Сенной пл., Таирова пер., Большой и Малой Подьяческих улиц – еще до революции располагались дешевые публичные дома, квартиры проституток, трактиры, где они обычно промышляли. И в конце 1920-х гг. женщина могла, выглянув из окна профилактория, договориться с клиентом – торговцем Сенного рынка, извозчиком, матросом. Отсутствие полной изоляции от привычной среды приводило к эксцессам в заведении М. Л. Маркус. Один из таких случаев весьма красочно описан в воспоминаниях Д. В. Шамко. Несмотря на «вольности» стиля, представляется интересным процитировать отрывок без каких-либо купюр. «Проститутки затащили в комнату швейцара профилактория Жукова и начали предлагать провести время с любой, когда он отказался, они его раздели догола и стали искусственно возбуждать к половой потребности. Когда он от них хотел выпрыгнуть из окна (с третьего этажа), то они это не дали ему осуществить, под общий хохот объяснили свой поступок тем, что их не выпускают в город, а у них большая потребность и

нужда в мужчинах». М. Л. Маркус, конечно, не была готова к подобным эксцессам ни профессионально, ни эмоционально. В 1930 г. она под давлением Г. К. Орджоникидзе покинула профилакторий, работа в котором, по признанию близких родственников, сильно расшатала ее здоровье».

Высокопрофессиональные медики, как известно, большей частью уже были либо за границей, либо расстреляны; часть медиков работала на новую власть в других, более важных, чем переориентация проституток, государственных программах. Неграмотные дилетанты, *кухарки, могущие управлять государством* (по Ленину), получили широкие возможности экспериментировать на живом материале.

М. Кирова, по сути, работавшая агитатором и вертухайкой в заведении полузакрытого типа, ревностно следила, чтобы ее подопечные не сбегали по ночам, и задерживалась до полуночи, лично отслеживая ситуацию. То ли *долг перед партией* был превыше всего, то ли *супружеский долг* походил на унылый труд, не достойный великих починов, а, может, как поговаривали, ее привлекали красивые и любвеобильные женщины, однако Мария Львовна стала ценить ответственный подход к делу. Зачастую уже далеко за полночь к профилакторию подъезжала горкомовская машина, и первый секретарь забирал супругу домой.

К слову, трудовые профилактории с 1919 года появлялись в разных городах России, иногда под лагеря приспосабливали монастырские постройки. Быт в подобных исправительных заведениях постепенно стал напоминать лагерный, оттого закономерно, что в октябре 1937 года профилактории для нищих и проституток **вошли** в общую систему ГУЛАГа.

Нервная ли работа, наследственность, или иные заботы так подействовали на большевичку Кирову, но женщина страдала от бессонницы, нарушения гормональной системы, мучилась от постоянной головной боли и, в конце концов, сошла с ума, прожив еще достаточно долгое время после убийства ее мужа. Опекаемая сестрой Рахиль Львовной Маркус, прожила с ней почти до конца своих дней в роскошной кировской квартире.

О жизни этой *просветительницы* мало известно; большевики умели хранить свои тайны (вернее, уничтожать свидетельства своих злодеяний и преступлений). Большие любители отечественных и зарубежных борделей, В. И. Ленин и иже с ним, скептически относились к перевоспитанию проституток, охотно, между тем, пренебрежительно называли своих сотоварищей из рядов партии «политическими проститутками». ***Но если «политические проститутки» в мужском обличье в своем тесном партийном коллективе приносили пользу, интенсивно***

работая языком и др., то женщины-проститутки однозначно представлялись им праздными тунеядками. Такого же мнения придерживалась и великая большевичка, профессионалка Александра Коллонтай. Она писала: *«Для нас, для трудовой республики, совсем неважно, продается ли женщина одному мужчине или многим сразу, является ли она профессиональной проституткой, живущей не на свой полезный труд, а на продажу своих ласк законному мужу или приходящим, сменяющимся клиентам, покупателям женского тела. Все женщины – дезертирки труда, не участвующие в трудовой повинности… подлежат на равных основаниях с проститутками принудительной трудовой повинности. И тут мы не можем делать разницы между проституткой или наизаконнейшей женой, живущей на содержании своего супруга, кто бы ни был ее супруг, хотя бы и сам комиссар».*

«Профессиональная проститутка, живущая на продаже своих ласк законному мужу», – это определение семьи *по Коллонтай*; сплагиатившей мысль у «великого учителя», классика коммунизма из семьи раввинов Маркса, заявившего, что «семья является узаконенной проституцией». Подобные определения могли прийти в голову только людям с вывернутыми мозгами и сексуальными проблемами, т. е. людям полностью несчастным. Однако в какой-то период истории несчастные люди собрались навязать свое понятие счастья всему человечеству, «осчастливив» сначала жителей 1/6 части суши.

«Гениальную» мысль, что тот*, кто не работает, является дезертиром трудового фронта и врагом новой власти,* на разные лады выводил дружный хор советских партийных чиновников, публицистов, историков и представителей новой советской медицины. «Всех социально запущенных и отказывающихся от работы проституток следует рассматривать как дезертиров трудового фронта, как вредителей нашего строительства. Для них остается один путь исправления – изоляция и принудительное перевоспитание», – давал глубокомысленный наказ публицист-социолог Д. И. Ласс.

«Раскрепощая» публичных дамочек, товарищи большевички с товарищами большевиками превращали всю Россию и другие советские территории в один общий и бескрайний публичный дом. В дневниковых записях Корнея Ивановича Чуковского от 27 ноября 1922 года есть и такая: «Мужчины счастливы, что на свете есть карты, бега, вина, женщины… Все живут зоологией и физиологией»; конечно же, речь шла о тех, кто получил свободный доступ к этим «благам». Николай Васильевич Корнейчуков, одесский недоучка, изгнанный из 5-го класса

гимназии за неуспеваемость, ставший профессиональным революционером и писателем Чуковским, свой личный доступ к благам советской системы заслужил; он даже детские книги стал писать по приказу партии, будучи уже в зрелом возрасте, – когда всех русских писателей от прежней системы благополучно *изжили*, а их книги изъяли и уничтожили.

Но чего стоили и чем поощрялись программные произведения других писателей-самоучек? К примеру, воззвания и декреты ко всем женщинам от 16 и до 50 лет в обязательном порядке регистрироваться в *бюро свободной любви при Наркомате призрения*, в местных комиссариатах и тому подобное. Имевшие место декреты о национализации женщин превращали их в доступных всем желающим бесплатных проституток. Там, где декреты не действовали (а никто из женщин и не собирался их исполнять), там проявлялось насилие с истинно люмпен-пролетарским размахом. Вчерашние курсистки и малолетние школьницы становились жертвами насильников из рядов красноармейцев, матросов, рабочих, уголовных и партийно-комиссарских банд.

Социолог П. Сорокин еще в 1920 году писал об этой ситуации: «Особенно огромна была роль в этом деле Коммунистических Союзов Молодежи, под видом клубов устраивавших комнаты разврата в каждой школе… дети двух обследованных колоний в Царском Селе оказались сплошь зараженными гонореей… Один знакомый врач мне рассказывал такой факт: к нему явился мальчик из колонии, зараженный триппером. По окончанию визита он положил на стол 3 млн. рублей. На вопрос врача, откуда он взял деньги, мальчик спокойно ответил: «У каждого из нас есть своя девочка, а у девочки есть любовник – комиссар…» Девочки, прошедшие через распределительный центр Петрограда, откуда они распределялись по колониям, школам и приютам, почти все оказались дефлорированными, а именно: из девочек до 16 лет таковыми было 86,7 процента» (см. «Родина». № 10, 1990). Известно, что в 20-е годы в северной столице даже существовала школа-санаторий для детей-сифилитиков. Из воспоминаний участника событий тех лет публициста И. Солоневича: «…у учителей не было возможности применять к ученикам меры воздействия, они должны были терпеть дефективных и морально распущенных детей, развращавших других. От ругательств, пошлых рассказов и анекдотов на сексуальные темы, которые учащиеся употребляли в своем обиходе, становилось жутко. В том, что разложение народа было запланировано сверху, сомневаться не приходится».

Полнейшее падение нравов, которое принесла антирусская революция, выявилось в массовых изнасилованиях и растлении малолетних. ***Тотальный и беспредельный разврат – вот первый урок, который преподали большевики порабощенному народу.***

Большевики считали проституцию «пережитком капитализма» и оттого искореняли этот «пережиток» в числе первоочередных. В конце 1919 года при Наркомате призрения (впоследствии Наркомат социального обеспечения) была создана Межведомственная комиссия по борьбе с проституцией; а вскоре опубликованы «Тезисы…» этой комиссии, где указывалось: *«1. Проституция тесно связана с основами капиталистической формы хозяйства и наемным трудом. 2. Без утверждения коммунистических основ хозяйства и общежития исчезновение проституции неосуществимо. Коммунизм – могила проституции. 3. Борьба с проституцией – это борьба с причинами, ее порождающими, т. е. частной собственностью и делением общества на классы… 16. По отношению к трудящейся женщине, для которой проституция является подсобным промыслом, допустимо применение лишь общих… мероприятий социального, экономического и просветительного характера и прежде всего усиление агитационно-пропагандистской работы. 17. Профессиональные проститутки, единственным источником существования которых является проституция, должны быть рассматриваемы как общественные паразиты и дезертиры труда и наравне с остальными дезертирами должны привлекаться к ответственности на общих основаниях».* Эх, ну как тут не вспомнить изданный в 1649 г. царем Алексеем Михайловичем указ, в котором он высочайше требовал следить, чтобы *«на улицах и в переулках бляди не было»*…

И все же большевистское государство стояло на страже интересов проституток. Для них создавались специальные артели, открывались трудовые профилактории (постепенно превращенные в лагеря). В конце 20-х гг. Наркомат труда указал биржам в первоочередном порядке предоставлять места для работы именно проституткам, а также выделять средства на создание для них трудпрофилакториев из фонда помощи безработным. ***Любопытный факт:*** Витебская комиссия по борьбе с проституцией обязала предприятия трудоустраивать и предоставлять жилплощадь в первую очередь не семьям и не работницам-одиночкам с детьми, а проституткам, якобы тем самым отвлекая их от продажного ремесла. Бывало и так, что малообеспеченным женщинам приходилось выдавать себя за проституток, чтобы воспользоваться социальными льготами, получить место хотя бы в ночлежке и направление на работу.

Однако таких женщин… с позором увольняли и исключали из профсоюза за недостоверные сведения о себе.

В 20-е годы контингент потребителей интимных услуг существенно увеличился; в городах, как грибы после дождя, появлялись все новые притоны и тайные дома свиданий. В 1924-м за притоносодержательство ленинградским губернским судом была осуждена некая гражданка Т., чей салон посещали многие новоиспеченные коммерсанты, представители советской интеллигенции и партийные кадры. Известен случай, когда частый гость означенного салона партийный журналист Ольдор (*наст. Иосиф Львович Оршер*, также подписывался как Осип Оршер, Иван Закатов, Иорик, Картер, Старый журналист, Боккачио и др.), уличенный в связи с проститутками, отправился искать защиты у партийного начальства. Любопытно, что участники II Пленума ЦКК, проходившего осенью 1924 года и посвященного проблемам партийной этики, дискутировали на тему: *может ли коммунист пользоваться услугами продажных женщин и как это сочетается с его идейными воззрениями*; ход пленума освещала советская пресса.

Исходя из сведений, напечатанных в журнале «Молодая гвардия», № 4–5 за 1923 год, в 1920-м к услугам проституток прибегали около 43 % рабочих и 41,5 % представителей других слоев городского населения; в 1923-м – 61 % мужчин, трудившихся на фабриках и заводах, и 50 %, занятых в иных сферах (ст. С. Голосовкера «Итоги половой анкеты»).

Продажной любовью охотно пользовалась рабочая молодежь, наивно полагавшая, что переболеть венерическими болезнями – дело плевое и лишь доказательство «молодечества». «Еще одним свидетельством прочных контактов «пролетарской массы» с институтом продажной любви является степень распространения венерических заболеваний в среде фабрично-заводских тружеников. Анкетирование 5600 больных сифилисом мужчин, проведенное в Ленинграде в апреле 1927 г., показало, что половина из них – представители рабочих, 19 % – безработные, 11 % – служащие, около 3 % – крестьяне и 18 % принадлежат к остальным социальным слоям. Начали половую жизнь с проститутками 31 % опрошенных, а имели сношения с ними в дальнейшем подавляющее большинство анкетированных – 74 %. Своеобразным показателем дальнейшей «демократизации» потребителей проституции могут служить и данные о местах заражения сифилисом и гонореей. В 20-е годы заражались этими болезнями прежде всего те, кто имел половое сношение с продажной женщиной прямо на улице, на скамейке в парке, а иногда, как свидетельствуют материалы ленинградской милиции,

на куче песка около Греческой церкви. Конечно, советские чиновники и нэпманы в этих местах не появлялись. Потребители же дешевой любви, не располагавшие большими средствами, не брезговали такой обстановкой. По данным обследования 1929 г., здесь происходило более половины контактов с проститутками» (из вышеназванной книги Н. Лебиной и М. Шкаровского). По данным опроса пациентов, проведенного в 1925 году сотрудниками 2-го Венерологического диспансера города Москвы, почти 90 % имели источником своей болезни проституцию; 45 % мужчин и 81 % женщин о природе и профилактике венерических заболеваний вообще ничего **не** знали!

Граждане, облапошенные новой социалистической моралью, потребители продажной любви напрочь забыли о здоровье и безопасном половом сношении, – аспектах, в царские времена исправно охраняемых Врачебно-полицейским комитетом. Широкая пролетарская общественность и партийные кадры массово заражались венерическими болезнями.

Ситуация явно выходила из-под контроля. Однако Советы продолжали «успешно» воевать со своими пороками, объявляя их «пережитком» недавнего прошлого. В 1926 г. в Граце (Австрия) проходил Всемирный конгресс по борьбе с проституцией, на котором в качестве представителя РСФСР находился очередной *новый красный русский*, революционер со стажем Вольф Моисеевич Броннер. В те годы он занимал пост заведующего венерологической секцией Наркомата здравоохранения и уже стал советским профессором. По большевистской традиции обвиняя «проклятых буржуев», Вольф Моисеевич заявил: *«…в условиях капиталистического хозяйства проституция будет неуклонно возрастать, в Советском Союзе в условиях социалистического хозяйства она будет резко снижаться вместе с укреплением социалистического хозяйства, ибо у вас причина проституции – правовое и экономическое закрепощение женщины, у нас единственная причина проституции – безработица, которую мы изживем в ближайшие годы».*

Но вот незадача… большевистское словоблудие не получило подтверждения; в 1931 г. на совещании женщин-членов ЦИК СССР и ВЦИК одна из участниц произносит пламенную речь: *«На сегодня безработицы нет, а еще имеются кадры проституток. Здесь одна из товарищей говорила, что надо создавать профилактории и т. п. Занимались этой филантропией, хватит. Надо не филантропией заниматься, а издавать такой закон, который преследовал бы проституцию как уголовное преступление. Это будет не филантропия, а в корне подорвет проституцию…»*

Итак, **не** «изживание» безработицы решило вопрос, а совершенно иные факторы. Прежде всего, была ограничена свобода действий покупателей доступных ласк. Это проявилось хотя бы в том, что нахождение в номерах с девицей легкого поведения, выявленное в ходе облав НКВД, могло стать поводом к исключению из комсомола или из рядов партии, – что грозило явным понижением общественного статуса и лишением разного рода привилегий. К примеру, лишение комсомольского билета могло повлечь за собой увольнение с работы, отказ в приеме на рабфак и др. Иногда за развлечения с продажными девочками наказывали высылкой. К слову, иногда высылке из пределов города и губернии, или заключению в концлагерь подвергались не только пользователи сексуслуг и проститутки, но и бездокументные женщины, задержанные во время обхода ночлежных домов, общежитий или схваченные по наводке «сердобольных» соседей. С осени 1929 года миссия по вылавливанию лиц, пользовавшихся услугами проституток, была также возложена на комсомольских активистов и «широкую пролетарскую общественность».

К 30-м годам XX века проституция, которая официально не являлась ни преступлением, ни правонарушением, стала рассматриваться властями уже как ***политическое преступление***; о том, что это разросшийся в немыслимых масштабах на красной ниве «пережиток капитализма», забыли, но нашли новых виновников. Советские журналисты и партийцы решили, что настал черед «вскрывать лицемеров, которые под прикрытием громких революционных фраз совершают контрреволюционные поступки, прибегая к услугам проституции». Участившиеся в стране политические процессы дали формальный повод обвинить подсудимых, кроме прочего и в распространении проституции. «Быт – это политика. Известны случаи, когда троцкистско-бухаринские шпионы и диверсанты умышленно насаждали пьянки и бытовое разложение», – писала в 1938 году «Комсомольская правда». Факт *умышленного насаждения* подобного рода негатива имел место, однако организованно этот процесс начал насаждаться еще с середины XIX века, и причастными к нему оказались почти все, вышедшие из рядов прогрессистов, революционеров и большевиков-социалистов.

Репрессивные мероприятия в борьбе с проституцией стали основной формой работы правоохранительных органов, которые систематически отчитывались партийным комитетам об успехах в этой борьбе. В конце 30-х годов работа с социальными аномалиями полностью перешла в ведение НКВД, и все учреждения для реабилитации и перевоспитания дамочек легкого

поведения и оступившихся (трудпрофилактории, специальные лагеря, колонии и др.) стали частью системы НКВД, и больше не отличались от других лагерей ГУЛАГа.

В стране *победившего социализма*, где «нет социальных причин для проституции», в ГУЛАГ попадали и проститутки, и те, кто писал об этом негативном явлении. В конце 30-х гг. восемь лет лагерей получил ученый секретарь Воронежского университета Василий Лаврентьевич Гаркавцев, автор работы о скрытой проституции в СССР, которую написал по просьбе Студенческого научного общества. На протяжении нескольких десятилетий с 30-х по 90-е годы XX в. эта тема была запретной, в том числе и для науки.

Время Маньки-Облигации – Марии Колывановой (прекрасно сыгранной актрисой Ларисой Удовиченко в фильме С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя»), разбитной шалавы и проститутки постреволюционного периода – закончилось. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, все репрессивные методы привели лишь к временной ликвидации проституции как социального явления.

2. Красный Змий грехопадения

Нынче нечего делить
Мужнино и женино,
Всем товарищами жить
По завету Ленина.

Ой, подруга дорогая,
Мой любимый ты дружок,
Мы с залеткой записались
В политический кружок.

Милка фермой управляет,
Красный орден на груди,
К такой девушке хорошей
Мне приятно подойти.

Советские частушки

Итак, в связи *с закручиванием гаек* в *стране победившего социализма* такой заразы, как проституция, быть не могло. То, что недавно еще процветало и было на виду, ушло в глубокое подполье. Нельзя говорить, что как массовое явление проституция исчезла; она **не** исчезла, а **трансформировалась** в небывалое доселе явление, когда в *порочных* и *доступных* поневоле превращались все советские женщины: от партийки до простой работницы.

Вынужденные идти работать, чтобы прокормить семьи, и чтобы не попасть в разряд «дезертиров труда» с последующей отправкой в трудовые концлагеря, женщины превращались в бесправных и униженных существ. Ободряемые партийными лозунгами о свободе труда и равноправии, они постепенно смирялись со своей ролью строительниц новой системы *государства будущего*, дающих пример для подражания во всем мире. Коммунистическая партия и вожди приучали их слепо верить, что Мировая революция неизбежна, и заставляли до изнурения, до полного обессиливания работать во имя приближения этой мировой бойни.

В то время как женщина приучалась к общественному труду, к труду наравне с мужчинами, исподволь происходил процесс массового сексуального закабаления работниц.

Начальствующий состав советских учреждений и

предприятий был подобран из «прогрессивных слоев человечества»: революционеров, проверенных «в неравных боях с царизмом»; бандитов, насильников, бывших ссыльных и люмпен-пролетариев. Дорвавшись до власти, они начали бесчинствовать, удовлетворяя потребности, и, как древние люмпены, изрыгающие крик: *хлеба и зрелищ*, эти новые потребители удовольствий неистово требовали: *тела и денег!* (впрочем, подменяя словами: *равенство* и *экспроприация*).

Насилие над работницами вкупе с развратом и финансовыми преступлениями начальствующего состава новой власти приобрели такой размах, что уже в 20-х годах начались показательные судебные процессы. К примеру, широкий резонанс имел процесс по делу карточной госмонополии (фабрики), прошедший в 1926 году. Предприятие возглавляли хозяева новой власти – молодые коммунисты, полные призрачных идей *построения счастливого общества свободного труда без эксплуатации человека человеком*, что, однако же, не помешало им растратить реальные казенные средства, отпущенные на расширение производства. Вскоре все немалые суммы были истрачены на кутежи с проститутками в ресторанах. Из той же категории рвачества и разврата и процесс руководителей ленинградского Комитета помощи освобожденным из мест заключения. Партийцы и члены Ленсовета злоупотребляли служебным положением, принуждая бывших арестанток и жен заключенных к сожительству, катались на служебных машинах с проститутками, кутили с ними в ресторанах. На суде по делу комитетчиков один из свидетелей заявил: «Работая в комитете, я за время работы в таковом, кроме безобразия и разврата, ничего не видел… Чириков И. П. – зав. культотделом комитета не подготовлен к работе. Пьянство в пивной на ул. Желябова, где Чириковым был заложен мандат члена Ленсовета. Разврат в кабинете управляющего фабрики «Трудовой путь» с ответственным секретарем коллектива той же фабрики, членом ВКП(б) тов. Петровой… будучи шофером легкового автомобиля, неоднократно возил члена комитета Терехова по частным адресам к женщинам, в рестораны» (см. «Вечерний Петербург», 26 декабря 1992).

Современные ученые дают несколько аспектов возникновения и распространения проституции. К примеру, ***социологическое*** объяснение это негативное явление связывает с бедностью и развитием больших городов с огромными массами населения, где проституцию стимулирует та же бедность и трудность для женщин получить средства к существованию иными путями; а также с исторически сложившимся неким «бесправием женщин»

по сравнению с мужчинами. Это объяснение фигурирует чаще всего, о нем говорят вслух, на него опираются в дискуссиях по гендерным проблемам. Безусловно, эти причины имеют место.

Однако существует и другое объяснение, – ***антропологическое,*** связывающее занятие проституцией преимущественно с генетической «запрограммированностью». Слишком много существует научных доказательств, что среди проституток высок процент людей с признаками дегенерации; научных материалов и исследований на эту тему ныне сыщется в достатке. По мнению сторонников данного объяснения, другие причины, в том числе экономические, приводящие женщин и мужчин на панель, лишь накладываются на антропологическую предрасположенность.

Скорее всего, в обыденной ситуации так оно и есть. Однако нелепо было бы утверждать, что все вышедшие на панель в послереволюционный период имели генетическую предрасположенность к пороку. А, значит, ***государство вынудило население в массовом порядке заниматься проституцией, создав – впервые в истории человечества! – ситуацию, когда экономический фактор превзошел генетический.***

Грехопадение славянских Ромео и Джульетты было вызвано порочным красным Змием, исповедующим большевизм.

В 20-е годы, еще когда более-менее открыто проводились социологические исследования, сотрудниками московского Института венерических болезней был проведен опрос многочисленной группы женщин, торговавших собой. На вопрос, что побудило их пойти на улицу, 95 % опрошенных дали одинаковый ответ: безысходная нужда в результате долгой безработицы, потеря рабочего места, развод, бедственное положение родственников и т. д. Оказалось, что в рядах проституток почти 40 % – дочери прежней аристократии, купечества и чиновников, – самого благородного слоя уничтожаемого русского общества; около 30 % – дочери рабочих, чьи отцы после «пролетарской» революции потеряли привычный полноценный заработок, позволявший им при царизме содержать многодетные семьи (где обычно супруга не работала).

На фоне ужасов становления советского общества, закономерно проистекая одно из другого, проходило и становление новой пролетарской морали и новой системы труда, шло насаждение утопических псевдоценностей. В годы расцвета проституции и в последующий период планового уничтожения «продажной любви» советская женщина претерпевала деформацию быта и мышления; социалистический образ жизни навязывал свои приоритеты. ***Под лозунгом равенства*** женщин

призывали на производство: в сельское хозяйство, в легкую и тяжелую промышленность. ***Под лозунгом раскрепощения*** – приглашали в клубы, избы-читальни, народные дома, уголки работницы и крестьянки, заманивали на праздничные мероприятия и митинги, обязывали посещать разные собрания, лекции и политзанятия. ***Под лозунгом свободы*** – избавляли от семейных обязанностей, и, по сути, лишали права любить и быть любимой.

В принятой VIII съездом РКП(б) резолюции *«О работе среди женского пролетариата»* предлагалось всем партийным комитетам «ввиду настоятельной необходимости» укреплять силы партии «привлечением работниц и крестьянок к борьбе за коммунизм и к советскому строительству», осуществлять большую воспитательную деятельность на практике, широко использовать в этих целях все средства культуры.

XIV съезд партии в резолюции *«О работе профсоюзов»*, отметив большое значение рабочих клубов и красных уголков в воспитании трудящихся, поставил задачу «больше вовлекать в них работниц, теснее увязывать клубную работу с политико-просветительными и воспитательными целями партии, осуществлять посредством клубов коммунистическое влияние». Выполняя решения съезда, партийные организации тут же активизировали клубную работу. Пример подали московские коммунисты; при их участии агитпроповскую деятельность среди жен рабочих в 1926 году развернули 62 клуба Краснопресненского района. Эти так называемые *культурно-просветительные* учреждения только одного района столицы объединили вокруг себя свыше 12 500 работниц. В Сокольническом районе Москвы, где действовало 40 клубов при фабриках и заводах, большое распространение получили «вечера пролетарки», «вечера работницы» с ярко выраженной политической направленностью. «Большую популярность» они завоевали у работниц фабрик имени Бабаева, Первой макаронной, «Большевичка». Клубы заняли значительное место и в работе с текстильщицами Иваново-Вознесенска. Так, среди посетителей клуба в 1927 г. женщины составили 42,3 %; специально для работниц здесь было организовано 75 лекций (один раз в пять дней!). Подобными действиями гордились, а цифрами оперировали делегатки всевозможных собраний, съездов и пленумов.

Для женщин, втянутых в общественную жизнь и в политику, в пустопорожнее времяпровождение, получивших особое, отличительное наименование – ***советских*** – придумывали *ответственные* фасадные должности: депутаток, делегаток,

председательниц, женсоветчиц, уполномоченных, выборных, членш троек и комиссий. Активистки, перегруженные «общественными нагрузками», больше не могли быть идеальными или даже нормальными женами. Мужей, которые протестовали против постоянного отсутствия жен, вынужденных находиться то на собраниях, то в командировках, вызывали к партийному начальству (в комсомол, в женсовет и др.), где их упрекали в консерватизме и собственничестве и делали серьезные внушения *от имени и по поручению*…

«Сексуальная мораль, вырастающая из запросов рабочего класса, – поучительно донимала большевичка А. М. Коллонтай, – *служит новым орудием социальной борьбы рабочего класса… Не в интересах класса «закреплять» за отдельным членом революционного класса самостоятельного его представителя, долженствующего прежде всего служить интересам класса, а не выделенной и обособленной семейной ячейке».*

Вовлечение женщин в производительный труд, казалось бы, должно было гарантировать им экономическую независимость от мужчин. Но этого не произошло по той причине, что советские зарплаты никому **не** могли гарантировать экономического благосостояния; о партийном начальстве и агитпроповцах речь не идет, – для них существовала своя иерархия оплаты, зачастую деньги выдавались и через кассу и в конвертах; доходы советской касты в десятки раз превышали доходы основной массы населения.

Верхушка власти вообще жила по другим нормам и правилам. Для них и сексуальная свобода стала льготой, вроде спецпайка в спецраспределителе. Достиг определенного уровня – получай вместе с балыком и икрой и секс-игрушки. Нет нужды повторять ставшие *притчей во языцех* истории про похождения профессионального революционера, организатора большевистских боевых дружин, агента «Искры», а после 1917-го – председателя ЦИК СССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б), а затем председателя Президиума Верховного Совета СССР, «всесоюзного козла» (по определению Сталина) Михаила Калинина, неугомонного насильника юных балерин из Большого театра. Или пересказывать всем известные байки про 900 любовниц Берии, про собрание порнографических журналов и литографий, найденных во время ареста Ягоды. И это когда простой гражданин за порнографию мог получить немалый срок. Начальники, которые запрещали эротическое искусство своим подчиненным, на самом деле имели гаремы из комсомолок, передовиц производства, делегаток, орденоносниц, просто смазливых сотрудниц своего аппарата, и с удовольствием

смотрели заграничные порнофильмы на своих закрытых правительственных дачах. Над чем в годы явного развала Союза иронизировали осмелевшие советские творцы; «А ночами, а ночами для ответственных людей, для партийного начальства крутят фильмы про бл…» (бард Александр Галич). Ходили слухи, что Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, также большой насильник, избивал жену (имела звание подполковника медицинской службы) своими тяжелыми кулаками во время интима, бил и по груди и гораздо ниже, попрекая, что, мол, плохо отдается; поговаривают, что и умерла она от побоев. А вот зарплату он, мечтающий занять пост первого лица советского государства, установил себе после смерти вождя и Генсека в… миллион рублей в месяц – немыслимые деньги даже для высшего государственного чиновника! При Сталине все маршалы получали фиксированную зарплату в 100 000 рублей; больше уж и некуда…

Супружеская неверность была отличительной чертой высшего клана советского общества; за верхами тянулись и низы. Однако низам не полагалась подобная привилегия; за измену, даже с членом той же партийной организации, той же ячейки «оступившегося» могли проработать на партсобрании с занесением в личную карточку, а то даже исключить из партии. И потому связи на стороне изощренно скрывались от пристальных общественных взглядов. Но чаще мужчины принуждали к связи тех, кто затем будет безропотно молчать: своих подчиненных, просительниц, зависящих от решений вышестоящего чиновника.

Дезорганизация привычного уклада быта, морали, семейных отношений вызвала множество проблем, прямо или косвенно связанных с сексуальностью. Как говорится, половой инстинкт творил свой собственный мир, неподвластный компартии и правительству. Внебрачные связи, широко распространенные в обществе, приобрели после исчезновения проституции (как массового явления) новый импульс. *Советский секс* в стране, где секса как будто бы и не было, имел свои особенности; ***советский секс характеризовался:***

1) интенсивными и беспорядочными половыми связями;

2) всегдашней готовностью отдаться вышестоящему начальству, в соответствии с привычным идейным лозунгом: *«Будь готов!» – «Всегда готов!»*; 3) низкой сексуальной культурой; 4) практическими трудностями в «добывании» противозачаточных средств (советская промышленность выпускала только *изделие № 2*, т. е. презерватив, находившийся в разряде дефицитных); 5) излишней, немотивированной поведением стыдливостью в отношении темы секса и всего, что касается взаимоотношения

полов, считая это аморальным и недостойным советского человека.

Сексуальное насилие, совершенное над женщиной-работницей начальником, не вызывало в ней того протеста, который бы логически завершался судебным процессом. В случае предания огласке подобного факта, общество готово было винить в случившемся женщину больше, нежели мужчину; в ходу была пословица: *сука не захочет – кобель не вскочит.*

Один из примитивных агитпроповских романов, популярных на заре социализма, с характерным названием «Шлюха», рассказывает о несчастной горничной Наташе, которая постоянно подвергается сексуальным домогательствам со стороны старого барина и его сына. Обличая нравы царской России, автор Сергей Малашкин вовсю старался вызвать сочувствие к политически «сознательной» девушке, отец которой, рабочий-социалист, погиб в 1905 году на Пресне, а дядя, ломовой извозчик, был политкаторжанином. Сюжет прост, и книжица незатейлива. Только вот «страшное время царизма» давно минуло, а *Наташи* как служили горничными, так и остались служить, только у красных господ: партийной и военной элиты советского государства. О чем, правда, простые граждане не должны были знать! Ведь, чего доброго, могли подумать, что время *эксплуатации человека человеком* с приходом к власти большевиков не завершилось… Но, кроме основной работы обслуживающий персонал проходил школу изощренных господских прихотей, в том числе и в плане секса.

Общество строителей коммунизма было основано на вульгаризированно-упрощенных нравах. Сразу после свершения революции все ухаживания, флирт, вздохи и ахи, все, что всегда понималось под романтикой любви, было отнесено в разряд презираемого *мещанства*. В одном из писем, опубликованных в прессе 20-х годов, молодая женщина из глубинки рассказывает, что на протяжении примерно пяти лет, с тех пор, как она начала вести активную общественную работу, большинство мужчин-начальников, которые находились рядом с ней, принуждали ее к сексуальным отношениям. При этом они основывали свою позицию на концепции новой морали и говорили: если ты отказываешься, значит, ты мещанка, значит, ты не коммунистка, значит, ты не комсомолка. В итоге *советская Наташа* погрузилась в пучину разврата; она рассказала, что у нее была масса мужей, брак с некоторыми длился не дольше одного дня, а в каждой командировке, куда бы она ни ездила, у нее всегда находились любовники. В письме было резюме: наконец она прозрела и, осознав, как низко пала, решила выйти из партии, «чтобы

очиститься от скверны».

Пусть прозвучит нелепо, но бывший закрытый работник ЦК КПСС рассказывал, как в их системе закрытых институтов, где ему довелось короткое время работать, проводились удивительные эксперименты, зафиксировавшие выбросы энергии над советскими учреждениями. Так, было зафиксировано, что в утренние (с 10 до 11) и послеобеденные (с 15 до 16) часы сотрудники учреждений наиболее интенсивно занимаются сексом со своими сотрудницами или посетительницами. И если, как говорят ученые, мысль материальна, то почему нельзя предположить, что сексуальный акт имеет в основе некую волновую (или иную энергетическую) составляющую?!

Согласно ст. 1 Международной Конвенции о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 21.03.1950 г. ***проституция*** определена как удовлетворение похоти одного лица другим за плату. «Словарь иностранных слов» трактует это понятие (от лат. *prostitutio* – осквернение, обесчещение) как «продажа женщинами своего тела с целью добыть средства к существованию» (М., 1983); позднейшие издания добавляют нюанс: «а также с целью личного обогащения». «Большой юридический словарь» (М., 2003) дает более полное толкование: (от лат. *prostituo* – позорю, бесчещу) – «вступление за плату в случайные, внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии, влечении» и т. д.; «…фоновая среда для криминала, а также один из главных видов преступного бизнеса».

Однако, на мой взгляд, *«удовлетворение похоти одного лица другим», «вступление в случайные, внебрачные сексуальные отношения, не основанные на личной симпатии, влечении»* – это то, что происходило с советской женщиной, то, что было широко распространено в советском обществе. Когда ***платой*** были: более выгодное место работы; симпатия начальства и непридирчивое отношение оного; возможность получения привилегий в виде денежных премий, почетных званий и наград, загранкомандировок, получения жилплощади, устройства детей в престижный институт и т. д. Да мало ли у начальства рычагов воздействия на работницу и возможностей отплатить за «верность» и молчание?!

В свете этого изъяснения самое присутствие женщины на производстве становится «фоновой средой» для преступного посягательства на ее достоинство. Получается, что советская женщина идеально создана для сексуального насилия!

Таким образом, следовало бы сделать ремарку в источники, трактующие понятие «проституции»: это явление в условиях

социализма приобретает свои отличительные характеристики. (Нюанс: в данном случае социализм и тоталитаризм **не** одно и то же; к примеру, в фашистской Германии имел место культ семьи, а не культ производственницы.) Вывод: существует подвид советской проституции, когда ***проституция – это удовлетворение похоти одного лица другим с целью своего утверждения в советском обществе и получения разного рода привилегий.***

* * *

То, что в СССР существует проституция, было признано лишь в 1986 году. В годы так называемой *перестройки* страну захлестнул шквал эротики, тема проституции даже становится модной, а торговля телом зачастую воспринимается как способ противостояния тоталитарной идеологии.

Сексуальная либерализация на фоне финансового краха и резкого обнищания народа привела к неслыханному росту проституции. В эпоху развала СССР деноминация явилась инструментом власти для резкого обогащения верхушки *власть имущих*. Советская женщина, неграмотная в плане секса, всегда готовая отдаваться, с извращенными на генном уровне женственностью и самодостоинством, – вновь, как после большевистской революции – оказалась в ситуации, когда стало мало других возможностей заработать на жизнь, и проституция становилась чуть ли не единственной возможностью выжить. К концу существования СССР и в постсоветской России проституцией все чаще подрабатывали еще недавно обеспеченные и образованные женщины; в рядах проституирующих можно было найти недавних педагогов, инженеров, сотрудниц научных предприятий и крупных заводов.

Если в 1987 году во всем СССР было 26 000 *жриц свободной любви*, то к началу 1990-х только в одной Москве их количество превысило 20 000. В середине 1990-х из УК РСФСР изъяли статью 121-ю («Мужеложство») и внесли поправки в статью 134-ю, разрешив половую жизнь с 14 лет вместо 16. В 1990-е в России появились детская и мужская проституция, в советские времена практически не известные. Нынешний Уголовный закон РФ не запрещает занятие проституцией, однако устанавливает ответственность за вовлечение в нее и притоносодержательство.

Летом 1992 г. Россия заняла среди бывших республик СССР второе место по чтению эротической литературы. А к 1996 году в одной Москве оборот сексуальной продукции и интим-услуг

составил $ 5 000 000 в месяц. Нынешний месячный оборот столичной проституции, по разным оценкам, составляет $ 15–50 млн.

В 1990-е постсоциалистические страны начали выступать главными поставщиками женщин для международной секс-индустрии, особенно бывшие республики СССР (прежде всего, Украина и Россия). Общее число женщин из Центральной и Восточной Европы, которые в конце 90-х XX в. занимались проституцией в странах Западной Европы, составляло порядка 500 000 человек. В рамках международного секс-бизнеса начала XXI века ежегодно продают и покупают примерно 1–2 млн. женщин, в основном в Восточную Европу и страны Юго-Восточной Азии. Жертв для использования в секс-бизнесе в основном вывозят из менее развитых в более развитые страны. Обман, принуждение, запугивание, физическое и моральное насилие – сильные аргументы для несчастных, втягиваемых в этот преступный бизнес, однако достаточно много случаев, когда выезд за рубеж осуществляется на добровольной основе. Некоторые женщины сознательно едут за границу, чтобы заработать, торгуя телом. По официальной статистике, нынче ежегодно Россия теряет 60 000 женщин, продаваемых (увозимых и выманенных обманом) за границу в качестве секс-рабынь. А это, ни много ни мало – целый город, стертый с карты страны…

По оценкам конца 1990-х, доход криминальной проституции в мировом масштабе составлял $ 6—12 млрд. Доходы от криминального секс-бизнеса сравнимы с доходами от торговли оружием и наркотиками, – самыми прибыльными сделками, контролируемые либо мафией, либо властными структурами тоталитарных государств.

История 13. «Никогда и нигде в истории…»

1. Репрессированная сексуальность

Пароход идет по Волге
Прямо к нашей пристани.
Мы работаем в колхозе,
Кулаков всех выслали.

Как на нашем сельсовете
Алый флаг алеется.
Как на нас, на молодежь,
Партия надеется.

Советские частушки

В феврале 1935 года состоялся I съезд колхозников-ударников, присутствовавший на съезде товарищ Сталин произнес речь, которую тут же законспектировали сидящие в зале:

– Женщины в колхозах – большая сила. Держать эту силу под спудом, значит допустить преступление. Наша обязанность состоит в том, чтобы выдвигать женщин в колхозах и пустить эту силу в дело.

Волею предыдущего красного правителя – В. И. Ленина – женщины уже пускались «в ход» на дело укрепления революции; на сей раз бабья сила «спонадобилась» в колхозах, на укреплении народного хозяйства советской страны.

Дореволюционная Россия, как известно, по большей части (на 82–85 %) состояла из крестьянского населения, но годы Гражданской войны, разрухи, а затем и голода подкосили быт и сельский уклад привычного существования. В 30-х годах XX в. началась плановая индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства. И тот и другой процессы требовали огромного количества рабочей силы. Решение, как всегда, нашлось: с преступной большевистской смелостью партия создала в деревне невыносимые условия голода и крайней нищеты, потому мужчины вынуждены были направиться на заработки в города на фабрики и заводы, оставив в деревне женщин и детей.

Разоряемые своим государством деревни оставались без кормильца-крестьянина так же легко, как незадолго перед тем остались без крепкого хозяйственника, хозяина, получившего по милости красных презрительную кличку «кулак». Между прочим, словарь Даля толкует это слово (помимо основного значения)

как: «жидомор, перекупщик, переторговщик, маклак, прасол, сводчик, особенно в хлебной торговле, на базарах и пристанях, сам безденежный, живет обманом, обсчетом, обмером (…)»; в царские времена маклаками чаще всего выступали евреи (слово маклак – еврейского происхождения), так что прибравшим власть к рукам недолго нужно было искать словцо для определения врага хотя бы по той причине, что в перекупщиках-обманщиках и царизм видел зло, с ними царские чиновники старались бороться. Но только большевики смогли придать в общем-то обычному слову ***классовое*** содержание, наполненное ненавистью.

Для новой власти, чтоб удержаться, нужен был сильный рычаг, и даже не просто сильный, а самый мощный, доселе невиданный рычаг воздействия на столь огромное количество насельников. И подобным фактором подавления инакомыслия стал продовольственный вопрос. Тот, у кого в руках хлеб, – у того и вся полнота власти, – диктовал свои правила политической игры товарищ Ленин.

Еще до революции 1917 г. в статье «Удержат большевики государственную власть» В. И. Ленин дает четкие пояснения: *«Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность являются… в руках полновластных Советов самым могущественным средством учета и контроля».* А уже в мае 1918-го, когда никакого голода еще и в помине **не** было, указывает дальнейшие действия, необходимые для удержания власти и контроля ситуации: *«Товарищи рабочие! Если нельзя взять хлеб у буржуазии обычным методом, то надо взять его силой. Надо бороться за хлеб! И мы призываем вас к этой борьбе! Записывайтесь в ряды продовольственных отрядов! Оружие и необходимые средства будут даны вам! …Кулак – бешеный враг советской власти! Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстание кулацкого грабительского меньшинства народа. Середины тут быть не может! Миру не бывать! Кулака легко и можно помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поспорили, но с рабочим классом никогда! И потому бой против кулаков мы называем последним решительным боем!»*

В силу того, что кто имеет и распределяет продовольствие, тот и властвует, хлебная монополия с последующим изъятием продовольствия у крестьянства (так называемая ***продразверстка***) стала главным средством удержания власти.

Но кто станет добровольно отдавать плоды своего нелегкого труда, – весь хлеб практически до последнего зернышка на нужды неведомо кого и во имя непонятно чего?! Так участь крестьянина, который не желает отдать продовольствие, была решена. В

большевистской стране с врагами **не** церемонятся: хозяйствующий крестьянин, объявленный эксплуататором и кулаком, зачисляется в класс буржуазии и подлежит уничтожению.

Бред сумасшедшего гения Ульянова-Ленина был услышан; его преступные подельники усмотрели выгоду в этом чудовищном призыве, помогающем им удержаться. ***Гарантией закрепления во власти большевиков могло служить лишь уничтожение исконно русского народа, а также других народов, населяющих территорию бывшей Российской империи, их быта, уклада жизни, моральных приоритетов, расхищение и присвоение их ценностей и богатств.***

«Кулак – бешеный враг советской власти!» – с таким политическим ярлыком долго не протянешь; и вот уже миллионы разоряемых крестьянских семей с женщинами и детьми отправляют в самые гиблые места, на необжитый Север, в тундру и тайгу, где сказочно богатые места, которые кто-то должен осваивать, разрабатывать, должен научиться добывать все богатства, «эксплуатировать недра», – ВСЕ на укрепление и обогащение новой власти новосозданной кровавой страны Советов.

«По моим подсчетам (вероятно, неполным), – поделился известный историк Дмитрий Волкогонов, – под раскулачивание попали 8,5–9 миллионов русских мужиков, их жен, детей, стариков. Около четверти погибли в первые месяцы после раскулачивания, еще четверть – на протяжении года». **Это ли не холокост русского народа?!** Но судьбы миллионов крестьян-спецпоселенцев, «раскулаченных» Советами, канули в небытие… И нет больше силы, чтобы указать миру на эти чудовищные преступления против личности, против нации… Русские – с приходом большевиков – утеряли внутренний стержень, на котором зиждется разумение о национальной принадлежности и самоидентификации.

С 1920-х годов, когда в общество был вброшен *лозунг ликвидации кулачества как класса*, были разорены и сосланы миллионы крестьянских семей. А вместе с ними и некий мифический придаток, также состоящий из миллионов душ мужчин, женщин и детей – прозванный ***подкулачники***. Русское крестьянство с верхушкой и средним слоем кануло в бездну; остались те, кому удалось, меняя место за местом, прячась от большевиков, красных комиссаров и их соглядатаев, после множества испытаний приспособиться к обстоятельствам; попав в разряд бедноты, отрекаясь от всего «старорежимного», люди прикидывались неграмотными, сторонниками политических

новшеств, буквально во всем согласными с новыми властями. Кстати, существовала еще и такая категория, как *«полупомещики»*, упомянутая в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О выселении раскулачиваемых» (вышло с грифом «Совершенно секретно» 30 января 1930 года).

Большевистская верхушка обладала несомненным талантом выдумывать врагов *внутри* государства и *вовне*, давать им характеристики, исполненные лютой классовой ненавистью и даже показывать их визуально на многочисленных плакатах! Распространяя клевету на поставленных в ряд врагов представителей отечественного крестьянства, большевики вместе с тем предлагали остальному сельскому населению воплотить в жизнь программу под громким слоганом: «Земля – крестьянам!» (собирая затем эту «розданную» властями землю в единые хозяйства – колхозы и совхозы).

Тем, кто был раскулачен и выслан, также доставалась… новая земля; всех, кто выжил после переселения в сибирскую глушь, партия использовала хуже рабов. Люди попадали в необжитые районы, где были вынуждены заниматься строительством, вырубать лес под будущие поселки, настилать гати, строить дороги, возводить комендатуру и сельсовет для начальства. Тогда как сами – с семьями и детьми – словно звери, сооружали землянки под жилье. Но, даже не успев обустроиться, едва прибыв на место, спецпоселенцы получали задание на раскорчевку земли под пашню; им выдавался обязательный план на посев и сдачу зерна государству. Так, в Нарымском крае в 1931 г. было раскорчевано под сельскохозяйственные цели 6 тыс. га; на 1932 г. предлагалось раскорчевать 55,4 тыс. га. Из постановления СНК от 20 апреля 1933 года: «Вменить в обязанность ОГПУ посеять в местах расселения нового контингента осенью 1933 г. и весной 1934 г. разных полевых и огородных культур 420 тыс. га, из них в Западной Сибири – 180 тыс. га, в том числе озимой ржи осенью 1933 г. в Западной Сибири 47 500 га». И это-то на еще необжитых землях, имея лишь примитивные орудия труда… да, велика большевистская мысль, славны дела коммунистической партии… Спецпоселенцы обживали не только Сибирь и крайний Восток России, но и бескрайние степные районы Средней Азии.

Одним из наказаний членов семьи репрессированных было лишение их избирательных прав (прописано в том же Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О выселении раскулачиваемых» от 30 января 1930 г.) Таких людей называли ***лишенцами***. Лишенцы не могли поступить в вузы, им предназначалась одна дорога – получать рабочую специальность (в лучшем случае). Но не только этим ограничивалось

пренебрежение к «недостойным» быть зачисленными в славные ряды строителей коммунизма. Любопытно письмо комсомольца Мельчукова, обращающегося к товарищу Сталину за дозволением… жениться на девушке, как бы случайно причисленной к лишенцам. Подобных писем к высшему советскому и партийному руководству в Государственном архиве Российской Федерации имеется множество. Прочтем его, чтобы прочувствовать зловещее дыхание времени.

«*Тов. Сталин!*

Я член ячейки ВЛКСМ № 1 ст. Бурное, Джувалинского района, Виктор Николаевич Мельчуков. Писал Вам спешное письмо с приложением своей автобиографии 18-го апреля и второе тов. Молотову 12.IV.31 г., но ответов не получил. Письмо мое было следующего содержания: «Я хотел жениться на одной девушке (дочери раскулаченного), выселенного из пределов Нижне-Волжского края в наш Джувалинский район. По прибытии ссыльных я познакомился с Власовой, на которой я и хочу жениться. Гуляя с ней, я узнал, что Власова не лишенка и что она жила не с родителями, а работала в пром. колхозе на Трикотажной фабрике, на что имеет расчетные книжки, как документы. Узнав все это, я поставил в известность партийную и комсомольскую ячейки, которые не имели претензий, и дали мне разрешение. Я с этим разрешением обратился к коменданту эшелона выселенцев тов. Борищеву, который был вдребезги пьян и он ответил мне следующее: «Тебя что сейчас посадить или же после». Но я на этом не остановился и стал просить свое, тогда комендант сказал: «Зайди ко мне в 8 часов вечера, я с тобой поговорю». Дождавшись 8 часов вечера, я пошел к этой пьяной роже, еще не совсем проспавшейся, то он был уже не один, а с уполномоченным ГПУ тов. Гасановым, которые сказали: «Позови ту гражданку, на которой хочешь жениться, а мы посмотрим списки и поговорим с тобой». Позвав ее, мы вошли к коменданту. Комендант посмотрел списки и сказал, что: «Власову отпустить не могу, так как она является выселенкой, кулачкой нашего лагеря». Если у вас есть справки, что Власова не лишенка, тогда я могу ее отпустить. Но, к сожалению, у Власовой не было этих справок. Мы с Власовой запросили сельсовет и колхоз, откуда она была выслана. Нам прислали справки, которые я к этому письму прикладываю. С этими справками я снова обратился к начальнику лагеря тов. Малинову и коменданту Борищеву, но они мотивировали следующим: мы отпустить самостоятельно не можем, так как находимся в распоряжении ответственного уполномоченного ОГПУ тов. Ломакина, но и не возражаем, судя по документам. Съезди в район к Ломакину, возьми от него

разрешение, тогда мы отпустим Власову. Написали мне отношение в аппарат тов. Ломакину и я ездил, но там Ломакина не захватил, а был у его заместителя. Заместитель, прочитав отношение, сказал, что пускай Власова пишет заявление начальнику лагеря с приложением документов. Начальник передаст нам, а мы отправим в гор. Чимкент в сектор ГПУ на разбирательство, а тогда можешь жениться.

Так вот, таким образом, эта волокита продолжается около 2-х месяцев, а результатов нет. Власову держат в лагере.

Неужели на 14-м году существования Советской власти ходить от одного к другому искать, кто хозяин этой невинной девушки. Мы не для того растем! Наши отцы за что воевали, добиваясь себе и нам свободы, а выходит, это так, как было прежде. «Итти к помещику или барину за разрешением на право вступления в брак».

И вот такое положение заставляет переживать очень многое.

Тов. Сталин! Неужели это все так же будет продолжаться, как у хороших бюрократов в этих низовых аппаратах и органах. Эта вся низовая начальствующая власть даже не обращает внимание на этот вопрос, а смеется, да запугивает только одним «арестуем», «исключим», «выгоним». Я думаю, что мы не для того растем, чтобы нас сажали, да исключали, а для того, чтобы завершить вместе с нашей партией ВКП(б) начатое тернистое дело нашего вождя В. И. Ленина и положить конец буржуазии всего мира. Неужели дожили до того, что нельзя жениться на такой же гражданке как и все другие. Так вот, я посылаю копии присланных документов для того, чтобы вы разобрали это дело и дали точное указание по поводу сложившихся обстоятельств. И думаю, что вы не откажете мне в этом и поможете выйти из этого скверного положения.

С ком. приветом – В. Мельчуков. /19.V.31 г. /Мой адрес: ст. Бурное, Турксиб ж.д. «Союзхлеб»».

История не оставила нам ответа: смог ли комсомолец уговорить вождя всех народов вернуть его «невинной девушке» права, в том числе и право выйти замуж по любви. Сложно вообще представить, как менялась психика женщины, по воле государства попавшей в столь чудовищные условия проживания, где вынуждена была не только исполнять обязанности нещадно эксплуатируемой рабыни, но и оставаться женой, матерью, подругой. Что происходило с психикой девочек, вырванных из привычного мира и взрослеющих в вакууме ненависти, презрения и непосильного труда? Какими они вернулись в «счастливое советское общество», в «общество равенства, дружбы, братства»? Пережившие репрессированную сексуальность, они вливались в

общество, привнеся в него особенности (совершенно не изученные современными медиками и психиатрами – как массовое явление).

История репрессий над крестьянством, история «кулацких ссылок» заканчивается по завершении Второй мировой войны. Последние *кулаки, полупомещики и подкулачники*, которые оставались на поселениях, были освобождены Постановлением Совета Министров СССР № 1738-789сс от 13 августа 1954 г. «Про снятие ограничений по спецпоселению с бывших кулаков и других лиц». Спецкомендатуры на местах еще существовали до 60-х годов XX века.

2. «Поставьте в ряды красных каменщиков!»

Мой миленок – тракторист,
Я – ударница полей.
Милый борется за трактор,
Я – за триста трудодней.

Нам наград больших не надо,
Наградите мужиком.
А не то всей нашей фермой
Повенчаемся с быком!

Советские частушки

После политической апатии, ужасов Гражданской войны, а затем жестоких подавлений крестьянских восстаний и голода 1921–1922 годов русское крестьянство уже **не** смогло прийти в себя. Продразверстки и массовые чистки борющихся с так наз. кулаками и подкулачниками довершили дело уничтожения хозяев земли. На роль исполнителей революционно-утопических большевистских планов в отношении сельского хозяйства были оставлены лишь «прослойки бедняцко-середняцкого» и «батрацко-бедняцкого» крестьянства. Которых сплачивали в колхозы и совхозы. Основой подобных общинных хозяйств становились изъятые у кулаков ценности: земли, дома, инвентарь, скотина, денежные и иные сбережения. Обычно конфискация имущества кулаков производилась особоуполномоченными райисполкомов с обязательным участием членов сельсовета, председателей колхозов, батрацко-бедняцких групп и батрачкомов.

Новым «хозяевам» земли вменялось в обязанность не только воплощать планы по коллективизации хозяйств, по сдаче и заготовке, но и обязательно выплачивать всевозможные *налоги*. В 20-х гг. форма взимания налогов каждый год менялась. Для того чтобы крестьяне представляли себе, когда и с каких доходов они должны выплачивать налог, им предоставлялись «окладные листы», в которых были расписаны эти выплаты. Налог выплачивался не единовременно, а с промежутками. Примерно треть – поздней осенью, затем налог должен был выплачиваться каждый месяц небольшими частями, и заканчивалась выплата налога к весне, к началу новой посевной кампании.

В середине декабря 1925 г. состоялась 2-я сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 12-го созыва, на которой развернулась бурная дискуссия о советском браке, о роли и положении женщины в городе и на селе; не обошли стороной и тему налогов. Одна из участниц сессии делилась с присутствующими:

– Я знаю два случая. Один кулак утаил имущество от налога, а жена работала в налоговой инспекции и открыла это. Когда она пришла домой, он нанес шесть ран, и она от этого померла. Я сама была на суде. Присудили его к расстрелу, но потом отменили и дали 6 лет тюрьмы. Второй случай был опять из-за объектов налога… Муж показал одно, а она показала действительные объекты. Пришла домой, а муж начал вожжами ее пороть, приговаривая: «Вот тебе советская власть, вот тебе советское право». А когда она сказала, что от советского права никогда не отступит, он ей насыпал в рану соли. Разве это допустимо? Таким паразитам в нашей советской стране нет места.

Следить за исполнением постановлений и планов, спущенных вниз центральной властью, обязаны были и председатели сельсовета, и секретари партийных ячеек. В документах Государственного общественно-политического архива Пермской области можно найти отчет о становлении в 20-х годах в уральских деревнях советской власти. Очевидцы – посланцы Златоустинского окружного комитета партии пишут (выделено мной. – *Авт.*):

«Бездеятельность ячейки – это еще полбеды. О такой ячейке хорошего не скажешь, но не скажешь и плохого. Как общее явление – наши ячейки в деревне заставляют говорить о себе. Мало того, что они слабо работают. Члены их на каждом шагу дискредитируют партию. *В графе «поведение» не запятнанных членов партии только 6. Остальные либо пьянствуют, либо развратничают, либо делают всевозможные преступления по службе.* Об исполнении религиозных обрядов и говорить нечего – религиозные обряды исполняют почти все члены партии за исключением совпартшкольцев. 6 «незапятнанных» – приехавшие в Кундравы в 1924 г. Всего в 1924 г. прибыло 8 членов партии. Двое из них уже «засыпались». Что приезжие делают разные гадости – это дискредитирует в глазах населения не только местную ячейку, но и те вышестоящие партийные органы, которые «перебрасывают» таких членов партии и проводят их на ответственные посты…

Культурные запросы населения культработа не удовлетворяет. Деревенский быт и его болячки политико-

просветительская деятельность совсем не охватывает. А болячек в деревенском быту много.

Самогоноварение становится промыслом кулаков. Имеет кулак аппарат. Устанавливает его в укрытых местах. Сам в самогоноварении не участвует, а лишь указывает, где аппарат, и всякий желающий сварить сам выгоняет, уплачивая владельцу за прокат аппарата. Таким путем кулак не рискует попасть с поличным карательным органам, с одной стороны, и на прокате закабаляет бедноту – с другой. Есть крупные владельцы аппаратов. Их обрабатывает по несколько бедняков. Последние и попадают под удары карательных органов, оказываясь у аппаратов во время обысков.

Пьянство в деревне развито сильно. Пьют самогон и последнее время русскую горькую. Женщины протестуют не только против самогона, но и против русской горькой. Так, на собрании женщины говорили: «*Сейчас пьянства стало больше…*» Другие женщины выступали на собрании вперебой против самогона и пьянства.

Меры не действуют. *Ведь человек живет как лошадь – ест, работает, спит.* Охота же и повеселиться…

С самогоном и пьянством в Кундравах вплелись все худшие искривления быта. *Пьянство, кулдымки, сифилис, уживаются в тесном содружестве. Кулдымки – это местные дома терпимости. Причем самые настоящие, недостает только красных фонарей. Дома приспособлены к специальным целям. Отдельные комнатки и прочие удобства. Самогон – неотъемлемая принадлежность. Результаты: сифилис или другие венерические болезни. Этих кулдымок до десятка. Причем некоторые получили уже названия: «Белый кулдым», «Красный кулдым», «Барак № 7». На общем собрании кулдымкам было уделено значительное внимание…*

«Все это от военных действий. Мужики побывали на чужой стороне. Все у них помешалось. Мужчина видит, что женщина падает – топчет ее в грязь. Женщины тоже оставались одни».

«Мне приходилось с некоторыми женщинами разговаривать. Почему, спрашиваю, опускаетесь? Они и говорят: почему нам не блядовать: если я рожу, мне 3 рубля дадут».

«С германской войны это началось. Та и другая сторона виноваты. Мы уходили на войну. Старички с толстыми карманами оставались и развращали наших жен. Мужья многих не вернулись. У них остались дочери. Они живут с матерью в кулдымках, развратились. Думают заработать. Поддержки нет. Комитет Взаимопомощи, рабочком есть – ничего не делают, сами туда ходят. Нет, чтобы сказать, вот тебе помощь – работа».

До войны в Кундравах «кулдымок» не знали. Сифилиса не было.

А сейчас сифилис развился.

В Айлино также все больше и больше учащаются случаи заражения сифилисом.

Меры борьбы с этим социальным злом только карательные. С самогоном борется милиция. А на кулдымки делает иногда ночные нашествия сам председатель сельсовета: разгоняет, но они, конечно, снова гнездятся на старых местах. Мер санитарно-просветительного, агитационного характера не было».

Как косвенное подтверждение развращения женского пола в период войны приведу русскую частушку времен Первой мировой, распеваемую в народе:

Голова болит, кружится,
Пойду к доктору лечиться.
Доктор спросит – чем больна?
Семерым даю одна.

Чем торгуешь? Мелким маком!
С кем гуляешь? С австрияком!
Чем торгуешь? Луком, перцем!
С кем гуляешь? С чуркой-немцем!

Проблемы, о которых говорится в отчетном документе 1924 года, можно было найти в разных регионах России и в деревнях самого разного уровня. Все свидетельствует о падении нравов, начатое с большевистскими революционными выступлениями 1905 г., Первой мировой войной, продолженное и усугубленное революцией 1917 г. и войной Гражданской. Однако, хотя дома терпимости и появлялись в некоторых деревнях, все же сельский уклад жизни еще долгие годы диктовал иные, естественные и целомудренные отношения между противоположным полом.

До 1917 г. нормой в русских семьях было сохранять целомудрие до дня венчания, как у девушек, так и у парней. Вкусившим «запретный плод» до брака не полагалось венчаться в церкви. У русских Карелии, к примеру, парня, утратившего невинность до брака, начинали сторониться даже его лучшие друзья. ***Строгость нравов и запрет добрачных связей в целом продолжали сохраняться до разрушения единоличного крестьянского хозяйства и полной победы так наз. колхозного строя.*** Как только деревенских юношей и девушек начали насильно вырывать из семейной обстановки и посылать на месяцы в отдаленные от дома местности (учиться на рабфак, на курсы политинформаторов, на полевой стан, на лесозаготовки и т. д.), добрачные половые связи перестали быть редкостью. Говоря

о растлении молодежи Карелии, исследователи отмечают: «В лесу, в общих бараках или лесных станах, без надзора родителей, девственность растлевалась достаточно просто. Для девушек утрата ее служила ценою перевода на более легкий труд или вообще уклонения от лесозаготовительных работ».

На упомянутой уже декабрьской сессии 1925 года Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета та же представительница из глубинки горячо перечила на высказывания о многомужестве и многоженстве:

– Какое положение женщины-крестьянки? Она за домом ухаживает, она обшивает, она обмывает, прядет, идет вместе с мужем косить. А он, я, товарищи, извиняюсь за выражение, один спать не ляжет, приходится и его удовольствие исполнять. А не исполнишь – он ее по шапке (смех). А вот здесь товарищи говорят, что женщины трех, четырех имеют. Не знаю, но нам крестьянкам не до этого. Скажу еще об общественной работе. Не нужно от нее отвлекать женщину…

Агитация и пропаганда в 20—30-е годы была поставлена так, что «раскрепощенные» девушки и женщины все больше желали вовлекаться в новую жизнь, осваивать все новые профессии, ходить в передовиках производства. И так как нет ничего ценнее свидетельств, то продолжим знакомства с выдержками из выступлений и писем конкретных советских граждан. Так мы получим срез реальных событий, происходивших в стране. На сей раз письмо адресовано великому сластолюбцу, всесоюзному старосте М. И. Калинину.

«10 мая 1926 года

Многоуважаемый Михаил Иванович!

Я хочу учиться много и серьезно, чтобы потом свои знания передать темным неграмотным крестьянам. Пишу крестьянам потому, что где же, как не в деревне царит еще невежество, религиозный фанатизм и если можно так выразиться – упрямство. Чем же бороться с наследием прошлого? Знанием. Но прежде, чем давать знание, надо получить его самой, в строгой учебе. И учиться бы хотелось так, чтобы учась, учить других…

Если бы я могла быть и врачом и агрономом и пропагандистом! Иногда чувствуешь такой прилив энергии, наталкиваясь на какое либо противоречие, хочется работать, работать. Есть желание в свободный час работать в комсомольской ячейке, вести общественную работу, но у комсомольцев сложилось такое мнение, будто бы человек учится лишь за тем, чтобы носить теплое пальто… *Хочу учиться не для*

того, чтобы «носить теплое пальто», а для того, чтобы быть более полезной, самостоятельной, равноправной. Чтобы на деле показать, что и женщина человек; чтобы показать, что и у женщины может стоять на первом плане работа. А работы много найдется в деревне, трудной, упорной, кропотливой. Сейчас как никогда необходимо усиленное руководство партии и беспартийного актива. Нэпманы в силе. И опаснее всего то, что нэпачи – старые буржуа…

Очень многие девушки все хотят учиться… Вчера брат проводил беседу в одном из «Красных уголков» по поводу событий в Англии. Так там мужички выражались даже так, отделите мол, нас от рабочих. Они сами по себе, мы сами по себе. Я много по этому поводу думала и пришла к тому заключению, что дело все в том, что слишком тяжел труд крестьянина. Сколько, например, баба вложит каторжного труда на производство холста. Как же ей после того не беречь самотканую вещь и не приказывать внучке беречь ее. С применением технических орудий труда у крестьянина будет оставаться время и на духовные потребности. А то много примеров и такие: мальчиком умел читать, а вырос – позабыл. «Почему?» – спрашиваешь. – «Некогда». Поэтому наряду с ликвидацией неграмотности необходим для начинания трактор. Трактор объедет отдельные хозяйства, правильный севооборот поднимет урожайность, урожайность даст рост фабрикам, фабрика поможет крестьянину и вот под таким колесом выравниваются все ненормальности. И вдобавок к этому тяга к знанию, особенно молодежи. Да и есть ли в настоящее время человек, который не был бы заражен тягой к новому. Я верю в то, что мы достигнем своего, трудный путь мы пройдем. *Уважаемый Михаил Иванович, помогите мне встать в ряды тех каменщиков, что «из щебня былого строят новый дворец». Я сама не могу так скоро подняться, потому что живу в слишком плохих материальных условиях.* Семья у меня большая, девять человек. Мне старшей 19 лет. Отец на всех не может заработать, ему под шестьдесят. *Когда мы пользовались земельным наделом, то такой нужды не имели.* Сейчас отец… уехал в Крым на заработки… Пришлось все испытать зимой 24 года – сидели на одной селедке… В 23-м кончала в Борисоглебске II ступень. Заболела острым малокровием, потом схватила катар дыхательных путей. Должна была оставить школу и целый год лечиться. В начале 26-го года врач разрешил начинать, но материальные условия складывались все хуже и хуже. О школе нечего было и думать. Приходилось замкнуться дома и помогать матери бороться с нуждой. Как мне теперь быть? Кончать девятилетку нет средств. В вуз не примут,

на рабфак тоже. Заняться самообразованием дома трудно… Уважаемый Михаил Иванович! Как быть? Простите, что слишком много пишу. Научите, как быть полезной…

Иванова Екатерина Петровна.

Ст. Мушкап, Р.У. ж/д.
Борисоглебского уезда. Тамбовской области».

Пока одни, с подорванным здоровьем, мечтали попасть в ряды красных «каменщиков», другие, борясь с голодом и нищетой, мечтали просто выжить.

Искусственный массовый голод, устроенный волей засевших в Кремле большевистских бандитов, **не** способствовал сохранению нравов и поддержанию чистоты помыслов. Как раз наоборот, в борьбе за выживание люди шли на все. Бедствия вынудили людей отправляться в поисках лучшей доли, идти в города на заводы и фабрики; к тому же в городе было намного легче прожить, чем в селе. Но массовый отток рабочей силы из сельской местности не устраивал партию и советскую власть.

Постановление Правительства от 22 января 1933 года: «Центральный комитет и Правительство имеют доказательства того, что массовый исход крестьян организован врагами советской власти, контрреволюционерами и польскими агентами… Запретить всеми возможными средствами массовое передвижение крестьянства Украины и Северного Кавказа в города…»

Тогда же, в 1933 г. был введен такой документ, как советский ***паспорт***. Отныне те, кто не имел паспортов, не могли передвигаться по стране. Паспортов поголовно **не** имели сельчане, чьи трудовые руки нужны были в колхозах и совхозах.

Первоначально паспортная система была введена только в Москве и Ленинграде (включая 100-километровую территорию вокруг них) и Харькове (включая 50 километров округи). Эти территории объявлялись режимными. До конца 1933 г. в разряд режимных были отнесены еще 24 города; конечно, список режимных зон расширялся. Но сельским жителям паспорта вообще **не** выдавались, если только они не проживали в режимной зоне или не работали в совхозах. Таким образом, большая часть населения страны осталась вообще без паспортов, и, значит, была лишена свободы передвижения. Чтобы получить полноценное гражданство, крестьянин спешил уйти в город работать на завод; однако и тут самостоятельность не допускалась, на вожделенный переезд могли рассчитывать только те, кто подпадал под так наз. *организованный набор*. Иногда,

чтобы рассчитывать попасть в оргнабор, крестьяне перебирались из своей деревни в другую, расположенную ближе к крупным городам и большим стройкам. Однако эта лазейка была перекрыта в 1935 г., когда появился циркуляр, предписывающий местным органам власти брать под наблюдение и удалять из сельской местности всех, кто прибыл туда без паспорта. Так продолжалось еще много лет. И только в 1954-м, уже при любителе кукурузных початков Н. Хрущеве «в виде исключения» разрешили выдавать паспорта людям, живущим постоянно на селе, но работающим в городах. В 1958-м сельчане, отправляющиеся на сезонные работы, получили право на получение краткосрочного паспорта, который действовал на время заключения договора. И только в 1974 г.(!) наконец было принято постановление о введении паспорта нового образца, который получили все граждане Советского Союза, достигшие 16 лет.

Так с 1933 года крестьянство было вконец закабалено, превратившись в рабов, трудящихся за ***трудодни*** («палочки», «галочки» в отчетах, по итогам работы в конце определенного срока колхозникам-совхозникам выдавали небольшое денежное вознаграждение и натурпродукт, чаще в виде зерна). Так продолжалось долгие десятилетия.

Прочтем свидетельство, датированное 1953 годом.

> «Город Москва, Кремль
> Руководителям партии и правительства тов. Маленкову Г. М., Хрущеву Н. С., Ворошилову К. Е.
> От члена КПСС Кумылженского района Сталинградской области Лобова Ивана Евстафьевича, партбилет № 4548288.
> 17 апреля 1953 года.

Руководители нашей Коммунистической партии и Советского правительства всегда считали и нацеливали на то, что народу надо говорить правду – и ничего не следует скрывать от народа – в этом сила связи нашей партии и правительства с массами, это вполне правильно.

Но не является ли это только одной стороной дела – знают ли руководители нашей партии и правительства правду о том, что делается на местах – мне кажется, что далеко не все известно в Кремле о жизни колхозов, колхозников:

Руководствуясь передовой статьей, помещенной в газете «Известия» № 84 от 9/IV-53 г. «Незыблемые права советских людей», где сказано, что гражданам СССР гарантируется свобода слова, что необходимо развивать широкую и безбоязненную

критику снизу – я решил довести до Вашего сведения подлинную правду о следующем:

1. *Условия жизни колхозников очень тяжелые, во многих колхозах колхозники годами на заработанные трудодни ничего не получали ни натурой, ни деньгами, и если за последние 2–3 года колхозникам стали выдавать от 1,5 до 3 кг хлеба на один трудодень, то деньгами многие колхозы ряд лет ничего не выдавали и не выдают сейчас.*

Имея состав семьи 4–5 человек, колхозник при наличии в хозяйстве одной коровы, 2–3 овец, 15–20 сотых посева огородных культур – обязан в течение года уплатить государству:

а) Мясопоставку – 46 кг б) Масла животного – 9 кг 200 гр.

в) Яиц – 100 штук г) Шерсть – 1 кг 600 гр. с овцы д) Сельхозналога 600–700 руб.

е) Займа 300–400 руб.

ж) Паевой взнос в потребительское общество до 250 руб. и т. д. и т. д.

И пока колхозное хозяйство погасит обязательные натуральные поставки, денежные платежи и др., то оно уже не в состоянии нормально питаться, обувать, одевать семью, не говоря уже о приобретении какой-то мебели или обстановки в свое жилье.

При этом следует заметить, что если колхозное хозяйство совершенно не имеет никакого скота – все равно по существующему закону обязано уплатить мясопоставку 46 кг, если нет в хозяйстве кур – обязано уплатить 100 яиц, если: в хозяйстве имеется корова, но она оказалась прохолостевшая, не телилась и поэтому не доится – все равно маслопоставку такое хозяйство обязано платить 9 кг 200 гр., всю эту продукцию такие хозяйства вынуждены покупать на рынке и сдавать государству, так как другого выхода нет, а *наука наша еще не достигла того, чтобы люди при отсутствии кур научились нести куриные яйца, или на непосаженном месте выкапывать картофель.*

За невыполнение обязательных поставок по решению народного суда производится изъятие последней коровы. Вот такой факт, в 1952 году у колхозника колхоза имени Кагановича Карснянского сельсовета Кумылженского района Макарова за несдачу мяса и молока – по материалам Уполминзага (уполномоченный Министерства заготовок. – *Авт.*) и решению народного суда изъята последняя корова и никакого скота в хозяйстве не осталось – сам колхозник Макаров больной туберкулезом, имеет жену и четырех детей школьного и дошкольного возраста, корову средь бела дня взяли со двора и увели, дети, схватившись за юбку матери, подняли плач: «Мама,

что же мы теперь будем кушать?»

А что переживают колхозники, которые работают в животноводстве, при наличии большого падежа скота в период зимовки – на лиц, которые ухаживают за скотом, относится убыток, причиненный колхозу – и вот ни в чем не повинные люди становятся виновниками падежа скота и несут материальную ответственность, в силу этого никто не хочет идти работать на фермы.

Чтобы колхознику съездить на мельницу, привезти дров или фуража, отвезти больного в больницу и т. д. он должен не менее пяти раз сходить к председателю колхоза, к бригадиру и т. д., пока добьется подводы.

Болеть колхозник не имеет права, так как в колхозе рабочей силы мало, то надо только работать, если органы медицины дают колхознику справку об освобождении его от работы по состоянию здоровья, или о том, что он может выполнять только легкий физический труд – то такие справки представители партийных и советских органов зачастую не признают, хотя такие представители сами часто болеют.

А как выглядит деревня? Если бы кто-нибудь из правительства сумел побывать в деревне, да походить по хатам колхозников, увидел бы какая бедность, как плохо живут люди, увидел бы большое сходство нынешней деревни с потемкинской деревней.

Странно видеть современные деревни в некрасовских стихах, написанных около века тому назад.

Все перечисленные выше условия жизни колхозников привели к тому, что из колхозов очень много колхозников ушло и уходят и не только уходят, а просто убегают безо всяких там решений об отпуске (делается это по пословице «рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше»).

И куда же люди уходят, куда-нибудь в город, в райцентр и т. д., т. е. туда, где платят за труд.

Из колхозов нашего и других районов очень много людей ушло в ближайшие города Михайловка, Серафимович, а оттуда эти же вчерашние колхозники приходят по существу в свои же колхозы, нанимаются по договору и работают на строительстве животноводческих помещений, на скирдовании соломы, на уборке урожая и т. д., по договору получают деньги и живут неплохо, а оставшиеся в колхозе колхозники смотрят на это и намерены поступить также.

Уходят из колхозов не только беспартийные, но даже и коммунисты, например, в 1952 г. из колхоза им. «Сталина» попросился об отпуске коммунист Свиридов по мотивам того, что

он в колхозе не в состоянии содержать свою семью, ему сказали, что из колхоза уходить нельзя – он говорит, что это похоже на крепостное право, и все-таки ночью забрал семью и уехал в город Михайловка, а в доме своем двери и окна забил досками. Вообще в колхозах остались только женщины, из которых наполовину больные, старики и инвалиды, здоровых трудоспособных людей осталось очень и очень мало.

Рабочие в совхозах за выполненную работу получают ежемесячно зарплату, там даже престарелые женщины зарабатывают по 300–400 руб. в месяц, а вот *в колхозе им. «Калинина» колхозник Крюков З. – за 10 лет заработал 400 руб., т. е. в среднем по 40 руб. в год, и недавно этот колхозник умер, так и не получив из колхоза своего заработка за последние 10 лет.*

Вопрос оплаты труда в колхозах как натурой, так и деньгами, безусловно, должен быть пересмотрен и как можно быстрее, а вместе с этим должны быть пересмотрены и ряд других условий жизни и быта колхозников, иначе через два – три года от многих колхозов останутся лишь одни наименования, а колхозников там не останется.

Заведующий Кумылженским районным финансовым отделом Сталинградской области

Ив. Лобов».

Куда уж красноречивее…

Так было и в 20-е, и в 30-е, и в 50-е годы XX в.; и при этом положение сельской женщины во все годы оставалось тяжелым. Однако агитпроп СССР настойчиво рапортовал: *«Никогда в истории и нигде женщина не была окружена таким вниманием и заботой со стороны государства и народа как в социалистическом обществе».* Впрочем, отчего агитпроповцам не рассказывать сказки?! – они для этого и существовали, собранные в союзы: Союз журналистов, Союз писателей, Союз кинематографистов и т. д. Самые доверенные лжецы получали заветную красную корочку «члена», а с ней и определенные льготы, – в отличие от всех остальных строителей социализма, которые никаких льгот не имели, разве что одну обязанность: трудиться не покладая рук «на благо страны и ее руководящей и направляющей силы – коммунистической партии Советского Союза».

«…опять же говорю, – обращалась с товарищеским приветом к товарищу Сталину некая Евгения Грунич, делясь с «вождем всех народов» общими для рабочих страны проблемами, – что в смысле питания улучшений не чувствовали, но были и такие служащие, как например, секретарь райкома Свирский, агитпроп

Эпштейн и члены РКК Желянская и др., они каждый день сливочное масло, свежую свининку, компотик, рис получали, пшеничную муку, а о маргарине и говорить не приходится. Все это они получали из закрытого распределителя, который был запрятан во дворе, где раньше помещалось ГПУ, чтобы рабочий его не видел. Рабочий продолжал есть тарань и изредка получал солонину не первой свежести, наверное, осталась от вредителей. / А в Крыму рабочие транспорта и этого не видят. И что же на месяц рабочему дают паек: 1,5 кило крупы, 1 кило мяса, 1 кило сахара, 1 коробку консервов и кажется все. Я у тебя спрашиваю, тов. Сталин, достаточное питание имеет рабочий для восстановления рабочей силы? Нет, тов. Сталин, далеко не достаточное». Письмо, отправленное из Сарыголя, датировано 12.VII. 1931 года; да, оно не от селянки, не от колхозницы, но ведь мы знаем, что в то время в городе жилось легче, чем в колхозе! И люди из колхозов всеми правдами и неправдами бежали в города, чтобы получить и этот мизер.

Не станем распространяться о спецпайках, получаемых кремлевскими властителями, их приближенными и пособниками. Это умопомрачительные деликатесы, вплоть до свежесобранной клубники и экзотических фруктов, поставляемых спецрейсами, коньяков 200—300-летней выдержки, коллекционных вин… Мы пока – говорим о тех, кто, вкалывая на трудодень, и помыслить не мог об излишествах.

В трудах И. А. Курганова, давшего полный расклад положения женщины в советском обществе, встречаются рассуждения и о труженицах народного хозяйства. Ссылаясь на литературные произведения отдельных советских авторов, он дает характеристику нелегкой доле тружениц. К примеру, у советской писательницы Анны Маас есть строки о девушках, присланных для работы в совхозах на целине. Их сделали копнильщицами, и они говорят: «Сено в копнах было утрамбовано так сильно, что казалось склеенным. Мы втыкали вилы, наваливаясь животами на палки, но вместо густых охапок вытаскивали жалкие пучки, которые тут же проваливались между зубьев…»

Не легче для девушек и работа доярок, свинарок, скотниц. Писатель А. Кузнецов в повести «У себя дома» рассказывает о жизни доярки Гали. Галя приехала из города в свой колхоз, где раньше работала ее мать и где Галя провела свое детство. Она стала работать в коровнике дояркой. Норма – 12 коров. Накормить, напоить, почистить и подоить 12 коров – работа тяжелая, рабочий день у Гали начинается до восхода солнца.

Несомненно, физическое состояние тяжело работающих

женщин (хоть в сельском хозяйстве, хоть в промышленности) резко ухудшается уже в молодом возрасте; здоровье расшатывается, учащается заболеваемость, что часто ведет к инвалидности. ***Образ труда и жизни советской женщины приводит ее к у трате естественной природной красоты, к потере здоровья и к преждевременной старости.***

Вершиной цинизма можно назвать награждение женщин «за заслуги» перед партией и правительством не имеющими практически никакой номинальной ценности орденами и медалями, почетными грамотами и званиями. Уловкой в ряду награждений становится размещение фотографий на «Доске почета», в газете, рассказ «о передовиках производства» на радио и др. *«Ордена и почетные звания являются для партии самым дешевым и самым выгодным средством повышения трудовых норм, то есть усиления эксплуатации людей,* – справедливо пишет Курганов. – *Здоровье, а порой и жизнь приносят женщины во имя орденов и почетных званий, во имя пропагандной шумихи (газеты, портреты), которую организует партия, чтобы заставить и других рабочих повышать производительность своего труда. По существу их жизнь превращается в одурманенную пропагандой каторгу».*

Женщина, неимоверными усилиями, за счет повышения трудовых норм добившаяся трудового ордена, давала основание повысить нормы выработки для всех остальных женщин. То есть, делалась причастной к усилению эксплуатации женского труда!

Помните? – *«Никогда в истории и нигде женщина не была окружена таким вниманием и заботой со стороны государства и народа как в социалистическом обществе».* Тогда как в действительности все женщины в социалистическом обществе были обречены на неимоверно тяжелую жизнь и непосильный труд.

История 14. Просто Клава

Мы сидели на крылечке,
Обдувал нас ветерок.
Я горжусь своим миленком
—
Ворошиловский стрелок.

Упади звезда на клевер,
А подружка – на лужок.
Милый мой глазам не верил,
Как я сделала прыжок!

Ягодиночка на фронте,
Я – красноармеечка.
Если он в бою погибнет,
Я на смену, девочка.

Советские частушки

История младшего сержанта Клавы могла бы показаться неправдоподобно трагичной и бесчеловечной, если бы не то обстоятельство, что она родилась в СССР. А в этой стране всегда все делалось *в битвах*: за новую жизнь, за построение социализма-коммунизма и *в борьбе*: с капитализмом и его прихвостнями, с проклятым фашизмом и его пособниками; здесь проходили даже *битвы* за урожай. А в неугасимых *битвах* и в исступленной *борьбе*, как известно, ломаются судьбы и происходят всевозможные нечаянные драмы.

Клава, простая девчушка из уральского села, в годы Второй мировой попала на фронт – среди многих других девушек и женщин, направленных комсомолом и партией коммунистов туда, где девушек и женщин быть НЕ должно ни при каких обстоятельствах! Так юная Клавдия стала механиком в одной из воинских частей. А после, в 1943-м так случилось, что перешла она дорогу своей горделивой напарнице и командиру старшему лейтенанту Ларисе, и в момент, когда та со всей яростью молодого пламенного сердца била фашистов, Клавдия в блиндаже занималась любовью с чужой пассией. Парень был хорош собой, и неудивительно, что девушка отдалась приглянувшемуся ей капитану, грудь которого украшали Звезда Героя Советского Союза.

Любовники в пылу страсти забыли обо всем на свете: о времени и месте своего теперешнего пребывания, о краткости счастья на войне, о зыбкости связи и чувств… Вернувшаяся Лариса, доложив о выполнении задания и получив «добро» на отдых, направилась на поиски своего механика. Кто-то услужливо подсказал, где искать, и в блиндаже она увидела обнаженную парочку. Ярости обиженной женщины не было предела.

Произошла шумная разборка, а в результате Клава, механик одного из экипажей эскадрильи, пропала. Ее искали в течение всего дня в пределах аэродрома, но не нашли и командир полка, вызвав замполита и особиста части, объявила о дезертирстве. Предложив, естественно, замполиту обратиться в прокуратуру о возбуждении уголовного дела по этому факту. Возможно, в любом случае эту девушку ожидала смерть. Воинствующие амазонки при случае всегда могли отомстить. Война – это территория ненависти, подлости и страха, где убийство – своего ли, чужого, – грехом **не** считается…

Страшная участь ждала и бравого Героя Советского Союза, вернувшегося в свою часть. Как на беду, едва ли не накануне кто-то написал донос в СМЕРШ, что капитан самовольно и не единожды покидал расположение своей части и отправлялся «по бабам». Покинуть часть самовольно в военное время означало подписание самому себе смертного приговора.

Против капитана возбудили уголовное дело и арестовали. В течение наступивших суток наскоро собранный трибунал вынес приговор: высшая мера наказания за оставление части в боевой обстановке, с лишением всех боевых наград и высокого звания советского офицера. Приговор должен был приведен в исполнение немедленно. Но внезапно произошло чудо: на аэродром приземлился транспортный самолет, из которого вышел рослый мужчина в реглане, на ходу надевавший на голову генеральскую фуражку. Это был командующий Воздушной армией. Встретивший его командир полка доложил о случившемся ЧП. И генерал-полковник авиации приказал тут же доставить к нему приговоренного. И когда того привели, командующий подошел к бывшему офицеру, известному на весь фронт асу, и спросил: «Саша, что случилось?»

– Гражданин командующий, я виноват и должен понести наказание.

Командующий потребовал приговор, затем, ничего никому не говоря, взял Сашу под руку и приказал командиру полка, а также трибуналу оставаться на месте. Они вошли в салон, двигатели «Ли-2» взревели, и самолет пошел на взлет…

Бывший офицер все же был наказан, но наказан иначе.

Ему сохранили жизнь, дав 20 лет тюрьмы и 5 лет поражения в правах. Разумеется, лишение наград и воинского звания осталось в силе. Удивительно, но факт: ни в 1953-м, ни позже, в 1956–1957 годах, после XX съезда КПСС, Саша по каким-то причинам не попал в списки освобожденных. Свобода к нему пришла лишь в 1962 году, когда он отбыл в лагерях 19 лет…

А что же Клава? Куда она пропала и как сложилась судьба беглянки? Младший сержант Клава, покинув воинскую часть, понимала, что ее ждет в случае обнаружения патрулем комендатуры или если встретят ее сослуживцы. Возвращаться домой, в далекое уральское село, было небезопасно, да и средств на поездку не было. Правда, за своих родных она не переживала: им больше ничего не угрожало, тем более за ее проступок – родители умерли молодыми в голодном 1933-м на Украине, а ее, изможденную малую девчушку, в уральскую деревню забрала бабушка отца. Она надеялась на то, что бабушку вряд ли кто-то тронет, хотя и сообщат местным НКВД, *что* да *как*… А еще ей вспоминался оперуполномоченный СМЕРШа, который перед отправкой на фронт наказывал им, девчонкам, всегда быть настороже и говорил, что если одна из них… когда-нибудь… где-то… изменит Родине, то суровая рука советского закона найдет ее везде, а меч НКВД справедливо покарает и ее, и ее близких…

Клава понимала, что нужно быть настороже. Недолго мучилась, куда идти; выбор невелик: если идти в противоположную сторону от линии фронта, то рано или поздно она попадет в НКВД, ну а если идти к линии фронта – можно угодить в лапы к проклятым немцам. Она бродила бесцельно, пока не проголодалась. И вдруг, откуда ни возьмись, перед ней появился обшарпанный петух; Клава стала гоняться за птицей с выщипанными перьями и перебитым крылом. Видать, бедолага недавно спасся от зубов лисицы. Петух оказался проворным, и так как он уже вырывался из лап смерти, удрал он и от Клавы. Девушка расплакалась от досады и голода, а потом рассудила, что тому тоже как-никак хочется жить. И, пошатываясь, побрела дальше, но не от линии фронта и не в сторону фронта, а вдоль, оттягивая свой, казалось бы, близкий конец. Ориентируясь по периодически возникавшей канонаде, стрельбе и взрывам снарядов.

Так она набрела на сожженное село и подумала, что сейчас наверняка найдет съестное. Вскоре обнаружились в развалинах соленья и даже банка тушенки. Она поела вдоволь и уснула. Проснулась от рези в животе. Справив нужду, Клава услышала стон и притихла, испугавшись. Стон повторился. Она тихонечко пробралась к кустам, откуда шли звуки, и ужаснулась: на спине

на расстоянии ее вытянутой руки лежал фриц. Раненый держал себя за грудь, на его кителе бурыми пятнами виднелась запекшаяся кровь. Девушка обратила внимание на Железный крест, затем опустила взгляд на раскрытую кобуру, из которой торчала рукоятка парабеллума. Раненый немецкий офицер чуть приподнялся, левой рукой поманил ее, шепча: «Мэдхен, ком, ком…» Клава сжалась от страха, тогда немец, с трудом подбирая слова, по-русски сказал: «Не бойся. Я стреляйт не буду». И левой рукой показал на лежавший недалеко солдатский ранец в виде ребристого цилиндра. «Там… бинт… и-од… возьми, нэ бойся, я учил русиш язык в университет… Мюнхен. Я баварец». Он тяжело дышал, видимо, слова не только русские, но и немецкие давались ему с трудом. Клава открыла ранец, достала оттуда медицинскую аптечку и, враз забыв о врагах и друзьях, потеряв разумение: кто же в самом деле *враги* и *друзья*, деловито сказала: «Вам нужен стрептоцид, у вас гной». Он кивнул головой и показал пальцем, где именно стрептоцид; она высыпала весь порошок ему в рану, и немец, весь в испарине, прикрыл глаза. Тогда она осторожно расстегнула ему китель и постаралась стянуть, не причиняя боли, с правой онемевшей руки. А затем стала осторожно бинтовать. Немец сильно стонал, голова его откинулась, и в какое-то мгновение она подумала, что он умер. Но офицер просто потерял сознание.

А когда очнулся, сказал, показывая в сторону: «Там лиген зольдатен… там есть вода, вассер, порошок…» Она, поняв просьбу, отправилась на поиски и вскоре принесла какие-то брикеты со спрессованными кубиками. Он жестом показал ей, что нужно сделать. Она нашла железную коробку от консервов, налила воду и бросила туда кубики. Вода зашипела, и она испугалась. А немец засмеялся и показал: дай сюда, – но не мог держать импровизированную кружку. Она приставила к его губам шипучку, и он жадно выпил. И предложил, чтобы она тоже пила еще чуть шипящую воду: «Дийзэ газ-вассер, газ-вода…» Откуда ей было знать, что и в этом проявлялась забота командования о своих солдатах; оказывается, эта газировка спасала немцев от бактерий, обеззараживая воду, при том, что все немецкие солдаты пили норму – 1 л 200 г ежедневно.

Затем он представился, его звали Пауль, и был гауптман Пауль командиром пехотной роты. Он подсказал где, в какой стороне лежит убитый солдат, у которого в ранце есть ветчина и сухари. Она, переставшая бояться мертвецов, принесла, и они поужинали… Клава постелила шинели убитых немецких солдат и уснула рядом с Паулем; страх, недоверие исчезли. Просыпаясь, она слышала, как на небольшой высоте пролетали на задание

«По-2», как бороздили небо ночные сполохи и как где-то далеко раздавались отрывочные короткие канонады. Не находя успокоения, в привычной тревоге, она вновь и вновь утыкалась носом во влажную тяжелую материю, не могущую как следует согреть два измученных тела в холодную осеннюю ночь 1943 года.

А наутро она проснулась от звуков работающих двигателей. Страха не было, он исчез из ее тела, из ее сознания, уступив место спокойствию, обреченной уверенности и целительному безразличию. Она разбудила Пауля и сказала: едут. Он показал-попросил: достань «люггер», постреляй в воздух, это едет наш бронетранспортер. Если боишься, убегай, как только увидишь немецких солдат. Она сказала: я уже ничего не боюсь, но стрелять не буду, а позову их. Это был наилучший вариант. На одиночные выстрелы могли не обратить никакого внимания.

Она быстро побежала и увидела немецкую колонну, в которой ехало до полутора десятка бронетранспортеров, мотоциклов и машин. Она сконцентрировалась, собрала весь свой словарный запас немецкого языка и закричала: «Комен зи бите! Комин зи бите хир!» Один или два мотоциклиста обратили внимание на хрупкую грязную фигурку и остановились. Она стала звать их отчаянными жестами, и уже вчетвером, вскинув автоматы, солдаты направились к ней. Она, показывая в сторону леска, сказала: «Гауптамн, официр!» Тогда солдат сказал, показывая пальцем на деревья: комен, пошла, шнель, вперед, вперед! Она пошла впереди, они внимательно посматривали, и вот уже Пауль по-немецки радостно благодарит за то, что его нашли. Солдаты осторожно подняли офицера, и он ей сказал: «Клав, я думайт, тебе идти некуда. Иди с нами…»

Так нежданно-негаданно Клавдия оказалась в немецкой части, и Пауль ей объяснил: «Не бойся, тебя будет допрашивать оберштурмфюрер СС расскажи, как ты меня спасла… И еще, вот тебе адрес моих родных… на всякий случай… И спасибо тебе».

После допроса ее отправили в Германию, она ехала в вагоне с молодежью, девушками и юношами, угнанными в Третий рейх. Ужас, отпечатанный на лицах многих людей, невозможно передать. Что-то, какое-то внутреннее чувство подсказывало, что она ничего не должна говорить о себе. Как и не выказывать слов поддержки или сочувствия. В ее голове непроизвольно шло сопоставление между прежними знакомцами: капитаном НКВД, особистом их полка и немецким гауптманом Паулем. Все они – люди, все – мужчины… она думала и анализировала, и ее мятущаяся душа советской комсомолки не могла найти верных ответов. Она понимала, что Паулю, как всякому, хотелось жить и,

может он просто притворился добреньким, вежливым… А если нет, а если там, в Германии и… ничего-то страшного нет?! Нет никаких врагов… а есть два народа, которых, как баранов, загнали в стойло ненависти друг к другу? Но что тогда значит один-единственный индивид? Что он решает? И кто кому несет истину?

До момента отправки она несколько дней прожила в расположении немецкой воинской части и удивилась тому, что никто не придавал значения ее нахождению там, никто к ней не приставал, не делал грубых намеков и сексуальных поползновений. Они не были дикарями – вот страшное открытие, поразившее червоточиной отшлифованный идеологией мозг девушки, ее советскую душу.

Через несколько недель состав прибыл в Лотарингию, где наряду с другими юношами и девушками она была распределена на ферму.

– Когда-то в юности, – вспоминал как-то Олег Грейгъ, рассказавший мне всю эту историю с Клавой, – я читал книгу украинского советского писателя Юрия Дольд-Михайлика «И один в поле воин», которая поражала воображение советских школьников героизмом разведчика, одновременно пробуждая патологическую, лютую ненависть к фашистским мучителям. Автор пользовался обычными приемами советского агитпропа, так что оставим на его совести беззастенчивую ложь, внушаемую читателям.

Книгой «И один в поле воин» зачитывались разные поколения советских людей; она о советском разведчике, офицере Гончаренко, который в образе офицера немецкого вермахта барона Генриха фон Гольдринга, выполняя задание советского командования, внедрился в доверие к бывшему оберсту Абвера Вильгельму Бергтольдту, ставшему сразу группенфюрером СС (кстати, в сноске и затем в книге пишется, что это генерал-майор, хотя чин группенфюрера соответствует чину генерал-лейтенант) и который по замыслу автора был назначен уполномоченным рейхсфюрера СС по концлагерям Западной Европы. Писатель указывал, что у этого баварца под Мюнхеном была свиноферма, на которой работали украинские и белорусские девушки. Все они выглядели настоящими патриотками Советского Союза; среди советских девушек иных просто и **не** могло быть (!), **не** должно было быть (!)… У гестаповского генерала Бертгольдта была дочь Лорхен, которую заботливый отец прочил в жены… советскому разведчику, скрывшемуся под личиной Генриха. Та девушка (*садистка-невеста*, – называет ее автор) ходила по ферме в «короткой, до пояса, кожаной курточке и полугалифе» и жестоко

истязала тяжелой плетью работавших там советских девушек.

«Особенно злобно карала фрейлейн Бертгольд тех, кто хоть раз позволял себе оскорбить ее непослушанием или просто улыбкой, взглядом. Когда фрейлейн впервые появилась на ферме в своем спортивном костюме, одна из девушек, семнадцатилетняя Марина Брыль, не выдержала и тихонько фыркнула в кулак… С тех пор Лора не спускала глаз с тоненькой девичьей фигурки… И плеть каждый день взвивалась над ней, удары сыпались на плечи, на спину, на больную руку. Измученная непосильной работой, болью, постоянными издевательствами, девушка почти лишилась разума… Охота… превратилась для Лоры в своеобразную азартную игру, где ставками были Лорина непреклонная воля и молчаливое сопротивление всех девушек… Лора изо всей силы замахнулась плетью, и это был единственный случай, когда она не опустилась на спину девушки. Одна из пленниц, уже пожилая женщина, ближе всех стоявшая к плите, не помня себя от жалости к несчастной Марине, сбила с ног фрейлейн и, схватив с плиты выварку, выплеснула кипяток на Лорхен», – сочинил Дольд-Михайлик.

В результате часть тела истязательницы покрыли ожоги, она попала в больницу. Группенфюрер – ее отец – вбежал в помещение и, как пишет автор, «двух пуль хватило, чтобы покарать виновных». А остальных приказал истязать плетьми, как до этого делала его благовоспитанная дочь, «настоящая немка».

Все это измышления советского писателя, писавшего книгу по заданию агитпропа компартии Украины. Но и этот эпизодический пересказ на многое открывает глаза…

Нельзя сказать, что все ***угнанные*** на работу в Германию попадали в отвратительные, адские условия. Кстати, в 1941–1942 годах большинство молодых людей с Западной Украины ехали в Германию добровольно! – что наконец-то открыто было сказано в одной из телепередач, где выступали изрядно постаревшие свидетельницы тех событий, живущие на Западе и в нынешней Украине. Еще как пример, приведу строки из книги «Военный дневник» Л. Осипова, где есть такая запись за 30 июля 1942 года: «Вербовка на работы в Германию идет довольно интенсивно. Берут не только рабочую силу для работ, но и специалистов. Главным образом инженеров. Население рвется на эти работы, но совершенно невозможно установить признаки, по которым немцы отбирают народ. Даже не вполне молодые и здоровые попадают. И никакие, кажется, немцы не освободители, а такая же сволочь… Единственный, но очень существенный плюс немцев – это то, что они по сравнению с большевиками в смысле угнетения щенки. И свой народ они устроили, по-видимому, как надо. Устроим и мы

свой… Пусть только они помогут нам ликвидировать большевиков».

Чаще всего отношение к прибывшим гастарбайтерам было вполне человечным, их не воспринимали как рабов, а лишь как работников, получавших за свой труд денежное вознаграждение. Правда, и счастливой, и обыденной подобную ситуацию назвать нельзя. Однако, к слову сказать, нынешнее и уже не первое поколение молодежи с постсоветского пространства рвется на Запад, в том числе и в ту же Германию, где работает у современных бауэров, собирает клубнику, ухаживает за животными, делает всю черную работу – за гораздо меньшую оплату, чем их сверстники из Евросоюза. *No comment*…

Уральская девушка Клава, о которой собственно идет речь в нашем повествовании, попала в семью немецких бауэров; ее трудовая жизнь в неволе заключалась в ухаживании за несколькими десятками уток и кур. Что она имела за это?

Имела комнату с туалетом и ванной, хорошее трехразовое питание, отсутствие плетей и выходные дни (один раз в неделю; к слову, пятидневная рабочая неделя была введена в СССР 7 марта 1967 г., до этого все трудились шесть дней в неделю!) она ежемесячно получала жалованье, которое превышало пятимесячную номинальную зарплату советской колхозницы, работающей, в общем-то, за трудодни (!).

Такова «жестокая» правда о большинстве тех, кого немцы эшелонами гнали на принудительные работы в свою страну.

Вместе с другими девчатами и ребятами они устраивали танцы, слушали патефон, а иногда и пели родные песни. Особая оговорка: за исключением песен, прославляющих коммунистическую партию и Советский Союз.

У них никто не требовал охаивания своей страны, проявления озлобленности. Скорее всего, это было связано с тем, что напоминание об их родине вызовет не только тоску по оставшимся там родным, но и… чувство страха за их судьбы.

Когда идеологи и пропагандисты утверждают, что гестаповцы там жестоко карали советских людей, нам, очевидно, говорят правду, но не всю! Безусловно, сотрудники гестапо беспощадно и с пресловутой педантичностью расправлялись с теми, кто посягал на жизнь и законы Третьего рейха, на их строй, и страну, и фюрера. Но если иностранный рабочий не рассуждал о политике, а жил обычной социальной жизнью, то такие даже вообще не видели сотрудников гестапо в глаза за все годы проживания в фашистском рейхе. Некоторые молодые люди, если они хорошо трудились, с разрешения хозяев начинали жить вместе, образовывали семьи. Конечно же. Подразумевалось, что рождение

возможного ребенка не должно было вредить трудовым обязанностям молодых родителей. Не такими редкими были случаи, когда советские девушки становились законными женами своих работодателей или их сыновей.

За годы нахождения на работе в Германии бывшие советские молодые люди, которых власть в Советском Союзе уже «списала» (может быть, их списали как людей, едва они появились на свет?!), осваивали чужой язык, изучали быт и обычаи конкретного региона Германии, и постепенно втягивались в обыденную жизнь, которая им еще недавно представлялась такой ужасной, такой неправильной, немыслимой, чужой, враждебной…

И вдруг оказалось: из мира жестокости, насилия, страха и постоянного ожидания ареста – из любимой Советской страны, *«где так вольно дышит человек»*, – они попали в другой мир. Где никто не говорил о верности коммунистической партии; где нет планов, соцсоревнования и пятилеток; где нет врагов и вредительства; нет принудиловки и криков «Да здравствует…!» И где они научились чистоте и культуре работы; где кухни для подготовки пищи для животных были чище, чем советские столовые… Женщины из Страны Советов вдруг впервые узнавали, что такое *прокладки*, а не пуки ваты и тряпок; и что такое… женские *трусы* (после 1917 года советская власть отменила панталоны, как пережитки прошлого и буржуазные атрибуты! Зато в спецмагазинах обкомов и райкомов партии для жен и дочерей партчиновников трусы продавались; но не дай бог та купит приятельнице…) Здесь им давали, разрешали читать книги, на страницах которых не было зомбированных героев-комсомольцев, сражающихся с любой *контрой* во имя светлого *завтра*… Пребывая там, девушки и юноши узнали, что превращенное в СССР в агитку, как акт чудовищного вандализма, сжигание фашистами книг немецких классиков на самом деле было… сжиганием томов Маркса, Энгельса, Ленина, доставленных из Москвы, где эти книги и были отпечатаны, немецкими коммунистами евреями Кларой Цеткин, Эрнстом Тельманом, Вильгельмом Пиком и др. Выдающийся кинорежиссер XX столетия Лени Рифеншталь крупным планом сняла обложки сожженных книг классиков марксизма, что никогда в советской стране **не** показывали; и **не** показывают до сих пор, как **не** рассказывают о том, что пришедшие к власти большевики изымали из библиотек и частных собраний все книги русских авторов, вплоть до Пушкина, переписывали классиков, дозволяя *одним* остаться в русской литературе и уничтожая, вытирая из памяти и истории *других*…

В неокрепшем молодом подсознании происходил

психологический переворот, осознание, что, значит, люди могут жить так: *нормально, человечно, культурно, работая на себя и для себя*! И вот уже многих мучили вопросы: а мы же и не жили еще по-людски!

Чтобы вникнуть в то, что происходило тогда с молодыми советскими гражданами, с их психикой, нужно обязательно убрать нюансы с вражеской подоплекой, отсечь всякую идеологию и признать: то, где они оказались, это, конечно, не рай, но ведь уже и не колхоз!

И вот наступил 1945-й; *наш цветущий и поющий месяц май*, когда Красная армия принесла свободу от фашизма… Да, для одних это действительно была настоящая, долгожданная, выстраданная свобода… Для других – личная несвобода, вернее, чья-то *свобода насилия над ними самими*: над их телами, над психикой, над разумом.

Да, все они, попавшие в Германию – подростки и молодые люди, – работали, часто тяжело работали, но нравственный климат менялся, менялась психология, они привыкали к нормальным условиям труда и достойной оплате, строили планы на будущее, мечтали о свободной жизни в свободной стране и радовались тому, что пришли американцы.

Но – даже десятилетия спустя! – так и не смогли понять: **почему** же вдруг американцы решили их отдать русским? На заклание, на растерзание, на погибель?!

Большая война по переделу судеб бывших советских людей и перековке их в однажды и навсегда заданный, зомбированный советский образ продолжилась.

Им, этим людям, не понять – почему их возвращают назад, когда они сами этого не хотят?!

Им не понять, почему они все – предатели и их надо перевоспитывать… Зачем?!

Им не понять, почему лидеры Англии и США – против их желания, против их воли – передают их своим врагам – Советам… Тем более что в этих двух странах, наших бывших союзниках, так много говорят о правах индивидов; кстати, это даст советским идеологам контрпропаганды спустя десятилетия высказать мысль, что Америка и Англия, проповедующие нравственные ценности, говорящие о правах человека, кои превыше всех остальных ценностей, – попросту лицемерны. Впрочем, так оно и есть. Ведь когда дело касается политики и наживы, все ценности – побоку… До сих пор высказываются упреки за то, что американцы и англичане проявили, по существу, подлость, передав советских людей режиму эпохи Сталина.

…А ведь они просили **не** передавать их, потому как знали,

что их ждет дома, что тут их объявят изменниками, предателями со всеми вытекающими ужасными последствиями, со смертельным страхом ждали возвращения в Советский Союз. Правда, позже идеологи и пропагандисты СССР утверждали, что это гитлеровская фашистская пропаганда так запугала несчастных людей, что, дескать, в СССР их расстреляют, что те боялись ехать на родину, где их ждали с распростертыми объятиями и слезами на глазах…

А еще – они узнали другой мир, социум, в котором, невзирая на фашистскую диктатуру, можно быть сытым, нормально работать, жить, имея удобства, крышу и хороший угол, иметь приемлемую сумму денег, несравнимую с советскими зарплатами… Вот этот критерий скрывается до сих пор, бережется как зеница ока…

Но почему, из каких это таких побуждений бывший фашистский рейх, а ныне Германия оказывала жертвам фашизма материальную помощь, **не** сравнимую ни с какими льготами и пенсиями в бывших советских республиках?

– Мне довелось видеть кадры репатриации бывших советских людей, угнанных в Германию, – рассказывал писатель, профессор Олег Грейгъ, работавший прежде закрытым чиновником в ЦК КПСС, – вряд ли когда-либо эти документальные фильмы покажут широкой публике; их место – в тайных архивах, их участь – лежать, пока не приспеет пора. Там почти навсегда молодые – пока сохраняется пленка – люди по-русски и по-немецки просят английских солдат, пытающихся с трудом перепроводить их в советскую зону оккупации, при этом хватают англичан за ноги, целуют им ботинки, умоляя ради всего святого не отдавать их на ту сторону, в советскую зону… Я останавливал кадры, пытался расслышать, о чем говорят стороны, изучал лица английских солдат и офицеров; не знавшие нюансов большой политики, они были крайне удивлены фактом перевода в советскую зону молодых людей. Они пребывали в недоумении, их взгляды выражали жалость и сочувствие к этим людям, но существовал приказ, и они вынуждены были его выполнять. В кадрах было отчетливо видно, как они отрывают от себя, поднимают с земли наших людей и довольно тактично, по одному, переводят в советскую зону. Где автоматчики в галифе и хромовых сапогах, встречают ударами каждого, и собаки рвут куски мяса из человеческих тел…

Эти нелюди – задурманенная коммунистической идеологией толпа, частица массы, гордо именуемой *освободителями Европы*, – видят в бывших соотечественниках молодых предателей, наймитов и пособников фашизма. И потому так безжалостно, так

дико расправляются с каждым, переведенным из английской зоны.

Середина XX века; время без полутонов; это век черного и красного! Век «честных» героев-большевиков и предателей! Век порождения из одного яйца идеологии коммунизма и фашизма и борьбы их друг с другом; все – в соответствии со значимым указанием классика марксизма-ленинизма о *«единстве и борьбе противоположностей»*…

Не в этом ли безбожная (божественная) мистика **наказания** людей за то, что они сотворили зло, надругавшись над Российской империей, насильственно ввергнув ее в пучину зла; надругавшись над страной, как над Женщиной, изувечив ее кровавой революцией…

Среди тех, кто возвращался, не давая на то согласия, оказалась и бывший младший сержант Клавдия.

– Я вглядывался в ее лицо, когда она истошно кричала англичанину по-русски и по-немецки, что она боится возвращаться, очень боится, потому что ее расстреляют как предателя. Я останавливал пленку и прокручивал вновь и вновь… Ее рот открывался, и она кричала и кричала в пустоту…

Чья вина в том, что человек не по своей воле оказывается в непредвиденных обстоятельствах? Кто ответит за это? Кто вообще должен отвечать?

– Реальные цифры таковы, – подчеркивал О. Грейгъ, – что более 95 % советских молодых людей не хотели возвращаться на родину, но их вернули. Как вернули и тех, кто был в Германии в концентрационных лагерях и пожелал остаться на Западе. Лишь небольшому количеству людей при передаче удалось бежать. Большинство их осело в Великобритании, Франции, Латинской Америке, в частности, в небольшом государстве Суринам. Я встречал некоторых из них, общался… Между прочим, среди них два Героя Советского Союза, три генерала Красной армии (со времени их пленения – бывших); но об этом все **умалчивают** – и архивы, и военно-исторические журналы, и руководство страны. Не говорю уже о полковниках, подполковниках, майорах… которым посчастливилось избежать участи насильственного возвращения; хотя и жизнь вне родины – не сахар, но лучше горечь чужих полей, чем обманная сладость счастливой жизни, описанной в передовицах в СССР…

Клавдия получила за дезертирство 20 лет и 5 лет поражения в правах. С меньшинством остальных, кого не осудили, в фильтрационных лагерях проводили такую жесткую идеологическую обработку, что люди навсегда (!) забыли свое пребывание в Германии, а тем более все нюансы той жизни. Зато

после своих лагерей, после многочасовых бесед с энкавэдэшниками они хорошо «запомнили», как фашисты, эсесовцы и бауэры «истязали» их в Германии, – причем, точно так же, как когда-то книжная Лорхен Бертгольдт расправлялась на свиноферме с украинскими и белорусскими девушками.

По сей день эти уже старые, немощные люди – если их спросить, – дрожа от первобытного страха, вселившегося в них еще от их проработки сотрудниками НКВД и НКГБ, будут говорить так, как надо… как было приказано… как придумано для всех раз и навсегда…

Клавдию осудили, после чего она была отправлена в Мордовию на лесоповал.

И началась действительность; вновь довелось узнать настоящее, истинное отношение к советской женщине советского человека. Чувство достоинства? – такого понятия для *хомо советикус* **не** существует, **не** может существовать!

В лагпункте при распределении по отрядам ее внимательно рассматривала вертухай, приказав ей наклониться и раздвинуть ягодицы, после садистски ткнула тупым предметом, сказав: «А ты девка ничего себе, хорошо тебя откормили фашисты. Видать, не одного нашего сдала в концлагерь…»

Та ничего не ответила, а к концу дня, когда их переодели в робы, пришли еще две надсмотрщицы и приказали ей и некоторым другим следовать за ними. Их привели в какой-то зал, наверное, клуб зоны, где в полушубке с погонами майора и с плетью в руке стояла дебелая баба с гнилыми зубами. «Ну что мне, суки, с вами делать? Тут поступил один интересный заказ… так вы уж, курвы, постарайтесь».

Женщин привезли на лесоразработку, где стояли вагончики и, передали их здоровенным мужикам, которые приказали им раздеться, и сразу же началась сексуальная оргия. Старшим среди насильников был пахан мужской зоны, окруженный «опричниками»; более двух недель пришлось Клаве вместе с подругами по несчастью удовлетворять похоть этих самцов.

Не единожды советские изверги в погонах офицеров и с партбилетами в карманах отдавали зэчек на унижения, подвергали издевательствам.

Если кто-то из женщин пытался возражать, вначале ее избивали плетьми, а потом загоняли в «трюм» (одиночную камеру). Клавдия не единожды была там; в этом штрафном изоляторе на самом полу в углу была залита в бетон бутылка из-под шампанского, горлышком она смотрела в камеру, а отбитым донышком – на улицу. Такая же бутылка была и в противоположном углу. Вряд ли фашисты знали о таких способах

(хотя, безусловно, они многое переняли у своих учителей из СССР и в чем-то даже превзошли их); жуткий сквозняк вызывал неумолчный, чудовищный вой, закладывающий уши, леденящий душу и сердце. К тому же женщин загоняли сюда полуголыми, и это в мороз минус 45 градусов… лишь тонкое одеяло на полу как насмешка. Время от времени, чтобы зэчка не околела, кто-то закрывал снаружи дырки, тогда исчезал сквозняк и смолкал вой… Но и этого садистам, облеченным властью, было мало; поперек камеры был еще желоб, куда пускали горячую воду и бросали хлор, от которого буквально вылезали глаза. После таких пыток любое групповое изнасилование, любой секс с зэками воспринимался как тихое успокоение, подобное призрачному счастью.

Нет смысла описывать изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год адские испытания, муки, пережитые Клавдией.

Так же, как когда-то капитан-летчик, подаривший ей несколько часов страсти в то время как вокруг шли бои, она отсидела от звонка до звонка (досрочно обычно освобождают стукачей). Спустя 20 лет она, потерявшая здоровье, выглядела измаянной дремучей старухой. Понятно, ее не захотели прописывать и нигде принимать на работу, так что не было никакой возможности заработать на кусок хлеба. Оставалось два пути: совершить преступление (чему она противилась) либо побираться. Очевидно, Клавдия смалодушничала, она не мстила, не совершала зла; периодически на узловых станциях и в областных центрах можно было увидеть ее сгорбленную, сутулую, издававшую дурной запах фигуру – побирушку, просящую у людей копеечку… бывшую – комсомолку, солдата, предательницу, гастарбайтера, зэчку… просто Клаву, родившуюся не в той стране…

История 15. «Станьте моей… вдовой!»

Мой залетка на войне
Управляет таночкой.
Скоро я к нему поеду,
Буду санитарочкой.

Сколько елочек зеленых,
Сколько веточек в саду.
Сколько девушек готовых
К обороне и труду.

Разгромил врагов миленок
И давно домой пришел.
Чернобровую Марусю
Он в Воронеже нашел.

Советские частушки

Уже в послереволюционные годы большевистской власти было свойственно стремление придать женщине неестественную социальную роль, возвышая женщин до мужского уровня и признавая этот уравнительный образ идеальным, соответствующим требованиям нового времени.

Сначала женщины-большевички показали пример в ношении мужской одежды: бушлатов, кожанок, кепи, брюк и дополнения к ним, как то – наганов, пулеметных лент и проч. и проч. Потом в женское общество внедрили мужеподобную, асексуальную одежду иного плана: фуфайки, кирзачи (кирзовые сапоги), телогрейки, утепленные стеганые брюки и др. Подобные антимодные изыски широко рекламировали советские актрисы в популярных фильмах тех лет, пропагандируя образ женщины-труженицы, заставляя советских женщин идти на самые тяжелые работы, осваивать самые трудные профессии. Литературный критик Александр Беззубцев-Кондаков, говоря об очередной героине советского романа, в одной из своих статей заметил: *«Она женщина, следовательно, мещанка, потому что в силу природных причин не может быть воином и революционером, и стать полноценным членом общества может лишь преодолев свою женственность, победив природу и став мужским подобием («с орденом Красного*

Знамени, в зеленой гимнастерке»). Это возможно, ведь если революция побеждает историю, то почему бы другой революции не победить саму природу человека».

Наиболее полно этот рецепт ***победы над природой*** раскрылся в годы Второй мировой, когда партия направляла женщин на фронты, на передовую, где мог по традиции быть востребован их талант сестер милосердия, но и заставляя примерять на себя чисто мужские ипостаси летчиков, снайперов, танкистов и др. К сожалению, оставшиеся в живых и уже изрядно постаревшие героини вряд ли смогут понять, если я скажу, что их подвиги смогли осуществиться **вопреки** их женской сути, божественному женскому началу. И что массовая отправка женщин на передовую и привлечение женской силы для разгрома противника – это, **во-первых**, целенаправленное преступление над женской природой тех, кто возглавлял партию, военные и политические советские структуры, – во имя того, чтобы защитить самих себя и остаться у власти, у кормушки Кремля. А **во-вторых**, яркое свидетельство неспособности грамотно руководить процессами (в том числе и боевыми действиями) этих самых вышестоящих властных структур.

Но оставим этих воистину мужественных женщин (термин подобран правильно, это и есть тот единственный случай, когда женщину следует назвать ***мужественной,*** *ставшей мужским подобием*), героически сражавшихся на фронтах Второй мировой (им привычней: Великой Отечественной) войны в покое; пусть радуются остаткам социальных льгот, осчастливленные скудными подарками от военкоматов в канун Дня победы, забывая, что побежденные живут во сто крат лучше и богаче их, проливавших свою кровь, рисковавших жизнями в борьбе с «ненавистным врагом». Кстати, по официальным данным, за годы войны в Красную армию было призвано более 500 000 женщин. А кто и когда скажет: сколько их на фронтах войны было на самом деле, и сколькие еще проходили по отдельным, секретным спискам?!

Но перейдем к теме военно-полевого эроса времен Второй мировой, поговорим о тех, кто не воюя «внес вклад в дело освобождения советской Родины».

В многочисленных штабах Красной армии женщины работали в качестве телефонисток, официанток, шифровальщиц, уборщиц и проч. Однако представительницы прекрасного пола привлекались в штабы также и с иной целью. Своими телами они обслуживали уставших от дневных забот генералов. *«Всякое отрицание, замазывание, затушевывание фактов разврата в штабах Красной армии так же бесполезно и лживо, как лживо отрицание фактов тактических поражений, вызванных безграмотностью и*

трусостью советских генералов», – утверждал публицист, профессор Олег Грейгъ.

Женщины в солдатской форме, находившиеся на всех этажах военной вертикали, получали определенные вознаграждения за нетипичные условия своего пребывания и исполняемых обязанностей. Сбегая от ужасов тыла (непосильной работы во имя победы, получения мизерных порций продуктов по карточкам (только если ты работаешь!)), или покидая оккупированную немцами территорию, многие женщины попадали в реальный ужас фронтовых условий. Впрочем, как известно, женщины шли за войском и в годы Первой мировой; так что ничего удивительного, что и в годы Второй мировой в полковых подругах ходили сотни девушек, на сей раз одетых в гимнастерки и шинели. Не зря возникло и презрительное: ППЖ – походно-полевая жена. Итак, временная полевая жена командира роты или батальона могла рассчитывать на сытный офицерский паек, из которого она готовила пищу сожителю и питалась сама. Та, которая спала с командиром полка или начальником штаба дивизии, имела еще более сытную еду и, к тому же, находилась вдалеке от передовой.

Нередко сожительницы советских офицеров до полковника включительно получали шанс заиметь в награду медали «За боевые заслуги» или же «За отвагу». Что впоследствии, в мирной жизни, давало им некоторые льготы от родного государства.

ППЖ, попадавшие в объятия генерал-майоров и генерал-лейтенантов, которые чаще занимали должности командира дивизии, начальника штаба корпуса, командира корпуса и аналогичные штабные должности в штабах армии и фронта, получали еще больше выгод. Даже в условиях войны они питались икрой, другими деликатесами, заедая обед заморскими фруктами; также им дозволялось регулярно наведываться в генеральскую баню. И так как конкуренция на паек и постель командного состава была слишком велика, то бывали случаи, когда красные генералы находили успокоение от тягостных воинских дум в объятиях сразу нескольких красоток.

Еще более высокое положение в иерархии ППЖ занимали те, чьи ласки оказывались востребованы командующими армиями, начальниками штабов фронтов, замкомандующих фронтами. Однако на самом верху также была категория наложниц – женщины командующих войсками фронтов. Эти полководцы пользовали исключительно артисток фронтовых ансамблей или фронтовых бригад. И если командующие армиями могли походатайствовать, чтоб их пассия получила орден Красной Звезды, то командующие войсками фронтов чаще всего

награждали потрафивших им дамочек орденом Красного Знамени.

От опостылевшей наложницы можно было избавиться несколькими способами: отдать на растерзание садистов из заградотрядов; отправить в Мордовию на лесоповал лет эдак на 20–25. Немалое количество женщин в форме советских солдат канули в неизвестность не только на фронтах долгой и беспощадной войны, но в советских концлагерях, в шахтах и на лесоповалах…

Такая проблема, как беременность, также решалась чудовищно просто. Редко какой (в общем масштабе происходящих половых разменов) удавалось заполучить сожителя в качестве мужа, или хотя бы ответственного и заботливого отца своего ребенка. Беременная в солдатской форме выглядела столь нелепо, что от таких женщин избавлялись на ранних стадиях «залета». Чаще их отправляли в тыл, причем безо всякой надежды на какую-либо материальную помощь, исходящую от сожителя-офицера. Надеяться получить социальную защиту от родного государства эти женщины также **не** могли. Бывали случаи, когда – во избежание всяческих разговоров, избегая огласки в виде доклада особиста и кары, – мужчины физически уничтожали «доказательства своей вины», убивая военных подруг, которые оказывались на сносях (сами ли, с помощью денщиков, или смершевцев). Нельзя утверждать, что подобное происходило повсеместно, но и замалчивать эти факты также нельзя. Все в соответствии с циничным выражением: *на войне как на войне…*

И все-таки факты рождения детей «походно-полевыми женами» имели место. Понятное дело, женщина пыталась таким образом удержать советского военачальника, выйти за него замуж, обеспечивая себе и ребенку сытое и благополучное будущее. Но такая стратегия редко приводила к успеху, ведь ловеласы в погонах имели в тылу семьи. Оттого в медсанбатах при штабах обычным явлением становились аборты.

Но разве не было счастливых концовок, когда ловцы получали свою жертву с потрохами? А разве не было искренней любви, заканчивающейся заключением брака? Безусловно, были. Не зря же после окончания войны, в 1947 году появилась петиция 60 брошенных жен генералов (!). И уже много лет спустя одна из брошенных – бывшая генеральша Елизавета Григорьевна Гаген писала:

«Председателю Совета Министров Союза ССР
Н. А. Булганину
«…Надо, чтобы женщины все больше участия принимали в

управлении государством…» В. И. Ленин.

В опубликованном Советом Министров СССР проекте закона о государственных пенсиях утверждается право граждан на материальное обеспечение в старости, при потере трудоспособности и в случае болезни.

С волнением читала я этот проект, желая поскорее узнать, какое же будет обеспечение старости мне и другим женщинам в моем положении, а нас таких сотни тысяч, если не миллионы.

Прочитала я все 46 статей проектируемого закона и с горечью увидела, что судьба таких женщин, при составлении проекта, совершенно не принята во внимание.

Я говорю о женщинах, мужья которых после Отечественной войны привезли с фронта молодых девиц и зарегистрировались с ними.

В статье 38 говорится, что пенсионное обеспечение генералов, адмиралов, офицеров… а так же пенсионное обеспечение их семей осуществляется в порядке и размерах, устанавливаемых Советом Министров СССР.

Но… поскольку генералы, адмиралы и проч., бросившие своих старых жен, зарегистрировались с фронтовыми подругами, то значит, пенсию после их смерти будут получать они – молодые и здоровые, пристроившиеся уже на готовое, обеспеченное положение.

А старая жена, которая в течение всей жизни была другом и помощницей своего мужа, которая перенесла с ним все трудности и лишения в годы Гражданской войны, на какие средства она должна будет существовать, в случае смерти мужа? Хорошо если у нее есть взрослые дети, которые ее будут кормить. Ну, а если детей не было и брошенная старая жена совершенно одинока, как же она должна жить?

Мой муж генерал ГАГЕН Н. А., командовавший в годы Отечественной войны армией на 3-м Украинском фронте, после окончания войны не вернулся домой в Свердловск, откуда он выехал на фронт и где я жила все годы войны.

В ожидании назначения, он скрывался со своей фронтовой подавальщицей в подмосковном санатории «Архангельское», откуда и уехал в Закарпатскую Украину.

Весной 1946 года он прилетал в Москву и в несколько дней получил развод, который по моей жалобе Верховным Судом РСФСР был отменен. Тогда весной следующего года муж снова прилетал в Москву и снова, в течение нескольких дней, получил развод, несмотря на то, что все мои свидетели доказывали лживость его обвинений.

СУД В УГОДУ ГЕНЕРАЛУ ОСВОБОДИЛ ЕГО ОТ СТАРОЙ

ЖЕНЫ.

Теперь его молодая фронтовая сожительница по возрасту подходящая как раз в дочери, стала женой генерала со всеми правами, полагающимися семье генерала. А я, БЫВШАЯ ЕГО ЖЕНОЙ БОЛЬШЕ ЧЕТВЕРТИ ВЕКА, ставшая его женой еще в годы Гражданской войны, – ПО СУЩЕСТВУЮЩЕМУ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ЗАКОНУ, лишена всех этих прав.

Мне 60 лет. Детей не было. Я совершенно одинока. На какие средства я должна существовать? Муж по закону помогать не обязан. На государственную пенсию, поскольку я не работала, я права не имею.

В настоящее время, зная, что по закону он не обязан, Гаген с величайшей неохотой высылает мне помощь «по доброй воле». Ну, а что я должна буду делать в случае его смерти? Ведь мне остается только встать на углу с протянутой рукой с просьбой ПОДАТЬ МИЛОСТЫНЮ БЫВШЕЙ ЖЕНЕ ГЕНЕРАЛА!

Зато будет ликовать молодая супруга, освободившись от «старика», как она завет Гагена. Пенсия на нее, пенсия на усыновленную ею племянницу. Живи, радуйся и… ничего не делай!

СУЩЕСТВУЮЩИЙ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ЗАКОН О БРАКЕ ПЛОДИТ ПАРАЗИТОВ ОБЩЕСТВА.

«Отбить» генерала от состарившейся жены молодой фронтовичке чрезвычайно легко – старая жена где-то за 1000 километров в тылу, а она молодая все время перед глазами.

Также легко было молодым секретаршам улавливать в свои сети больших людей во время эвакуации, когда они оставались в Москве, а семьи их были эвакуированы. Я лично знаю жену зам. министра здравоохранения академика Кроткова, которая была эвакуирована с подростком-сыном в Свердловск, а когда она вернулась в Москву, то увидела, что ее место занято 20-летней личной секретаршей. Академик Кротков очень быстро добился развода и на 7-м десятке зарегистрировался с 20-летней секретаршей.

Да разве Кротков исключение? А генерал авиации Беляков, оставивший свою жену со школьником-сыном. А генерал Фомин, оставивший свою жену с четырьмя детьми, начиная с 2 лет и до 15. А покойный генерал Чернецкий, получивший развод в возрасте 75 лет и т. д.?

В парке культуры и отдыха имени Горького я видела в аллее сатиры большой плакат, на котором изображен старик (по типу академик) с букетом цветов в руках. Он делает предложение молодой девице со вздернутым носиком стать его… вдовой!

Признаюсь, что эта сатира вызвала у меня не смех, а

отвращение.

Разве поможет сатира избавить общество от этих молодых паразитов.

НУЖЕН ТВЕРДЫЙ ЗАКОН, А НЕ САТИРА.

В 1947 году мы – брошенные жены генералов, подавали петицию в Комиссию законодательных предположений при Президиуме Верховного Совета Союза ССР.

Петицию подписали 60 (шестьдесят) брошенных жен генералов.

Жена Маршала А. Е. Конева – тоже брошенная – отвезла ее на дачу Н. М. Шверника и, не застав его, просила жену Марию Федоровну лично передать ему нашу петицию.

Вернувшись от Шверника, Конева рассказала мне, что когда М. Ф. прочитала нашу петицию, она со слезами на глазах сказала, что всей душой согласна с нею.

Но… петиция наша результатов не имела. В законе о браке никаких изменений не было.

А МЕЖДУ ТЕМ ЗАКОН, ОГРАЖДАЮЩИЙ ПРАВА ЖЕН, СОСТОЯЩИХ В БРАКЕ 20 ЛЕТ И БОЛЕЕ, СОВЕРШЕННО НЕОБХОДИМ.

Разве покончила бы свою жизнь самоубийством моя несчастная старушка-мать, если бы моя старость была обеспечена!

Если молодая бездельница, охотящаяся за пожилым работником с высоким окладом, будет знать, что он должен будет выплачивать старой жене 25 % оклада (примерно), а в случае его смерти пенсию будет получать не она, а старая жена, то она призадумается.

Пенсию молодой жене следует назначать только по достижении 55 лет. Причем, если старая жена к тому времени будет еще жива, то она получит только половину пенсии.

Если после смерти мужа пенсию сразу поделить пополам между старой и молодой женой, то это не избавит общество от бездельниц, любительниц легкой жизни, потому что и половинная пенсия большого человека будет достаточно соблазнительна для этого паразитического слоя общества.

Приложение: история моей жизни.

21 мая 1956 г.

Адрес: Москва А-239 2-ой Коптевский пр-д, д.59, корпус 3, кв. 58

Гаген Елизавета Григорьевна».

Неблагодарное это занятие: влезать в «амурную» тему времен Второй мировой войны, рассуждать о взаимоотношении полов в

военно-полевых условиях. Хотя бы потому, что многие женщины, легко отдававшие свои тела, свои ласки, а то и свою невинность похотливым самцам в военной форме, искренне считали, что таким образом «поддерживают боевой дух славных защитников Отечества» и даже – исполняют свой священный долг! Извращенная однобокой идеологией женская психика уже **не** могла распознать и отличить в этом добровольно-принудительном сожительстве насилие над своей личностью, над своей женственностью, своей едино неповторимой уникальностью.

История 16. «Русские невесты», или Stalin said yes and 35 happy!

Неспокойный этот год,
Взяли дролечку во флот,
Только тем приятный год —
Дроля Гитлера побьет!

Советская частушка

В дни начала Германией войны с Советским Союзом британский премьер Уинстон Черчилль пообещал: «Мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем». Его поддержал президент США Ф. Рузвельт. Вскоре к северным берегам СССР потянулись десятки судов с вооружением; первый караван союзников под кодовым названием «Дервиш» прибыл в Архангельск 31 июля 1941 г. По ленд-лизу в СССР поступали оружие, продукты, техника и медикаменты из США, Канады, Великобритании. К примеру, на протяжении войны английские конвои доставили 5312 танков, 7411 самолетов, 4932 противотанковых орудия, 14 тральщиков, 9 торпедных катеров и 4 подводные лодки, а также 4000 радиостанций, 55 тыс. км телефонного кабеля, 1 800 комплектов радиолокационного оборудования и др. Технику после разгрузки требовалось собрать, проверить и обучить работе на ней русских специалистов. На что требовались усилия многих солдат и офицеров из числа союзников. Так что не удивительно, что доселе закрытые советские северные города в годы войны были буквально наводнены иностранцами.

Однако хотелось бы тут внести некоторую ясность. Помощь Советскому Союзу по ленд-лизу со стороны США и Великобритании отнюдь **не** была бескорыстной, как может подумать неискушенный читатель. Страны-союзники получили гарантию своей безопасности и выиграли время для подготовки своих вооруженных сил к решающим битвам 1943–1945 гг. К примеру, министр торговли США Дж. Джонс отмечал: «Поставками из СССР мы не только возвращали свои деньги, но и извлекали прибыль, что было далеко не частым случаем в торговых отношениях, регулируемых нашими государственными органами». Американский историк Дж. Херринг писал о ленд-лизе: «Это был акт расчетливого эгоизма, и американцы всегда

ясно представляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь». В общем, часто описываемый в исторической литературе (особенно зарубежной) как акт безвозмездной помощи, ленд-лиз на самом деле был очень доходным делом для западных промышленников.

В 1943 г. в Архангельске была открыта Британская военно-морская миссия; в Архангельске, Молотовске (ныне Северодвинск) и Мурманске работали интерклубы (клубы интернациональной дружбы), где показывали фильмы, концерты, организовывали танцы под проигрыватель или даже оркестр. Девчонки считали за счастье получить приглашение на просмотр «Анны Карениной» со знаменитой Гретой Гарбо; радовались каждой возможности попасть на танцы, где галантные кавалеры, сытые и хорошо одетые молодые люди станут делать им комплименты и приглашать на вальс, танго, фокстрот. Какая война, когда тебе только 16, или чуть-чуть за 20; какое искушение праздником, когда пайка хлеба в Архангельске такая же, как в блокадном Ленинграде… Они, советские девушки, и так с младенческих лет жили в ощущении врага; *Все выше и выше и выше /Стремим мы полет наших птиц /И в каждом пропеллере дышит /Спокойствие наших границ…*; а тут сама партия (*Партия – /рука миллионопалая, /сжатая /в один /громящий кулак… Мы говорим партия, /подразумеваем – Ленин…*) и само правительство дозволили иностранцам, потенциальным шпионам и врагам, заполонить наши тщательно охраняемые берега. Ну как тут не потерять голову, не поверить во вседозволенность и с юношеским максимализмом не раскрыть сердце первой Любви…

Кроме наивных девчонок, уставших от идеологии и войны, интерклубы посещали и преданные комсомолки. В одной из передач на российском телевидении говорилось, к примеру, что в Мурманске комсомолки по заданию партии обслуживали в плане секса английских и американских моряков; и так как многие из них не являлись местными жительницами, то паспорта таких комсомолок были заменены на спецпропуска. Позже интерклубы получат даже емкое название «бордели Черчилля». Однако в начатой в прессе дискуссии о роли интерклубов времен войны оставшиеся в живых свидетельницы станут яростно протестовать против такого наименования. И будут правы, у каждого, как говорится, *своя правда*. Откуда могла знать 15– или 16-летняя девчушка о том, чем занимались ее более старшие, более опытные товарки, которых она-то и видела пару раз, но ведь осталась жива, и свидетельствует: не было, ничего не было, знаю, помню, расскажу правду…

Впрочем, всего хватало; можно было пострадать и за

слишком пренебрежительное и за слишком свободное поведение с союзниками. Так что и в самом деле: правы и те, и эти, и правды посередине в этом вопросе нет! Английский историк Ричард Вудман, автор книги «Арктические конвои: 1941–1945» подметил: «Демонстрация слишком теплого отношения к гостям вела к таинственным исчезновениям».

Интерклубы в северных городах появились не просто так. В СССР еще в 1935 году было создано Всесоюзное общество культурных связей (ВОКС) с иностранцами. В состав ВОКС входили все советские организации «Интуриста», а «Интурист», как известно, курировался КГБ. С началом военных действий группа сотрудников ленинградской гостиницы «Астория» (входившей в сеть «Интуриста») выехала в прифронтовой Мурманск, чтобы обеспечить культурный досуг союзникам. Опытными кадрами по заданию партии и органов была налажена работа интерклубов всех трех морских портов: Мурманска, Архангельска и Молотовска. Концерты, лекции, беседы, киносеансы, танцы, буфеты с икрой и водкой – это открытый сервис по-советски. Секс-досуг и шпионаж – это деликатес. Было? Да! Но все причастные к обслуге по заданию партии в 1945 году были схвачены как… проститутки (впрочем, наряду с таковыми), затем девчонок и молодых женщин посадили на баржу, вывели ее в залив и затопили вместе с живым грузом. Профессор Олег Грейгъ указывал, что останки несчастных жертв советского режима следует искать в Девкиной заводи в Лиинахамари. «В моих руках, – пишет журналистка Ольга Голубцова, – оказался ответ губернатору Мурманской области Ю. А. Евдокимову из Управления ФСБ РФ по Мурманской области: «Каких-либо данных, прямо или косвенно доказывающих существование в г. Мурманске под покровительством органов НКВД публичного дома или затопления баржи с его персоналом, не обнаружено» (см. «Совершенно секретно», № 5, 2005). На что О. Грейгъ, не понаслышке знавший о многих тайных операциях советских партийных и силовых структур, иронизировал: «Конечно, у благородных чекистов сего не могло быть…»

Метод расправы с неугодными с помощью баржи (теплохода и др.) не нов и применялся еще в первые годы советской власти по приказу Ленина. После войны не только эти женщины пойдут на дно усилиями карательных органов; в глубоких водах найдут свое последнее пристанище обрубки человеков, инвалиды Великой Отечественной войны… И вновь прямых или косвенных доказательств обнаружено не будет. Советская история очень неохотно отдает свои секреты.

Те из посетительниц интерклубов, кому посчастливилось

выжить после победного сорок пятого, пройдут свой путь жестокого очищения – ГУЛАГ. О. Голубцова в своем журналистском расследовании встретилась с бывшим старшим следователем архангельского НКВД Арсением Ивановичем. «Весьма доброжелательный человек, он многое помнил. Допросы арестованных девчат велись только по ночам: таково было предписание сверху. Если следователи отпускали заключенных в камеру в три часа утра (или ночи?), то за такую поблажку получали взбучку от начальства. По статье 58 проходили шесть или семь девчат из Молотовска. Из Архангельска – не меньше ста».

Возлюбленную Эрика Кемпбелла Елену Иванову арестовали в октябре 1946 г., их ребенку на тот момент было два года. Молодые люди не смогли пожениться, английский офицер был переведен на новое место службы после того, как начальству стало известно о его серьезных намерениях жениться на русской. Международные браки **не** поощрялись ни Советами, ни странами-союзницами. Е. И. Ивановой предъявили обвинение по ст. 58: пункт 1а – шпионаж; пункт 6 – террор; пункт 10 – антисоветские разговоры. Она получила 10 лет лагерей. Не за террор и шпионаж, за – Любовь. «Там, в Ягринлаге, формировался этап политссыльных и собирали народ со всей России для отправки в Сибирь. Наконец этап в 10 тысяч человек был укомплектован. Леночку ждал Тайшет – лагерь для «спецконтингента особо опасных преступников», самое строгорежимное место заключения… Загнали в каменный карьер, потом на лесоповал. В тайге не услышала тревожное: «поберегись!» – и сосна грохнулась прямо на голову. Барабанная перепонка лопнула, осталось 50 процентов слуха… Выжить помогала мысль о ребенке. /Все знакомые отвернулись от семьи «врага народа», и так было долгие восемь лет».

А в середине 50-х, уже после смерти Сталина и после долгих ходатайств мать репрессированной получит из Верховного Суда бумагу: «Приговор военного трибунала от 28.01.47 г. отменить. Дело прекратить за отсутствием состава преступления. Иванову из-под стражи освободить». Измаянная и больная женщина окажется наконец на свободе. Пройдет еще много лет, и она прочтет: «Моя дорогая Елена! …Пожалуйста, знай, что ты была моей первой любовью и мы были очень счастливы вместе, но судьба распорядилась иначе. Мы оба подходим к концу жизни на земле, возможно, мы сможем встретиться на том свете и возместим потерянные годы… С любовью, Эрик».

«Желательно воздержаться от интимных отношений с женщинами», – гласили инструкции военно-морского атташе

США, выдаваемые всем членам американских экипажей. Подобные инструкции получали офицеры и сотрудники Британской военно-морской мисси. Но инструкции для того и создаются, чтобы их нарушать, особенно когда ты молод, силен, а вокруг тебя правит Смерть. И ты хочешь доказать, что жизнь, которая может быть скоротечной, для тебя проходит не даром. Ты знаешь, что такое жертвенная любовь к Отечеству, но ты еще хочешь успеть познать самое главное: ***любовь к женщине.***

Несмотря на то, что браки с иностранными гражданами не поощрялись, весной 1945 года 35 советских женщин числились законными женами англичан из числа союзников; юные Шуры, Нади, Люси, Лели носили иностранные фамилии: Гринхолдж, Холл, Хендерсон, Берк, Болтон, Сквайр… Офицерские жены недолго радовались обретенному в конце войны счастью. Гринхолдж покинул Советский Союз накануне брачной ночи. Сквайр, получив приказ вернуться на родину, покинул с конвоем Мурманск, наскоро успев попрощаться с нареченной.

Любовь не выбирает время, не выбирает национальность, не выбирает страну. Советские девушки, избравшие в мужья иностранных офицеров, остались в заложниках у своего государства. И пока они обивали чиновничьи пороги, умоляя отправить их к любимым, их мужья пикетировали здание посольства СССР в Лондоне. 35 молодых женщин еще надеялись, когда в страну прибыл с миссией архиепископ Кентерберийский; они получили аудиенцию у архиепископа и слезно умоляли его пересказать свою проблему на встрече с товарищем Сталиным. На следующий день после встречи в Кремле английские газеты запестрели радостными заголовками: *Stalin said yes and 35 happy!* («Сталин сказал «да», и 35 счастливы!»). Но счастье улыбнулось лишь 20 – столько новоиспеченных англичанок из числа русских девушек получили дозволение на выезд из страны.

И пока одни наслаждались внезапно полученной свободой, другие еще только надеялись на нее. Ну разве могла не надеяться Клара Холл, носившая под сердцем ребенка от английского мужчины? Могла не теплить надежду Леля Берк, регулярно получавшая от мужа каталоги мебели, в которых должна была отмечать понравившиеся модели, чтоб супруг успел завершить убранство их семейного гнездышка до ее приезда? А разве не верила в справедливость Людмила Сквайр, страстно полюбившая своего красавца офицера, с которым познакомилась, когда тот короткое время служил переводчиком в английской миссии в Архангельске? *«Месяц за месяцем 15 жен ждали разрешения на выезд, не зная, что давно перестали быть живыми людьми, превратившись в разменную монету холодной войны»*, –

подчеркнула журналистка «АиФ» Полина Иванушкина, рассказавшая о судьбе одной из женщин из числа жен офицеров-союзников.

Их арестовывали по одной, по две, тихо, без лишнего шума. Сначала была взята Шурочка Гринхолдж. Двоих других – Надю Болтон и Розу Хендерсон взяли прямо в вечерних платьях, когда они выехали из ворот английского посольства на вечеринку; пересадили из машины в «воронок» прямо на Тверской улице, в центре Москвы.

Стены посольства могли служить укрытием, но непродолжительное время; вскоре была вынуждена покинуть здание и Людмила Сквайр. О том, что произошло дальше, в ее коротком монологе:

– Когда за мной пришли и велели взять только самое необходимое, я схватила зубную щетку. Какой-то человек в черном зашептал на ухо: «Бери теплые вещи, теплые!» На Лубянке две недели не давали спать. Требовали оформить развод и признаться в шпионаже на британскую разведку. Я сказала, что слишком люблю этого человека… Тогда пригрозили арестовать отца и мать. Я подписала документы не глядя.

Она получила 15 лет лагерей, Шура Гринхолдж – 10 (ее муж Билл Гринхолдж всю жизнь будет хранить ее карточку возле постели и никогда больше не женится); длительные сроки за любовь получили и другие женщины, по роковой неосторожности имевшие несчастье полюбить иностранцев и выскочить за них замуж. Все они попали за Урал, в суровые лагерные условия, где вместо мужниных ласк и счастья материнства в полную меру познавали ужасы унижения и насилия. Л. М. Сквайр попала на слюдяную фабрику, где условия работы были таковы, что мельчайшие осколки слюды иссекали тонкую роговицу глаз; впоследствии женщина почти потеряла зрение. Все годы нахождения в лагере молодая жена помнила почтовый адрес фамильного имения Сквайров на юго-западе Англии. Уже в 60-е годы она получит наконец весточку от своего мужа, который также будет безмерно тронут тем, что она объявилась, что жива и помнит. Но у него новая семья, любимая жена Наташа, из… русских, с которой он когда-то познакомился во Франции. Профессор Кембриджа станет отправлять посылки своей давней подруге, встреченной в пылу ликования в год окончания Второй мировой. Посылки с диковинной едой и платья, присылаемые из далекой Англии, Людмила будет вынуждена продавать на рынке, чтобы как-то выжить, как-то прокормиться. Ее отца исключат из партии за «непатриотичное воспитание дочери»…

Максимум, что Людмила Михайловна сможет сделать в

память этой любви, – не отправлять Питеру Сквайру свои послелагерные фотографии; чтоб в его воспоминаниях хранился броский образ большеглазой девушки. Ее жизнь пройдет в полном одиночестве и завершится скучными годами в Доме ветеранов сцены.

Это лишь несколько имен и историй, открытых уже в наши дни журналистами; а о скольких романтических историях мы уже никогда не узнаем в силу того, что этот секрет каждая советская девушка хотела сохранить в тайне, как можно глубже, надежнее, скрывая и от спецслужб, и от родных, и от… самой себя. А сколько чудесных порывов (*Я помню чудное мгновенье: /Передо мной явилась ты /Как мимолетное виденье, /Как гений чистой красоты…*) первой Любви закончились не свадебным вальсом, а матерной бранью надзирателей советских концлагерей.

Когда «русские невесты» и «русские жены» вышли на свободу, жизнь для многих из них была кончена; их молодость, красота и здоровье навсегда поглотил ГУЛАГ. Но! Для меня не было ничего трогательней прочесть это признание Валентины Иевлевой, проведшей 6 лет в ГУЛАГе:

– Я была посетительницей интерклуба. С каким волнением бьется сердце, когда вновь вижу в Молотовске здание на улице Республиканской! Здесь я, пятнадцатилетняя, танцевала с американским кадетом Бэлом Раукрафтом. Ему – двадцать. Корабль «Томас Хартли» стоит на ремонте. Бэл приносит мне бутерброды и какао в бутылке. У нас обоих первая любовь… Я согласна отсидеть еще 10 лет, чтобы повторить юность, которая была согрета уважением, бескорыстной помощью и галантностью иностранных моряков.

…В сентябре 1945 года Япония подписала акт о капитуляции, британская миссия была расформирована, и все англичане уехали из России. А в отношении советских девушек начались репрессии. Одна из участниц тех событий вспоминала, как поздним октябрьским вечером на речном вокзале Архангельска скопились плачущие женщины; они провожали персонал английской миссии, навсегда покидающий этот северный порт. Молодые, красивые женщины рыдали, напирая на оцепление, а снующие вокруг неприметные люди в штатском фотографировали их со всех сторон. Каждую из пришедших проститься ожидал суровый урок. У одних появлялся устойчивый иммунитет на симпатию к иностранцам уже при виде первого особиста, другие навсегда заражались страхом в стенах НКВД, следы третьих попросту терялись в снежных заносах отечественных лагерей… Родные и близкие, не верящие в предательство своих юных дочерей, сестер и подруг, писали в разные инстанции, пытаясь как-то помочь

репрессированным. Обращались и в судебные инстанции, и в местные партийные органы, и даже в ЦК КПСС; слали слезные письма о помощи в широко разрекламированный советской пропагандой Комитет советских женщин, он существовал «для борьбы за мир во всем мире», его сотрудницы вели переписку с заграницей, выезжали на международные конференции. Но и эта организация была, по сути, одним из подразделений КГБ. Так что, по большому счету, помощи ждать было неоткуда.

Английские моряки-ветераны, начавшие интересоваться судьбами подруг своей юности, оставшихся в России, смогли узнать лишь крохи той настоящей Истории, реальные события которой не могли прийти в голову даже самому примитивному человеконенавистнику; но зато их придумывали и воплощали в жизнь люди новой «великой» эры – эры строительства социализма-коммунизма. И как же нужно извратить всю жизнь женщины, своей соотечественницы, чтобы она призналась:

– Я согласна отсидеть еще 10 лет, чтобы только повторить юность…

История 17. Ласточки особого назначения

Чтоб давали домны больше стали,
Чтоб хранился дольше виноград,
Чтоб спокойно наши дети спали,
Эти люди никогда не спят.

Разведка наша – весь народ,
Враг не пройдет границы.
А коль пройдет, он попадет
В Ежовы рукавицы!

Песня чекистов. 1937 г.

Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше б… буду
подавать ананасную воду!

В. Маяковский. Вам!

В 20—30-е годы XX в. все гулящие женщины рассматривались Советами как составная часть трудовых ресурсов. В те годы государству была необходима дешевая рабочая сила, так что оно не задумывалось о социальных последствиях своих действий в отношении к асоциальным элементам; «перековывавшиеся» *в духе времени* в трудовых профилакториях, в закрытых мастерских, в исправительных колониях и концлагерях успешно «строили социализм». С тех пор прошли десятилетия и проституток больше не ссылали в лагеря. Однако власти нашли им новое применение!

Познавательной в этом плане была передача канала НТВ из серии «Русские сенсации» с емким названием «В постели с КГБ». Итак, все стало на свои места. Постельные таланты гулящих женщин понадобились Родине для соблазнения и вербовки иностранцев. Впрочем, особых новшеств в этом не было. На первом этапе становления большевистской власти для

«укрепления дружественных связей» – для компрометации и вербовки иностранных товарищей на подставных ролях *девушек для удовольствия* использовались девушки-комсомолки.

В воспоминаниях талантливого публициста Ивана Солоневича, взросшего в эпоху «проклятого царизма» и успевшего познать строительство советского рая, имеются такие свидетельства: «…пушечное мясо революции вербуется почти исключительно из трущоб больших городов. Но трущобы больших городов и есть те места, куда стекаются дегенераты всех классов и где биологическое вырождение идет наиболее стремительным темпом. Так дегенерация «снизу» смыкается с дегенератами «сверху», отыскивает себе подходящее философское знамя и, в момент общего ослабления национального организма, бросается на штурм общественной организации нормальных людей – приводит в исполнение свой «фиктивный жизненный план». … Брак был ликвидирован, семья была признана мещанством – проявлением «гнилого индивидуализма», пережитком капиталистического прошлого. Московские комсомольские общежития – общежития учащейся партийной молодежи – являли собой картину еще более жуткую… это просто был сплошной публичный дом. Приезжие делегации иностранных рабочих официально обслуживались комсомольскими курсистками: «по нарядам», по назначению соответствующих комсомольских ячеек. Я лично участвовал, в качестве специалиста по спорту, в проектировании новых рабочих и прочих городов, общежитий и казарм, где партия пыталась совместить элементы монастыря, публичного дома … – раздельное жительство полов и специальные кабинеты для «встреч». Это были орды самого необузданного прожектерства. Москва имела жуткий вид. Я ничего не знал о проценте онанистов, но процент туберкулезный в некоторых вузах на старших курсах достигал ста… Московские комсомолки еще продолжали «обслуживать» своими телами иностранные пролетарские делегации, но они были уже только накипью, и им, собственно, больше уже не оставалось ничего: на них не женились. Так официальная революция закончилась для них такой же официальной проституцией». К слову, впоследствии, в эпоху *окончательной победы социализма* (официально был и такой период) в народе ходил анекдот: «Иностранца, вернувшегося из СССР, спрашивают: «А публичные дома у них есть? – Есть, но почему-то все они называются домами отдыха».

Известный сексолог Игорь Кон в одной из своих работ как-то подчеркнул: «Средоточием всяческой, включая сексуальную, коррупции во времена Брежнева считался Комитет молодежных

организаций (КМО) при ЦК комсомола, председателем которого был будущий горбачевский вице-президент, а затем председатель ГКЧП Геннадий Янаев. Много интересного творилось за высокими заборами правительственных дач».

«Обслуживать» иностранную партийную и комсомольскую элиту продолжали до последних дней существования СССР, но, конечно же, не в домах отдыха, а в закрытых подмосковных городках. И работали там не просто проститутки, а профессиональные разведчицы, прошедшие спецшколы таких структур как КГБ и еще более закрытой и более мощной разведывательной организации, о которой старательно умалчивают – партийной разведки. Отдельные факты о работе подобных профессионалок и их подготовке можно почерпнуть из книг бывшего советского разведчика, ставшего перебежчиком, знаменитого Виктора Суворова (*наст. Резун*). Те, кто точно знает ***о чем*** он пишет, знает и прототипы, с коих автор создавал портреты некоторых своих героев. Особый интерес представляют его женские образы, к примеру, разведчицы Жар-птицы – дамочки-дворянки как раз из сталинской партийной разведки… О, эта тема безмерно удивительна, однако ей стоило бы посвятить отдельную книгу.

Пока же нас интересуют героини масштабом помельче – проститутки, которых (не тратя на то силы и средства) отлаженными с 20-х годов методами запугивания и шантажа вербовало на службу КГБ. И так как секс-зараза с территории СССР не исчезла вовсе даже во времена *развитого социализма*, дамочек соблазнительной наружности, готовых отдаться за деньги, можно было встретить и возле престижных гостиниц, и в городских парках. Говорят, в 70—80-е годы в парковых аллеях крупных городов можно было лицезреть сидящих на скамейках девушек, ненавязчиво выставлявших ножки. Покупатели знали, что на подошвах босоножек или изящных туфелек мелом указана цена для «съема». Кто из них любительницы, а кто профессионалки, кто подрабатывает без отрыва от основной гражданской профессии, а кто сотрудничает со службами – осталось за кадром. О том, что в СССР проституция была всегда, – хотя этого никогда **не** признавала официальная пропаганда! – свидетельствует и тот факт, что накануне международных фестивалей и олимпиад проституток высылали из столиц за 101-й километр «перевоспитываться». Но это самых мелких сошек, тогда как элитные отряды, наоборот, получали возможность проявить себя в оптимальных условиях наплыва иностранцев.

Секретные сведения о секс-истории отечественных спецслужб можно почерпнуть из рассказов самого высокопоставленного

беглеца из советской разведки, экс-резидента КГБ в посольстве СССР в Лондоне, экс-полковника КГБ Олега Гордиевского, награжденного королевой Елизаветой II британским Почетным орденом святого Михаила и святого Георгия 3-й ст. (в июне 2007 г.). Чьи воспоминания по давней чекистской традиции коллеги считают клеветой предателя на свою организацию, сплошь состоящую из членов «с горячими сердцами и чистыми руками». О сексе на службе государства пишут и некоторые другие отечественные историки разведки, к примеру, Борис Громов. И потому не стану углубляться в эту тему, лишь отмечу по верхам: да, было и такое.

…Участница телепередачи на НТВ бригадир проституток, а по совместительству агент КГБ Вероника, мило улыбаясь в камеру, показывает места дислокации своих подопечных: вот легендарное местечко гостиница «Националь», за углом гостиницы «Интурист» и «Москва». Здесь в поте лица своего и трудились ночные бабочки. В нескольких кварталах ходьбы – Петровка, 38, – адрес, знакомый каждому советскому человеку.

Биография Вероники ничем особым не отличалась, разве что ее всегда выдвигали на руководящие должности. Вот простая советская школьница становится вожатой пионерского отряда, вот в институте получает доверие товарищей, как старшина комсомольской дружины. Придя в проституцию, она достигает пика карьеры, когда занимает негласную должность ***мамочки*** – старшей среди ночных бабочек специального назначения. «У нас в экипаже были и папа, и мама», – уточняет миловидная женщина, проработавшая со спецслужбами три ударных пятилетки. Что получила от этой службы мамочка Вероника? Относительное спокойствие; ни крупных сумм денег, ни роскоши от негласных работодателей труженица постельного фронта не дождалась. Иногда ее и ее девочек награждали «премиальными» да периодически подкидывали ценный конфискат в виде нижнего белья и качественной одежды.

Мало кто из бывших подруг и знакомых предполагал, на каком поприще подвизается Вероника, какую изберет профессию. Это уже в эпоху горбачевской перестройки на экраны страны вышли нашумевшие фильмы типа «Интердевочка», показавшие всю *прелесть* профессии путаны, обслуживающей иностранных клиентов. О работе девочек на спецслужбы там, конечно же, не говорилось. Разве что в одном из эпизодов после милицейской облавы нахальничающие в стенах милиции проститутки иронично подмечают: «Мы как гуляли, так и будем гулять, вы нас никогда не уберете, потому что мы вам нужны». «Нам?» – удивился честный милиционер, явно уставший бороться с

подобным безобразием в виде полуголых красавиц. «Ну не вам… мы смежникам вашим нужны», – уточнила одна из задержанных; догадливый зритель понял: фраза касалась КГБ.

Впрочем, и регулярно повторяющийся факт задержания интердевочек органами милиции – отчасти выдумка сценаристов и режиссеров; на самом деле каждая валютная проститутка знала рецепт спокойной жизни. Тем не менее, говоря о близости Петровки, 38 к местам основной работы, путанистая агент ГБ Вероника пошутила: *«От такой интимной близости девочки из постели вставали с чувством выполненного долга».*

Об операциях, которые проводились силами бойцов постельного фронта под началом мамочки Вероники, речь в передаче не шла. А жаль…

Зато мне вспомнилась младшая сестра моей школьной приятельницы, которая также дослужилась до высот покровительницы ночных бабочек. И так как эта девушка из провинциального Жлобина стала *мамочкой* уже в середине 80-х, то и факт ее службы на КГБ сомнителен (однако дело на нее имелось и в районном, и в областном отделениях комитета госбезопасности). СССР трещал по швам, советская жизнь уже была не мила, хотелось непознанной заграницы. А в белорусском городке завелись в огромных количествах иностранные рабочие, строившие престижный металлургический завод, вот девочки и мечтали о сладкой жизни в буржуазном раю, согревая постели работяг, которые зарабатывали во много крат больше родителей юных путан. Парни, правда, поначалу сильно удивлялись: мол, ваши девчонки – самый дешевый товар, который нам встречался, почти любую можно купить за пакет пельменей или пачку сигарет. Грустно, но это правда. Зато жлобинская *мамочка* в конце концов вышла замуж за австрийца и укатила в свою заграницу… Ну а если б Союз укрепил позиции, довелось бы этой девчонке нести чекистскую вахту? Думаю, да…

Первые отряды постельных агентов из особо ответственных путан чекисты формировали еще при Н. С. Хрущеве и называли их *ласточками*. Тогда проституирующие социально-паразитические элементы поставили на службу великой советской Родине. Пожалуй, служба путан в рядах КГБ наравне с кукурузой и политической оттепелью могла бы символизировать хрущевскую эпоху. Ведь еще недавно профессиональные проститутки, как наиболее социально опасные для общества, подвергались изоляции в специальных колониях, а тут нате вам: репрессивные органы не карают их, а берут на службу! И коль их нельзя считать профессиональными разведчицами, то каждый их успех ценен вдвойне; любительницы чаще работали *на авось*:

получится – хорошо, нет… ну *на нет и суда нет*…

В секс-работниках у спецслужб состояли не только женщины, но и мужчины.

Страна, прошедшая ГУЛАГ, породила новый опыт в интимных отношениях. Считается, что ГУЛАГ был мощнейшим фактором сексуальной жизни. В ленинско-сталинских лагерях и тюрьмах сидели многие миллионы мужчин. Оторванные от семьи на десятилетия, лишенные нормальной интимной жизни, они приобщались к лагерной жестокости, имевшей свой сексуальный аспект – гомосексуальное насилие. Многие советские врачи выказывали убеждение, что тюремная среда стала единственной причиной распространения гомосексуальности в обществе. Гомосекс, – тщательно скрываемый фактор взаимоотношений в верхушке большевистской партии, в Коминтерне (который острословы называют Гоминтерн), – проникает в общественную среду и распространяется через уголовный аспект. Создавали ли чекисты отряды *стрижей* – по аналогии с *ласточками*? Безусловно. Спецслужбы интересовали и полигамные и моногамные агенты.

Из воспоминаний полковника КГБ в отставке Карпа Карапетяна:

– Мы контактировали свою деятельность с Советом республики. Пришли к министру, бывшему полковником КГБ и сказали, что нам нужен список проституток и гомосексуалистов, чтобы использовать в служебном плане.

После получения списка и обработки потенциальных агентов, длинноногие девочки и плечистые юноши становятся часовыми любви, стоящими на изготовку подле гостиницы «Интурист». В советские времена гостиницы с такими названиями, наверняка имеющиеся во всех столицах союзных республик, работали *под крышей* КГБ. Та, которую курировал Карапетян, располагалась в столице Армении Ереване. Полковник КГБ в отставке уверен: его ребята провернули «одну из самых громких операций в истории мировой разведки», соблазнив в 1954 г. жену премьер-министра Норвегии. Однако подобных соблазнений – десятки в ряду никому **не** известных побед партийной разведки; тайные сотрудники этой спецслужбы воистину вершили мировую историю, в том числе и в постелях первых державных лиц Планеты. Но не станем отвлекаться на то, что даже чекистам кажется *выдумкой*…

Итак, когда для советских граждан секса просто не было, им активно занимались соответствующие органы, готовые обеспечить доступ к собственному телу ради государственной важности. Полковник КГБ в отставке Карп Карапетян рассказывал, как,

заполучив отряд постельных агентов, он самолично обустраивал ловушки для заезжих иностранцев, причем все номера были оборудованы по последнему слову шпионской техники. Вспомните: речь идет о середине 50-х гг. XX в.; сколько доверчивых иностранцев просыпалось в объятиях фигуристых агентесс и агентов, сколькие из них после бурной ночи готовы были сотрудничать с Советами?

И это при том, что иностранцев, приезжавших в СССР на работу (в командировку), инструктировали: *каждая вторая девушка, которая окажет вам внимание, завербована КГБ, остальные сотрудничают внештатно.* И ведь правду же говорили! Но разве могли простодушные иностранцы поверить, что какая-то там проститутка может серьезно интересовать органы?

Впрочем, спецслужбы не гнушались принуждать к работе все категории советских граждан. Не минула сия чаша и работников культуры: писателей, журналистов, художников, актеров, режиссеров и т. д. О попытках КГБ завербовать его открыто упоминал актер Александр Абдулов. Режиссер Андрон Кончаловский признавал, что ему были обещаны сотрудниками органов *золотые горы* в виде погон на плечи и должности директора «Совэкспортфильма». «Я неудавшийся Штирлиц», – признался актер Михаил Козаков, когда стало известно о его сотрудничестве с КГБ и неудачной вербовке им сотрудницы посольства США в СССР Кален Шварценбах. В 50-е годы Казаков, получив деньги на спецоперацию, провел в Сочи две недели, пребывая в роскоши вместе с молодой американкой. Но была ли это его единственной операцией на КГБ?

Чекистам Страны Советов **не** составляло труда формировать как отряды одиночек, так и группы постельных агентов из рядов граждан «великой и могучей» страны: благодаря неусыпному надзору над всем и вся, благодаря агитпропу и идеологии марксизма-ленинизма практически каждый советский гражданин рождался с геном *особой ответственности перед страной и верности коммунистической партии.* Так что вовлечение проституток в ряды гебистских агентов – задача из самых простых: «*Разведка наша – весь народ, /Враг не пройдет границы…»*

История 18. Вот тебе и «человек родился»…

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек,
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей.

Всюду жизнь привольно и широко,
Точно Волга полная, течет.
Молодым везде у нас дорога,
Старикам везде у нас почет…

«Песня о Родине» из к/ф «Цирк», сл. Василия Лебедева-Кумача, муз. Исаака Дунаевского

Советская система придумала множество скрытых компонентов для тотального контроля гражданина, начиная с младенческого возраста. И кто бы мог подумать, что такое чиновничье-бюрократическое понятие, как «актовая запись» вовсе не такое уж и простое. *Актовая запись* уже сама по себе предполагает, что это – служебный документ не для общего пользования. Попробуйте-ка сейчас прийти в соответствующий орган власти (загс) и попросить посмотреть актовую запись, касавшуюся вас лично и начавшуюся со времени вашего появления на свет. Дудки!

Вы все еще считаете, что только органы КГБ имели полную информацию о советском гражданине? Однако и те, кто был причастен к актовым записям, могли при случае манипулировать хранящимися у них сведениями.

Вот простой пример как эта сухая отметка жизненных вех повлияла на судьбу простого советского гражданина. Эту историю в одну из моих журналистских командировок рассказал мне случайный попутчик, под стук колес и всхрапывание спящего в купе пассажира припоминая былое.

– Однажды я также ехал в поезде, – снисходительно начал он, отставив стакан с остывающим недопитым чаем. – До моей станции оставалось дороги часа три. И вот на одной из остановок в наш вагон вошли пассажиры, один из них прошел и сел напротив. С виду человек казался очень озабоченным, и тяжело опустившись, сразу же уставился в одну точку на стекле, за которым проплывали поле, затем лес, в общем, обычные пейзажи хмурого дня. Затем он неожиданно спросил у меня: вам далеко ехать? – и еще не дождавшись ответа, сказал, что ему ехать недалече. Я посмотрел на часы, ответил что-то неопределенное, попутчик опять замолчал, а после грустно поделился: «А я вот еду в никуда, так, бегу от судьбы».

Его простая и правдивая история, наверное, типична для многих неудавшихся семей. В середине 60-х годов XX века Борис учился на 4-м курсе физико-математического факультета МГУ. Тогда же он встретился с первокурсницей Соней, учившейся на юридическом. Молодой человек потерял голову, и через полгода они поженились. На 4-м и 5-м курсе Соня одного за другим, родила двоих детей. По окончании юрфака жена получила назначение в небольшой подмосковный город, оба были родом из тех мест, и семья с малыми детьми переехала *на малую родину*. Борису повезло, он сразу устроился преподавать в техникуме.

Пока Соня училась, а он работал, содержа семью, особых проблем не было, к тому же молодым по-родственному помогали мать жены и одинокая тетка Бориса. Все неурядицы начались после того, как они поселились в квартире тещи, уже овдовевшей пенсионерки органов МВД, почти 30 лет прослужившей секретчицей. Борис не мог понять, отчего вдруг все постепенно идет кувырком, ведь он любил жену, детей, заботился о них. И это замечали вездесущие и всезнающие соседки. Даже работа преподавателя была ему по душе и проверка тетрадей, зачастую затягивавшаяся за полночь, не угнетала.

Кто-то сказал, что квартирный вопрос испортил людей; я бы добавил: вопрос денег становился неразрешимой преградой на пути взаимного человеческого счастья, к коему, как обещали, нас

всех *вел социализм и вожди партии*.

Как-то теща высказала зятю, что пора бы ему всерьез позаботиться о своей семье, ибо его зарплаты в 150 рублей явно недостаточно. Борис, недоумевая, ответил, что его жена получает 220 рублей, вот им и хватает… Его спокойствие вызвало неожиданный гнев пожилой женщины. «Соня должна жить в достойных условиях, – выказала свой приговор теща и хлопнула дверью, бросив напоследок: – Прежде всего, она моя дочь, а после уже тебе жена…» Борис понял, что влияние матери слишком сильно, и он проиграет, если станет предъявлять свои права на любимую женщину. К тому ж он не знал одного нюанса, секрета (а секреты в этой семье были обычным делом, исходя из опыта прежней работы супругов).

Соня, еще учась на 2-м курсе юрфака, была приглашена на беседу с уполномоченным оперативных органов, впрочем, – как и все остальные студенты юрфака. Надо сказать, в советское время 95 % студентов юридического факультета подвергались подобным «приглашениям» и приходили на встречи, где вербовались для работы на *органы*. Почему не 100 %, спросите вы? Все правильно, согласно психологии *«человека советской формации»*, 5 % сами, добровольно предлагали органам свои услуги.

Соня, считавшая себя весьма привлекательной и даже неотразимой, ничуть не испугавшись предложения, кокетливо спросила: а что будет, если я не захочу? Оперуполномоченный, также загадочно улыбаясь, отреагировал: в таком случае ты не сумеешь получить диплом юриста. Ироничная улыбка не сходила с его лица, и девушка поняла, что шутки тут неуместны и даже опасны. Впрочем, она слишком хорошо знала, куда поступала учиться, – ее мать сотрудник МВД, и с детских лет ей внушила, насколько важны знания в юриспруденции, важнее которых нет на свете, и какую ответственность она берет на себя, желая стать юристом. Кто-кто, а мать, прошедшая в молодости школу садистских методов, освоенных ею в 30—40-е годы во время работы, умела казаться безоговорочно правой. Помня все это, Соня тут же дала согласие на сотрудничество. И она так старалась за время учебы *оправдать доверие*, что по окончании вуза ей и было оказано *высокое доверие*: молодую женщину направили в один из архивов, связанных с судьбами и историями людей.

Мать Сони прекрасно знала, какая ответственная работа поручена ее дочери, и каким путем приходят в архив. Но главное: какую личную выгоду можно извлечь из этой рутинной на первый взгляд работы. И вскоре Соня уже не только с подсказки матери,

но и сама понимала, как важно знать свое окружение. Она настойчиво и кропотливо рылась в старых документах, изучая досье практически на каждого, кто так или иначе был причастен к ее жизни. Исключением не стал и отец их двоих малолетних детей Борис.

Однажды Соня обнаружила актовые записи о семье мужа, давно упокоившихся его отце и матери. К актовым записям прилагались документы, в которых скупо освещались многие тайные факты, спрятанные от глаз посторонних. Об отце говорилось, что, будучи красноармейцем, он погиб в конце 1943 года. Происходил из простых рабочих, но в одном месте в бумагах было записано, что дед его был зажиточным крестьянином. А это уже компромат: кулак или мироед, – как говорил основатель компартии и советского государства Ульянов-Бланк-Ленин, – был врагом советской власти. Эта информация показалась Соне малоинтересной. Однако, что касается сведений о свекрови, то они сразу привлекли ее внимание.

В 1933 году мать Бориса, тогда еще совсем юная девушка Валя, только что закончившая рабфак и ставшая комсомолкой, была направлена учетчиком в «Заготзерно». 30-е годы XX века – голодные годы упадка и бездолья; с продуктами было столь тяжело, что в некоторых регионах некогда богатой и привольной России и Украины впервые за всю историю их существования появилось… людоедство. Тот, 1933-й оказался не легче предыдущих. В семье комсомолки-учетчицы особо тяжко переносила голод бабушка по линии отца. Уж она-то, прожившая большую часть долгой жизни в сытости и благополучии как подданная Российской империи, хорошо знала цену советской власти и ее дешевым лозунгам. Однако, страшась репрессий, ради спокойствия близких, молчала, изнемогая и угасая на бескормице. Сердце юной Валентины не выдержало, она набрала маленький мешочек пшеницы, собираясь сделать кутью и порадовать старушку.

Но на проходной девушку задержали. Она так и не узнала, что ее «заложил» напарник Колька, которому она отказала в дружбе и близких отношениях. Между прочим, Валя искренне верила, что парень должен быть порядочным, коль заглядывается на нее с симпатией. Мешочек у нее изъяли, взвесили, оказалось, что *расхитительница социалистической собственности* украла аж 730 грамм. На следующий день Валю исключили из комсомола и передали дело следственным органам, а вскоре суд вынес ей срок: три года условной меры наказания с принудительным отбыванием в качестве рабочей «Заготзерно» и вычетом 20 % заработной платы в течение этих трех лет. Не самое суровое

наказание по советским меркам.

В тот же год умерла бабушка, а через несколько лет, в 1941-м, в канун войны тяжело заболела ее мать, так больше и не поднявшись на ноги. Но за это время Валя вышла замуж и родила дочь, которая умрет в 1943-й, тяжелый год военного лихолетья.

Городок, в котором она оказалась, эвакуировавшись после призыва мужа в армию, не был захвачен немцами. Там, в эвакуации, в 1942 году Валя родила Бориса. Как и всем труженицам, ей приходилось работать по 16–17 часов в сутки, так что на кормление ребенка бригадирша давала только по пять минут. И пока Валя была на работе, с мальчиком большей частью оставалась старшая дочь, также невеличка, приносившая младенца на кормление, а то, бывало, он и оставался подле станка.

Утомленная женщина дважды проспала подъем, что было зафиксировано в доносах. Как-то после смены она не смогла проснуться, и не выбежала тушить зажигалки, сброшенные немецкими самолетами. И это также нашло отражение в приложениях к актовой записи.

Того пайка, который получала Валентина, не хватало на троих; дочь чахла на глазах, превращаясь в тень с глубоко сидящими, потухающими глазенками. И физический уход из жизни был, в конце концов, избавлением от нечеловеческих ужасов, окружавших ребенка.

Не менее трудными были для Вали и послевоенные годы. Что также отражено в документах к актовой записи. Она знала, что ее муж погиб, и в 1949 году сошлась с фронтовиком, лишившимся обеих рук. Вскоре молодая женщина забеременела, но младенец родился мертвым. Василий – так звали нового мужа – все чаще после этого стал пить, и его нередко находили валявшегося в грязи около местной чайной. Валя приходила за ним, молча тащила домой, умывала, обстирывала, но калека не мог продержаться больше трех дней, и вновь уходил в жуткий и безысходный запой.

В очередной раз придя в поздний час к питейному заведению и окинув отрешенным взглядом тело мужа, лежащего на земле, она устало подняла его и, таща домой, понимала, что является объектом привычно наблюдающих за ней с презрительной горечью соседей. Притащив и положив Василия на пол в прихожей, она набрала в таз воды, и, приступая к туалету, вдруг поняла, что моет холодное, коченеющее тело. Возможно, он даже умер не вот-вот сейчас, а часа два или три назад, и она тащила домой мертвеца… Как в тумане Валентина сорвала остатки мужниной одежды, обмыла, а после нарядила в чистый дешевый

костюм, горько и тягуче подвывая при этом грустные, однообразные ноты.

После всех этих событий, нагроможденных одно на одно, сердце женщины словно замерло, казалось, никакие эмоции больше не способны ее преобразить, позвать к жизни, исполненной пусть тихой и меланхоличной, но радости. Она жила и действовала, будто на автомате. Все, чего Валентине хотелось от жизни, – это чтобы ее сын, ее любимый и единственный мальчик поступил в институт и получил высшее образование. Когда в 10-м классе Боря сказал матери, что будет поступать в МГУ, та всполошилось: ведь это же университет, все знают, что туда поступают только дети начальства…

Но сын оказался умен и напорист, и в начале сентября она получила письмо, что он стал студентом. Жгучие слезы хлынули из глаз, она впервые за много лет расчувствовалась, целуя письмо от сына и выплакивая в него свое бесконечное изнеможение.

А наутро Валентина не вышла на работу, правда, там ее никто не хватился. Лишь на третий день отсутствия мастер забеспокоился и послал ее товарку узнать, что да как… Нет, Валентина не заболела, она умерла сидя, скрючившись на стуле, опустив голову на стол, одной щекой прижимая письмо, на котором расплылись от влаги буквы. Такую картину застали напарница и участковый, которому довелось вскрывать дверь.

Срочно был вызван Борис, о случившемся оповестили и двоюродную сестру покойницы, одинокую тетку, жившую в соседнем районе. Валю тихо похоронили, двери дома заколотили, председатель сельсовета все принял по описи, Борис и тетка расписались в каком-то журнале, да и разъехались по своим делам…

С тех пор минуло не так уж много лет, Борис выучился, стал мужем и отцом двух девчушек. И все бы хорошо, но одного не мог он понять, почему участившиеся жестокие нападки тещи стала поддерживать его жена? Ухудшившаяся обстановка негативно сказывалась на детях. Те иногда занимали нейтральную позицию, иногда жалели отца, но чаще прислушивались к матери. И это стало раздражать Бориса, постепенно он чувствовал, что становится чужим для самых родных – своих детей.

И все же мужчина был буквально шокирован, когда пришла повестка, гласившая, что в такой-то день нужно явиться в суд для рассмотрения дела о расторжении брака. Подумав, Борис решил, что, учитывая интересы двоих детей, судья их не разведет, а посоветует уладить семейные проблемы мирным путем.

Но бывают же совпадения! – судью звали точно так же, как и его жену, Софьей Моисеевной; даже внешне она показалась

Борису знакомой, настолько походила на тещу. А, может, так в тот момент только чудилось?

Судья, без тени сомнения задала ему суровый вопрос:

– Кто вам дал право разрушать честную советскую семью пьянством и изменами жене?

От внезапного поставленного *в таком ключе* вопроса Борис буквально опешил, горло пересохло, острый кадык запрыгал на шее, и он не смог ничего ответить, издав лишь сдавленное сипение.

Однако ответы или оправдания никого не интересовали. Все тем же суровым голосом судья выдавала некие истины, принимаемые ответчиком за ахинею. Она гулко вещала, что его отец алкоголик (имея в виду отчима), а мать антиобщественная работница, имела судимость, вела безобразный образ жизни…

– Наверняка наследственность проявилась и в вас, молодой человек! Подумайте, какое воспитание вы можете дать вашим детям? – добивала она Бориса, враз ощутившего себя никчемным человеком, покорно пребывающим в неосязаемом и непонятном тумане.

В какой-то момент его сознание прояснилось и, подстегиваемый негодованием, мужчина покинул зал заседания. Следующие три дня прошли в неустанном верчении дел, за спешкой он не успел как следует осознать, что вообще с ними происходит.

Подстрекаемый тещей, он обратился в домоуправление с просьбой о выписке его из квартиры, а, получив выписку, прибежал в отдел кадров с заявлением. Но инспектор отдела кадров сказала, что согласно существующему положению, он должен отработать две недели. Услышав это, Борис, находящийся на грани срыва, влетел в кабинет директора, где стал нести несуразицу, крича на всех, заглядывающих в двери, словом, был неуправляем. Он опомнился лишь когда увидел прямо перед собой женщину-кадровика, протягивающую ему трудовую книжку.

– Вы уволены, уходите.

Понятно, что полученный расчет позволит ему какое-то недолгое время жить, подыскивать работу и пристанище… из этих денег Борис и купил билет до станции, где жила его старая тетка.

Теперь понимаешь, с каким настроением он вошел в вагон и сел напротив? – спросил меня попутчик и, взглянув на стакан в затертом железном подстаканнике с символикой железной дороги, сам уставился в невидимую точку на стекле, за которой мелькали пейзажи родины.

Лишь отходя ко сну, через несколько проведенных в той же

вагонной тесноте часов, он подытожил:

– Вот тебе и «человек родился». Актовая запись о рождении не бывает сама по себе. К актовым записям советские люди всегда прикладывали доносы. На актовых записях ставились значки и формулы, разобрать которые могли лишь специалисты, те, кто работает с этими бумагами. А как думаешь, сейчас такая же система?

И, не дожидаясь никакого ответа, отвернулся к подрагивающей в такт колесного перестука перегородке.

История 19. «Того лучшего, к чему мы стремились, нет…»

Хор версальский
Мы – владельцы ренты.
Хор парижский
Ваши квартиранты мы, мы – рабочий класс.
Хор версальский
Нет, вы – коммунисты, воры, инсургенты…
Хор парижский
Вы ж – эксплуататоры обнищавших масс.
Хор версальский
Мы не виноваты, если вы фортуною
Несколько обижены… божья воля тут.
Хор парижский
Нет, пускай обсудится городской коммуною
Все, как капитал заедает тяжкий труд.
Пусть решит сомнения голос всей столицы.
Хор версальский
Голос массы уличной? Это пустяки!
Вас в Париже тысячи, нас же единицы…
Хор парижский
Ну так пусть все прения порешат штыки.

*Поэт «Искры» Василий Богданов, ***, 1871*

В перестроечную эпоху Горбачева в конце 80-х годов XX века в двухкомнатной московской квартире одиноко доживала век бывшая инструктор Хамовнического райкома партии. Еще со

времен Гражданской войны верно служила она партии, мобилизуя *по призыву Ильича* людей на борьбу с Деникиным, Врангелем, формировала рабочие отряды, комсомольцев. В общем, отправляла несметное количество одураченных страхом и пропагандой людей на бойню. Сначала – на бойню, на смерть, а потом – на комсомольские стройки, на освоение новых земель и т. д. Жила словно всю жизнь не на службе, а на войне.

Однако, несмотря на все старания и беззаветную, рабскую преданность идеям социализма-коммунизма, она не пробилась выше, и, как была в 1919 году инструктором, так и ушла в 60 или в 65 лет на пенсию инструктором райкома партии. Ее уже никто и не держал на месте, но она приходила за зарплатой, да все пыталась доказывать, какая она честная настоящая коммунистка, и как нужна окружающим молодым коммунистам ее верная подсказка. *«Вегной догогой идете, товагищи»*, – молча поддерживал ее каждый приход бронзовый площадный стоялец с протянутой рукой на райкомовском пятачке, которому поклонялась старая женщина, как идолу. Ей казалось, что Владимир Ильич одобряет все ее поступки, и потому проходя каждый раз мимо него, бросала на бронзового истукана суровый значительный, словно заговорщицкий, взгляд.

Эта женщина, знавшая не так мужчин, как партийные догматы, жила неподалеку от своего райкома, в доме партийной элиты района; рядом находилось здание, некогда называвшееся домом политкаторжан. Уже при Горбачеве его реставрировали, сделали там шикарные двухуровневые квартиры, отделанные в евростиле. И как раз в это смутное перестроечное время из-за границы вернулась старая коммунистка, сотрудница Коминтерна. Старушке уже было под 90, из них более 60 лет она прожила за границей. Она прошла всю Европу, много работала, и, естественно, при всем фанатизме коммунистических идей у нее сформировалось несколько иное мировоззрение, чем у коммунисток, всю жизнь проведших в пределах Советского Союза. Эта профессионалка партийной разведки видала прельстительную жизнь высокой политической элиты других стран, побывала в постелях известных политиков; она носила в себе самые тайные секреты мужчин избранного круга. В общем, ее полная опасностей многоликая жизнь была во многом похожа на жизнь других успешных сотрудниц Коминтерна, одной из которых была и удивительная Анжелика Балабанова (тайну жизни и смерти этой уникальной разведчицы еще никто из отечественных историков **не** открыл! Хотя вряд ли кто в ближайшие десятилетия получит доступ к настоящим архивам, касающимся жизни этой женщины…)

Итак, наша старушка-героиня вернулась на Родину, и даже очутившись в другой среде, как-то не шибко общалась со старыми большевичками. Вернее сказать, жила замкнуто, наслаждаясь тишиной и покоем; в погожие дни любила провести несколько часов на скамейке в близлежащем скверике за чтением французских книг.

Но в смутные времена в стране всегда бродят смутные толпы, наполненные праведным гневом и массой горячих идей. Вот и в этот год в Москве возникло поветрие проходить маршем. Истосковавшиеся по стройным колоннам времен обязательных советских праздников люди собирались на стихийные (чаще – это хорошо спланированные) митинги, взвивали ввысь флаги и транспаранты, кричали: «Давай Ленина! Давай революцию!», а то и просто, нацепив красные банты, гремели кастрюлями и возмущались, что в стране не перестройка, а бардак. Часто в подобных шествиях принимала участие и бывшая инструктор Хамовнического райкома партии; и вновь, как когда-то была она в первых рядах *борцов за светлое будущее*.

Как-то престарелая инструкторша, возвращаясь с такой демонстрации домой, увидела свою коллегу, профессиональную партийную разведчицу. Сидела старушка себе на скамеечке и читала Бальзака, причем читала его на языке оригинала. Она владела несколькими языками, но французские классики навевали приятные воспоминания и давали приятное отдохновение сердцу и уму. Еще поглощенная чтением, она не сразу среагировала, чего хочет от нее набросившаяся с бранью пожилая женщина. А та, увидев в чужих руках иностранную книгу, громко, привлекая внимание редких прохожих, выплескивала свой праведный гнев:

– Как, ты старая коммунистка, а читаешь буржуазные книги! Совести у тебя нет! Как ты можешь читать такое, когда мы, старые коммунисты, активно участвуем в жизни партии! Наши силы нужны стране! А ты… ты…

Старушка попыталась убедить коллегу не воспринимать все так близко к сердцу, обращалась к ней вежливо на «вы», не затрагивая партийных убеждений, доказывала, что митинги с убедительными речами, на которых они часто выступали в юности, для них, старых женщин, не стиль и не способ жизни. «Мы с вами уже старые, – мягко убеждала «иностранка», – нам бы позаботиться о здоровье, получить путевку, отдохнуть в Подмосковье». Но яростная инструкторша, кричащая в лицо товарке: «Ты не имеешь совести! Таких надо гнать из нашей партии!» не воспринимала никаких разумных доводов.

Дискуссия и спор в сквере ни к чему не привели; две

женщины не понимали друг друга.

Мучимая ненавистью к нововыявленному *«врагу партии»*, бывшая инструктор решила применить старый испытанный способ. Расстрельной власти у нее не было, однако – она была в этом искренне уверена! – партия наделила ее властью самосуда. Собрав, как полагалось некогда, партийную тройку, обговорив с коллегами все детали предстоящей операции, три старые коммунистки заявились к «иностранке» домой. Их целью было пристыдить старушку и… исключить ее из рядов *славной ленинской партии*, отобрав партбилет.

Все эти бабки, намертво изнасилованные Компартией, полагали, что ведут себя *по-коммунистически*.

Они вели с ней переговоры, затем в пылу партийного суда в приказном порядке потребовали сдать партбилет. На что та, – вот школа и выдержка! – спокойно и подчеркнуто вежливо ответила:

– Я у вас партбилет не получала, и вы по Уставу не имеете оснований меня исключать. А то, что я не участвую в деятельности какой-либо партийной организации, так в этом ничего удивительного нет. На любом партийном собрании я могу сказать: товарищи, мне далеко за 80 лет, какой я общественник? – партвзносы плачу, и слава Ленину.

В те годы еще были местные партийные организации, члены которых платили взносы. Когда пожилая разведчица вернулась из-за границы, ее прикрепили к жэсовской парторганизации, и, изымая взносы, исправно ставили штампик в партбилет. Больше женщину никто не дергал и не тревожил по поводу партийной ответственности и обязанности служить Родине дальше… Она заслужила свой отдых неправедным трудом во имя процветания идей коммунизма; а на самом деле – во имя иных целей, служа тем, кто снимал жирные сливки как в виде денежных потоков, так и в виде политического влияния на те или иные мировые структуры;

Так что идеология, лозунги и сама партия – всего лишь прикрытие чьих-то истинных целей.

В тот раз три *честные коммунистки* ушли *не солоно хлебавши*; громко возмущаясь и тревожа соседей, они спустились в лифте в тенистый двор, где еще долго стояли, что-то крича и жестикулируя. Но на этом «походы просвещенных» не закончились. В очередное посещение бывшая инструктор так «достала» старенькую разведчицу, что та уже не знала куда деваться от идейного возмущения посетительницы. А инструкторша на сей раз принесла некие старые потрепанные брошюрки, и, тыча их в лицо хозяйке квартиры, убеждала внимательно перечитать рекомендации «Как вернуться на

истинный путь в партию, если ты однажды оступился»; свято сбереженная макулатура была издана еще в… 1919 году!

Это было последней каплей; хозяйка скованно улыбнулась и вежливо пригласила нежеланную гостью пройти из коридора, где они до этого стояли, в гостиную. «Будьте любезны, заходите», – показала в глубь квартиры изящным жестом сухонькой руки. А когда ее мучительница оказалась посреди большой комнаты, она достала аккуратный, похожий на игрушку, дамский пистолет и просто… застрелила психически больную идеями коммунизма инструкторшу.

Ей хватило одного выстрела из дарственного оружия довоенных времен, которое она никогда не использовала. Пистолет был дамский, на два патрона, с выгравированной надписью: *«Товарищу по борьбе. А. Н. Поскребышев»*.

Отложив пистолет, женщина позвонила в прокуратуру. И так как ей было за 80 лет, аресту и взятию под стражу она не подлежала. Ей посоветовали взять адвоката. Старушка-разведчица написала письмо в Комитет партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС. Мне говорил человек, лично читавший это письмо, но умышленно не назвавший имя этой бывшей сотрудницы Коминтерна, что там было всего несколько строчек, завершаемых выводом: «К сожалению, того лучшего, к чему мы стремились, нет».

Прокуратура Москвы освободила старую представительницу *ленинской гвардии* от всякой ответственности. К материалам дела была приложена справка, что на тот роковой момент женщина потеряла рассудок. Так что ее никто никуда не поместил, за решетку не закрыл, так и осталась она жить в своей большой квартире улучшенной планировки в элитном районе Москвы.

– Она была сотрудницей *нашего аппарата*, – говорил мой собеседник. – Я смотрел бумаги, она была уверена, что уже не может заниматься активной деятельностью, вот и вернулась. Кому она служила? Она думала: ЦК партии, – абстрактно, правда? И даже не подозревала о существовании нашей организации – **партийной разведки**. Я мало что знаю о ее работе за границей, потому что не запрашивал ее архивное дело, просто смотрел бумаги, где были указаны время ее работы и результативность операций. Ей приходилось быть любовницей высокопоставленных политических деятелей. Уникальная женщина, уникальная судьба. Я представляю, если бы в эти годы вернулась в СССР Анжелика Балабанова, она бы ужаснулась собственной страны. Она жила в Италии во дворцах, бывала на светских приемах, ездила по всему свету, была состоятельной, эрудированной,

начитанной женщиной. Как и та, вернувшаяся в Москву конца 80-х разведчица. Пребывание в среде формирует не только внешний облик, но и внутреннее состояние человека, особенно женщины. Меняется ее характер, мировоззрение и она перестает понимать, что делают здесь пламенные коммунистки, кажущиеся ей допотопными, грубыми дикарками. К счастью, разведчица Балабанова не имела возможности увидеть ***эту*** страну; уже давно она была *на том свете*.

Мой собеседник помолчал, и, сложив ладони в привычном и понятном ему жесте, поднял их к лицу. Затем, резко разняв руки, добавил:

– Да, письмо, написанное старушкой и поступившее в КПК, попало затем к нам. А вскоре она умерла. Вместо килограммов 60, как она должна была весить, ее вес был вполовину меньше; нет, это не болезнь, ее диагноз – старость и дряхлость. Коренная москвичка, она и упокоилась в своем городе.

Вот судьбы двух почти сверстниц, начинавших свой революционный путь до 1917 года. Одна попала работать в Коминтерн, вторая – на партийную работу *на местах*. Жизнь, проведенная в вечной борьбе за химеричные идеалы; за единогласную услужливость широких трудящихся масс идеям коммунизма; за единомыслие и отрешенность от личностного во имя беззаветного служения *партии*.

…до сих пор еще живы партийные психопатки, уверовавшие, что их предали пришедшие на политический Олимп властители. И даже если им попытаться объяснить, как, в силу каких обстоятельств, на чьи деньги и по чьему волеизъявлению на русской благодатной земле появился социализм, они **не** поймут. Или **не** услышат. Они отучены слышать, они не могут слушать, потому что с младых лет привыкли, чтобы все вокруг внимали только их бредовым идеям, только их горячечным словам, только перед ними, облаченными партийной властью, пресмыкались и заискивали. Но если вдруг они все же услышат, то никогда… никогда… никогда **не** простят вам этой правды.

– Яркий пример приятия смертельного, пагубного опыта извне – марксизм и все страшные последствия в XX веке этого навязанного нам эксперимента, – посетовал в одном из интервью архимандрит Тихон (Шевкунов). Но кто из старых партийных кадров воистину сможет понять о чем эти слова?!

Послесловие. Клары Цеткин, 13

Пролетарская революция, разрушив веру в царя (как гаранта стабильности), в Бога (основы духовности), семью (основы взаимоотношений мужчины и женщины), любовь (основы целомудрия), ничего **не** дала взамен более ценного, поэтому и оставалась в душах людей жуткая пустота, оттого и творили они все растленные преступления тела и духа. Пустота опустошения заполнялась развратом и безысходностью, прикрываемой звучными лозунгами о построении ***коммунистического никогда***.

На всех этапах становления и развития советское государство меняло отношение к женщине. Когда требовались рабы для укрепления большевистских завоеваний, Советы «раскрепощали» женщин. Нужно было оторвать женщину от семьи, – коммунистическая партия делала из женщин «выдвиженок» (назначая на руководящие посты порой самых темных и забитых), кандидаток, членов всевозможных женсоветов, парткружков и ячеек. Понадобилась мощная сила для поднятия экономики, для экономического прорыва «догнать и перегнать» других, власть придумала соцсоревнования, назначая в передовики самых усердных тружениц, награждая их липовыми грамотами и копеечными медалями и орденами. Нужно было пушечное мясо для мировой революции – сразу возвеличили роль женщины-матери, труженицы и роженицы, запретив ей делать аборты и разводиться. Нужны были защитники для удержания власти – из женщин сделали *мужественных бойцов*. И вновь, когда «труд на благо Отечества» стал в первый ряд необходимых преобразований, женщины вынуждены были пахать *за себя и за того парня.*

Уже на стыке столетий, на стыке XX и XXI веков, когда Советский Союз, разъедаемый внутренними болячками, рушился под мощным натиском *извне*, новый (и последний) глава советского государства коммунист Михаил Горбачев запустил тезис о необходимости возвращения женщины в семью, возвращения ей ее первоначального природного предназначения, а, следовательно, – восстановления исторической справедливости. Но, как всегда, прямые наследники большевиков – коммунисты – прикрыли красивым лозунгом свою эксплуататорскую сущность; ведь истинными и беспощадными эксплуататорами человека были именно коммунисты, насаждавшие так называемую советскую власть.

Но в чем подвох тезиса, запущенного Горбачевым? То, что женщину следует вернуть в семью, и тем самым как бы вернуть

долг, который она заплатила своему государству, – вдруг стало понятно всем гражданам СССР. И они охотно дискутировали: что от засилья женщин на производстве страдает в первую очередь, семья, да и производство вполне может обойтись без женской силы; говорили, что от тщеславия женщин, делающих карьеру хоть в экономике, хоть в политике, страдают оставленные дома дети. Партии вновь понадобилась женщина-мать; даже в годы краха власть использовала женскую составляющую общества, где всеми и всегда правили только мужчины.

Оказалось, что новый тезис помогал… расчищать рынок труда! Ведь аналитики понимали, что грядет безработица. В конце 1980-х – начале 90-х годов XX в. 80 % сокращаемых с предприятий работников были женщинами. Как правильно кто-то подметил: у безработицы тогда было женское лицо. И вновь идеологическая ловушка захлопнулась, обрекая представительниц прекрасного пола на самостоятельное выживание и выкарабкивание из проблем, в которые ее по традиции засадила компартия и советская власть.

И неудивительно, что одним из путей выживания стала массовая проституция бывших советских гражданок; по ленинским местам отправились торгующие своими телами представительницы построенного и рухнувшего большевистского государства.

В современном обществе, где по-прежнему правят мужчины (рожденные в СССР), широко рекламируется идея *демократизации*. Что дает эта идея женщине? Дает новые приоритеты: безыдейную сексуальную раскрепощенность; дегенеративную гламурность; пустое потребительство; извращенную слабость мышления на грани с тупоумием и в то же время – полную самостоятельность, когда *каждый отвечает сам за себя*… Мужчины на постсоветском пространстве отвечать за избранниц отучены; возможно, навсегда.

При более близком и внимательном рассмотрении создается впечатление, что у руля советской власти и различных властных структур государства чаще всего находились психически ненормальные люди. Чья психика была настроена на изворотливость, разрушение и ложь; негатив, царивший в головах большевиков, отразился на тех, кто вынужден был жить под красным игом.

…В одном из крымских городов на улице имени немецкой еврейки-коммунистки Клары Цеткин, в доме 13 располагалась психиатрическая больница. В этом – вся символика советского строя, его отношения к человеку и превращение человека разумного в пациента дома недоумков. Конечно, можно сменить

название, сменить вывеску, можно поменять свое отношение к идеалам и символам прошлого и даже к Истории вообще.

Но на поверку оказывается, что легче поменять отношение к символам, чем отношение к Женщине.

notes

Примечания

1

Моя милая (*фр.*)

2

Какое изящество (*фр.*)

3

Парикмахер (*фр.*)

4

Героиня блоковской Незнакомки – дама легкого поведения, выехавшая на отхожий промысел в дачные Озерки, что прекрасно понимали читатели, современники поэта. После появления стихотворения многие уличные женщины, представляясь клиентам, называли себя Незнакомками. – *Авт.*